

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. П. ОГАРЁВА»

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

VIII СУХАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 90-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. И. СУХАРЕВА

САРАНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2022

УДК 316.334.52
ББК С5
Р 765

Редакционная коллегия:

*П. В. Сенин (председатель), С. В. Полутин, О. А. Богатова, Т. М. Дадаева,
Н. В. Шумкова, Е. И. Долгаева, Л. Н. Курышова, М. Ю. Бареев, К. В. Фофанова,
А. А. Антипова, Е. В. Камышова*

Ответственный редактор **С. В. Полутин**

Российское общество в региональном измерении :
Р 765 VIII Сухаревские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф.,
посвящ. 90-летию со дня рождения А. И. Сухарева / редкол.:
П. В. Сенин (пред.) ; отв. ред. С. В. Полутин. – Саранск : Изд-во
Мордов. ун-та, 2022.
ISBN 978-5-7103-4302-9

Сборник содержит материалы докладов и выступлений, представленных на Всероссийскую научно-практическую конференцию, посвященную 90-летию со дня рождения профессора А. И. Сухарева. Темой очередных Сухаревских чтений стали сложные процессы социальной трансформации, характерные для российских регионов – субъектов РФ. В конференции приняли участие ученые социологи, экономисты, политологи, регионоведы, социальные работники, преподаватели образовательных учреждений, представители органов власти из различных регионов Российской Федерации.

Издание адресовано ученым, студентам и аспирантам, работникам органов управления и всем, кто изучает проблемы региональной политики в Российской Федерации.

Научное издание

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

VIII СУХАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения А. И. Сухарева**

*Публикуется в авторской редакции в соответствии
с представленным оригинал-макетом*

Издательство Мордовского университета
430005, г. Саранск, ул. Советская, 24

ISBN 978-5-7103-4302-9

© Коллектив авторов, 2022
© ФГБОУ ВО «МГУ
им. Н. П. Огарёва», 2022
© Оформление. Издательство
Мордовского университета, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

**Сидоркина В. М. АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ СУХАРЕВ – РУКОВОДИТЕЛЬ,
УЧЕНЫЙ, УЧИТЕЛЬ**

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА А. И. СУХАРЕВА И СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

**Балашов А. А. ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА ОСНОВНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ**

**Бареев М. Ю., Кажаяева А. А. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
МОЛОДОЙ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**Буянкин Д. С. МЕДИАПРЕДПОЧТЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ
(НА ПРИМЕРЕ КАБЕЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ)**

**Буянкина О. В. УСТАНОВКИ СТУДЕНТОВ, КАСАЮЩИЕСЯ МЕЖНАЦИО-
НАЛЬНЫХ БРАКОВ (НА ПРИМЕРЕ МГУ им. Н. П. ОГАРЁВА)**

**Дадаева Т. М., Чуликова И. Р. ОТНОШЕНИЕ К ГЕНДЕРНОМУ НЕРАВЕНСТВУ В
МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

**Дадаева Т. М., Юдин П. В. ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ПОКОЛЕНИЙ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ПОДХОДЫ**

**Докторова Е. Б., Захарова И. В. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ**

**Долгаева Е. И., Глуха Е. А. ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА ЛЯМБИРЬ**

**Касаткина Н. П., Гришина Е. В. МОТИВАЦИЯ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ
РАБОТОЙ ЗАНЯТЫХ В DIGITAL-СФЕРЕ**

**Кеметькина О. А., Маторкина Т. Г. ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ РОССИЙСКИХ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ МГУ ИМ. Н. П. ОГАРЁВА)**

Маторкина Т. Г. СОВРЕМЕННОЕ НАРОДНОЕ ЦЕЛИТЕЛЬСТВО

**Миронова О. Н., Черкасова Т. В. КОНТЕКСТНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК МЕТОД
ПОДДЕРЖАНИЯ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ У ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ**

**Рябова Е. Ю., Шмаркова А. В. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ
ШКОЛЬНИКОВ г. САРАНСКА**

Сименюк А. О. КУЛЬТУРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

**Шмаркова А. В. КАЧЕСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ
ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ**

Шумкова Н. В., Нагаева Т. В. ФАКТОРЫ САМООРГАНИЗАЦИИ ГОРОДСКИХ СОСЕДСКИХ СООБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ МНОГОЭТАЖНЫХ ДОМОВ г. САРАНСКА)

Шумкова Н. В., Яманов Д. А. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО О ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ПРОФЕССИИ СОЦИОЛОГА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНА

Агишев Р. Р. ВЗГЛЯД НА КОРРУПЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЫ КОРРУПЦИИ С. ХАНТИНГТОНА

Бахлов И. В. ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ПОНЯТИЕ И СООТНОШЕНИЕ

Бахлова О. В., Уляшкина Е. Г. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БИЗНЕС-СТРУКТУР РОССИИ И БЕЛАРУСИ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Грошева Л. И., Грошев И. Л., Грошева И. А. СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА РЕГИОНАЛЬНЫМ МОЛОДЕЖНЫМ БИЗНЕС-СООБЩЕСТВОМ

Давыдов Д. В. ПРИГОРОДНЫЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ: ПАССАЖИРОПОТОК МАРШРУТОВ

Иншаков В. А., Максимова Л. Ю. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СПОСОБОВ ПОЛУЧЕНИЯ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Карцева А. К. О НЕОБХОДИМОСТИ УКРЕПЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Кирдяшкина Т. И. РЫНОК ТРУДА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ДИНАМИКА СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Курмышкина О.Н. ОТХОДНИЧЕСТВО В РЕГИОНЕ КАК ОСОБЫЙ ВИД ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Курышова Л. Н. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАССЛОЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА

Лазарева Е. Н. РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ БАНКОВ В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ

Ламскова Н. Н. КОНСТРУИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ НА ПОЛЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Лимкина Н. А. ДЕЛОВАЯ КОРРУПЦИЯ: ЧТО ДЕЛАТЬ?

Липатова Л. Н., Пруель Н. А. ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНОГО ДОЛГА: ПРИЧИНЫ ОБОСТРЕНИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Маскаева Е. Н. ОЦЕНКА УРОВНЯ ДОВЕРИЯ НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВИИ ПЕЧАТНЫМ СМИ

Маслова О. А., Виденин А. А., Пятин В. Ф. COVID-19 И ZOOM: ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ СТЕРЕОТИПА ПОВСЕДНЕВНОЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ОНЛАЙН FACE-TO-FACE КОММУНИКАЦИИ

Миничкина В. П. РОЛЬ РЕГИОНОЛОГИИ В СОЗДАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА С СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Тарандо Е. Е., Градусова В. Н. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Толкунов В. А. О ПРИОРИТЕТАХ И НЕОБХОДИМОСТИ УСИЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Яськин А. Н. СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ

Автайкина Л. А. РОДИТЕЛЬСКОЕ СООБЩЕСТВО ОБ УСЛОВИЯХ ПРЕБЫВАНИЯ ДЕТЕЙ В ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Азисова Н. Н., Минеева И. В. РЕГИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Антипова А. А. ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В УСЛОВИЯХ COVID-19 КАК АКТУАЛЬНАЯ ЗАДАЧА ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕГИОНЕ

Вишнякова Н. А. КАЗАЧЕСТВО В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Ивашкина Н. В. ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ РАБОТЫ И ПОДГОТОВКИ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЭКЗАМЕНАМ В 9–11-х КЛАССАХ В ОЦЕНКАХ РОДИТЕЛЕЙ

Камышова Е. В. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Касаркина Е. Н. ПОТРЕБНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

Лезина Е. Г. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЮ

Мананникова Ю. В. НЕЗАВИСИМАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МНЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Мухаметзянова А. Р. ОТНОШЕНИЕ К ИНВАЛИДАМ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ: 15 ЛЕТ СПУСТЯ

Панькова Е. Г., Соловьева Т. В., Бистяйкина Д. А. УКРЕПЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ КАК ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Полутин С. В., Подмарев М. М. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СТИГМАТИЗАЦИИ БОЛЬНЫХ ЭПИЛЕПСИЕЙ

Ушкин С. Г. НОРМЫ ПРАВА, МОРАЛИ И РЕЛИГИИ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ

Федосеева М. В. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Шалаев В. П. ДЕФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ: СИТУАЦИЯ С УНИВЕРСИТЕТАМИ И НАУКОЙ

Щербинкина Е. В. УКРЕПЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Щукина Н. П. СЛОЖИВШИЕСЯ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА УСЛОВИЙ ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РЕГИОНОВ И ГОРОДОВ

Белкин А. И., Чашина Ж. В. ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕГРИРУЮЩЕ-ДЕЗИНТЕГРИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ РЕЛИГИИ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Богатова О. А. ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И СТОЛИЧНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ г. САРАНСКА

Калачина О. С. ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОСТОЯНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

Козин В. В. МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕГИОНЕ

Нежданов В. А. АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ САРАНСКО-РУЗАЕВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Низамова Л. Р. ПРЕПОДАВАНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ В РЕСПУБЛИКАХ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Нурутдинова А. Н. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДВУЯЗЫЧИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Мотькин В. Н. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ В ОТНОШЕНИИ КАЗАЧЬЕГО ДВИЖЕНИЯ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Мухамедов Р. А., Кильдюшкина И. Г. БОЛГАРСКО-ГРЕЧЕСКОЕ СКОПЧЕСТВО: К ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА РАСКОЛЬНИКОВ «АЛАТЫРСКИЙ КОРАБЛЬ»

Пакшина И. А. ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА: ЛИДЕРЫ РЕЙТИНГА И АНТИРЕЙТИНГА МЕДИАРЕСУРСОВ РЕГИОНА

Санникова О. В. ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА

СОЦИОЗАЩИТНАЯ ФУНКЦИЯ ВУЗА (К 90-летию МГУ им. Н. П. ОГАРЁВА)

Антипова А. А., Касаркина Е. Н. КУРАТОР КАК СУБЪЕКТ СОЦИОЗАЩИТНОЙ ФУНКЦИИ ВУЗА

Бистяйкина Д. А. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СОЦИОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА

Ермилова А. В. ВУЗ КАК СУБЪЕКТ, СПОСОБСТВУЮЩИЙ ИНТЕГРАЦИИ СТУДЕНТОВ В ТРУДОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ПРОФИЛЮ ОБРАЗОВАНИЯ И ЭФФЕКТИВНОЙ АДАПТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА» НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

Житенев Т. Е., Лемешева Е. М. РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИОЗАЩИТНОЙ ФУНКЦИИ ВУЗОВ В РАМКАХ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Замараева З. П. РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВУЗА КАК СОЦИОЗАЩИТНОГО ИНСТИТУТА

Камышова Е. В., Булдыжова В. Н. СТУДЕНТЫ КАК ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ОБЪЕКТ СОЦИОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА

Камышова Е. В., Голованова М. В. СОЦИАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТУДЕНТОВ-СИРОТ КАК УСЛОВИЕ ИХ АДАПТАЦИИ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

Касаркина Е. Н., Ляуткина И. С. ВУЗ КАК СУБЪЕКТ ПОМОЩИ МАЛОИМУЩИМ СТУДЕНТАМ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Левкина Н. И. СОЦИОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТДЕЛА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ИНКЛЮЗИВНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ МГУ им. Н. П. ОГАРЁВА

Моздокова Ю. С. СИСТЕМА СОЦИОЗАЩИТНЫХ МЕР В СПОРТИВНОМ ВУЗЕ

Моздокова Ю. С. СПОРТИВНЫЙ ВУЗ КАК СУБЪЕКТ ЗАЩИТЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Панькова Е. Г. СОЦИОЗАЩИТНЫЕ ФУНКЦИИ ВУЗА В ОТНОШЕНИИ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Панькова Е. Г., Захаркина Н. В., Чучаева Л. С. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СТУДЕНТОВ-ИНВАЛИДОВ В ВУЗЕ

Рябова Е. Н. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЦИОЗАЩИТНОЙ ФУНКЦИИ ВУЗА

Сергушина О. В., Родионова Д. А. ЦЕНТР РАЗВИТИЯ КАРЬЕРЫ МГУ им. Н. П. ОГАРЁВА КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СТУДЕНТОВ

Соловьева Т. В. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВУЗАХ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ КАК ФАКТОРА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Шацков П. А. РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИОЗАЩИТНОЙ ФУНКЦИИ ВУЗА НА ПРИМЕРЕ БАЛАШОВСКОГО ИНСТИТУТА (ФИЛИАЛА) ФГБОУ ВО «САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ СУХАРЕВ – РУКОВОДИТЕЛЬ, УЧЕНЫЙ, УЧИТЕЛЬ

В. М. Сидоркина, канд. филос. наук

Александр Иванович Сухарев был невероятно яркой личностью. Память о нем продолжает, как свет далекой звезды, привлекать нас и спустя годы после его смерти. Он был очень талантлив в науке, в управлении, в построении отношений с людьми. И люди, в первую очередь молодежь и его ровесники, тянулись к нему. Почему?

Мне кажется, прежде всего потому, что ему было свойственно новаторство. Он искал новое в опыте других людей, других вузов, коллективов, предприятий. Он сам продуцировал новые идеи, подхватывал без ложных амбиций, если их высказывал кто-то другой. Примеров множество. Так, едва приехав в Мордовский университет в 1968 году, он добивается введения в учебные планы историков специализации по социологии, читает курс «Методы социологических исследований», вместе со студентами разрабатывает анкету «Сто вопросов студенту», проводит силами студентов опросы. Потом дипломные работы, а после окончания вуза распределение социологами на предприятия Саранска. Для многих это распределение стало судьбой. Точно так же уже в 1990-е годы Александр Иванович добился создания специальности «Социология», соответствующей кафедры, а затем аспирантуры, сформировал диссертационный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по социологии. В общем, совершенно закономерно мы называем его родоначальником социологии в Мордовии.

Инновационность, по нашему мнению, вообще была специфической чертой, одной из граней его стиля руководства. Поэтому нам было интересно с ним работать. Непросто, но увлекательно. Одной из первых идей стали философские теоретические семинары для преподавателей общественных наук, призванные расширять кругозор ученых разных специальностей. Вообще на протяжении всей своей деятельности в университете как в качестве ректора, так и затем в качестве директора НИИ регионологии Александр Иванович постоянно расширял научную, учебную и производственную инфраструктуру, понимая их значение в повышении качества исследований, образования, получения навыков и компетенций. Поставив весьма амбициозную задачу сделать Мордовский государственный университет одним из ведущих вузов СССР, он обеспечил заметный рывок не только в наращивании его материальной базы, но и в научном плане. Университет стал головным вузом федеральной программы «Нечерноземье», одним из ведущих по проблемам образования. Были проведены масштабные исследования социально-экономических проблем трудового коллектива на примере завода «Электровыпрямитель» и сельского района на примере Ромодановского района Мордовии. Исследования получили высокую государственную оценку.

А разве не новаторством была реализация лозунга: «Свой вуз строим своими руками!»? Эти стройки новых корпусов, общежитий стали производственной площадкой, школой труда и жизни не для одного поколения студентов. Причем не только студентов-строителей и механизаторов, но и всех стройотрядовцев.

На новую, более высокую ступень поднялась студенческая самодеятельность после того, как с ребятами в процессе подготовки концертов (в том числе «Студенческой весны») стали работать профессиональные режиссеры, хореографы, вокалисты, после того как были созданы университетский академический хор и оркестр. Я не раз сталкивалась уже за пределами Мордовии (на конференциях, в институтах повышения квалификации преподавателей) с учеными из других городов, побывавшими в нашем университете. И всегда мне говорили о незабываемом впечатлении от организации конференций, культурной программы и о впечатлении, которое произвел на них Александр Иванович Сухарев.

Разумеется, Александр Иванович был человеком своего времени, руководителем, культура которого была сформирована этим временем, как, впрочем, и всех, кто его окружал. Не случайно его девизом было: «Прежде думай о Родине, а потом о себе». Главным было дело на благо общества. Добиваясь, чтобы все, что нужно сделать, было сделано и сделано хорошо, он мог быть жестким. Однако, если мог помочь человеку, тоже делал все возможное и невозможное. Скольким людям помог получить жилье, место в детском саду, необходимую и сверхнеобходимую медицинскую помощь!

Александр Иванович не любил отдыхать, ничегонеделание было для него просто мучительно. И другим он тоже не давал возможности расслабиться. Зато и сделано было за 20 с лишним лет много: новые корпуса университета, общежитий, здание НИИ регионологии (которое строилось в начале 1990-х годов, когда в городе вообще ничего не строилось), новые факультеты и специальности, новые лаборатории и диссертационные советы.

Александр Иванович был не только талантливым управленцем, но и блестящим ученым. Начав с частных проблем социальной структуры общества, он блестяще защитил докторскую диссертацию по ее общим проблемам. А затем, создав при университете сначала маленькую лабораторию социально-экономических исследований, расширял спектр исследуемых социальных проблем, включая социально-производственные, социально-этнические, поселенческие и другие. Лаборатория выросла и превратилась в институт, а исследования привели к идее нового направления в науке – регионологии. Александр Иванович не раз говорил, что любая научная идея проходит три стадии своего понимания обществом: сначала – этого не может быть или это не нужно, затем – в этом что-то есть и, наконец, – как мы без этого обходились раньше. Сейчас никто не сомневается, что регионология необходима как возможность комплексного исследования региона, но доказать эту необходимость было непросто.

И, конечно, он был замечательным Учителем. Он всегда производил очень сильное впечатление на студентов свободной, но четкой, логичной и

очень глубокой по содержанию манерой изложения материала. А аспирантам, особенно первых лет существования аспирантуры по научному коммунизму, очень импонировала манера демократичных обсуждений статей, параграфов и глав диссертаций друг друга с неизменным конструктивным подведением итогов самим А. И. Сухаревым. И мы всегда называли и будем с удовольствием называть себя «птенцами гнезда Сухарева».

СОЦИЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА А. И. СУХАРЕВА И СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

УДК 316.61

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА ОСНОВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ

INFLUENCE OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC ON THE MAIN ECONOMIC AND SOCIO-POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA

А. А. Балашов, *магистрант*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. В статье представлены результаты вторичного анализа данных, в ходе которого были изучены последствия пандемии коронавируса. В ходе исследования было выявлено, что основным последствием пандемии для населения стало сокращение доходов и сбережений, что в значительной степени связано с ростом безработицы.

Abstract. The article presents the results of a second analysis of data, during which the consequences of the coronavirus pandemic were studied. The study revealed that the main consequence of the pandemic for the population was a decrease in income and savings, which is largely associated with an increase in unemployment.

Ключевые слова: жители, пандемия, коронавирус, последствия.

Keywords: residents, pandemic, coronavirus, consequences.

11 марта 2020 года Всемирная организация здравоохранения объявила пандемию COVID-19. Очень быстро из медицинской проблемы пандемия перешла в проблемы глобального социального порядка. Вызванные пандемией масштабные социальные потрясения требуют научного изучения за счет изучения социальных, политических и экономических последствий от коронавируса.

Изучив совместное исследование Google с РАНХиГС «Цифровой поворот. Экономические последствия пандемии и новые стратегии развития», отметим, что пандемия оказала положительное влияние, в частности, проявившееся в ускорении цифровизации, увеличение доли онлайн-образования. Были проведены 60 интервью с государственными служащими, экспертами, предпринимателями, опрошены представители 500 компаний, использован всероссийский репрезентативный опрос населения. Исследование охватило три социальных измерения: повседневная

жизнь граждан, деловое поведение предпринимательского сообщества и влияние на государственный сектор.

Пандемия COVID-19 оказала заметное влияние на экономику России. Треть российских компаний только за первую половину 2020 года понесла убытки более 1,5 млрд руб., 46 % представителей бизнеса говорят о снижении спроса на продукцию или услуги. Среди населения столько же (46 %) отмечают серьезное сокращение доходов, а 33 % – сбережений [1].

Между тем влияние пандемии на экономику не было только негативным. Она послужила катализатором процессов цифровизации корпоративного и государственного сектора. Так, например, 57 % представителей бизнеса отмечают, что пандемия COVID-19 способствовала ускорению цифровизации внутри компаний, 38 % отметили изменение культуры управления и корпоративной культуры, а 29 % – устранение или реорганизацию неэффективных процессов, отделов и регламентов.

Пандемия оказала положительное влияние на цифровую трансформацию государственного сектора в двух отношениях. Во-первых, ускорилась давно назревшая цифровизация процессов, которые в «аналоговом» виде были менее эффективны. Во-вторых, внедрение цифровой трансформации на государственной службе стало восприниматься с большим оптимизмом, поскольку многие лица, принимающие решения, увидели реальную пользу и выгоду от перевода процессов в цифровой формат [1].

Наконец, в период пандемии интенсифицировалось использование цифровых технологий населением. Треть опрошенных утверждает, что за время пандемии стали пользоваться цифровыми сервисами чаще. Подобные ответы характерны для наиболее экономически активной группы населения в возрасте от 31 до 45 лет. Более обеспеченные и образованные жители крупных городов воспринимают цифровые технологии как благо и ждут от их расширения экономических возможностей. Жители небольших населенных пунктов обращают больше внимания скорее на риски цифровизации: рост налогов, потерю рабочих мест, сокращение возможностей найти работу в «серой» зоне.

Большинство представителей российского бизнеса – «цифровые оптимисты» (58 %): они позитивно относятся к развитию науки и технологий, поскольку те создают новые возможности для бизнеса, и к цифровизации компаний. При этом компании, успевшие запустить процессы цифровизации, более уверенно чувствуют себя на рынке: они в 1,5 раза чаще позитивно оценивают экономическую обстановку и смотрят в будущее с большим оптимизмом.

И все же в четверти российских компаний пока не идут процессы цифровизации. Основными барьерами для них стали дефицит финансовых ресурсов (39 % ответов) (проблема обострилась в силу сокращения доходов в результате пандемии) и нехватка квалифицированных сотрудников, которые могут руководить процессами цифровизации и участвовать в них (38 %) [1].

Большинство представителей государственного сектора считают целесообразным партнерство между государством и крупным бизнесом в

преодолении последствий коронакризиса. Некоторые из них полагают, что сложившиеся социально-экономические обстоятельства благоприятствуют более тесному сотрудничеству государства с бизнесом, в том числе по линии ИТ-продуктов. Одним из главных рисков цифровизации государственные служащие считают нарушение информационной безопасности и потенциальные сбои в работе с персональными данными. Кроме того, многие видят опасность в нестабильности цифровых решений, в частности, из-за плохого покрытия территории регионов мобильным Интернетом, сбоев серверов и т. д.

Основным экономическим последствием пандемии для населения стало сокращение доходов и сбережений. В значительной степени снижение доходов связано с ростом безработицы: так, в третьем квартале 2020 года реальный уровень безработицы достиг 12,1 %, включая скрытую часть, и к моменту завершения исследования не снизился. В этих условиях усилились страхи, связанные с риском потерять работу, так как 42 % населения боятся остаться без работы в течение ближайшего полугодия, а более половины уверены, что окажутся не в состоянии найти работу не хуже нынешней.

Если в начале кризиса базовой стратегией адаптации было сокращение доходов и трата сбережений, то сейчас страх потерять работу (психологический фактор) и сокращение сбережений (экономический фактор) заставляют активно искать дополнительные источники дохода, поэтому пятая часть жителей страны активно ищет дополнительные источники дохода, а 10 % уже вышли на дополнительную работу. В будущем в случае ухудшения экономического положения искать новые источники дохода собираются почти две трети опрошенных [1].

Таким образом, пандемия коронавируса затронула все сферы общественной жизни. Опросы общественного мнения показывают, что в социально-экономической сфере наблюдаются кризисные явления, хотя государство предпринимает максимум усилий, чтобы минимизировать ущерб от пандемии и ограничительных мер. Основным последствием пандемии для населения стало сокращение доходов и сбережений, что в значительной степени связано с ростом безработицы.

Использованный источник

1. Цифровой поворот: Экономические последствия пандемии и новые стратегии. – URL: https://cdto.ranepa.ru/digital_turn_research (дата обращения: 21.02.2019).

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
МОЛОДОЙ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS
YOUNG FAMILY IN MODERN SOCIETY**

М. Ю. Бареев, канд. социол. наук
МГУ им. Н. П. Огарёва

А. А. Кажаяева, магистрант
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. В статье рассмотрены социальные, экономические и другие проблемы молодых семей, которые были выявлены в ходе проведения эмпирического исследования. Проведенный анализ позволил обозначить актуальное состояние выявленных проблем и может быть использован в совершенствовании региональной семейной политики в отношении молодых семей.

Abstract. The article considers social, economic and other problems of young families that have been identified during the empirical research. The conducted analysis indicates the current state of the identified problems and can be used in improving the regional family policy in relation to young families.

Ключевые слова: молодая семья, проблемы молодых семей, семья, регион.

Keywords: young family, problems of young families, family, region.

Семья, это многослойное социальное образование, упоминаемое почти во всех разделах и направлениях социологии. Семья сочетает свойства социальной структуры, социального института и социальной организации, в то же время являясь малой социальной группой, позволяет глубже понять процессы социального контроля и социальной мобильности, демографических изменений, поэтому данная тема, на наш взгляд, всегда остается актуальной.

В настоящее время молодой (и особенно студенческой) семье приходится испытывать немалые трудности, чтобы выжить в непростых социально-экономических условиях региона. Материальные затруднения и обычные бытовые трудности несут в себе серьезные проблемы для молодой семьи и на определенном этапе в ряде случаев просто неразрешимы. Эти проблемы можно отнести к критическим жизненным ситуациям, поскольку именно они являются наиболее опасными для брака и семьи, так как создают ситуацию постоянного неудовлетворения основных потребностей супругов, что в свою очередь приводит к хроническому социально-психологическому напряжению.

Недостаточный уровень финансовой обеспеченности в большинстве случаев обусловлен тем, что молодые супруги еще не обладают высокой квалификацией и получают в этой связи сравнительно низкую заработную плату. Не менее четверти молодых семей в России живут за чертой бедности, что делает невозможным выполнение в полной мере ими репродуктивной и других социальных функций.

К сожалению, в последнее десятилетие изучение семейной проблематики существенно сократилось, и в настоящее время региональных исследований, позволяющих всесторонне обсудить обозначенную тематику, крайне мало, что дополнительно актуализирует исследование социально-экономических проблем молодой семьи на региональном уровне.

Летом 2020 года нами было проведено социологическое исследование по теме «Социально-экономические проблемы молодой семьи в регионе». Выборка была стихийная и составила 100 чел. Территориальные рамки: г. Саранск, г. Рузаевка, п.г.т. Торбеево. Сбор первичной информации осуществлялся методом анкетирования с использованием онлайн-сервиса для создания форм обратной связи, онлайн-тестирований и опросов Google Forms. В выборочную совокупность вошли юноши и девушки с разным семейным стажем: как менее года, так и более пяти лет.

Почти все опрошенные имеют высшее образование (либо находятся в стадии завершения обучения в вузе). Род занятий – самый разнообразный, но все же преобладающая часть респондентов являются студентами, работниками образования либо работающими по найму, что уже косвенно может свидетельствовать об их невысоком материальном положении. Прямо на это указывает сравнительно скромный ежемесячный доход молодых семей в регионе (табл. 1).

Однако следует отметить, что проблема низких доходов – это общерегиональная проблема и она не является чем-то исключительным лишь для молодых семей. Отставание Мордовии от других регионов России по уровню заработной платы регистрируется на протяжении длительного периода времени и, по мнению властей республики, является прежде всего следствием исторически сложившейся структуры ее экономики [1].

Основным источником дохода для молодых семей ожидаемо стала «заработная плата супруга», однако, что примечательно, на втором месте уверенно располагается «материальная помощь родителей супруги».

Таблица 1 – Средний ежемесячный доход молодой семьи в регионе, руб.

Средний ежемесячный доход семьи в месяц	Количество ответов, %
До 20 000	8
От 20 000 до 30 000	18
О 30 000 до 50 000	66
От 50 000 до 70 000	5
Свыше 70 000	3

Относительно ожиданий того, в какую сторону в ближайшем будущем изменится материальное положение семьи, большинство опрошенных

сохраняют оптимизм. Так, около половины респондентов ожидают улучшения своего материального положения. Однако следует отметить, что примерно треть из них эти ожидания связывают с трудоустройством на более высокооплачиваемую работу вне своего региона, еще почти столько же – с использованием программ государственной поддержки молодых семей и лишь пятая часть – с повышением заработной платы или переходом на более высокооплачиваемую должность внутри региона. Все это в целом указывает на негативные ожидания молодежи относительно перспектив достойного трудоустройства (и как следствие – решения своих материальных проблем) внутри республики.

Более половины (52 %) опрошенных проживают в собственной квартире или доме, 11 % имеют дом индивидуальной постройки, примерно треть снимают жилье, оставшиеся живут в общежитии, используют служебное жилье, либо живут с родителями. Среди тех, кто имеет жилье в собственности, большинство воспользовались ипотечным кредитованием либо получили жилплощадь по наследству.

В опрошенной совокупности оказалось достаточно много бездетных пар, это в основном живущие гражданским браком, однако и среди тех, кто зарегистрировал отношения, более четверти не имеют детей. В тех семьях, где есть дети, у подавляющего большинства один ребенок. Только трое респондентов имеют двух детей.

Что касается того, какое количество детей планируют иметь респонденты, то здесь ответы разделились примерно поровну между «не больше одного ребенка» и «не больше двух детей». Тех, кто вообще не планирует детей или «планирует более трех», в выборке не оказалось, а тех, кто планирует «не более трех», было всего шесть человек. Полученные данные указывают на довольно слабые репродуктивные установки среди молодежи, поскольку практически половина из них изначально планируют иметь не более одного ребенка, что, наряду с высокой смертностью и снижением количества женщин репродуктивного возраста, уже в обозримом будущем может привести к еще большему усугублению проблемы сокращения численности населения региона. В качестве причин, которые мешают родить еще одного или первого ребенка, указывались самые разные (табл. 2), однако среди прочих причин очень часто указывался пункт «другое», где респонденты писали «неуверенность в супруге» или «неуверенность в завтрашнем дне». При этом плохие жилищные условия и отсутствие стабильных источников дохода также встречались в качестве причин нежелания рожать, но все же, на наш взгляд, их нельзя считать определяющими в этом вопросе.

Преобладающее большинство респондентов в качестве основной причины вступления в брак назвали «Любовь к партнеру и желание создать семью», также довольно часто встречался ответ «Беременность или рождение ребенка».

Тот факт, что «беременность и рождение ребенка» стало для 12 % опрошенных решающим фактором вступления в брак, указывает на то, что по-

прежнему «браки по залету» являются не таким уж редким явлением в наши дни.

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос «Что в настоящее время мешает Вам (Вашей семье) родить первого или еще одного ребенка?»

Причина	Количество ответов, %
Отсутствие стабильных источников дохода	13
Нежелание супруга (супруги)	5
Отсутствие собственного жилья	11
Недостаточный размер жилплощади	4
Неудовлетворительное состояние собственного здоровья / здоровья супруга (-и)	7
Некому помогать ухаживать за ребенком (детьми)	1
Рождение ребенка изменит привычный образ жизни	4
Неприспособленность окружающей среды для детей (нет детских садов, детских площадок, оборудованных мест в транспорте, удобных лифтов, пандусов для колясок и т. п.)	1
Ничего не мешает, мы просто (больше) не хотим детей	9
Ничего не мешает, собираемся рожать	28
Другое	17

В последнее время прослеживается такая тенденция, что мужчины не торопятся делать предложение своим возлюбленным. И женщины порой идут на сознательный обман. Один из наиболее эффективных методов – так называемый «брак по залету». Нередки и просто случайный незащищенный секс, в результате которого наступила незапланированная беременность, ставшая впоследствии ключевым фактором вступления в брачные отношения. А после официального оформления отношений супруги с ужасом замечают, что это совсем не тот человек, с которым он (она) хотел(а) построить свою жизнь. Вообще вступление в брак по причине беременности является «хорошей идеей» только тогда, когда пара думала над женитьбой ранее и это произошло случайно. Беременность может стать ключевым событием, которое подтолкнет молодых людей к браку. В других случаях это серьезная жизненная проблема, которая впоследствии может стать неразрешимой, и в конечном счете, как правило, приводящая к разводу.

В заключение отметим, что модальный доход молодой семьи региона составляет 30 000–50 000 руб., что с учетом выплат по ипотеке или аренде жилья, которые осуществляют не менее 70 % молодых семей, расходов на ЖКХ и прочих текущих расходов является весьма небольшой суммой. Основную материальную заботу о семье берут на себя мужья либо родители жены. Тем не менее большинство сохраняют оптимизм относительно изменений своего материального положения в будущем, однако связывают это в основном с поиском более высокооплачиваемой работы в другом регионе либо с государственными субсидиями. В опрошенной совокупности оказалось довольно много бездетных пар, что указывает на то, что большинство молодых семей откладывают рождение ребенка. Репродуктивные установки также оказались относительно слабыми – почти половина опрошенных планируют

иметь не более одного ребенка, еще примерно столько же – двоих. Среди опрошенных сложились весьма неоднозначные оценки эффективности мер государственной поддержки молодых семей. Так, в большинстве случаев, по мнению респондентов, указанные меры лишь частично решают их текущие проблемы, при этом довольно велика доля тех, кому эти меры, с их точки зрения, никак не помогли. Еще больше тех, кто и не рассчитывает на то, что меры государственной поддержки кардинально решат их проблемы, но в то же время парадоксально, что большинство молодых семей считают себя при этом социально защищенными.

Использованный источник

1. Никифоров П. Низкие зарплаты в Мордовии объяснили «исторической структурой» экономики региона / П. Никифоров // Политика сегодня. – URL: <https://polit.info/432305-nizkie-zarplaty-v-mordovii-obyasnili-istoricheskoi-strukturoid-ekonomiki-regiona>.

УДК 316.347

МЕДИАПРЕДПОЧТЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАБЕЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ)

MEDIA PREFERENCES OF RESIDENTS OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA (ON THE EXAMPLE OF CABLE TELEVISION)

*Д. С. Буянкин, магистрант
МГУ им. Н. П. Огарёва*

Аннотация. В статье представлены результаты авторского социологического исследования медиапредпочтений жителей Республики Мордовия. В ходе исследования было выявлено, что кабельное телевидение опережает традиционное телевидение по удовлетворению потребностей населения в информации, выступает преобладающим источником информации, который позволяет получать более разнообразную по направленности и содержанию информацию, а также рассматривается как удобный, доступный способ получения и проведения досуга.

Abstract. The article presents the results of the author's sociological research of media preferences of residents of the Republic of Mordovia. In the course of the study, it was revealed that cable television is ahead of traditional television in meeting the needs of the population for information, is the prevailing source of information, which allows you to receive information that is more diverse in direction and content, and is also considered as a convenient, affordable way to receive and spend leisure time.

Ключевые слова: медиапредпочтения, жители, кабельное телевидение, передача.

Keywords: media preferences, residents, cable TV, show.

Телевидение как социальный институт подверглось существенной модификации в условиях перехода к информационному обществу – изменились принципы его взаимодействия с социальной средой, расширились и трансформировались его функции. В условиях информационного общества телевидение меняет свою функциональность, произошла трансформация между традиционными информационными институтами и появившимися новыми информационно-коммуникативными технологиями [1].

Появление кабельного телевидения связано с объективными условиями наступления глобальных цифровых информационных технологий. Кабельное телевидение в системе региональных СМИ заняло свою «нишу» за счет иного качества, способного удовлетворить возросшие требования населения к источникам информации. Изменились и практики повседневного телепотребления, отмечается тенденция, ориентированная на профессиональную телесреду, на субъект-субъектный тип взаимодействия с телезрителями. Современное кабельное телевидение выступает и поставщиком символического материала, и производителем.

В Республике Мордовия кабельное телевидение является одним из элементов системы региональных СМИ. Согласно данным социологических исследований, предпочтения местного населения относительно региональных каналов распределяется следующим образом: «ТелеСеть Мордовии (10 канал)» привлекателен для 59 % телезрителей региональной аудитории, у ГТРК «Мордовия» – 30 %, «Саранск ТВ» смотрят 26 %, а НТМ – 22 %, канал «Мордовия 24» – 21 %. Аудитория региональных каналов коррелирует с возрастным фактором. У ГТРК «Мордовия» аудитория самая возрастная от 55 лет и старше. «ТелеСеть Мордовии (10 канал)» особый интерес вызывает у телезрителей в возрасте – от 35 до 55 лет.

В Республике Мордовия на рынке кабельного телевидения представлены следующие компании: «Ростелеком», «ЭР-Телеком», «Контакт ТВ», ТТК. С целью выявления роли и места кабельного телевидения в системе региональных СМИ Республики Мордовия было проведено пилотажное исследование среди пользователей кабельного телевидения (опрошено 100 человек – 54 % мужчин, 46 % женщин). Вопросы анкеты были ориентированы на выявление преимуществ и недостатков кабельного телевидения, жанровых предпочтений, популярности каналов.

Несмотря на складывающееся внешнее мнение, что телевидение теряет свои позиции, результаты исследования выявили более половины респондентов (55 %), которые относят себя к категории людей, любящих посмотреть телевизор. Увлеченность телепередачами мы определили исходя из среднего времени просмотра телевизора в будни и выходные дни. Так, в будни с понедельника по пятницу в среднем любители телевизора тратят

3,7 часа, а в выходные дни (суббота и воскресенье) еще больше – в среднем 4,5 часа. Можно предположить, что просмотр телепередач является одной из основных досуговых практик.

В исследовании мы ставили задачу выявить телевизионные предпочтения пользователей кабельного телевидения. Результаты исследования показали, что из просматриваемых передач наибольшей популярностью среди опрошенных пользуются художественные фильмы, сериалы, новостные передачи, передачи развлекательного плана, музыкальные передачи. Есть небольшой процент респондентов, которые любят рекламные передачи, например «Магазин на диване». В меньшей степени респондентов привлекают общественно-политические темы, происшествия и криминал.

Предпочтения в рамках каналов кабельного телевидения распределяются в достаточно традиционном виде, что в принципе предсказуемо, так как кабельное телевидение – это более качественное изображение, более удобный технический доступ, а не иное предложение по содержанию. Результаты исследования показали, что наибольшей популярностью у населения пользуются каналы: Первый канал, Россия 1, НТВ, Россия 24. Местный канал ГТРК «Мордовия» также пользуется определенной популярностью у пользователей кабельного телевидения.

К числу наиболее популярных развлекательных каналов относятся: СТС, ТНТ, «Дом кино», «Мульти», «Русский роман», «Кино ТВ», «Пятница». Рейтинг популярности передач был составлен на основе шкальной оценки каналов, выбранных из общего списка наиболее популярных из них. Популярность каналов кабельного телевидения показывает, что респондентов привлекает в большей степени развлекательный сегмент.

В гендерном аспекте отметим, что женская часть телеаудитории отмечает высокую увлеченность мелодрамами (53 % женщин отметили как наиболее приоритетное направление для просмотров), однако дополнительно оплачивать увеличение доли мелодрам на кабельном телевидении готовы только 11 % женщин. При этом 38 % любителей мелодрам были бы не против увеличения подобных каналов.

Результаты опроса показали, что, несмотря на традиционное представление о приверженности мужчин к просмотру спортивных передач, их смотрят только 27 % опрошенных. Возможно, это связано с тем, что молодежь скорее выбирает не сидение перед телевизором, а занятия спортом. Однако 52 % из числа любителей просмотра спортивных передач выступают за добавление дополнительных спортивных каналов.

Проведение свободного времени перед телевизором для большинства опрошенных (63 %) – это время отдыха, расслабления, для людей более пожилого возраста – времяпрепровождение (78 %). Так как респонденты рассматривают просмотр телепередач как способ релаксации, поэтому наиболее предпочтительными выступают не новостные передачи, а фильмы легких, расслабляющих жанров, таких как комедии и боевики, не требующие повышенного внимания при просмотре, запоминания сюжета и т. д.

Результаты проведенного исследования подтверждают, что кабельное телевидение остается основным источником для получения информации и проведения досугового времени, поскольку 67 % респондентов пользуются его услугами каждый день и тем самым оно является неотъемлемой частью нашей жизни. Лишь десятая часть опрошенных не прибегает к его услугам. Также была выявлена интересная особенность, заключающаяся в том, что основная масса респондентов, вошедших в названные 67 %, – люди старшего поколения, а 10 % – молодежь. Скорее всего, это связано с тем, что старшее поколение не изменяет своим старым привычкам и им тяжелее подстраиваться под современные реалии информационного общества, а молодежь больше предпочитает Интернет и сопутствующие продукты – видео по запросу, YouTube, TikTok или аналогичный медиаконтент.

Респондентам был задан вопрос: «Каналы какой направленности Вы бы хотели, чтобы шире были представлены кабельным телевидением в перспективе?». 64 % опрошенных одобрительно отнеслись к образовательным каналам, 59 % одобрили каналы, ориентированные на быт, дизайн, интерьер, 46 % – кулинарную тематику. Ответы на данный вопрос показывают, что в целом респонденты довольны направленностью каналов в кабельном телевидении. Интерес к образованию, можно предположить, связан с ситуацией, вызванной пандемией, дистанционными формами обучения, с которыми столкнулись и школьники, и студенты, а также осознанной важностью образования в жизни современного человека, пониманием важности получения образования в течение всей жизни.

Таким образом, результаты исследования показали, что выбор кабельного формата подачи информации телевидением связан с тем, что оно обеспечивает самый надежный сигнал. Совершенно очевидно, что ни один способ беспроводной передачи данных не может быть эффективнее, чем кабель, поскольку сигнал по нему будет передаваться без затухания, искажения и помех. Кабельное телевидение предоставляет большое количество цифровых каналов. Как правило, их не меньше сотни, включая государственные. Помимо этого, кабельное телевидение способно вещать в формате HD. На современном телевизоре с большой диагональю и высоким разрешением данные каналы будут показывать реалистичнее, чем каналы эфирного и спутникового телевидения. Бесспорным преимуществом является возможность подключения любого телевизора без приобретения дополнительного и дорогостоящего оборудования.

Использованный источник

1. Солнцева С. А. Телевидение как социальный институт. Современные социальные функции телевидения // Наука и бизнес: пути развития. – М. : Изд-во Фонда развития науки и культуры, 2014. – С. 36–39.

**УСТАНОВКИ СТУДЕНТОВ, КАСАЮЩИЕСЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ БРАКОВ
(НА ПРИМЕРЕ МГУ им. Н.П. ОГАРЁВА)**

**INSTITUTIONS OF STUDENTS CONCERNING INTERNATIONAL
MARRIAGES (ON THE EXAMPLE OF THE OGAREV MORDOVIAN
STATE UNIVERSITY)**

О. В. Буянкина, *магистрант
МГУ им. Н. П. Огарёва*

Аннотация. В статье представлены результаты авторского социологического опроса, в ходе которого были изучены установки студентов МГУ им. Н. П. Огарёва, касающиеся межнациональных браков. Межнациональный брак представляет собой формат отношений в семье между супругой и супругом, которые с точки зрения этнической идентичности соотносят себя с представителями разных национальных общностей, которые сложились в государстве.

Abstract. The article presents the results of the author's sociological survey, during which students' attitudes regarding interethnic marriages were studied. Interethnic marriage is a format of family relations between a spouse and a spouse, which, in terms of ethnic identity, correlate themselves with representatives of different national communities that have developed in the state.

Ключевые слова: студенты, межнациональные браки, установки, семья.

Keywords: students, inter-ethnic marriages, attitudes, family.

Межнациональные семьи являются важным инструментом в процессе биосоциальной саморегуляции общества, поскольку являются механизмом гармонизации межнациональных отношений, улучшения взаимоотношений между представителями разных наций. Изучение проблем смешанного супружества позволяет дополнить имеющиеся знания о нынешнем состоянии семейно-брачных отношений и прогнозировать их дальнейшее развитие в ближайшем будущем.

С точки зрения научного понимания основ брачно-семейных отношений нужно отметить, что семья представляет собой определенный круг лиц, который базируется на родстве, браке, рождении или принятии на воспитание детей, а также характеризуется общностью быта, кровным родством, взаимной заботой о ее членах. Вместе с семьей обычно рассматривают понятие «брак», который можно охарактеризовать как официальный союз мужчины и женщины, оформленный законодательно в органах записи актов гражданского

состояния. Статус супругов после брака предполагает взаимные права и обязанности в семье.

Межнациональный брак представляет собой формат отношений в семье между супругой и супругом, которые с точки зрения этнической идентичности соотносят себя с представителями разных национальных общностей, которые сложились в государстве.

Р. А. Багарян в понятие «межнациональный брак» вкладывает разные смысловые оттенки: «...межнациональные браки отображают тенденции интернационализации в этнокультурной среде», затем автор продолжает: «...межэтнические браки существуют столько же, сколько и сам институт брака...», и в конце статьи: «...возрастает количество этнически-смешанных браков». Таким образом, сложность исследования межнациональных браков заключается в разнообразии обозначений понятия, в то время как его смысловое значение остается одним и тем же [1, с. 276].

У межнациональных браков обычно выделяют как положительные, так и отрицательные стороны. К положительным сторонам межнационального брака относят наличие толерантного отношения к другой народности, взаимное приспособление к менталитету другой нации и т. д. Отрицательными сторонами можно считать потенциальную конфликтность из-за различий в менталитете, разный подход к воспитанию детей и др. [2, с. 60].

С целью выявления существенных характеристик межнациональных браков в Республике Мордовия, нами в апреле 2021 года методом анкетирования было проведено социологическое исследование, в ходе которого было опрошено 104 человека (49 % мужчин, 51 % женщин, 51 % горожан, 49 % сельчан). По национальному составу респонденты распределились следующим образом: русские – 62 %, мордва – 31 %, татары – 7 %. В опросе принимали участие преимущественно респонденты, состоящие в межнациональном браке, поскольку часть вопросов касалась семейных взаимоотношений супругов разных национальностей.

В ходе социологического опроса были получены следующие результаты, касающиеся отношения студенческой молодежи к межнациональным бракам:

– у 88 % студентов в ближайшем окружении есть семейные пары, в которых супруги являются представителями разных наций;

– более половины студентов не видят существенных отличий межнациональных браков от семей, где супруги одной национальности, треть опрошенных указали на отличия межнациональных браков от семей, где супруги одной национальности;

– по мнению 74 % студентов, заключение межнационального брака не должно вызывать проблем и нареканий со стороны родственников, родителей, друзей и т. п., а также присущих подобным бракам языковых, социокультурных барьеров; 12 % опрошенных отметили сложности при оформлении межнациональных брачных отношений, среди которых доминируют расхождения в традициях и обычаях (44 %), а также боязнь

негативной реакции со стороны родителей (28 %) и родственников (знакомых) (22 %).

Согласно цели и задачам исследования опрос проводился преимущественно среди студентов, которые уже состоят в межнациональном браке. В выборке было 78 % респондентов, попадающих под выделенный критерий. Для них был выделен отдельный блок вопросов, который касался внутрисемейных отношений в межнациональных семьях. По результатам исследования можно выделить следующие характеристики семейных взаимоотношений в межнациональных семьях.

– У большинства респондентов (46 %) в семейном бюджете денежных средств достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, более крупные покупки приходится откладывать, у 38 % студенческих семей покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор и др.) не вызывает трудностей, однако покупка квартиры, автомашины сейчас недоступна, и только у 12 % респондентов денег сейчас хватает только на приобретение продуктов питания.

– Большинство представителей межнациональных студенческих семей (как мужчин, так и женщин) считают, что доходы их семей находятся примерно на том же уровне, что и у других семей. Каждый четвертый респондент считает, что доходы его семьи немного выше, чем у других семей.

– Среди существенных трудностей, с которыми приходится сталкиваться межнациональной семье, доминируют проблемы финансового характера (40,9 %), а также неважное состояние здоровья (36,4 %) и риск потери работы одним из членов семьи (29,5 %). Последнее обстоятельство, а также нестабильность финансового положения большинства межнациональных семей актуализированы непростыми социально-экономическими отношениями, сложившимися в Российской Федерации после введения против нее экономических санкций, а также падения цен на сырьевые ресурсы в условиях пандемии коронавируса.

– Большинство респондентов, как мужчин (67 %), так и женщин (78 %), характеризуют взаимоотношения в семье как «хорошие» и «очень хорошие». Негативную окраску внутрисемейным отношениям дают только 12 % мужчин и 7 % женщин.

– Более 60 % респондентов в своих межнациональных семьях предпочитают общаться на русском языке (62 % мужчин и 68 % женщин). На своем национальном языке ведут семейное общение 28 % мужчин и 17 % женщин, а на национальном языке мужа (жены) 7 % мужчин и 13 % женщин. Здесь не лишним будет сказать, что своим национальным языком свободно владеют 68 % мужчин и 66 % женщин; свободно разговаривают, но не обучены чтению и правописанию 14 % мужчин и 15 % женщин. Не владеют своим национальным языком 10 % мужчин и 12 % женщин.

– Вместе с тем 42 % мужчин и 51 % женщин стараются соблюдать национальные традиции жены (мужа), однако для трети мужчин и 27 % женщин они безразличны. Приведенные данные говорят о том, что в

большинстве межнациональных семей отношения супругов строятся на взаимном уважении и учете национальных традиций «второй половинки».

В целом следует отметить, что национальность в браке оказывает определенное влияние на брачно-семейное поведение, однако не является определяющим фактором. Межнациональные семьи в указанном контексте не отличаются принципиальным образом от семей, в которых супруги одной национальности. Для семей исследованного типа характерны общность быта, построение гармоничных отношений, воспитание детей и т. д. Конфликтность в межнациональных семьях не выше, чем в семьях супругов одной национальности.

Список использованных источников

1. Багарян Р. А. Социально-психологические признаки устойчивости межэтнического брака // Вестн. ТГУ. – 2019. – № 2. – С. 276–280.
2. Колударова С. В. Позитивные и негативные аспекты межнациональных браков // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2018. – № 32. – С. 60–61.

УДК 303.4:316.472

ОТНОШЕНИЕ К ГЕНДЕРНОМУ НЕРАВЕНСТВУ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

ATTITUDE TO GENDER INEQUALITY IN YOUTH ENVIRONMENT: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Т. М. Дадаева, *д-р социол. наук, профессор
МГУ им. Н. П. Огарёва*

И. Р. Чуликова, *магистрант
МГУ им. Н. П. Огарёва*

Аннотация. На основе социологического исследования студентов МГУ им. Н. П. Огарёва проанализированы представления современной молодежи о гендерном неравенстве, а также выявлено мнение о способах его проявления.

Abstract. Based on a sociological study of students of the Mordovian State University named after N. P. Ogarev, the ideas of modern youth about gender inequality are analyzed, as well as the opinion about the ways of its manifestation is revealed.

Ключевые слова: гендер, гендерная дискриминация, гендерное неравенство, гендерные стереотипы.

Keywords: gender, gender discrimination, gender inequality, gender stereotypes.

Проблема гендерного неравенства, специфики и структуры гендера в современном мире является темой острых споров и многочисленных обсуждений. Большинство женщин и мужчин до сих пор сталкиваются с гендерными стереотипами, «идеалами и образами», которым они должны соответствовать. Изучение отношения студенчества к гендерному неравенству является чрезвычайно важным и актуальным, поскольку дает возможность выявить структуру гендерных ценностных ориентаций молодежи, что определит стратегии развития и характер социальных отношений в нашей стране в будущем.

Гендерные исследования в социологии получили импульс к развитию в XX веке. Теоретические основы социологического изучения взаимоотношений полов были заложены в трудах таких социологов, как Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Р. Коллинз, Р. Коннелл, К. Маркс, Т. Парсонс, П. Сорокин, Г. Спенсер. На современном этапе проблеме изучения гендерных аспектов в различных сферах социума посвящены работы М. Е. Баскаковой [1], Е. А. Беловой [2], Е. М. Левиной, В. А. Беляевой [3], Т. В. Гаврилюк [4], Т. М. Дадаевой [5], В. В. Ковалева [6], Н. А. Нечаевой [7], Н. Б. Соленниковой [8], О. В. Токаревой [9] и др.

Для изучения представлений молодежи о гендерном неравенстве был проведен анкетный онлайн-опрос ($n=189$) со студентами МГУ им. Н. П. Огарёва по квотной выборке согласно их полу и профилю факультета. Анкета была создана с помощью Google Forms. Согласно данным опроса большинство студентов считают проблему гендерного неравенства актуальной и общественно важной, но если рассматривать возможность равенства между мужчиной и женщиной в будущем, то 55 % респондентов считают, что его можно достичь только в отдельных сферах общества. Традиционные гендерные представления проявляются интенсивнее у юношей, чем у девушек, которые в свою очередь больше склонны к новым эгалитарным установкам. Так, большинство юношей отрицательно относятся к мужчинам, берущим на себя бóльшую долю домашних обязанностей (52 %), и не готовы к тому, чтобы женщина посвящала большую часть времени карьере (66 %); критично относятся к возможностям женщин стать президентом (73 % юношей не поддержали женщин в данном вопросе). Также молодые люди реже девушек поддерживают женщин в их правах, связанных с распоряжением собственным телом и воспитанием детей: вести половую жизнь до брака, самой решать, рожать ребенка или нет, и одной воспитывать ребенка при разводе. Большинство юношей выступили против того, чтобы допустить труд женщин на «мужских» профессиях (69 %).

Большинство респондентов подтверждают, что в обществе дискриминации подвержены как женщины, так и мужчины. К основным сферам женской дискриминации молодежь относит семейную, связанную с тем, что женщины в большей степени занимаются хозяйством и воспитанием детей (83 %), сферу занятости, которая предполагает низкую оплату женского труда и сложность в получении руководящих должностей (73 %), финансовую, когда женщины испытывают материальные трудности в связи с

необходимостью растить детей после развода (58 %), и политическую, связанную с тем, что женщины меньше представлены в политике (53 %).

Мужчины наиболее дискриминированы в военной сфере, связанной с рисками для жизни (служба в армии и участие в военных действиях) (67 %), пенсионной, предполагающей более поздний, в отличие от женщин, выход мужчин на пенсию (65 %). Также 55 % опрошенных отметили семейную сферу, поскольку, по мнению респондентов, некоторые мужчины после развода получают запрет от бывшей супруги на общение с детьми. Студенты отметили также сферу занятости («мужчины трудятся на вредных производствах») и здравоохранения («у мужчин высокий уровень заболеваемости и смертности»), однако они, по мнению молодежи, являются менее дискриминационными для мужчин (29 % и 19 % соответственно).

В молодежной среде наблюдается воспроизводство гендерных стереотипов. Это можно заметить в том, что студенты осознают невозможность равноправных отношений во всех сферах жизнедеятельности. Но при этом фиксируется постепенное распространение эгалитарных ориентаций в студенческой среде, которые проявляются через осознание важности решения проблемы гендерного неравенства через трансформацию гендерных ролей, более активное вовлечение мужчин в семейные дела и активное участие женщин в политике. Также молодежь отрицает разделение профессий по признаку пола, считая все профессии «гендерно нейтральными».

В ходе исследования обнаружено, что новые эгалитарные установки проявляются интенсивнее у девушек, юноши в большей степени подвержены традиционным гендерным представлениям. Скажем, юноши не готовы полностью взять на себя домашнее хозяйство и при этом исключают возможность женщины посвятить себя карьере больше, чем семье и работе по дому. Студенты одобряют участие женщин в политике и положительно относятся к тому, чтобы женщины занимали высшие государственные посты наравне с мужчинами, однако не все хотят видеть женщину на посту президента. Более половины респондентов нормально относятся к женщинам, работающим в «мужских» профессиях, и мужчинам, работающим в «женских» профессиях, однако большая часть юношей считают, что снятие ограничений на некоторые запрещенные для женщин профессии не нужны. Нередко бывают ситуации, когда работодатель отказывает молодым девушкам в приеме на работу из-за опасений их возможного ухода в декрет. Результаты исследования подтвердили, что более половины всех респондентов не хотят критиковать таких работодателей, причем среди них значительное большинство – юноши.

Студенты уверены, что существует как женская, так и мужская дискриминация. Основными сферами дискриминации женщин студенты назвали политическую, семейную и сферу занятости. В отношении дискриминации мужчин были отмечены военная, семейная сферы, а также охрана здоровья и продолжительность жизни, пенсионное обеспечение.

Таким образом, гендерные представления студенческой молодежи соединяют в себе традиционные и эгалитарные взгляды относительно распределения гендерных ролей в семейной, трудовой и политической сферах.

Список использованных источников

1. Баскакова М. Е. Социально-экономическая защищенность женщин в сфере труда / М. Е. Баскакова, И. В. Соболева, Т. В. Чубарова // Вестн. Ин-та экономики Рос. акад. наук. – 2018. – № 2. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32848891> (дата обращения: 17.05.21)
2. Белова Е. А. Гендерные аспекты в социальной политике / Е. А. Белова, Е. М. Левина // Уч. заметки ТОГУ. – 2017. – № 4. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32830918> (дата обращения: 07.05.21).
3. Беляева В. А. Дискриминация женщин в трудовой сфере // Правовое регулирование деятельности хозяйствующего субъекта. – 2017. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36701364> (дата обращения: 08.05.21).
4. Гаврилюк Т. В. Конструирование маскулинности в культуре нового рабочего класса современной России / Т. В. Гаврилюк – Текст: электронный // Вестн. И-та социологии. – 2019. – Т. 10, № 2. – URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2019_29/Gavrilyuk.pdf (дата обращения: 17.05.21).
5. Дадаева Т. М. Гендерная социология : учеб. пособие / Т. М. Дадаева. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2021. – 108 с.
6. Ковалев В. В. Неустойчивость молодой семьи: гендерный аспект / В. В. Ковалев // Современ. семья: изменяющиеся смыслы и практики. – 2019. – № 1. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42974455> (дата обращения: 05.05.21).
7. Нечаева Н. А. Трансформация гендерных отношений: новые явления в сфере семьи / Н. А. Нечаева // Новая значимость семьи и межпокол. отношений для России и Китая. – 2016. – № 1. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30639984> (дата обращения: 05.05.21).
8. Соленикова Н. Б. Гендерный аспект социальной политики ЕС и РФ / Н. Б. Соленикова // NOVAUM.RU. – 2017. – № 6. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29044586> (дата обращения: 08.05.21).
9. Токарева О. В. Влияние института государства и «партии власти» на процесс конструирования имиджа российских женщин-парламентариев / О. В. Токарева // Социум и власть. – 2018. – № 6 (74). – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37033406> (дата обращения: 03.05.21).

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ПОКОЛЕНИЙ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

TYPOLOGIZATION OF GENERATIONS. THEORETICAL APPROACHES

Т. М. Дадаева, *д-р социол. наук*
МГУ им. Н. П. Огарёва

П. В. Юдин, *аспирант*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. В статье рассматриваются основные типологизации поколений и теоретические подходы, а также их классификации. Выделены основные критерии и факторы, формирующие поколения.

Abstract. The article discusses the main typologizations of generations and theoretical approaches and their classifications. The main criteria and factors shaping generations are highlighted.

Ключевые слова: классификация, поколения, формативный период, ценности.

Keywords: classification, generations, formative period, values.

В современное время типологизация поколений играет важную роль во многих сферах жизни общества. Правильная сегментация общества на поколения в определенной стране помогает проводить грамотную политику в отношении групп населения, при этом соответствуя их ценностям и интересам.

На данный момент существует несколько ведущих теоретических подходов к типологизации поколений, на которые опираются многие исследователи. Если говорить о западных теориях, то в первую очередь стоит упомянуть о Карле Мангейме, который изучал проблемы поколений и считал, что поколение – это социальный феномен, определяемый не только единством возраста, но и проживанием тех же событий, которые главным образом повлияли на их жизнь. Данные события формируют социализацию определенного поколения и конституируют особенное восприятие и поведение. Это и является отличительным признаком от других поколений [3].

Данная теория порождает немало вопросов. В первую очередь, какие события считать таковыми, ведь у каждого индивида в жизни происходит множество событий, знаковых для него самого, но не несущих никакой значимости для других представителей общества. Остается одно: принимать за такие события общезнаковые, которые повлияли на большое количество индивидов. Но при этом также возникает вопрос, какие события принимать за

таковые. Например, в 1961 году произошло знаковое событие для советского общества – полет Юрия Гагарина в космос. Но при всей значимости данного события для технологического прогресса оно не повлияло на изменение ценностей и принятие новых форм поведения индивидов в обществе.

Самой популярной теорией поколений в современное время считается классификация поколений Нейла Хоува и Вильяма Штрауса. Ученые полагали, что поколение определяет не только одинаковый возраст, но и система ценностей, которые меняются в зависимости от происходящих экономических, политических, социальных или технологических событий. При этом Хоув и Штраус говорили о цикличности поколений: примерно каждые 80 лет ценности поколений повторяются, но доказать это с помощью исследований практически невозможно. Классифицировали поколения специалисты, взяв двадцатилетний период. Классификация выглядит следующим образом.

1. Величайшее поколение, поколение победителей (1900–1923).
2. Молчаливое поколение (1923–1943).
3. Поколение беби-бумеров, или бумеров (1943–1963).
4. Поколение X, или неизвестное поколение (1963–1983).
5. Поколение Y, или поколение Сети, миллениалы (1983–2003).
6. Поколение Z (2003–2023) [4].

К этой теории также возникает ряд вопросов. Для начала стоит сказать, что данная классификация поколений актуальна только для американского общества и несопоставима с поколениями других стран, в особенности СССР и России. Поскольку за основу были взяты двадцатилетние отрезки, это порождает вопрос: почему выбраны именно такие равномерные отрезки, учитывая, что с середины XX века в США был резкий скачок в технологическом прогрессе, экономической и социальной сферах жизни общества.

Среди российских социологов тему классификации поколений наиболее масштабно изучал В. В. Радаев. В книге «Миллениалы: как меняется российское общество» социолог дает следующую классификацию.

1. Мобилизационное поколение (1938 г. и ранее).
2. Поколение оттепели (1939–1946).
3. Поколение застоя (1947–1967).
4. Реформенное поколение (1968–1981).
5. Поколение миллениалов (1982–2000).
6. Поколение Z (2001 и позднее) [3].

В. В. Радаев классифицирует поколения, опираясь на их ключевую характеристику – на важные исторические события, которые произошли в обществе в период формативных лет жизни индивидов (от 17 до 25 лет) [3]. Данная теория наиболее точно подходит для классификации советского и российского обществ. Но стоит сказать о том, что в современной российской социологии без внимания остаются изучение поколенческих сдвигов, а также систематический количественный анализ межпоколенческих различий [1].

В российских социальных науках тема классификации поколений очень популярна, но по-прежнему имеет очень мало как теоретических разработок, так и практических. В настоящее время в российском обществе появилась тенденция смещения границ взросления индивидов. Если раньше поколения классифицировались между индивидами, которые пережили определенные события в формативный период жизни (от 17 до 25 лет), то сейчас данный период смещается на более ранний возраст [5]. Также стоит отметить, что во время всемирной глобализации практически любой индивид с раннего возраста получает доступ к очень большому объему информации и сам выбирает то, что ему интересно и куда он хочет развиваться. Поэтому на некоторых индивидов масштабное событие может повлиять с большей силой, а на ценности других вообще не оказать воздействия.

Стоит рассмотреть вопрос классификации поколений с точки зрения событий, которые повлияли на индивидов, но при этом не изменили их ценностей, так как данных событий недостаточно, чтобы произвести их повторную социализацию, но вполне хватает, чтобы сформировать понятие, какие ценности привить своим детям. При этом дети проходят социализацию и получают эти ценности и нормы поведения, так как это их первичная социализация, а не повторная. Дети, рожденные с года, когда произошло определенное важное событие, и будут новым поколением, которые сформируют новые ценности, нормы поведения и будут делать это до тех пор, пока не произойдет новое важное событие в жизни общества.

Список использованных источников

1. Емчур Е. В. Современная молодежь и каналы ее социализации // Социология и политология. – 2006. – № 3. – С. 123–129.
2. Мангейм К. Проблема поколений / К. Мангейм. – М. : Инион РАН. – 2000. – 164 с.
3. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социол. исслед. – 2018. – № 3. – С. 15–33.
4. Хоув Н. Будущее американской истории / Н. Хоув, У. Штраус. – Н. : Куилл, 2002. – 538 с.
5. Хриптович В. Поколение Z: вопросы и ответы // Здравовы лад жыцця. – 2017. – С. 5–9.

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В РЕГИОНЕ**

**EDUCATIONAL POLICY IN THE CONTEXT
OF SOCIO-DEMOGRAPHIC PROCESSES
IN THE REGION**

Е. Б. Докторова, *учитель*
МБОУ «Гимназия № 1 им. В. И. Ленина»

И. В. Захарова, *канд. пед. наук*
УлГПУ им. И. Н. Ульянова

Аннотация. Проблема сохранения и развития человеческого потенциала рассматривается в контексте совершенствования региональной системы образования. Анализируются текущие результаты образовательной политики в Ульяновской области. Обосновывается взаимосвязь модернизации образовательной среды региона с перспективами регионального развития.

Abstract. The problem of preserving and developing human potential is considered in the context of improving the regional education system. The current results of the educational policy in the Ulyanovsk region are analyzed. The interrelation of the modernization of the educational environment of the region on the prospects of regional development is substantiated.

Ключевые слова: социальная политика, образовательная политика, региональные проекты, региональное образовательное пространство, человеческий потенциал.

Keywords: social policy, educational policy, regional projects, regional educational space, human potential.

Образовательная политика является значимым элементом социальной политики как сфера, от которой зависит развитие человеческого потенциала. Совершенствование образования выступает одной из приоритетных национальных целей нашей страны (Указ Президента РФ № 474 от 21.07.2020 г.). Демографические проблемы, характерные для большинства субъектов РФ, непосредственно отражаются на работе образовательных организаций. Вместе с тем качество образовательной инфраструктуры, высокие результаты деятельности образования могут стать одним из факторов сдерживания оттока молодежи из региона, привлечения в него трудовых ресурсов и инвестиций. Данные эффекты присутствуют в Ульяновской области, их анализ является целью настоящей статьи.

Численность населения области сократилась с 1 252,6 тыс. чел. в 2016 г. до 1 218,3 тыс. чел. в 2020 г., численность рабочей силы – соответственно с 652,8 тыс. чел. до 598,6 тыс. чел. [6]. В Стратегии социально-экономического развития региона до 2030 г. (постановление Правительства Ульяновской области № 16/319-П от 13.07.2015) констатировалось, что в регионе при стабильной тенденции убыли населения численность лиц с высшим образованием ниже, чем в среднем по России (27,2 % по сравнению с 30,4 %), а доля студентов вузов на 1000 чел. населения составляет 74 % от среднероссийского уровня. В этой связи наращивание образовательного потенциала региона – это необходимое условие его социально-экономического развития. Стратегия развития системы образования Ульяновской области на период до 2030 г. (утв. распоряжением Министерства просвещения от 01.09.2020 г. № 1231-р) в качестве первой цели указывает обеспечение комплексного и эффективного развития образования и роста его качества для удовлетворения потребностей стратегически важных отраслей в квалифицированных кадрах.

Доказано, что реформирование системы образования, модернизация образовательного пространства региона позитивно сказываются на его демографических процессах [5].

Региональное образовательное пространство (РОП) мы рассматриваем как взаимосвязанные рынки образовательных услуг, объекты образовательной инфраструктуры и органы управления территориальной системы образования, взаимодействие которых необходимо для удовлетворения образовательных, культурных, социальных потребностей населения [2, с. 379]. Качество РОП отражается на научном потенциале территории [1] и ее миграционной привлекательности [3].

Совершенствование РОП Ульяновской области активизировалось с реализации региональной Государственной программы 2014–2018 гг. «Развитие и модернизация образования». Дополнительные ресурсы для данной цели регион получил в рамках Государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» (Постановление Правительства РФ № 1642 от 26.12.2017 г.). В частности, открыты три детских технопарка «Кванториум», где ежегодно в мастер-классах и экскурсиях участвуют 1,5 тыс. школьников. Регион заключил меморандум о сотрудничестве с национальным фондом «Талант и успех», Ульяновская область стала одной из площадок Агентства стратегических инициатив в проекте «Кадры будущего для регионов».

В области проводится конкурс муниципальных проектов в области повышения качества жизни населения [4], многие из которых направлены на совершенствование социальной и образовательной инфраструктуры. Одним из них стал автоматизированный информационный ресурс «Навигатор», предоставляющий информацию более чем о 500 организациях, лицензированных кружках и объединениях дополнительного образования. За 2018–2021 гг. в 63 школах области отремонтированы спортивные залы, в 77 школах созданы спортивные клубы, в 57 школах построены открытые

плоскостные спортивные сооружения, в 10 школах перепрофилировали классы для занятий физической культурой и спортом.

Указ Президента РФ № 204 от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 г.» и последующий национальный проект «Образование» задали векторы развития РОП территории. В Ульяновской области реализуется шесть региональных проектов, обеспечивающих достижение целей нацпроекта «Образование»: «Современная школа», «Успех каждого ребенка», «Поддержка семей, имеющих детей», «Цифровая образовательная среда», «Учитель будущего», «Молодые профессионалы». В регионе принят закон «О статусе педагогических работников» № 109-ОЗ от 25.09.2019 г., утвердивший как нормативы финансовой поддержки учителей, так и условия их профессионального развития. К 2024 г. 50 % учителей будут вовлечены в национальную систему профессионального роста педагогических работников.

Таким образом, несмотря на неблагоприятные экономические условия последних лет, в Ульяновской области последовательно проводится политика совершенствования РОП как средства сохранения и наращивания человеческого потенциала региона. Образовательная политика не только сказывается на качестве жизни населения, но и выступает значимым условием социально-экономического развития территории.

Список использованных источников

1. Захарова И. В. Активизация научных исследований молодежи в Ульяновской области // Поволжский педагогический поиск. 2019. № 2 (28). С. 26–31. DOI: 10.33065/2307-1052-2019-2-28-26-31.
2. Захарова И. В. Конкурентоспособность университета как гибридной структуры регионального образовательного пространства // Регионология. – 2020. – Т. 28, № 2. – С. 377–399. DOI: 10.15507/2413-1407.111.028.202002.377-399.
3. Захарова И. В. Миграция и региональная система высшего образования Ульяновской области: риски и возможности // Наука. Культура. Общество. – 2020. – № S 1. – С. 43–46. – DOI: 10.38085/2308829X-2020-1-43-46.
4. О совершенствовании системы стратегического планирования (на примере Ульяновской области) / С. И. Морозов, О. В. Асмус, О. В. Ананьева, Э. В. Круглова // Вестн. Екатеринбург. ин-та. – 2020. – № 1 (49). – С. 4–10.
5. Сагитов С. Т. Инновационное образовательное пространство – важнейшее условие эффективного развития региона: опыт Республики Башкортостан // Педагогика. – 2017. – № 7. – С. 12–27.
6. Ульяновская область в цифрах. 2021 : Краткий статический сборник / ред. Д. Ю. Гудз [и др.]. – Ульяновск : Территор. орган Росстата по Ульян. обл., 2021. – 130 с.

ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА ЛЯМБИРЬ

LOCAL IDENTITY FEATURES RESIDENTS OF LAMBIR VILLAGE

Е. И. Долгаева, канд. социол. наук
МГУ им. Н. П. Огарёва

Е. А. Глуха, специалист по работе с молодежью
Мордовский республиканский молодежный центр

Аннотация. В статье на основе анализа результатов социологического интернет-опроса выявлены особенности локальной идентичности жителей села Лямбировь.

Abstract. Based on the analysis of the results of a sociological Internet survey, the article reveals the features of the local identity of the inhabitants of the village of Lyambir.

Ключевые слова: географические факторы, локальная идентичность, пригород, религиозные факторы, село, этнические факторы.

Keywords: geographic factors, local identity, suburbs, religious factors, rural areas, ethnic factors.

В последние десятилетия в социологии набирают популярность исследования локальной идентичности местных сообществ. Исследователи по-разному трактуют понятие социальной идентичности, но всегда рассматривают его как явление коллективное. В самом общем виде локальная идентичность – это один из уровней территориальной идентичности (наряду с региональной, национальной); она выражается в «чувстве связи с местом, местным сообществом, причастности к событиям, происходящим на „родной“ территории» [1, с. 111].

В связи с глобальными и локальными изменениями в территориальной структуре населения России (процессами урбанизации, дезурбанизации, субурбанизации) и их влиянием на интеграцию (дезинтеграцию) социального пространства особенно актуальными для исследования представляются сельская и городская идентичности. Закономерный интерес в этом смысле вызывают особенности локальной идентичности жителей сел, расположенных рядом с крупными городами. К таким населенным пунктам относится и одно из старейших в Мордовии село Лямбировь (в 2021 г. ему исполнилось 379 лет) – административный центр Лямбирского района, в котором согласно переписи 2011 г. проживало 8 457 жителей [2, с. 23].

В марте 2021 г. нами был проведен пилотажный интернет-опрос «Лямбировь в моей жизни», в ходе которого опрошены 203 жителя с. Лямбировь

старше 18 лет. Анкета сформирована с помощью онлайн-сервиса GoogleDocuments на базе Google.com; ссылка на нее распространялась в социальных сетях среди жителей Лямбрия. Задача обеспечения репрезентативности выборки в опросе не ставилась, однако ее структура по полу, возрасту и этнической принадлежности близка к структуре генеральной совокупности. В частности, этническая структура респондентов включала 62 % татар, 20 % русских и 18 % мордвы (мокши и эрзи).

Цель исследования состояла в определении особенностей локальной идентичности жителей села Лямбрия. В качестве гипотезы мы выдвинули следующие предположения: 1) важнейшими элементами локальной идентичности респондентов являются пантеон героев и личные связи с селом (семья, близкие люди, детство); 2) среди факторов, связывающих участников опроса друг с другом и с селом, доминируют этнически и конфессионально окрашенные.

Исследование позволяет сделать следующие выводы.

Абсолютное большинство респондентов (71 %) маркируют Лямбрия в первую очередь как пригород Саранска. Близость к столице республики считается самой привлекательной с точки зрения проживания в селе (69 %). Другие преимущества Лямбрия отмечались гораздо реже: отсутствие конфликтов (38 %), экологическая ситуация (31 %) и национальный состав населения (12 %). Факторы, обычно притягивающие мигрантов в других населенных пунктах (достойный уровень жизни, наличие рабочих мест с достойной заработной платой, качество образования и медицины, жилья) отметили менее 6 % респондентов.

Среди проблем, снижающих, по мнению респондентов, привлекательность Лямбрия для проживания, упоминались в первую очередь недоступная или некачественная медицинская помощь (45 %) и дефицит рабочих мест с достойной заработной платой (43 %). Следующими по частоте упоминания стали низкое качество услуг ЖКХ (33 %), низкий уровень жизни населения (31 %) и высокие цены на товары и услуги (22 %).

Ответственность за развитие села более половины респондентов возложили на органы власти Республики Мордовия (55 %) и администрацию муниципального района (52 %). Вместе с тем существенная часть опрошенных назвали ответственными самих сельчан (43 %) и администрацию сельского поселения (42 %).

Многонациональный состав села актуализирует вопрос о влиянии этнических факторов на социальную идентичность жителей Лямбрия. Большинство (68 %) оценивают межнациональные отношения в своем селе как спокойные и добрососедские. Вместе с тем значимая часть (24 %) ощущает при внешнем спокойствии межнациональную напряженность на бытовом уровне. Сильную межнациональную напряженность или конфликты в этой сфере отметили в сумме лишь 3 % опрошенных.

Роль каких-либо достопримечательностей (памятников, памятных мест) в представлениях жителей о Лямбрии, скорее всего, не имеет существенного значения. Самый упоминаемый памятник, который респонденты

рекомендовали бы посетить своим гостям, – Аллея славы Героев Советского Союза (38 %). Остальные памятные места указали менее 25 % опрошенных, а 26 % вообще ничего не рекомендовали бы посетить в Лямбиро своим гостям.

Иначе обстоит дело с праздниками, среди которых самым популярным является Сабантуй: 74 % респондентов уверены, что его стоит посетить гостям в первую очередь. Вместе с тем остальные праздники (включая религиозные) упоминаются гораздо реже. Например, день села, «Шумбрат, Мордовия!» и проводы зимы назвали от 24 до 36 % участников опроса; мусульманские праздники Курбан-байрам и Рамазан отметили лишь 10 % опрошенных. Все это позволяет считать Сабантуй межэтническим и межконфессиональным праздником, объединяющим всех жителей Лямбиря.

Если говорить об идентификации с социумом, то большинство участников опроса ощущают наибольшую общность с людьми своей национальности (72 %), религии (65 %) и с жителями своего села (55 %). В то же время сильную связь с жителями Мордовии отметили менее половины респондентов (44 %). Таким образом, можно предположить, что в социальном пространстве Мордовии жители Лямбиря ощущают некоторую обособленность.

Лямбирь у респондентов ассоциируется прежде всего с микроуровнем социального взаимодействия: они чаще всего вспоминают друзей и близких людей (71 %); при этом гораздо реже упоминают Лямбирь как абстрактное «родное село» (31 %) или как место работы и учебы (27 %).

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась частично. Основными элементами, связывающими респондентов с Лямбирем, действительно являются личные, ассоциирующиеся с семьей, близкими людьми. Этнически и конфессионально окрашенные факторы локальной идентичности упоминаются в первую очередь при определении интенсивности социальных связей с любым социумом вообще: здесь общность с жителями своего села по значимости является третьей после общности с людьми своего этноса и религии. Вместе с тем по отношению к селу Лямбирь этнические и конфессиональные маркеры применяются сравнительно редко: и среди преимуществ, и среди проблем села чаще всего упоминаются общие для всех жителей факторы.

Дальнейшего исследования требуют причины межэтнической напряженности, которую на бытовом уровне ощущает примерно четверть опрошенных.

Список использованных источников

1. Недосека Е. В. Локальная идентичность населения моногорода (на примере г. Сокола) // Проблемы развития территории. – 2020. – № 1 (105). – С. 109–122.
2. Численность и размещение населения Республики Мордовия (по итогам переписей населения) : ст. сб. / Мордовиястат. – Саранск, 2012. – 77 с.

МОТИВАЦИЯ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ РАБОТОЙ ЗАНЯТЫХ В DIGITAL-СФЕРЕ

MOTIVATION AND JOB SATISFACTION OF THOSE EMPLOYED IN THE DIGITAL SPHERE

Н. П. Касаткина, канд. социол. наук

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Е. В. Гришина, магистрант

РГУ им. А. Н. Косыгина

Аннотация. На материалах пилотажного социологического опроса охарактеризованы мотивация и удовлетворенность работой занятых в сфере digital. Показано, что преобладает внутренняя мотивация выбора сферы деятельности, основанная на соответствии способностям и интересам. Респонденты удовлетворены работой, поскольку она позволяет реализовать их профессиональные качества, связана с комфортными условиями труда и обеспечивает свободу и самостоятельность.

Abstract. Based on the materials of the pilot sociological survey, the motivation and satisfaction with the work of those employed in the field of Digital are characterized. It is shown that the predominant internal motivation for choosing a field of activity, based on the correspondence of abilities and interests. The respondents are satisfied with their work, since it allows them to realize their professional qualities, is associated with comfortable working conditions and provides freedom and independence.

Ключевые слова: сфера digital, занятость, мотивы, удовлетворенность, работа, трудовая деятельность, цифровизация, интернет-маркетинг.

Keywords: Digital sphere, employment, motives, satisfaction, work, labor activity, digitalization, internet marketing.

Диджитализация стремительно охватывает общественную жизнь: цифровые технологии и устройства прочно вошли не только в область производства, но и в обыденные практики людей. Они трансформируют повседневность и принципы деятельности во многих сферах труда, стимулируют появление новых профессий и занятий. В частности, выделяются такие их сегменты, как интернет-маркетинг (интернет-маркетолог (универсал), SMM-менеджер, контент-маркетолог, комьюнити-менеджер, копирайтер, email-маркетолог, таргетолог, специалист по контекстной рекламе, веб-аналитик, SEO-специалист), аналитика данных (в основном Data Science), интернет-профессии (управление digital-продуктом – руководитель проекта, менеджер по продукту, продуктовый дизайнер, веб-дизайнер, веб-разработчик и т. д.).

Содержанием труда большинства занятых в digital является цифровой маркетинг, предполагающий использование цифровых технологий, информационных каналов и ресурсов для развития и продвижения компании, привлечения и удержания ее клиентов (потребителей) [2]. Несмотря на то, что цифровой маркетинг в нашей стране развивается сравнительно недавно, наблюдается стремительный рост вакансий для digital-специалистов [6]. Наиболее востребованы специалисты по SEO-продвижению, SMM-маркетологи, специалисты по контент-маркетингу. Потребность в них испытывают маркетинговые агентства, компании, использующие Интернет в качестве канала сбыта или планирующие занять новую долю рынка, различные стартапы или IT-компании, которым необходима интернет-стратегия [1].

Особенностью рынка труда в digital является сочетание как как стандартных (по найму, на полный рабочий день), так и нестандартных форм занятости: распространены самозанятость, фриланс, удаленная работа, неполная занятость и т. д. Предлагаемые заработные платы в Digital-сфере существенно варьируются и зависят как от специфики рынка и зарплатных колебаний, так и от знаний, навыков и опыта претендентов на рабочие места. Специфику сферы определяет быстрый темп технологических изменений, что требует постоянной адаптации под новые условия. В связи с этим непрерывное обновление своих знаний и навыков является главным условием стабильного заработка [4].

Порог вхождения в сферу деятельности весьма низкий: новичкам довольно легко найти стажировку в компании, заняться фрилансом или попробовать присоединиться к стартапу. Это обусловлено не только высокой востребованностью специалистов, но и сравнительно лояльными требованиями к образованию. Возможность приобрести необходимые знания и навыки в короткие сроки путем самообразования – серьезное преимущество digital-профессий [3].

Занятые в digital-сфере выстраивают карьерные траектории, которые получили название «протейных» (поливариативных) и отличаются ориентацией на перестройку знаний, навыков и способностей в соответствии с требованиями меняющегося рабочего места и потребности в самореализации [5]. Для них характерна частая смена мест работы, мотивированная стремлением к профессиональному развитию и повышению доходов, а также формированию портфолио, приобретению опыта и связей.

Специфичные черты труда и занятости в стремительно расширяющейся сфере деятельности актуализируют исследования профессиональных и карьерных траекторий digital-работников, их образовательного бэкграунда, мотивов и ценностей трудовой деятельности. Это позволит получить информацию о контурах новой организационно-культурной среды на рынке труда, связанной с множественной занятостью, фрилансом, работой не по найму, а также с нетрадиционными карьерными траекториями работников.

С целью изучения особенностей социально-профессиональной группы занятых в digital-сфере в марте – апреле 2021 года проведено пилотажное исследование «Профессиональная идентичность занятых в digital» в форме

анкетного опроса. Анкета распространялась с помощью социальных сетей и мессенджеров. В частности, использованы таргетированная реклама, настроенная на подписчиков групп о digital-маркетинге, рассылка по подписчикам каналов и чатов Telegram, публикующих новости про digital-сферу. Применение в данном исследовании невероятной стихийной выборки обусловлено крайне низкой доступностью целевой группы, отсутствием статистических данных для определения генеральной совокупности.

В анкетировании приняли участие 106 человек в возрасте от 19 до 44 лет, из которых 53 % женщин, 94 % – горожане. Большинство респондентов (76 %) имеют высшее образование, 13 % – незаконченное высшее, 8 % – среднее профессиональное. По профилю образование весьма разнообразно, однако преобладают экономические (24 %) и математические специальности (23 %).

Большинство респондентов (62 %) трудоустроены по найму, 38 % работают на себя. Превалирует доля тех, чья занятость связана исключительно с digital-сферой (58 %). Высока доля множественной занятости: 18 % совмещают работу в digital-сфере с другой работой, 17 % – с очным обучением. Это свидетельствует о том, что для трудовой деятельности в digital непринципиальна привязка к стационарному рабочему месту с определенным графиком работы, что расширяет возможности для совмещения с другой занятостью. Лояльность к дистанционному либо удаленному формату снижает порог входа в эту сферу, а также позволяет подработать и накопить профессиональный опыт, что немаловажно для молодежи на старте трудовой карьеры.

Комфортные условия труда, расположение места работы, удобный график, а также высокий уровень самостоятельности – доминирующие факторы выбора занятости в Digital. В то же время трудоустройство в соответствии с полученным образованием и социальный пакет не имеют столь значимого влияния. В связи с этим высока доля тех, кто работает не по полученной в системе формального профессионального образования профессии (42 %). Несмотря на это, абсолютно все респонденты считают, что их способности и личные качества полностью (73 %) либо частично (27 %) находят применение в нынешней профессиональной деятельности. Практически все опрошенные удовлетворены своей работой, причем большинство (51 %) – в полной степени.

Позитивное отношение к профессии и работе складывается не только из-за комфортных условий труда и сравнительно высокой самостоятельности. Определяющим фактором является мотивация выбора профессиональной деятельности на основе соответствия способностям (58 %) и интересам (57 %). Эти мотивы дополняют стремление к обеспечению достойного уровня жизни (47 %) и самостоятельности, свободе деятельности (42 %).

Внутренняя мотивация занятости является фактором профессиональной приверженности. Так, доля желающих перейти в иную сферу деятельности в ближайшие 2–3 года сравнительно мала и составляет всего 7 %.

Таким образом, особенности мотивации трудовой деятельности и удовлетворенности работой, демонстрируемые занятыми в digital-сфере,

свидетельствуют о формировании социально-профессиональной группы с более индивидуализированными профессионально-ценностными ориентациями. Это соответствует глобальным изменениям на рынке труда, в частности флексибилизации и развитию платформенной занятости.

Список использованных источников

1. Бырыкина А. И. Digital-маркетолог как профессия будущего / А. И. Бырыкина, А. С. Ветров // Разработка стратегии социальной и экономической безопасности государства. – 2019. – № 1. – С. 130–134. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39213543> (дата обращения: 11.04.2021).
2. Егоров Е. Карта современных Digital профессий / Е. Егоров. – 2020. – 27 нояб. – URL: <https://vc.ru/hr/181461-karta-sovremennyh-digital-professiy-ot-izi-pizi> (дата обращения: 20.04.2021).
3. Касаткина Н. П. От самообразования к самозанятости: непарадный вход молодежи на рынок труда / Н. П. Касаткина, Н. В. Шумкова // Мониторинг обществ. мнения: экон. и соц. перемены. – 2020. – № 3. – С. 220. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-samoobrazovaniya-k-samozanyatosti-neparadnyu-vhod-molodezhi-na-rynok-truda>.
4. Петрова Е. В. О специфике профессиональных траекторий в сфере интернет-рекламы: на материале биографий представителей сегмента digital-агентств / Е. В. Петрова, А. А. Борисова // Информ. о-во. – 2018. – № 6. – С. 61–69. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37299491> (дата обращения: 11.04.2021).
5. Попова И. П. Исследования карьеры: ресурсы междисциплинарности в социологической перспективе / И. П. Попова // Социол. исслед. – 2020. – № 12. – С. 18–30. – URL: <http://sosis.isras.ru/files/File/2020/12/Popova.pdf>.
6. Российский рынок труда в маркетинге, рекламе и PR. – 2021. – 5 мая. – URL : <https://saransk.hh.ru/article/research> (дата обращения: 09.05.2021).

УДК 316.44

ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ РОССИЙСКИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ (НА ПРИМЕРЕ МГУ им. Н. П. ОГАРЁВА)

DIGITAL LITERACY OF RUSSIAN TEACHERS (ON THE EXAMPLE OF THE OGAREV MORDOVIA STATE UNIVERSITY)

О. А. Кеметькина, магистрант
МГУ им. Н. П. Огарёва

Т. Г. Маторкина, магистрант
МГУ им. Н. П. Огарёва,
Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»

Аннотация. Данная статья посвящена изучению уровня цифровой грамотности преподавателей МГУ им. Н. П. Огарёва. Проведенное социологическое исследование свидетельствует, что они активно используют

различные цифровые технологии для эффективности образовательного процесса.

Abstract. This article is devoted to the study of the level of digital literacy of teachers of the Ogarev Mordovia State University. As a result, the authors come to the conclusion that teachers are actively using various digital technologies for the effectiveness of the educational process.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая грамотность, преподаватели, дистанционное обучение, система образования

Keywords: digitalization, digital literacy, teachers, distance learning, education system

На сегодняшний день сложно себе представить сферу общественной жизни, которая не была бы подвергнута цифровизации, компьютеризации либо автоматизации. Постепенный переход к цифровому формату общественных процессов и трансграничность образовательной среды актуализировали проблему цифровой грамотности среди российских преподавателей высшей школы.

Изучение цифровой грамотности российских преподавателей высших учебных заведений представляется актуальной задачей, особенно в контексте пандемии коронавирусной инфекции, когда большинство вузов страны перешли сначала на дистанционный, а затем и на смешанный формат обучения.

Цель статьи – на основе материалов социологического исследования выявить уровень цифровой грамотности преподавателей МГУ им. Н. П. Огарёва, являющейся важной чертой современного образовательного процесса и поэтому затрагиваемой в большинстве научных публикаций последних лет.

Б. Брактя [5], Л. Томчик [6] отмечают важность перехода стран Европейского союза на дистанционный формат образования, поскольку в условиях ограничительных мер принципиально важно не допустить распространения коронавируса среди студентов вузов, а также защитить преподавателей от новой угрозы.

На возможность перехода к полной цифровизации образования указывает А. Бролпито [4]. Автор пишет о том, что в современных условиях развития техники и технологий офлайн-формат обучения в вузах постепенно изживает себя, поэтому требуются новые формы, особенно с учетом негативных тенденций последнего времени (риски для здоровья студентов, высокие нагрузки по образовательным предметам и т. д.).

Т. А. Бороненко отмечает важность формирования электронного правительства в контексте цифрового развития и упрощения получения государственных услуг [1]. В цифровом взаимодействии автор видит будущее общественных отношений и проникновение информационных технологий в основные сферы общественной жизни.

И. А. Алёхин отмечает высокий уровень цифровой грамотности

российских преподавателей, особенно в возрасте до 50 лет [2]. Однако А. А. Конкин указывает на недостаточность программного обеспечения преподавателей, что ведет к постоянным сбоям в работе и невозможности эффективно организовать рабочий процесс [3]. Будучи профессионалами, преподаватели предпринимают максимум усилий для организации учебного процесса, а администрация вуза создает условия для оптимального рабочего процесса и получения студентами необходимого объема знаний.

С целью выявления уровня цифровизации высшего образования на уровне региона был проведен опрос, в ходе которого было опрошено 384 преподавателей МГУ им. Н. П. Огарёва, среди которых 37 % мужчин и 63 % женщин. Выборка целевая, были охвачены все факультеты и институты. Метод сбора социологической информации – анкетный интернет-опрос.

Медианный возрастной интервал составил 36–55 лет. Значительную долю (27 %) представляют кандидаты наук со стажем работы более 20 лет.

Полученные данные показывают, что большинство преподавателей (61 %) обладают базовым уровнем владения информационными технологиями, продвинутый уровень чаще встречается среди молодых специалистов (35 % против 25 % в среднем по выборке).

Преподаватели быстро адаптировались к дистанционному обучению, приобрели необходимые навыки и компетенции. Более половины опрошенных (55 %) высоко оценивают свой уровень владения дистанционными технологиями, в то же время 43 % обозначили свои навыки как «средние». Стоит отметить, что до пандемии лишь 29 % опрошенных еженедельно использовали дистанционные технологии в процессе преподавания.

В целом более половины преподавателей (61 %) положительно относятся к использованию дистанционных технологий в процессе обучения. Негативное отношение к их использованию чаще всего отмечается у преподавателей со стажем более 20 лет (87 % против 29 %).

Внедрение информационных технологий изменило подходы к оцениванию знаний студентов. Значительная доля респондентов (48 %) отметили, что система оценивания стала менее строгой, каждый четвертый (24 %) посчитал, что подход не изменился. Следует заметить, что требования, предъявляемые к студентам у преподавателей, расходятся. Так, мнение преподавателей разделилось поровну по поводу оценки «удовлетворительно»: одни утверждают, что студент должен понимать основные темы, другие исходят из того, что при необходимости следует самостоятельно изучать неусвоенное, идентичное количество опрошенных считают, что оценку «удовлетворительно» нужно ставить тем, кто слабо освоил содержание основных тем, для изучения которых еще нужны дополнительные занятия. Преподаватели в качестве формы контроля чаще стали использовать индивидуальные (51 %) и групповые проекты (40 %). Данные виды контроля наиболее популярны у преподавателей географического и архитектурно-строительного факультетов, а также институтов механики и энергетики и национальной культуры.

По мнению 85 % опрошенных, переход на дистанционное образование

создает дополнительную нагрузку на преподавателей и требует увеличения усилий. Более половины опрошенных (66 %) согласны с тем, что переход учебного процесса в онлайн-формат приведет к сокращению числа преподавателей. Так ответили респонденты Аграрного института (73 %), Историко-социологического института (91 %) и факультета иностранных языков (66 %).

Как показало исследование, существуют проблемы недостаточности материальной обеспеченности. Преподаватели ссылаются на низкую оснащенность аудиторий мультимедийным оборудованием (24 %). Данный факт особо подчеркнули преподаватели Аграрного института, архитектурно-строительного и юридического факультетов. Кроме того, преподаватели отметили, что им для эффективной работы недостает компьютерных программ и баз данных (66 %), проекторов, аудио- и видеотехники и другого мультимедийного оборудования (64 %), доступа в Интернет (54 %), специализированного профессионального программного обеспечения (33 %) и лабораторного оборудования (32 %).

Результаты исследования коррелируют с данными зарубежных и отечественных исследований, касающихся цифровой грамотности преподавателей.

Российские преподаватели обладают «средним» уровнем владения информационно-коммуникационными технологиями в педагогической деятельности. Преподаватели вузов активно используют различные цифровые технологии для того, чтобы обеспечить своих студентов обратной связью. Наиболее популярными среди преподавателей МГУ им. Н. П. Огарёва коммуникационными платформами и видами программного обеспечения, как и в большинстве российских вузов, являются Zoom, Skype, MicrosoftOffice (MSTeams). В то же время они отмечают, что процесс цифровизации института образования приводит к сокращению числа преподавателей, а также создает дополнительную нагрузку.

Список использованных источников

1. Бороненко Т. А. Цифровое наставничество : готовы ли учителя участвовать в формировании цифровой грамотности школьников? / Т. А. Бороненко, В. С. Федотова // Ярослав. пед. вестн. – 2020. – № 4. – С. 33–44.
2. ИКТ-грамотность и ИКТ-компетентность как ключевые индикаторы профессионального развития и роста преподавателя / И. А. Алёхин, И. Н. Айнутдинова, Т. М. Трегубова, Р. С. Куликов [и др.] // Мир образования – образование в мире. – 2019. – № 2. – С. 73–84.
3. Конкин А. А. Проблема цифровой грамотности преподавателя вуза XXI века / А. А. Конкин // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитар. исслед. – 2020. – № 3. – С. 118–122.
4. Brolpito A. Digital skills and competence, and digital and online learning / A. Brolpito. – Turin : European Training Foundation, 2018. – 72 p.
5. Establishing reliability and validity of an instrument to measure digital literacy practices and perceptions in higher education / В. Braktia, L. E. Haas, A. M. Montenegro Sanchez, A. V. Koptelov // Informatics and Education. – 2021. – № 1. – P. 33–37.
6. Tomczyk L. Online safety as a new component of digital literacy for young people / L. Tomczyk, L. Eger // Integration of Education. – 2020. – № 2. – P. 172–184.

СОВРЕМЕННОЕ НАРОДНОЕ ЦЕЛИТЕЛЬСТВО

MODERN FOLK HEALING

Т. Г. Маторкина, *магистрант*

МГУ им. Н. П. Огарёва,

Государственное казенное учреждение Республики Мордовия

«Научный центр социально-экономического мониторинга»

Аннотация. В статье рассматривается народное целительство как проявление альтернативной и комплементарной медицины. Особое внимание уделено позитивным и негативным чертам народной медицины.

Abstract. The article examines folk healing as a manifestation of alternative and complementary medicine. Particular attention is paid to the positive and negative features of traditional medicine.

Ключевые слова: народная медицина, целительство, магия.

Keywords: traditional medicine, traditional healing, magic.

Современный этап развития постиндустриального общества предоставляет обывателю вариативность форм и методов поддержания здоровья и лечения недугов, болезней. В обществе стал наблюдаться рост интереса к практикам народного целительства, которые представляют определенный научный и практический интерес.

Определенное развитие народное целительство получает именно в настоящее время, поскольку после распада Советского Союза произошло активное возвращение к практикам народной медицины. Традиционная медицина в новых условиях просит государственные органы взять под контроль деятельность народных целителей, поскольку не уверена в пользе для здоровья человека многих народных рецептов и частных практик по лечению недугов людей.

В традиционном нормативном понимании народное целительство представляет собой формы народной медицины. Они включают методики оздоровления, а также диагностику заболеваний, их профилактику на основе опыта предков (нескольких поколений людей) без юридического оформления в качестве лекарственных средств фармацевтической направленности. Можно также встретить понятия «альтернативные формы медицины», «народное оздоровление», «лечебная магия», «комплементарная медицина», которые в большинстве случаев тождественны народному целительству.

Исторические корни народного целительства можно обнаружить в древности, когда магические ритуалы выступали в качестве первых попыток оказания «врачебной» помощи. Определенная устойчивость веры в народную медицину обусловлена психологическими установками самого человека,

который верит в то, что выздоровеет, если обратится к знахарю, повитухе и т. д. В рамках социологии религии именно магические ритуалы порождают уверенность индивида в успешности лечения, хотя документальных свидетельств эффективности народной методики может просто не существовать. Обусловлено это тем, что магия сочетает в себе обрядовые социальные практики и представления людей, традиции, согласно которым воздействие на людей происходит особыми, уникальными способами, неизвестными традиционной медицине.

Сакральный смысл народного целительства состоит в обращении к магическим силам, с которыми у врача особые способы взаимодействия, поэтому человек может легко изменять состояния объектов материального мира, в том числе в ракурсе лечения определенными способами. Постепенно видоизменяясь, магия в своей основе базируется на классических представлениях о ней (защитная и агрессивная, гомеопатическая и очистительная и др.). Как нам представляется, определенные виды магии не противостоят, а органично дополняют друг друга, поскольку магические ритуалы являются сложными по своему составу, т. е. не могут быть описаны в рамках одного признака или индикатора.

Среди отечественных исследователей, которые занимались изучением народного целительства, отметим таких авторов, как Л. Н. Антонова, А. М. Василенко, А. С. Петрова и др.

В. И. Харитоновна отмечает, что до начала XIX столетия не было деления медицины на традиционную и нетрадиционную, поскольку некоторые методики органично сочетали в себе прогрессивные идеи того времени, которые касались лечения людей. Само понятие «народная медицина» впервые стало употребляться с первой половины позапрошлого века. Целительство включало определенные социальные практики населения, которые касались собственного здоровья. Сюда относилось не только знахарство, которое по большей части базировалось на знаниях основ магии, но и гигиенические практики, а также обращение к врачам, представителям медицинского сообщества. Термин «народная медицина» предусматривал все возможности, которые были в арсенале населения. Практикующие врачи, однако, не отказывались от попыток разоблачения условно медицинских мифов о ее пользе для здоровья, которые бытовали у населения [4].

С начала XX столетия в странах, которые развивали научные знания, лабораторно доказанные медицинские методы постепенно стали доминировать как эффективные и лечащие болезни. После этого народная медицина стала ассоциироваться с иррациональными формами борьбы с недугами, с обращением за помощью к знахарям, как рискованная альтернатива классической врачебной практике. Постепенно народные целители стали восприниматься как маги, манипуляторы, ведающие люди, которых приглашали, когда традиционная медицина была бессильна вылечить болезнь человека.

Л. Н. Антонова отмечает, что традиционная медицина осуществляет постоянный мониторинг за народным целительством, поскольку многие

народные методы показывают свою эффективность. Автор приводит в пример исследования растительных лекарств, которые традиционно применяются в китайской народной медицине. С их помощью удалось создать активно действующее вещество (на основе полыни), ставшее основой лекарства от малярии [1].

К. И. Коробко, отмечает, что нормативное регулирование деятельности целителей в России регулирует Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. В п. 1. ст. 50 указанного нормативно-правового акта народная медицина характеризуется как методы оздоровления организма, которые утвердились в народных практиках, в основе которых лежат знания, умения и навыки, которые касаются восстановления здоровья. Также нормативно закреплено положение о том, что оккультные или магические ритуалы, а также практика проведения обрядов религиозной направленности не относятся к народной медицине. В п. 2 ст. 50 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определено, что право на занятия народным целительством может получить гражданин, который получил соответствующее разрешение на деятельность от органа исполнительной власти на региональном уровне в сфере здравоохранения [2].

Как и у любого социального явления, у народного целительства есть как положительные, так и отрицательные стороны.

М. А. Лаврентьева отмечает следующие позитивные стороны народного целительства:

– в рамках народного целительства организм человека рассматривается как единое целое, без деления на физиологические процессы, психические проявления, эмоциональные всплески, духовное начало;

– процедуры лечения проводятся с использованием всех ресурсов организма, когда находится оптимальный баланс физического и духовного начала в человеке;

– из-за акцента на лечении всего организма происходит персонализация внимания на человеке, что существенно отличает данный индивидуальный подход народного целителя от формального отношения, который человек встречает при посещении поликлиники и лечения у врача;

– положительной чертой будет использование средств профилактики заболеваний, когда в первую очередь устраняется причина болезни, а не ее последствия [3].

В целом, следует согласиться с доводами М. А. Лаврентьевой в том, что нередко методы народного целительства достаточно эффективны, особенно если их сочетать с достижениями традиционной медицины для усиления общего положительного эффекта.

Вместе с тем, помимо положительных черт, нередко можно увидеть отрицательный эффект, который проявляется в следующих аспектах:

– многие из народных целителей не имеют медицинского образования, элементарного представления о физиологии человека, поэтому применение

народных методик может принести больший вред, чем потенциальную пользу для пациента;

– народные способы лечения не имеют статистических данных об эффективности той или методики, которая применялась к человеку, нет также данных об исходном состоянии и полученном результате;

– клиенты народных целителей достаточно часто слабо себе представляют, чем знахари отличаются от обыкновенных шарлатанов, которые пытаются заработать на страхах и доверчивости людей, по совету родных или знакомых человек отправляется к ложному целителю, у которого оставляет остатки здоровья и финансовых средств (многим такие походы стоят не только здоровья, но и жизни).

На наш взгляд, появление существенного числа «народных» целителей вполне закономерно в условиях развития рыночных отношений, поскольку если есть спрос на данные услуги, всегда найдутся те, кто их окажет. При этом навыки и профессиональное мастерство уходят на второй план, выставляя в приоритеты коммерческую выгоду, а не стремление реально помочь людям в их беде.

Таким образом, в традиционном понимании народное целительство представляет собой формы народной медицины. Они включают методики оздоровления, а также диагностику заболеваний, их профилактику на основе опыта предков (нескольких поколений людей) без юридического оформления в качестве лекарственных средств фармацевтической направленности. Как и у любого социального явления, у народного целительства есть как свои плюсы, так и минусы. Одними из основных задач для общества, на наш взгляд, должны стать научное просвещение населения, а также более активная позиция представителей медицины в борьбе с мошенниками, которые активно маскируются под «целителей», «шаманов», «знахарей», принося своим «лечением» больше вреда, чем пользы.

Список использованных источников

1. Антонова Н. Л. Народное целительство : pro et contra / Н. Л. Антонова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narodnoe-tselitelstvo-pro-et-contra/viewer> (дата обращения: 17.05.2021).

2. Коробко К. И. Правовое регулирование в сфере народной медицины в Российской Федерации / К. И. Коробко. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-v-sfere-narodnoy-meditsiny-v-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 17.05.2021).

3. Лаврентьева М. А. Проблемы народной медицины в реалиях современного общества / М. А. Лаврентьева. – URL : <http://edrj.ru/article/05-10-2018> (дата обращения: 17.05.2021).

4. Харитоновна И. В. Традиционная магико-медицинская практика и современное народное целительство / И. В. Харитоновна. – URL: <http://www.amarussia.ru/харитоновна-в-и-традиционная-магико-ме/> (дата обращения: 17.05.2021).

**КОНТЕКСТНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК МЕТОД ПОДДЕРЖАНИЯ
АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ У ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ**

**CONTEXTUAL LEARNING AS A METHOD OF MAINTAINING ACTIVE
LONGEVITY IN THE ELDERLY**

О. Н. Миронова, студентка
МГУ им. Н. П. Огарёва

Т. В. Черкасова, канд. социол. наук
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. В статье рассматривается методика контекстного обучения при организации социальной работы с пожилыми людьми в рамках организации их досуга и активного долголетия.

Abstract. The article examines the methodology of contextual learning in the organization of social work with the elderly within the framework of the organization of leisure and active longevity.

Ключевые слова: контекстное обучение, социальная работа с пожилыми, активное долголетие, досуг.

Keywords: contextual learning, social work with the elderly, active longevity, leisure.

Тенденцией последних лет стало общее увеличение продолжительности жизни, в связи с чем актуальной становится проблема старения населения, увеличения числа лиц пожилого возраста. Указанная категория граждан достаточно часто испытывает чувство ненужности, низкой востребованности со стороны окружающих людей, которое вызвано как психологическими факторами (окончание трудовой деятельности, снижение физической активности и т. д.), так и социальными преобразованиями (смена социального статуса, социальной роли, социальных ожиданий, материальные ограничения и т. п.). Современный быстро меняющийся мир обуславливает проблематику поиска новых форм и подходов по адаптации лиц «третьего возраста» к изменяющейся среде.

Современный этап развития социальной работы характеризуется активным внедрением новых технологий и инновационных форм деятельности с различными категориями граждан, в том числе с пожилыми людьми. На данный момент опробованы и хорошо себя зарекомендовали клубы по интересам, программы, направленные на сохранение здорового образа жизни, активного долголетия, а также иные эффективные меры социальной помощи и адаптации лиц, которые вышли на пенсию. Методика контекстного обучения могла бы тоже явиться действенным механизмом для

работы с пожилыми людьми в поддержке их активного долголетия и потенциала. На данный момент эта методика пока получила слабое развитие в социальной работе с пожилыми людьми, однако она при должном отношении и профессионализме способна принести ощутимый позитивный эффект и способствовать повышению самооценки пенсионера.

Отчасти сложившееся положение дел обусловлено изначальной спецификой контекстного обучения, которое предполагает использование педагогических технологий и психологических методик для эффективного обучения прежде всего молодежи, студентов вузов. Однако данная технология вполне применима и для лиц «третьего возраста», которые, хотя и вышли на пенсию, вполне могут переобучаться и постигать новую информацию.

Изучение специфики и необходимости использования методики контекстного обучения как одной из мер социальной поддержки представлено в работах таких авторов, как А. В. Батаршев [1], Н. В. Бирюкова [2], В. Н. Каменских [4; 5] и др.

Контекстная (контекстно-знаковая) форма обучения представляет собой совокупность действий, отработка которых применяется в процессе обучения и ориентирована на использование узкоспециализированных знаний, передающихся в процессе обучения и осваиваемых обучаемым, что повышает их профессионализм в той или иной области знаний.

В научной концепции основоположника контекстно-знакового обучения А. А. Вербицкого процесс построения учебного процесса сопряжен с использованием педагогических навыков и осуществляется за счет понимания контекста проблемы, научного, практического и учебного формата ее решения в определенных условиях деятельности человека. Указанный автор основы педагогической деятельности видит в обучении посредством получения новой информации либо в обучении посредством активной деятельности по усвоению нового материала [3, с. 199]. Считаем, что все указанное применимо и к социальной работе с пожилыми людьми, которые обучаемы, путем повторения определенных действий понимают общий контекст и могут освоить новые знания и навыки.

Формат контекстного обучения является следствием изучения практических процессов, которыми активно занимаются лингвистика, логика, современная психология. Так, в рамках психологической трактовки контекст связан с термином «ситуация» и определяет те условия, которые мотивируют субъекта проявить активность и предпринять определенные действия. Получается, что в имеющуюся ситуацию попадают внешние условия, а также люди, с которыми субъект осуществляет разного рода контакты.

Таким образом, контекстная (контекстно-знаковая) форма обучения представляет собой совокупность действий, отработка которых применяется в процессе обучения и ориентирована на использование узкоспециализированных знаний, передающихся в процессе обучения и осваиваемых обучаемым, что повышает их профессионализм в той или иной области знаний. Процесс построения контекстного учебного процесса лиц пожилого возраста сопряжен с использованием педагогических навыков и

осуществляется за счет понимания контекста проблемы, научного, практического и учебного формата ее решения в определенных условиях деятельности человека. Контекстный подход помогает пожилым людям усвоить новый социальный опыт в результате активной практической работы пожилого человека во время психологических тренингов, дискуссионных лекций, занятий по релаксации и медитации. Тренинговая форма работы является наиболее важной для данной категории людей, так как именно она позволяет с помощью различных упражнений, игр, творческих заданий и разминок дать возможность активизироваться коммуникативным навыкам и эмоционально-волевой сфере пожилых людей.

Оптимально использование контекстного подхода при организации культурно-досуговой работы с пожилыми людьми в отделениях дневного пребывания при социальных службах. В частности, летом 2021 г. ГБУ РМ «Комплексный центр социального обслуживания по г. о. Саранск» принял участие в реализации социально значимого проекта «Оптимизм на пенсии», организатором которого является Мордовское республиканское отделение общероссийского благотворительного общественного фонда «Российский фонд милосердия и здоровья». Вниманию посетителей отделения дневного пребывания КЦСО была предоставлена развивающая программа, включающая курс по основам геронтопсихологической, педагогической самопомощи и взаимопомощи и др. Во время обучающих встреч был рассмотрен материал, широко используемый в практике психологической самопомощи, а также методы трудотерапии и терапии занятостью, музыкотерапии, арт-терапии, библиотерапии и т. д.

Проведение комплекса подобных контекстных занятий и встреч позволяет пожилому человеку изменять свой внутренний мир, обогатив его новыми знаниями, умениями и навыками, а также способностью посмотреть на свой возраст с позитивной точки зрения и другого эмоционально-чувственного ракурса.

Список использованных источников

1. Батаршев А. В. Организаторские и коммуникативные качества личности в аспекте контекстного обучения / А. В. Батаршев. – М. : Нова, 2016. – 196 с.
2. Бирюкова Н. В. Возможности контекстного обучения для формирования и развития личностных смыслов обучения // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 2. – С. 99–101.
3. Вербицкий А. А. Контекстное обучение в социальной работе // Теоретические основы подготовки социальных работников. – М. : Нова, 2009. – С. 199–210.
4. Каменских В. Н. Методика контекстного обучения в реализации комплексной психологической программы при работе с пожилыми людьми // Педагогика и психология образования. – 2014. – № 2. – С. 105–111.
5. Каменских В. Н. Социально-психологический портрет пожилых людей и использование контекстного обучения // Вестн. МГГУ им. М. А. Шолохова. – 2019. – № 1. – С. 61–64.

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ШКОЛЬНИКОВ
г. САРАНСКА**

**EDUCATIONAL STRATEGIES OF SCHOOLCHILDREN
OF SARANSK**

Е. Ю. Рябова, *магистрант
МГУ им. Н. П. Огарёва*

А. В. Шмаркова, *магистрант
МГУ им. Н. П. Огарёва*

Аннотация. В статье рассматриваются основные стратегии школьников: жизненные, образовательные, профессиональные. Приведены данные социологического исследования, которые свидетельствуют о том, что высшее образование является определенным индикатором социальных тенденций в современном обществе. Материалами для исследования послужили данные опроса, проведенного на базе кафедры социологии и социальной работы МГУ им. Н. П. Огарева в мае 2021 года.

Abstract. The article discusses the main strategies of schoolchildren: life, educational, professional. The data of a sociological study are presented, which indicate that higher education is a certain indicator of social trends in modern society. The materials for the study were the data of a survey conducted on the basis of the Department of Sociology and Social Work of the N. P. Ogarev Mordovian State University in May 2021.

Ключевые слова: образовательные стратегии, школьники, профессия, рынок труда, система образования, регион, представление, востребованность.

Keywords: educational strategies, schoolchildren, profession, labor market, education system, region, presentation, demand.

Ключевой составляющей социального развития современного государства является система образования. Благодаря ей осуществляется качественное обучение и происходит пополнение кадров рабочей силы, что способствует развитию производства, сферы услуг, качественному росту основных показателей деятельности государства.

Изучение профессионально-образовательных стратегий выпускников общеобразовательных учреждений г. Саранска представляется востребованным и актуальным с точки зрения понимания мотивов выбора профессии, желания или нежелания поступать в вуз и т. д.

Гипотезой статьи является предположение о том, что большинство выпускников 11-го класса планируют поступать в высшие учебные заведения страны, однако имеют лишь общее представление о профессии, которую будут

получать в случае зачисления в вуз. Цель статьи – на основе материалов социологического исследования рассмотреть образовательные стратегии школьников г. Саранска.

В российской и иностранной литературе подчеркивается важность образовательных стратегий выпускников школ в ракурсе векторов развития в системе образования, тенденций и трендов в ней, а также личностного роста подростка.

Жизненные стратегии традиционно принято рассматривать в контексте реализации поставленных перед человеком целей и задач, т. е. более масштабно и не всегда с учетом реализации образовательных и профессиональных стратегий [1, 4]. Однако ряд исследователей (Л. С. Самсоненко [3], К. С. Дивисенко [2] и др.) изучают жизненные планы учеников старших классов через призму образовательных стратегий.

Образовательная стратегия базируется на механизмах по достижению поставленных целей в образовательной сфере. Она включает в себя как адаптивную вариацию (индивид подстраивается под сложившиеся обстоятельства) [4], так и активную позицию (индивид самостоятельно изначально ставит достижимую цель, идет к ней и достигает либо не достигает) [5].

Профессиональная стратегия личности представляет собой производную характеристику от образовательной стратегии, поскольку является следствием реализации поставленных целей в сфере образования.

В целом отметим, что большинство исследователей отмечают тесную взаимосвязь жизненных, образовательных и профессиональных стратегий индивидов в современном социуме.

Материалами для исследования послужили данные опроса, проведенного на базе кафедры социологии и социальной работы в мае 2021 года. Опрошено 300 выпускников 11-х классов г. Саранска, среди которых 49 % юношей и 51 % девушек.

Квота была выбрана исходя из типа учебного заведения, а выборка – стратифицированная и кластерная. В ходе полевого исследования был охвачен ряд образовательных организаций г. Саранска: школы (№ 1, 9, 11, 17), гимназии (№ 12, 20, 23, 29), лицеи (№ 4, 7, 25, 26, 31).

У большинства опрошенных школьников родители имеют высшее образование (86 % матерей и 78 % отцов). У 72 % выпускников школ родители достаточно регулярно интересуются школьной успеваемостью своего ребенка, у 24 % – периодически, от случая к случаю, у 4 % – практически не проявляют интереса к учебе своего ребенка.

Как показало исследование, большинство школьников (86 %), как юношей, так и девушек, после окончания школы планируют поступить в высшее учебное заведение. Гендерный срез не выявил существенных различий в их установках. Более 90 % опрошенных будут пытаться поступать в выбранное учебное заведение: по общему конкурсу (на основе полученных баллов по Единому государственному экзамену) – 81 %, в рамках целевого приема – 11%.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что техникумы и колледжи представляют интерес для детей из семей с низким материальным достатком – до 15 000 р. на одного члена семьи – 56 % против 11 % (в среднем по массиву), тогда как в более материально обеспеченных семьях предпочитают стоять планы по поступлению в высшие учебные заведения (79 % против 26 % (в среднем по массиву)).

Большинство выпускников (37 %) стремятся поступать в «родной» вуз. Среди учреждений высшего образования, которые рассматривают школьники, выделим ТОП 5 самых упоминаемых вузов: Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (27 %), Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева (10 %), Казанский федеральный университет (6 %), РАНХиГС (5 %), а также Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (4 %).

Наиболее престижные российские вузы чаще выбирали выпускники гимназии № 12. Школьники упомянули такие вузы, как РНИМУ им. Н. И. Пирогова, Московский государственный лингвистический университет, МГУ им. М. В. Ломоносова, Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова, МГИМО и т. д. Гимназия считается одной из лучших школ г. Саранска, поэтому уровень притязаний ее старшеклассников достаточно высокий.

К наиболее предпочтительным специальностям можно отнести следующие направления: медицинское (врач – 24 %), информационное (программист – 15 %), экономическое (экономист – 15 %), лингвистическое (переводчик – 12 %), юридическое (юрист – 12 %), психологическое (психолог – 10 %).

Школьники мало знают о своей будущей специальности. Более половины опрошенных имеют только общее представление о содержании и условиях труда по выбранной специальности (60 %), о размере заработной платы (59 %), о требованиях, предъявляемых к способностям и личным качествам (44 %), о возможных местах трудоустройства по профессии (51 %), о перспективах карьерного роста (50 %).

У подростков в тренде качественное образование: более половины школьников г. Саранска (56 %) отмечают качество образования как основной мотив при поступлении. Среди мотивов выделяются также оценка шансов на поступление (пройти по конкурсу) – 50 %, близкое расположение (34 %) и престижность вуза (31 %).

На основе полученных выводов можно представить следующие практические рекомендации, которые позволят сформировать у выпускников школ оптимальное видение их образовательных стратегий:

- представителям кафедр вузов необходимо проработать вопрос информирования школьников о практических сторонах получаемой профессии;

- требуется агитация в социальных сетях и мессенджерах в привычной для школьников форме и манере подачи информации, необходимо привлекать самих студентов, которые знают особенности восприятия информации среди

подростков, а также наиболее востребованные форматы такого информирования (ролики в ТикТок, YouTube, информация в постах в Инстаграм, социальных сетях и т. д.).

Представленная в исследовании квота, исходя из типа учебного заведения (при сохранении стратифицированной и кластерной выборки), не может быть использована на уровне региона (Республика Мордовия), поскольку требует доработки с учетом контингента учащихся сельских школ. Они должны быть представлены в выборочной совокупности, поскольку их образовательные стратегии также представляют научно-практический интерес.

Список использованных источников

1. Алешковский И. А. Жизненные планы и профессиональные ориентации молодежи: социологический анализ / И. А. Алешковский, О. В. Крухмалева // *Alma mater (Вестн. высш. шк.)*. – 2018. – № 10. – С. 15–20.
2. Дивисенко К. С. Жизненные планы старшеклассников вчера и сегодня // *Психология обучения*. – 2019. – № 5. – С. 41–51.
3. Самсоненко Л. С. Изучение жизненных планов у современных старшеклассников // *Балкан. науч. обозрение*. – 2019. – № 3. – С. 58–61.
4. Тимошенко Е. В. Особенности жизненных планов современных // *Амур. науч. вестн.* – 2020. – № 3. – С. 28–33.
5. Wannebo W. Conditions and strategies high school students living in lodgings experience as important and helpful for their well-being // *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*. – 2018. – Vol. 13. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17482631.2018.1481310> (дата обращения: 04.07.2021). – DOI 10.1080/17482631.2018.1481310.

УДК 316.61

КУЛЬТУРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

CULTURAL SOCIALIZATION OF STUDENT YOUTH

А. О. Сименюк, магистрант
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. В статье представлены результаты авторского социологического опроса, в ходе которого были изучены основы культурной социализации студенческой молодежи регионального социума. В ходе исследования было выявлено, что массовая культура, в отличие от элитарной и традиционной, оказывает существенно большее влияние на процессы социализации студентов в Республике Мордовия.

Abstract. The article presents the results of the author's sociological survey, during which the foundations of cultural socialization of student youth were studied. The study revealed that mass culture, in contrast to elite and traditional culture, has

a significantly greater impact on the processes of socialization of students in the Republic of Mordovia.

Ключевые слова: студенты, культурная социализация, массовая культура, установки.

Keywords: students, cultural socialization, mass culture, attitudes.

Современный этап развития социальных отношений постиндустриального общества характеризуется активным развитием сферы культуры как на федеральном, так и на региональном уровне. Вступление в новое информационное общество неизбежно породило трансформации в восприятии информации, ее критическом осмыслении и анализе со стороны населения регионального социума. Все очевиднее проявляется социализирующая функция социальных сетей, массовость культурных детерминант общества, а также альтернативные возможности духовного развития личности.

Культура в широком смысле представляет собой сочетание всех видов и результатов деятельности человека, которая носит преобразующий характер. Причем культуру может создавать не только отдельный, конкретный индивид, но и группа лиц, а также общество в целом.

В узком значении термин «культура» обозначает следующие основные проявления:

– культура как уровень воспитанности, причем отдельно отметим, что уровень образованности автоматически не означает высокий уровень культуры: можно быть образованным человеком, но не обладать тактом и толерантным отношением к окружающим людям;

– культура как форма деятельности – в указанном контексте под культурой понимается процесс создания объектов культуры (например, написание картины художником или лепка скульптуры скульптором);

– культура как итоговый результат деятельности человека, который можно наблюдать в музеях, выставочных комплексах, на тематических встречах, где творческие личности выставляют свои полотна, иные результаты креативной деятельности.

Среди основных форм культуры принято выделять традиционную (народную), массовую и элитарную. Указанные формы на современном этапе испытывают на себе процессы глобализации, что не всегда позитивно отражается на процессах социализации. Следует отметить, что нами сделан акцент на массовой культуре, поскольку в настоящий момент именно она выступает доминирующим фактором культурной социализации молодежи.

В. В. Козин, рассмотрев основные проявления культурной социализации личности, выделяет следующие аспекты:

– система ценностей и культурных ориентиров имеет тесную взаимосвязь с процессами общественного развития, восприятием людьми окружающей действительности;

– в контексте культурной социализации традиционные социальные

практики и ценностные ориентации постепенно заменяются инновационными формами, происходит своего рода конкуренция старых и новых норм поведения. Особенно отчетливо указанные тенденции проявляются в новом информационном обществе, где общение происходит в виртуальных социальных сетях («цифровая молодежь»);

– органы государственной власти должны координировать работу с молодежью в условиях культурной социализации, в возможности получения качественного образования и реализации жизненных притязаний молодого поколения россиян [1, с. 10].

Влияние культуры на процесс социализации личности в период обучения в высшей школе представляет практический интерес для изучения разных проявлений общественных отношений в региональном социуме. В указанном контексте было важным проследить основные проявления культурной социализации в студенческой среде.

Для эмпирического анализа в авторском социологическом исследовании респондентами выступили студенты двух наиболее крупных высших учебных заведений Республики Мордовия (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»), а также Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева» (ФГБОУ ВО «МГПУ им. М. Е. Евсевьева»)).

Среди опрошенных было 40 % юношей и 60 % девушек. Наибольшую долю составили студенты выпускных курсов (33 % студентов IV курса МГУ им. Н. П. Огарёва, 31 % студентов IV курса МГПУ им. М. Е. Евсевьева).

Исследовав основные проявления культурной социализации студентов в ходе авторского социологического опроса, мы выявили следующие обстоятельства, важные для системного понимания процессов влияния культуры на становление и развитие личности в региональном социуме.

1. Массовая культура, в отличие от элитарной и традиционной, оказывает существенно большее влияние на процессы социализации студентов в Республике Мордовия.

2. Большинство молодых людей в свободное время просматривают популярные социальные сети, мессенджеры, общаются с друзьями: 63 % студентов-огаревцев и 68 % студентов педагогического университета предпочитают смотреть социальные сети (популярные мессенджеры по типу ВК, Инстаграм, ТикТок, Телеграм и т.д.). На втором по популярности месте и также досуговые практики, которые происходят в виртуальной среде, – 56 % студентов-огаревцев и 62 % студентов педагогического университета предпочитают проводить время в Интернете в поиске необходимой информации. Третьим по популярности ответом стали встречи с друзьями и подругами: 21 % среди студентов МГУ им. Н. П. Огарёва и 26 % среди студентов МГПУ им. М. Е. Евсевьева.

3. Большинство респондентов посещают театр реже одного раза в год, а

в кино ходят чаще: большинство студентов либо ходит в театр крайне редко, либо вообще не посещает театр. Один раз в несколько лет ходят в театр 33 % студентов МГУ им. Н. П. Огарёва и 26 % учащихся МГПУ им. М. Е. Евсевьева. Один раз в год посещают театр 21 % студентов МГУ им. Н. П. Огарёва и 16 % учащихся МГПУ им. М. Е. Евсевьева. Не ходят в театр 22 % студентов МГУ им. Н. П. Огарёва и 28 % учащихся МГПУ им. М. Е. Евсевьева. Напротив, проведенный опрос показал высокую частоту посещения кинотеатров студенческой молодежью. Так, среди студентов МГУ им. Н. П. Огарёва один раз в месяц посещают кино 22 % респондентов, один раз в два месяца – 26 %, один раз в несколько месяцев – 30 %. Среди студентов МГПУ им. М. Е. Евсевьева один раз в месяц посещают кино 28 % респондентов, один раз в месяц – 21 %, один раз в несколько месяцев – 22 %.

4. Доминирующими жанрами массового кино для студентов являются фантастика, триллеры и фильмы ужасов: в зависимости от тематической направленности предпочитают смотреть фантастику (фэнтези) 45 % студентов-огарёвцев и 57 % студентов педагогического университета, триллеры – соответственно 26 и 35 %, фильмы ужасов – 23 и 26 %.

5. Более половины респондентов хотели бы быть похожими на своих кумиров из мира кино, театра (57 % студентов МГУ им. Н. П. Огарёва и 69 % студентов МГПУ им. М. Е. Евсевьева). Противоположной точки зрения придерживаются соответственно 41 и 27 % студентов. Среди кинофильмов доминируют ленты американского происхождения, которые пользуются популярностью в студенческой среде: более половины студентов (52 %) МГУ им. Н. П. Огарёва и 46 % студентов МГПУ им. М. Е. Евсевьева отметили, что предпочитают их другим фильмам.

Таким образом, процессы культурной социализации студенчества постепенно смещаются в досугово-развлекательную плоскость, по сути, отходя от практики реального общения, длительных контактов с друзьями, родными, родственниками в сторону общения виртуального: в социальных сетях, мессенджерах, гаджетах и т. д. Современный студент не мыслит свое существование без смартфона, иных гаджетов, испытывая серьезную тревогу, если указанных «спутников жизни» не окажется под рукой. Данное исследование показало существенно более высокую зависимость молодежи от массовой культуры, т. е. тех социальных практик, которые доминируют в современном обществе, а также в определенной степени унифицируют социальное взаимодействие, придавая ему рутинный, отчасти даже примитивный характер.

Использованный источник

1. Козин В. В. Системный подход как теоретико-методологическая основа модернизации культурного образования в региональном социуме // Интеграция образования. – 2018. – № 4. – С. 10–13.

КАЧЕСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ

QUALITY OF HIGHER EDUCATION AND BASIC APPROACHES TO ITS STUDY

А. В. Шмаркова, *магистрант*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к изучению качества образования. Сделан акцент на том, что изучение качества образовательных процессов происходит в рамках разнообразных подходов, ключевыми из которых являются социально-педагогический, управленческий и квалитологический. Указанные направления представляются наиболее сбалансированными и отвечающими современным требованиям, которые предъявляются к системе образования.

Abstract. The article examines folk healing as a manifestation of alternative and complementary medicine. Particular attention is paid to the positive and negative features of traditional medicine.

Ключевые слова: высшее образование, установки, подходы, рынок труда, востребованность.

Keywords: traditional medicine, traditional healing, magic.

Современный этап развития социальных отношений в России характеризуется разнообразными тенденциями и явлениями, многие из которых трансформируются с учетом имеющихся реалий, а также под воздействием определенных объективных и субъективных факторов. На рубеже третьего тысячелетия произошли существенные трансформации общества, что нашло отражение в системе ценностей. Одним из социальных институтов, который стремительно изменяется с учетом сложившихся обстоятельств, является институт образования. Проявляется это в изменении траекторий поведения школьников и студентов, изменении их взглядов и приоритетов, системы ценностей, а также качестве образовательного процесса.

В Российской Федерации качество образования особенно важно с точки зрения конкуренции как между считающимися топовыми вузами, так и между периферийными высшими учебными заведениями. Качество образовательного процесса при этом выступает интегральной характеристикой, которая определяет востребованность у абитуриентов специальностей, направлений подготовки и т. д.

В рамках научного знания качество образования исследуется социологией образования. Указанная отрасль социологической науки

предметно изучает показатели качества, организацию внеучебной деятельности, достижения студентов и профессорско-преподавательского состава вуза и др. Среди современных авторов отметим работы таких авторов, как Е. А. Дагаева [1], Н. Д. Сорокина [3], И. М. Фадеева [4] и др.

В частности, И. М. Фадеева отмечает, что основной целью современной высшей школы выступает развитие у студентов профессиональных навыков, которые позволяют им успешно социализироваться и добиться высокого материального достатка, социального статуса. Качество образования автор рассматривает в аспекте востребованности будущего специалиста на рынке труда. Важность (востребованность) достаточно информативно характеризует процесс учебной деятельности в вузе, а также подготовку будущего специалиста [4].

Н. Д. Сорокина выделяет следующие характеристики, которые позволяют говорить о качестве образовательного процесса в вузе:

- индивидуальные особенности развития студента, которые активно используются в процессе обучения, раскрывая потенциал человека, а также формируя разностороннюю личность;

- качество подготовки профессорско-преподавательского состава, умение рационально составить учебный план, чтобы вовлечь студента в образовательный процесс и научную деятельность;

- отношение к выпускникам вуза со стороны бизнеса, руководителей промышленных объектов; востребованность среди потенциальных работодателей выпускников вуза говорит о высоком качестве образовательного процесса, подготовке высококлассных специалистов;

- воспитание в студентах ценности высшего образования, его значимости для общества, государства, места работы и т. д. (проявлением эффективности приобщения к ценностным ориентациям является активная гражданская позиция обучающегося в вузе человека, синтез его гуманистической и технократической направленности в рамках выполнения профессиональных обязанностей) [3].

На сегодняшний день в научном сообществе сложилось несколько основных подходов к изучению качества образовательного процесса в высшем учебном заведении: социально-педагогический, управленческий и квалитологический.

Особенностью социально-педагогического подхода является акцентирование внимания на соответствии заявленных целей полученным в итоге результатам [5]. Указанный подход отталкивается от постулата о незыблемости необходимости совершенствования образования и образовательного процесса, форм и методик обучения.

Управленческий подход основывается на исследовании нормативных показателей, которые показывают прогресс, регресс или стагнацию в качестве образовательного процесса. Представители указанного направления основываются на системе показателей, которые включают социальные последствия получения высшего образования, баланс обучения и потребностей учащихся, использование современных методик,

востребованность специалистов на рынке труда и т. д. [4]. Отдельно следует отметить, что система управления основывается на анализе качественных и количественных показателей, поэтому в рамках рассматриваемого подхода указанные факторы играют определяющую роль.

Сущностью квалитологического подхода является трактовка качества образовательного процесса с позиций учета множества факторов и аспектов. Представители данного направления изучают качество получения высшего образования посредством стратегического планирования будущего студентов, их профессионального самоопределения [2]. В указанном аспекте качество полученного образования представляет собой один из основных факторов жизненного пути, т. е. в виде базовой цели и задач по достижению определенных результатов. В данном контексте происходит проецирование образовательной цели на жизненные ценности, когда показывается социальная мобильность человека, процесс эффективного освоения человеком определенной профессии (высокое качество образования) или неудач в этой области (низкое качество образовательного процесса).

Таким образом, высшее образование все также остается в тренде и является одной из существенных ценностей, определяющих будущее человека после окончания вуза. Качество образования будет выступать как социальная характеристика, которая определяет соответствие обучения ожиданиям студентов, формирование у них профессиональных компетенций, востребованность на рынке труда и т. д. Изучение качества образовательных процессов происходит в рамках разнообразных подходов, ключевыми из которых являются социально-педагогический, управленческий и квалитологический. Указанные направления представляются наиболее сбалансированными и отвечающими современным требованиям, которые предъявляются к системе образования.

Список использованных источников

1. Дагаева Е. А. Имидж вуза и корпоративная идентичность // Высш. образование в России. – 2018. – № 11. – С. 89–93.
2. Заякина О. А. Высшее образование как социальная ценность / О. А. Заякина // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2018. – № 5. – С. 132.
3. Сорокина Н. Д. Проблемы качества образования в современной высшей школе: философские и социологические аспекты // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2011. – № 3. – С. 27.
4. Фадеева И. М. Проблемы и перспективы интеграции научной и образовательной деятельности в рамках НОЦ исследовательского университета // Унив. упр. : практика и анализ. – 2010. – № 4. – С. 43–53.
5. Хомерики Е. А. Качество высшего образования : концептуализация проблемы в рамках социологического дискурса // Наука и Мир. – 2013. – № 1. – С. 342–345.

**ФАКТОРЫ САМООРГАНИЗАЦИИ ГОРОДСКИХ
СОСЕДСКИХ СООБЩЕСТВ
(НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ МНОГОЭТАЖНЫХ ДОМОВ г. САРАНСКА)**

**FACTORS OF SELF-ORGANIZATION OF URBAN NEIGHBORHOOD
COMMUNITIES (ON THE EXAMPLE OF RESIDENTS
OF MULTI-STORY HOUSES IN SARANSK)**

Н. В. Шумкова, *канд. социол. наук*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Т. В. Нагаева, *магистрант*
ННГУ им. Н. И. Лобачевского

Аннотация. В статье рассматриваются городские соседские сообщества как самоорганизующиеся системы. На основе эмпирического исследования выявляются факторы самоорганизации и перспективы институционализации соседских сообществ в условиях среднего города Российской Федерации.

Abstract. The article discusses the urban neighborhood communities as a self-organizing system. Based on empirical research, the factors of self-organization and the prospects for the institutionalization of neighboring communities in the conditions of the middle city of the Russian Federation are revealed.

Ключевые слова: сообщества, соседства, самоорганизация, факторы самоорганизации, взаимодействия.

Keywords: community, neighborhood, self-organization, self-organization factors, interaction.

В настоящее время особое значение для развития города приобретает формирование комфортной городской среды. Все чаще наблюдаются примеры того, как жители отдельных многоквартирных домов, кварталов или даже микрорайонов самоорганизуются и своими силами добиваются решения проблем местного значения.

По мнению экспертов, «зафиксированное увеличение активности на местном уровне – это сигнал, что в обществе сформировался запрос на децентрализацию и расширение полномочий управленческих и гражданских структур на этом уровне» [1]. Это актуализирует необходимость анализа существующих практик самоорганизации жителей, а также факторов, обуславливающих их эффективное взаимодействие или препятствующих ему.

Одним из главных условий «включения» локальных сообществ в практики самоуправления является, по мнению исследователей, высокий уровень межличностного и институционального доверия жителей, где первое позволяет активно осуществлять коммуникации между членами сообщества, а

второе – формировать партнерские отношения с органами местной власти [2; 3].

Еще одной особенностью и фактором развития самоорганизации соседских сообществ является степень их устойчивости: горожанам свойственно осознавать «необходимость коллективного действия для удовлетворения личных интересов в тех случаях, когда самоорганизация инициируется внешней угрозой, нависшей непосредственно над их жизненным пространством» [4, с. 107]. Другими словами, соседские сообщества начинают активизироваться в ситуации, например, строительства гаража на месте детской площадки или вырубки сквера перед домом. В остальных же случаях они существуют в латентной форме. Тем не менее предыдущий опыт успешного взаимодействия является основой для последующего, постепенно переводя соседское сообщество на новый уровень развития.

Таким образом, соседские сообщества проходят в своем развитии три этапа. Первый этап характеризуется зарождением интересов, формулированием идей, постановкой целей сообщества. На втором этапе – этапе институционализации – сообщество, обозначая себя (названия могут варьироваться), начинает позиционироваться в публичном пространстве с использованием различных средств коммуникации. Третий этап завершается разрешением «коренной» проблемы, после чего сообщество либо прекращает коллективную деятельность, либо расширяет сферу ответственности, обращая внимание на новые проблемы, укрепляя тем самым свои позиции в долгосрочной перспективе.

Отмеченные условия и механизмы самоорганизации городских соседских сообществ были еще раз подтверждены в рамках бакалаврской работы, где на примере г. Саранска мы попытались определить проблемы и перспективы самоорганизации соседских сообществ в условиях отдельного среднего российского города.

Дизайн проведенного нами исследования был выполнен в виде кейс-стади. Неслучайным образом были выбраны два микрорайона¹, представляющие собой разные типы многоэтажной застройки: 1-й кейс – многоэтажная застройка преимущественно советского периода; 2-й кейс – район многоэтажной застройки «бизнес-класса».

Использование двух кейсов позволило нам учесть фактор качества жилья, которое опосредовано уровнем социально-экономического благополучия респондентов, вследствие чего была достигнута условная репрезентативность данных. Выборочная совокупность составила 352 человека. Время проведения: май 2021 г. Метод сбора данных –

¹ Кейсы были выявлены благодаря взаимодействию с группой волонтеров-активистов, инициирующих в городе проекты по формированию комфортной городской среды. Они выступили в качестве «заказчиков» опросов. Заказ не носил экономического характера, взаимодействие строилось на взаимовыгодной помощи друг другу.

формализованное интервью по месту жительства респондентов. Использовался поквартирный обход.

Как показали результаты исследования, готовы включаться в процессы самоорганизации в целях благоустройства территории 70 % опрошенных. Более половины из них (61 %) склонны к активным практикам взаимодействия: уборке территории, организации мероприятий, коллективному обсуждению и принятию решений по развитию территории.

Факторы самоорганизации жителей можно условно поделить на три группы.

1. Наличие проблем на местном уровне. Жители домов советской застройки, и «бизнес-класса» отмечают следующие проблемы придомовых территорий: отсутствие зеленых насаждений (кустарников, цветников и т. д.) и зон для пассивного отдыха (лавочек, беседок), недостаточность спортивных объектов (велодорожек, тренажеров для занятий спортом), неподходящее благоустройство детской площадки для детей от 7 до 12 лет. Остро стоит проблема тротуаров и пешеходных дорожек.

Отдельные категории жителей предъявляют повышенные требования к организации придомовой территории: владельцы домашних животных отмечают отсутствие площадок для выгула собак, респонденты, занимающиеся активными видами спорта, указывают на необходимость спортивных объектов, женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком, акцентируют внимание на проблемах детских площадок (распитие спиртных напитков, небезопасные качели, удаленность от дома).

2. Социально-демографические характеристики респондентов. К активным видам помощи склонны жители среднего возраста (35–45 лет), проживающие в своем доме не более 7 лет, к пассивным видам (помощь советом или инструментами) – жители молодого (18–34 года) и старшего возрастов (46 лет и старше), проживающие в своем доме более 10 лет. Гендерных различий выявлено не было.

3. Наличие успешного опыта коллективного взаимодействия. Наиболее распространенными практиками взаимодействия жителей многоквартирных домов являются субботники, уборка и мероприятия по благоустройству придомовой территории, безвозмездная помощь соседям, ремонт и уборка подъезда. Половина (51 %) жителей, участвующих в практиках самоорганизации, имеют опыт волонтерской деятельности, в частности опыт благоустройства городского пространства – 38 %.

Особо следует отметить, что уровень устойчивости соседских сообществ среди жителей домов советской застройки (первый кейс) оказался несколько ниже, чем во втором случае (второй кейс). Кроме того, жители домов «бизнес-класса» оказались в большей степени ориентированы на взаимодействие «партнерского» типа, нежели жители «бюджетных» домов.

В итоге был сделан вывод, что соседским сообществам в районах многоквартирной застройки г. Саранска свойствен преимущественно «кризисный» тип самоорганизации, формирующийся в условиях внешней

угрозы для ее предотвращения (местные вопросы в многоквартирном доме, неблагоустроенная придомовая, общественная территория).

Если же говорить о перспективах самоорганизации жителей, то они видятся, во-первых, в дальнейшей трансформации неформального соседского сообщества в формальные объединения (ТСЖ, советы подъезда и т. д.), переходе от разовых акций к регулярному взаимодействию, во-вторых, в их ориентации на более тесное и конструктивное сотрудничество с органами местного самоуправления.

Список использованных источников

1. Блохина М. Самоорганизация гражданского общества в Москве // Полит.ру : [сайт]. 2016. – 25 дек. – URL: <https://polit.ru/article/2016/12/23/msk/> (дата обращения: 12.12.2021).

2. Преликова Е. А. Социальное доверие как основа системы социальных коммуникаций местного сообщества / Е. А. Преликова, В. В. Зотов // Коммуникология. – 2017. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-doverie-kak-osnova-sistemy-sotsialnyh-kommunikatsiy-mestnogo-soobschestva> (дата обращения: 20.09.2021).

3. Самоорганизация в локальных сообществах: практики и механизмы / Е. В. Реутов, М. Н. Реутова, И. В. Шавырина, А. А. Турьянский // Мониторинг обществ. мнения : Экон. и соц. перемены. – 2017. – № 4. – С. 145–164. – DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.10.

4. Тыканова Е. В. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства / Е. В. Тыканова, А. М. Хохлова // Социология власти. – 2014. – № 2. – С. 104–122.

УДК 331.54

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО О ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ПРОФЕССИИ СОЦИОЛОГА

THE PROFESSIONAL COMMUNITY ABOUT THE PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE PROFESSION OF SOCIOLOGY

Н. В. Шумкова, *канд. социол. наук*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Д. А. Яманов, *студент*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. В статье ставится проблема соотнесения высокого уровня интереса к социологическим исследованиям с низким уровнем доверия к самим социологам. На основе данных интервью с участием экспертов рассматриваются представления общественности о социологах, факторы, формирующие данные представления, и причины высокого уровня недоверия. Приводятся рекомендации на основе ответов экспертов.

Abstract. The article raises the problem of correlating a high level of interest in sociological research with a low level of trust in sociologists themselves. Based

on the data of interviews with experts, the public's views about sociologists, the factors that form these views and the reasons for the high level of distrust are considered. Recommendations are given based on the answers of experts.

Ключевые слова: доверие, общественное мнение, социология, профессия.

Keywords: trust, public opinion, sociology, profession.

Представления о любой профессии напрямую связаны с ее репрезентацией в общественном сознании. Все знают, что «врач лечит, учитель учит, строитель строит». Вопрос же о специфике деятельности социолога остается открытым и до сих пор является достаточно дискуссионным. Так, в 2020 г. ВЦИОМ выпустил аналитический обзор «Опрос об опросах: мониторинг», в котором были представлены данные, указывающие на достаточно противоречивую ситуацию: «90 % россиян считают, что опросы общественного мнения нужны», однако при этом «54 % допускают вероятность столкнуться и со сфабрикованными (манипулятивными) результатами опросов... несерьезное восприятие опросов общественного мнения в качестве модного тренда составило 45 % от всех опрошенных» [1].

Возникает вопрос, как в обществе способны уживаться достаточно высокий уровень интереса к деятельности социологов и восприятие социологов как «манипуляторов общественного мнения» и представителей «модной, ничем не значимой для общества» науки?

Для решения поставленного вопроса было решено обратиться к изучению мнений экспертов – социологов, имеющих глубокое понимание о профессии, а также обладающих полной информацией об общественном мнении в отношении своей профессиональной деятельности¹. Ниже представлены сами вопросы и авторские комментарии к полученным ответам экспертов.

1. *Какие представления о социологах, по Вашему мнению, преобладают в общественном сознании жителей г. Саранска?*

На основе анализа интервью было выявлено, что по большей части горожане имеют слабые, смутные представления о профессиональной деятельности социологов: «...в целом большинство что-то слышало о социологии, но в общем как-то отдаленно... большинство не понимает, как опросы проводятся, почему опросили, например, 1 200 человек и это считают за мнение россиян... знают, что такое “опросы” и “социологические опросы”, но конкретно большинство не понимает, чем занимается социология» [эксперт № 4]; «жители Саранска, как я подозреваю, и других

¹ Для опроса было принято решение использовать метод полуструктурированного интервью. Был составлен предварительный список специалистов, из которого впоследствии методом самооценки были отобраны 4 эксперта: два представителя академической науки и два социолога-практика.

городов очень мало знают о профессии социолога» [№ 2]; «не просто этого представления нет, а люди не задумываются об этой профессии» [№ 1].

Эксперты сошлись во мнениях по поводу сложившихся ассоциаций с профессиональной деятельностью социологов: «Это такие люди, которые “изучают общественное мнение”, “опрашивают, заполняют анкеты”» [№ 3]; «...есть такое представление, что “социологи проводят опросы”...» [№ 4]; «максимум, что они могут вспомнить, – это ассоциацию с социологическими опросами, ну и то это не всегда» [№ 2]. Таким образом, образ социолога в общественном сознании достаточно однобок. Для жителей Саранска социологи остаются людьми, которые занимаются «проведением опросов общественного мнения и в целом сбором всяческой информации для статистики» [2].

2. Как Вы считаете, какие факторы влияют или способны повлиять на формирование представлений о социологах?

Основываясь на экспертных ответах, можно сказать, что значимое положение в конструировании образа профессии занимает школа, в частности огромное внимание здесь уделяется такому предмету, как обществознание. Однако высказывания по этому поводу носят пессимистичный характер: «...вроде как в обществознание входит социологический блок... но, поскольку преподают его совмещенно, учителя истории... плюс акцент делается либо на экономические, либо на правовые части, социологическая часть... она поскольку-постольку... она там вся идет на убыль» [№ 1]; «в школе мало об этом говорится, т. е. в учебниках обществознания есть какая-то информация, но в общем профессия “социолог” для многих непонятна» [№ 4]. Иными словами, социология занимает определенное положение в системе школьного знания, но она настолько незаметна, что не в состоянии обозначить четкие границы и заявить о себе как о науке или направлении профессиональной деятельности. В результате, как мы уже убедились выше, абитуриенты практически не имеют представления о том, чем занимаются социологи.

Кроме того, часть экспертов выделила еще один пагубный фактор – усталость населения от социологических опросов. «Перспективы не очень радужные относительно общественного мнения по поводу социологии... потому что у людей уже накопилась определенная усталость вот от наших опросов. Опрашивают сейчас везде, да и не только вот мы, социологи... очень часто сталкиваемся с тем, что вот, например, в мессенджерах часто, там как кратенькие такие опросы, да вот мы видим всякие чат-боты, вот т. е. от этого люди все устают, переизбыток всякого рода просьб поучаствовать в опросе...» [№ 3]; «...мне просто рассказывают мои коллеги, что люди устали от опросов и реагируют так, что “вы уже замучили, всякой ерундой вы занимаетесь” и т. д.» [№ 2]. Усталость связана прежде всего с популярностью опросных технологий в маркетинговых исследованиях. Если в 1990-х гг. на предложение заполнить анкету люди отзывались с энтузиазмом, то сейчас это вызывает раздражение.

Выделенный фактор очень тесно связан с нашим третьим вопросом.

3. Каковы же причины тотального недоверия к социологам?

Экспертам приводились данные из аналитического обзора ВЦИОМ, где отмечено, что «54 % россиян допускают вероятность столкнуться со сфабрикованными результатами опросов», и предлагалось ответить на вопрос, с чем может быть связано такое недоверие.

Все опрошенные эксперты привели достаточно много причин, тем не менее мнения все же пересекались на определенных моментах. Так, двое экспертов обратили внимание на тот факт, что из года в год поднимаемые в опросах проблемы так и не решаются, вследствие чего доверие к профессии социолога подрывается: *«Люди уже многие привыкли отвечать на вопросы, люди, как бы, когда видят по телевидению или где-то результаты социологических опросов, но не видят, что на эти результаты как-то реагирует власть. ВЦИОМ задавал вопрос по поводу пенсионного возраста достаточно долго, там начиная с 90-х годов... и все время большинство было категорически против этого. Вопрос – учтено было общественное мнение? Нет, не учтено...»* [№ 2]; *«Наша организация проводит ежегодный масштабный опрос... люди там проблемы высказывают, но ничего не меняется, и вот мы каждый год к тем же самым людям едем: “а зачем это все, если проблема не решается?”... такой вот микропример, который можно распространить вообще на всю Россию. Мы стараемся выявить что-то там, какую-то проблему, как бы мы узнали, а дальше-то что?»* [№ 3].

Один из экспертов обобщил три основные причины недоверия к социологическим опросам. Во-первых, определенная часть общества ассоциирует социологов с представителями власти, при этом не имея доверия к самой власти.

Во-вторых, респондент не доверяет опросам, так как понимает, что сам бывает неискренним, он не может быть уверенным в том, что остальные будут честны при прохождении опроса: *«Вот сейчас скажу “я буду голосовать за партию N”, а на самом деле я планирую голосовать за партию V. Ну, естественно, как я буду доверять этим опросам?»* [№ 2].

В-третьих, уровень низкого доверия связан с «атомизированностью» общества: *«...в принципе мы не доверяем даже своим соседям, а тут пришли какие-то люди или тем более по телефону позвонили, и почему я должна доверять им, верить, что они меня не обманут, да меня все кругом обманывают вообще»* [№ 2]. Таким образом, причины могут вовсе не соотноситься с деятельностью социологов, тем не менее влиять на общий уровень доверия к научным исследованиям.

Подытожим наши результаты.

1. Хотя среди населения есть определенные представления о том, кто такой социолог и чем он занимается, однако эти знания сугубо поверхностные, без понимания истинной специфики профессиональной деятельности. Итак, социологи – это люди, которые изучают общественное мнение, связаны со статистикой, проводят социологические опросы.

2. В качестве факторов, влияющих на формирование представлений о социологах, экспертами были выделены следующие:

– школа, которая не задействует весь свой потенциал в формировании представлений и объяснения, что такое социология как область профессиональной деятельности;

– «усталость поля» – социологи предстают в глазах сообщества назойливыми людьми, которые «лезут со своими анкетами».

3. К основным причинам недоверия к социологическим опросам были отнесены:

– отсутствие обратной связи (со стороны властей);

– восприятие социологии как «инструмента власти»;

– проведение исследований организациями и людьми, «далекими от социологии»;

– отсутствие уверенности в искренности респондентов;

– «атомизированность» общества, низкий уровень межличностного и институционального доверия.

4. Решение означенных проблем видится экспертами в целенаправленной работе с общественным мнением, а именно:

– увеличение информационных поводов в СМИ в сфере общественно значимых решений с целью обозначения экспертной роли социологов;

– формирование позитивного имиджа профессии: съемка профессионально-ориентированных, художественных, документальных фильмов, сериалов о профессии социолога;

– переход на новые, междисциплинарные методы сбора информации, привлечение методологии других наук, разработка методов изучения общественного мнения без обращения к самому респонденту;

– повышение общей «социологической грамотности» населения.

Список использованных источников

1. Опрос об опросах: мониторинг // ВЦИОМ. 14.11.2020. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/opros-ob-oprosakh-monitoring> (дата обращения: 10.09.2021).

2. Рыбакова О. В. Профессия «социолог»: история вопроса о профессиональном стандарте // Мониторинг обществ. мнения: экон. и соц. переменны. – 2019. – № 4 (152). – С. 304–322.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНА

УДК 316.334.52

ВЗГЛЯД НА КОРРУПЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЫ КОРРУПЦИИ С. ХАНТИНГТОНА

A LOOK AT CORRUPT BEHAVIOR IN THE CONTEXT OF S. HUNTINGTON'S THEORY OF THE PUBLIC BENEFIT OF CORRUPTION

Р. Р. Агишев, канд. ист. наук

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Аннотация. В статье феномен коррупции анализируется в контексте теории общественной пользы коррупции С. Хантингтона. Материалом для анализа выступают результаты массового опроса жителей Республики Мордовия. Выявлено противоречие в восприятии респондентами коррупции. С одной стороны, отмечается осуждение коррупционного поведения, а с другой стороны, присутствует лояльное отношение к взяточдателю.

Abstract. The article analyzes the phenomenon of corruption in the context of S. Huntington's theory of the public benefit of corruption. The material for the analysis is the results of a mass survey of residents of the Republic of Mordovia. There is a contradiction in the respondents' perception of corruption. On the one hand, there is a condemnation of corrupt behavior, and on the other hand, there is a loyal attitude to the bribe giver.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, взятка, взяточдатель, взяточполучатель.

Keywords: corruption, bribery, a bribe, a bribe giver, a bribe recipient.

Изучение такого противоречивого и значимого феномена, как коррупция, требует использования разных методологических научных подходов, одним из которых выступает институциональный подход С. Хантингтона. Сформулированный в рамках теории общественной пользы коррупции, он гласит: в период модернизации развивающихся стран коррупция выполняет позитивную функцию по созданию необходимых для развития страны институтов [3, с. 12]. Характеризуя феномен коррупции, С. Хантингтон выделял следующие моменты, имеющие значимость и для российских реалий: коррупция обусловлена уровнем политического развития

и местными традициями, характерна для централизованных систем имперского типа, выполняет определенную функциональную роль [1, с. 13].

В рамках статьи постараемся ответить на следующий вопрос: воспринимает ли местное сообщество (население Республики Мордовия) коррупционное поведение в качестве полезного и эффективного инструмента решения своих проблем. Материалом для анализа выступили результаты массового опроса жителей Республики Мордовия «Оценка уровня „бытовой“ коррупции в Республике Мордовия» ($n = 400$, $\diamond \pm 5\%$, сентябрь–октябрь 2020 г., выборка строилась в соответствии с квотами по полу, возрасту и месту проживания) и онлайн-анкетирования предпринимателей региона «Оценка „деловой“ коррупции в Республике Мордовия» ($n = 100$, август–сентябрь 2020 г., выборка строилась в соответствии с квотами по сферам деятельности и размерам хозяйствующих субъектов). В ходе исследования оценивались отношение респондентов к взятке, результат взятки и инициативность вступления в коррупционные взаимоотношения.

Отношение респондентов к взятке. Большая часть респондентов (58 %) описывают взятку в негативном ключе, используя однозначно трактуемые обороты: «противный поступок», «принципиально нельзя так делать», «никогда не даю взятки» и т. д. Треть опрошенных (34 %) оценивают взятку не столь однозначно, высказывая готовность к коррупционному поведению при определенных условиях («нет денег на взятку», «боюсь, что поймают»). Похожего мнения придерживаются и предприниматели, около половины (49 %) которых называют взятку отрицательным и мешающим бизнесу фактором. Около пятой части (21 %) придерживаются обратной точки зрения: взятка скорее положительное явление и помогает решать определенные проблемы. Можно констатировать наличие у части респондентов (у рядовых граждан и представителей предпринимательского сообщества) готовности к коррупционным действиям при наступлении определенных обстоятельств.

Оценка поведения взяткодателей и взяткополучателей. Среди рядовых граждан чуть менее половины (47 %) составляют те, кто осуждает и дающих, и берущих взятки. Примерно четверть респондентов (23 %) осуждают только тех, кто берет взятки. О виновности взяткодателей говорят лишь 4 %. Примерно десятая часть (9 %) индифферентно относятся к обоим субъектам коррупционного поведения. Следовательно, при вымогательстве респонденты считают более добропорядочным того, кто дает взятку, чем того, кто ее вымогает. Указанное свидетельствует о лояльности к взяткодателю и готовности оправдать его действия [2].

Цели и результат взятки. Респонденты выделяют утилитарные цели взятки: примерно каждый третий (29 %) отмечает ускорение решения проблемы, каждый пятый (18 %) – минимизацию трудностей и каждый десятый (9 %) – качественное решение вопроса. Похожие моменты отмечают и предприниматели – ускорение получения необходимых разрешительных документов (21 %), обход слишком сложных требований законодательства (16 %), невыполнение противоречивых требований регулирующих органов (14 %).

Непосредственно участники коррупционных взаимоотношений – взяточдатели (как обычные респонденты, так и предприниматели), оценивая причины своего коррупционного поведения, чаще всего называют надежность результата от дачи взятки. Представители предпринимательского сообщества подчеркивают также низкую стоимость взятки и ее высокую эффективность: «дешевле дать, чем идти в суд», «обычная процедура с лицензированием сложная и длительная, потеряешь и деньги, и время», «страшно, но зато результат почти стопроцентный». Взятка наделяется респондентами важными и значимыми для них качествами: эффективность (минимум затрат – максимум результата), надежность (100 % результата решения вопроса), скорость (решение проблем здесь и сейчас) и качество (получение нужного результата). Подобное восприятие взятки отмечалось и в других исследованиях коррупции [1].

Анализ результатов исследования позволяет сделать следующие выводы.

1. Общественная опасность коррупционного поведения воспринимается региональным сообществом довольно остро. Мнение о коррупции как об отрицательном явлении распространено среди подавляющей части населения. В то же время коррупция и взяточничество как ее часть связываются в первую очередь с одной стороной данного процесса – чиновником. Вторая сторона – рядовой гражданин нередко выводится за скобки.

2. В региональном сообществе довольно высок уровень готовности к вступлению в коррупционные отношения. Среди предпринимателей получают распространение взгляды на взятку как на бизнес-преимущество по сравнению со своими конкурентами.

3. Вектор осуждения направлен в первую очередь на взяткополучателя, а не взяточдателя. Значительная часть респондентов демонстрирует лояльность к взяточдателю, действия которого воспринимаются не с осуждением, а с сочувствием.

4. Восприятие взятки как практичного и утилитарного инструмента решения своих проблем в той или иной степени выводит ее из плоскости запретного и неприемлемого для человека и переводит в плоскость возможного и эффективного.

Таким образом, восприятие коррупции в региональном сообществе характеризуется особой противоречивостью, которое заключается, с одной стороны, в осуждении коррупционного поведения, а с другой стороны, в готовности понять и оправдать одну из сторон указанного процесса – взяточдателя. Дача взятки частью респондентов воспринимается эффективным инструментом для решения своих непосредственных вопросов. В этой связи можно говорить о том, что теория общественной пользы С. Хантингтона предлагает достаточно объективное объяснение коррупционного поведения в реалиях России, которое представляется объективно оправданной практикой поведения. Особые социально-экономические условия страны, сверхбюрократизм, административные барьеры, сужение спектра социальных

благ и т. д. позволяют гражданам в данном контексте рассматривать коррупцию как эффективный механизм решения своих повседневных проблем. Она воспринимается в качестве конкурентного преимущества, особенно в условиях крупных социально-экономических конгломератов, где ощущается недостаток условно бесплатных материальных и социальных благ (мест в хороших школах, детсадах, вузах, больницах, ведомственных домах отдуха и т. д.).

Список использованных источников

1. Коррупция в Республике Мордовия: восприятие населением и отражение в СМИ : Бюл. Науч. центра соц.-экон. мониторинга / Науч. центр соц.-экон. мониторинга ; под ред. И. М. Фадеевой. – Электрон. текст. дан. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2019.
2. Отношение россиян к коррупции / А. А. Максименко, О. С. Дейнека, Д. В. Крылова, Л. Н. Духанина // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Социология. – 2020. – Т. 13, вып. 4. – С. 407–427. – URL: <https://doi.org>.
3. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М. : Прогресс-Традиция, 2004.

УДК 338.26(1-31):32-027.541

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ПОНЯТИЕ И СООТНОШЕНИЕ

PUBLIC AND PROFESSIONAL EXPERTISE IN THE FIELD OF STATE NATIONAL POLICY: THE CONCEPT AND CORRELATION

И. В. Бахлов, *д-р полит. наук*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. В статье рассматриваются особенности понимания и нормативного закрепления общественной и профессиональной экспертизы в сфере государственной национальной политики. Выделяются ведущие механизмы организации профессиональной экспертизы в данной области. Определяется соотношение общественной и профессиональной экспертизы по объекту, субъекту и времени проведения.

Abstract. The article considers the peculiarities of understanding and normative consolidation of public and professional expertise in the field of state national policy. The leading mechanisms of the organization of professional expertise in this field are highlighted. The ratio of public and professional expertise on the object, subject and time of conducting is determined.

Ключевые слова: государственная национальная политика, общественная экспертиза, профессиональная экспертиза, реестр экспертов, экспертная панель, экспертное сообщество.

Keywords: state national policy, public expertise, professional expertise, register of experts, expert panel, expert community.

Экспертная деятельность в сфере национальной политики необходима для налаживания обратной связи между властью и гражданским обществом, формулирования и научного обоснования критериев эффективности деятельности государственных органов и должностных лиц различного уровня, методического и технологического сопровождения измерительных процедур, разработки аналитических материалов и их доведения до общественности, повышения качества и оптимизации государственного управления. Осуществление экспертных процедур в области государственной политики и управления позволяет разрабатывать и совершенствовать техники политического контроля, осуществлять своевременную корректировку индикаторов и действий в области ситуационного анализа, стратегического планирования и прогнозирования, сопоставлять региональные практики. Экспертная оценка способствует более действенной реализации функции контроля и надзора в системе государственного управления.

Экспертная деятельность может осуществляться в виде общественной или профессиональной экспертизы.

Понятие «общественная экспертиза» и порядок ее осуществления определены Федеральным законом от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – ФЗ) [1] и «Положением о порядке проведения общественной экспертизы», утвержденным решением совета Общественной палаты РФ от 15.05.2008 г., протокол № 4-С (с изм. от 22.03.2012 г.) (далее – Положение) [5]. Так, в ст. 22 ФЗ под общественной экспертизой понимаются прежде всего основанные на использовании специальных знаний и (или) опыта специалистов, привлеченных субъектом общественного контроля к проведению общественной экспертизы на общественных началах, анализ и оценка актов, проектов актов, решений, проектов решений, документов и других материалов, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций.

Общественная экспертиза может проводиться по инициативе органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия. Если проведение общественной экспертизы в соответствии с федеральным законодательством является обязательным, организатор общественной экспертизы может привлечь на общественных началах к проведению общественной экспертизы специалиста в соответствующей области знаний (общественного эксперта) либо

сформировать экспертную комиссию из общественных экспертов, имеющих соответствующее образование и квалификацию в различных областях знаний.

В разделе III Положения отмечается, что в качестве экспертов могут привлекаться не только физические лица, обладающие научными и практическими знаниями, необходимыми для проведения экспертизы, и удовлетворяющие соответствующим требованиям, но и юридические лица (объединения некоммерческих организаций, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества в Российской Федерации и относится к сфере их уставной деятельности). При этом эксперты могут быть привлечены к работе как на общественных началах, так и на основании договора.

Профессиональная экспертиза представляет собой особый вид экспертно-аналитической деятельности, для осуществления которой необходимы специальные знания об объекте и предмете экспертизы, профессиональные умения по проектированию, анализу, оценке, контролю и управлению, а также профессиональная занятость лица в качестве эксперта [3, с. 115]. Добавим к этому наличие специального документа (сертификата, свидетельства и др.), выдаваемого компетентным органом или учреждением, или официальная регистрация в качестве эксперта в экспертной сети / экспертной панели, что дает лицу право заниматься экспертной деятельностью на профессиональной основе.

В сфере государственной национальной политики, помимо этнологической экспертизы, проблемы институционализации которой нами уже рассматривались [4], особо отметим профессиональную экспертную деятельность в рамках следующих институтов.

Федеральный реестр экспертов научно-технической сферы координируется Научно-исследовательским институтом – Республиканским исследовательским научно-консультационным центром экспертизы» (ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ) [7]. НИИ привлекает ведущих ученых и специалистов для проведения экспертно-аналитических исследований в интересах формирования и реализации различных проектов и программ федерального, регионального и отраслевого уровней. В интересующей нас сфере, помимо экспертизы фундаментальных исследований (в рамках грантов Президента РФ и др.), эксперты участвуют в формировании и оценке предложений по приоритетным направлениям научных исследований и разработок в интересах решения социально-экономических задач с учетом Стратегии научно-технологического развития РФ.

Аналитический центр при Правительстве РФ занимается оперативным информационно-аналитическим сопровождением и экспертной поддержкой деятельности Правительства РФ по основным вопросам социально-экономического развития страны [2]. Эксперты центра дают оценку реализации Основных направлений деятельности Правительства РФ на период до 2024 года, одним из приоритетов которой является укрепление общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации, сохранение

этнокультурного многообразия народов России, гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений.

Экспертная панель Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН) России [6] была представлена 7 февраля 2020 г. на совместном заседании Экспертного совета и Консультативного совета по делам национально-культурной автономии. Основная часть работы экспертного сообщества организуется через личный кабинет эксперта в Государственной информационной системе мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций, оператором которой является ФАДН. Через личный кабинет эксперты участвуют в регулярных интерактивных опросах, направляют обращения в ФАДН. Кроме этого, эксперты приглашаются к участию в круглых столах, конференциях или иных мероприятиях, организуемых в рамках экспертного сообщества.

Эксперты ФАДН дают оценку текущей ситуации в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений; эффективности реализации мер по гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений; объективности освещения событий, в том числе конфликтов, в сфере межнациональных отношений в субъектах РФ; выявляют долгосрочные риски, потенциальные конфликты, способные привести к обострению межнациональных и межконфессиональных отношений; факторы и их взаимосвязи, влияющие на состояние межнациональных и межконфессиональных отношений; факторы, влияющие на процесс формирования российской гражданской идентичности и самоидентификации народов РФ; осуществляют анализ проблем, связанных с внутренней и внешней миграцией.

Результаты работы экспертного сообщества применяются для совершенствования государственной политики в области улучшения состояния этноконфессиональных отношений, культуры и жизни народов нашей страны.

Пока в России институционализация профессиональной экспертизы в сфере государственной национальной политики не завершена. Заложены только минимально необходимые нормативные основы, но не урегулированы многие методологические, процедурные и сущностные вопросы, начиная с самого понятия такой экспертизы [4, с. 459].

Говоря о соотношении общественной и профессиональной экспертизы в рассматриваемой сфере, подчеркнем:

- 1) объектом общественной экспертизы, как правило, являются правовые акты, действие / бездействие органов публичной власти, перечень объектов профессиональной экспертизы более широк и связан преимущественно с анализом состояния и оценкой эффективности формирования и реализации национальной политики;

- 2) для профессиональной экспертизы важна занятость эксперта в качестве такового с официальным признанием его статуса (через процедуры аккредитации, сертификации или регистрации), для общественной достаточно

соответствующего образования и занятия научно-исследовательской и / или практической / общественной деятельностью;

3) профессиональная экспертиза осуществляется, как правило, на протяжении длительного времени (времени действия документа о признании лица экспертом), общественная производится разово или периодически (до момента деактуализации экспертируемого акта или события).

Список использованных источников

1. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федер. закон от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (дата обращения: 20.08.2021).

2. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – URL: <https://ac.gov.ru/about> (дата обращения: 20.08.2021).

3. Аристархов А. Е. Экспертиза как вид профессиональной деятельности / А. Е. Аристархов, Н. Ф. Сухорукова // Дискурс. – 2018. – № 2 (16). – С. 111–119.

4. Бахлов И. В. Институционализация профессиональной экспертизы в сфере государственной национальной политики Российской Федерации / И. В. Бахлов, О. В. Бахлова // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Социология. Политология. – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 454–460.

5. Положение о порядке проведения общественной экспертизы, утв. решением совета Общественной палаты РФ от 15.05.2008 г., протокол № 4-С (с изм. от 22.03.2012 г.). – URL: <https://legalacts.ru/doc/polozhenie-o-porjadke-provedeniya-obshchestvennoi-ekspertizy-utv/> (дата обращения: 20.08.2021).

6. Федеральное агентство по делам национальностей: экспертная панель. – URL: https://sm.fadn.gov.ru/surveys/users/sign_in (дата обращения: 20.08.2021).

7. Федеральный реестр экспертов научно-технической сферы. – URL: <https://reestr.extech.ru/experty/index.php> (дата обращения: 20.08.2021).

УДК 327:316(470+571)(476)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БИЗНЕС-СТРУКТУР РОССИИ И БЕЛАРУСИ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА*

INTERACTION OF BUSINESS STRUCTURES OF RUSSIA AND BELARUS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE UNION STATE

О. В. Бахлова, *д-р полит. наук*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Е. Г. Уляшкина, *канд. полит. наук*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. В статье рассматриваются содержание, тенденции и перспективы взаимодействия представителей бизнес-структур Российской

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31086 «Вызовы и возможности для Союзного государства Беларуси и России: внутреннее и внешнее измерения».

Федерации и Республики Беларусь в процессе их хозяйственной деятельности на пространстве Союзного государства. Акцентируются прямые и обратные связи с динамикой процесса двусторонней интеграции, выявляются основные достигнутые результаты.

Abstract. The article discusses the content, trends and prospects of interaction between representatives of business structures of the Russian Federation and the Republic of Belarus in the process of their economic activities in the Union State. The direct and inverse connections with the dynamics of the bilateral integration process are emphasized, the main results achieved are identified.

Ключевые слова: бизнес-диалог, бизнес-сообщества, российско-белорусская интеграция, Союзное государство Беларуси и России, союзный бизнес, экономическая интеграция.

Keywords: business dialogue, business communities, Russian-Belarusian integration, the Union State of Belarus and Russia, union business, economic integration.

Вопросы интеграции в последнее время все чаще занимают лидирующие позиции во внешнеполитической повестке государств. Союзное государство Беларуси и России в данном контексте является ярким примером выстраивания взаимовыгодных отношений с использованием многоканальных инструментов взаимодействия. Несмотря на имеющиеся между странами-участницами разногласия и сохраняющиеся сложности для хозяйствующих субъектов, на высшем политическом и иных уровнях выражается осознание важности и необходимости укрепления двустороннего диалога в рамках Союзного государства, корреспондирующего с тенденциями евразийской интеграции. При этом допускается подключение к диалогу разнообразных «внутренних» субъектов, способствующих достижению позитивных результатов.

Примечательно, что данная динамика прослеживается в официальной позиции не только государственных институтов, но и неправительственных, имеющих свою мотивацию. Формирование прочного политического, социально-экономического, культурно-гуманитарного интеграционного фундамента в совокупности с законодательными инициативами, необходимыми для снятия административных барьеров, создает дополнительные импульсы для активизации и упрощения взаимодействия в бизнес-среде.

Проведенный нами анализ содержания Информационно-аналитического портала Союзного государства (<https://soyuz.by>) свидетельствует о наличии заинтересованности представителей бизнес-сообществ России и Беларуси в налаживании и укреплении разноплановых взаимосвязей. Ее в значительной степени иллюстрируют сообщения, размещенные на портале в отдельном информационном блоке «Союзный бизнес» [7]. Наполнение данного ресурса

демонстрирует позитивный фон настроений российской и белорусской сторон в плане активизации бизнес-диалога. Предпочтительными, судя по размещаемым сообщениям, выступают ИТ-отрасль, строительная, нефтегазовая, транспортная, оборонно-строительная, металлургическая, легкая, пищевая, сельскохозяйственная промышленность, торговля. При этом контент портала позволяет интерпретировать не только содержание фактических действий, но и намерения, в том числе относительно стратегических целей и задач в плоскости двусторонней интеграции. Например, весьма любопытна информация о заключении соглашений о сотрудничестве между Минским отделением Белорусской торгово-промышленной палаты (БелТПП) и Торгово-промышленной палатой Московской области [3], об актуализации аналогичного соглашения между Минским отделением БелТПП и Союзом «Торгово-промышленная палата Самарской области» [4]. Данная тенденция свойственна и диалогу бизнес-сообществ. Так, в феврале 2021 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между Белорусской железной дорогой и Российскими железными дорогами. Документ касается совместного использования и развития железнодорожной инфраструктуры, а также планирования и реализации совместного бизнес-проекта [1].

Платформа «Союзный бизнес» рисует довольно широкую географию присутствия белорусских бизнес-инициатив в российской экономике. Как минимум, в 27 субъектах Российской Федерации реализуются или планируются мероприятия в плоскости российско-белорусской интеграции. В частности, в сентябре 2020 г. достигнуты принципиальные договоренности об открытии Торгового дома «Беларусь» в Приморском крае [8]. В свою очередь отражено и российское присутствие в экономике Беларуси. Так, в 2021 г. в границах свободной экономической зоны «Витебск» с участием российского инвестора планируется открытие производства жестяных банок для промышленного консервирования пищевой продукции [2].

Следует подчеркнуть, что сотрудничество бизнес-сообществ строится не только в традиционных нишах, свойственных РФ и РБ (нефтегазовая промышленность, металлургия, производство транспортных средств, сельское хозяйство и т. д.). Прослеживается положительная динамика в области использования и анонсирования в работе относительно новых механизмов для продвижения взаимных интересов сторон. Наблюдается повышение интереса российского бизнеса к Белорусской универсальной товарной бирже (БУТБ), созданной в 2004 г. Первоочередной задачей БУТБ является содействие белорусскому бизнес-сообществу «в экспорте продукции и помощь иностранным компаниям в выходе на белорусский рынок» [6]. В части взаимодействия с Россией стоит отметить, что достигнуты договоренности с представителями бизнес-сообщества Орловской области о продаже металлургического оборудования и готовой продукции через БУТБ [5]. В целом в ходе онлайн-конференции «Экспорт в страны ЕАЭС», которая

состоялась в апреле 2021 г., торговый представитель РФ в Беларуси Ю. Золотарев и руководитель Центра поддержки экспорта Смоленской области М. Астапенков призвали представителей бизнеса как можно шире использовать потенциал БУТБ в торговле с Беларусью [6].

Таким образом, названный портал содержит актуальную информацию о процессе экономической интеграции РФ и РБ, в том числе через призму взаимодействия бизнес-сообществ. Выявленная динамика позволяет сделать вывод о стремлении выстраивать долгосрочные отношения, причем не только в традиционных отраслях, но и достаточно новых, таких как фармацевтическая и научно-техническая сферы. Требуется, однако, внедрение комплексного подхода, ориентированного на большее сопряжение усилий разного уровня, минимизацию административных барьеров и масштабирование опыта успешных бизнес-проектов.

Список использованных источников

1. Белорусская и Российские железные дороги подписали соглашение о сотрудничестве при организации движения поездов, передаче вагонов, контейнеров и грузов, использовании железнодорожной инфраструктуры между передаточными станциями. – URL: <https://soyuz.by/soyuznyy-biznes/bzhd-i-rzhd-podpisali-soglashenie-o-sotrudnichestve> (дата обращения: 02.07.2021).

2. В СЭЗ «Витебск» появится новое производство с участием российского инвестора. – URL: <https://soyuz.by/soyuznyy-biznes/v-sez-vitebsk-poyavitsya-novoe-proizvodstvo-s-uchastiem-rossiyskogo-investora> (дата обращения: 02.07.2021).

3. Минское отделение Белорусской торгово-промышленной палаты и Торгово-промышленная палата Московской области подписали соглашение о сотрудничестве. – URL: <https://soyuz.by/soyuznyy-biznes/minskoe-otdelenie-beltp-p-i-tp-moskovskoy-oblasti-podpisali-soglashenie-o-sotrudnichestve> (дата обращения: 02.07.2021).

4. Минское отделение БелТПП и Союз «Торгово-промышленная палата Самарской области» договорились подписать актуализированное соглашение о сотрудничестве, сообщили в пресс-службе Посольства Беларуси в России. – URL: <https://soyuz.by/soyuznyy-biznes/torgovo-promyshlennye-palaty-minska-i-samary-dogovorilis-o-podpisanii-soglasheniya-o-sotrudnichestve> (дата обращения: 02.07.2021).

5. Предприятия Орловской области будут продавать металлопродукцию и оборудование через БУТБ. – URL: <https://soyuz.by/soyuznyy-biznes/predpriyatiya-orlovskoy-oblasti-budut-prodavat-metalloprodukciju-i-oborudovanie-cherez-butb> (дата обращения: 11.07.2021).

6. Российские экспортеры рекомендуют для работы новосибирским бизнесменам площадку БУТБ. – URL: <https://soyuz.by/soyuznyy-biznes/rossiyskie-eksportery-rekomenduyut-dlya-raboty-novosibirskim-biznesmenam-ploshchadku-butb> (дата обращения: 11.07.2021).

7. Союзный бизнес // Информационно-аналитический портал Союзного государства : [сайт]. – URL: <https://soyuz.by/soyuznyy-biznes> (дата обращения: 02.07.2021).

8. Торговый дом «Беларусь» планируют открыть в Приморском крае. – URL: <https://soyuz.by/soyuznyy-biznes/torgovy-dom-belarus-planiruyut-otkryt-v-primorskom-krae> (дата обращения: 02.07.2021).

УДК 316.346.32-053.6; 316.342.6

**СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА РЕГИОНАЛЬНЫМ МОЛОДЕЖНЫМ
БИЗНЕС-СООБЩЕСТВОМ**

**THE SPECIFICS OF THE PERCEPTION OF SOCIAL
ENTREPRENEURSHIP BY THE REGIONAL YOUTH BUSINESS
COMMUNITY**

Л. И. Грошева, *канд. социол. наук*
ТВВИКУ имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова

И. Л. Грошев, *доцент, канд. социол. наук*
ТВВИКУ имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова

И. А. Грошева, *доцент, канд. социол. наук*
Филиал АНО ВО «ИДК» в Тюменской области

Аннотация. В статье рассматривается проблема оценки и качества восприятия сферы социального предпринимательства со стороны молодежного бизнес-сообщества. Исследование представителей бизнес-активной молодежи ряда регионов свидетельствует о достаточно размытом представлении о специфике социально ориентированного бизнеса, что в свою очередь снижает его востребованность ввиду устойчивого стереотипа отсутствия возможности получения прибыли.

Abstract. The article examines the problem of assessing and quality of perception of the sphere of social entrepreneurship by the youth business community. The study of representatives of business-active youth in a number of regions indicates a rather vague understanding of the specifics of socially oriented business, which in turn reduces its demand due to the stable stereotype of the lack of opportunities for profit.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, молодежный бизнес, бизнес-сообщество, региональная инфраструктура, поддержка населения.

Keywords: social entrepreneurship, youth business, business community, regional infrastructure, social-oriented support.

Развитие современного бизнеса, в особенности в регионах с низкой потребительской активностью, в условиях пандемии столкнулось с рядом проблем, сформировавших условия для роста конкуренции и повышения предпринимательских рисков. Специфика спада экономического развития государств и эффективности использования инструментов государственной

политики в сфере поддержки бизнеса также проявилась в сфере производств, нацеленных на поддержку наименее защищенных слоев.

Актуальность социального предпринимательства в подобных условиях возрастает ввиду интенсивно растущего спроса со стороны населения, сталкивающегося с тенденциями снижения доходов и предложений достойно оплачиваемого труда. Следует отметить, что категории нуждающихся граждан стали пополняться за счет не только неквалифицированной рабочей силы, но и противоположной по вектору сверхквалифицированной группы, затруднения которой обусловлены отсутствием склонности работодателей принимать на вакантные должности сотрудников, имеющих навыки и знания, превышающие установленный оптимум. Согласно данным, представленным в «Докладе о бедности и всеобщем благополучии», в 2020 году бедность охватывала от 9,1 до 9,4 % населения планеты. Этот показатель возрос по сравнению с аналогичными данными 2017 года, когда уровень бедности был зафиксирован на уровне 9,2 % и отмечен тренд на повышение качества жизни населения [2]. Естественной реакцией государств стало дополнительное финансирование программ поддержки населения, в том числе молодых граждан, среди которых уровень безработицы возрос на 20 % [1, с. 85]. В связи с прогнозируемым продолжительным периодом пандемии значительная часть инструментов поддержки так или иначе связана со сферой социальной помощи и услуг.

Особенности социального предпринимательства, как правило, сосредоточены вокруг оказания специализированных услуг и производства товаров, которые относятся к разряду необходимых, социально значимых. В значительной мере данный вид предприятий ориентирован на обособленные группы людей, страдающие неизлечимыми заболеваниями или находящиеся в затрудненном материальном или морально-психологическом положении. В представлении департамента инвестиционной политики и развития малого и среднего предпринимательства под социальным предпринимательством понимается деятельность, которая направлена на достижение общественно значимых целей и способствует решению социальных проблем граждан и общества. Статистика департамента показывает, что на данный момент число социальных предприятий в Российской Федерации составляет порядка 3 000. В рамках проекта «Мой бизнес» центры инноваций социальной сферы оказывают существенное стимулирующее воздействие на предпринимателей. В настоящее время такие центры функционируют в 46 регионах, в том числе 8 представительств открылись в 2020 году. Однако потребность в социально ориентированных предприятиях в ряде регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока остается не обеспеченной спросом со стороны молодых бизнесменов [3].

Причиной подобного феномена может являться отсутствие понимания сути социально ориентированного бизнеса в среде молодых инициативных граждан, которые склонны полагать, что социальная сфера сосредоточена исключительно на благотворительности, которая нередко не коррелирует с финансовыми принципами бизнеса. Данный факт в значительной мере

снижает эффективность мер государства, осуществляющего поддержку социально ориентированного бизнеса.

С целью определения качества восприятия социального предпринимательства в среде молодых предпринимателей в марте – июле 2021 года были опрошены 82 предпринимателя (владельцы малого бизнеса), занятых в сфере оказания услуг и производства бытовых товаров в Тюменской, Самарской, Свердловской, Саратовской, Волгоградской, Курганской областях и Красноярском крае. Среди опрошенных было представлено следующее гендерное соотношение: 58,5 % мужчин и 41,5 % женщин. В качестве критериев отбора были приняты следующие положения: 1) ведение бизнеса без смены основного вида деятельности не менее трех лет; 2) осуществление предпринимательской деятельности на перманентной основе без ведущего критерия сезонности; 3) планы на дальнейшее развитие дела должны были составлять не менее 1 года.

Данные исследования позволили выявить в предпринимательской среде дивергенцию между понятиями «социальный» и «бизнес». В рамках указанного противоречия социальное предпринимательство не отождествляется ни с прибыльностью, ни с карьерными возможностями в бизнесе. В отдельных случаях представители бизнес-активной молодежи рассматривали социальный сектор лишь как стартовую возможность для отработки навыков или как пробный вариант для оценки собственных способностей. 32,7 % выражают неуверенность в возможности сохранять социально ориентированное предприятие длительный срок, поэтому позиционируют его либо как дополнительный бизнес, либо как временный вид деятельности. Опрошенные отмечали высокую нестабильность и низкую платежеспособность покупателей, отсутствие перспектив к расширению рынка.

В то же время эксперты отметили привлекательность социального предпринимательства в значительной мере с позиции косвенных благ. Таким образом, 28,3 % рассматривали указанную сферу как механизм получения налоговых льгот и привилегий в доступе к государственным программам помощи. В рамках открытых вопросов представители данной категории отмечали, что этот вид бизнеса имеет пользу на начальных этапах становления как стартовая площадка для формирования социального капитала (12,1 %). Указанная тенденция позволяет прогнозировать последующую смену вида бизнеса по мере накопления достаточного объема социальных контактов.

В равной мере (19 %) социальное предпринимательство рассматривается как возможность развить собственную бизнес-идею и оказать помощь населению. Социальное предпринимательство представляется экспертами как осознанный шаг в оказании поддержки населению и скорее как внутренний мотив гуманизма, нежели мотив к успешности в бизнес-среде (6,9 %). Стандартные экономические показатели оцениваются опрошенными на неудовлетворительном уровне. Вероятность получения прибыли (7,4 %), возможности доступа к рынку (8,2 %) для социальных предпринимателей

оцениваются как низкие, т. е. с точки зрения экономической рентабельности у предпринимателей в данной сфере отсутствуют позитивные ожидания.

Таким образом, эффективность системы государственной поддержки бизнеса в значительной мере обусловлена рисками, связанными с недостаточным пониманием предпринимателями приемлемости для бизнеса сферы социальной помощи и поддержки как вероятной экономической инициативы. Развитие информационного сопровождения в данном случае эффективно дополнять продвижением идей социального предпринимательства в социальных сетях, виртуальных площадках, включая внедрение в интернет-среду успешной бизнес-активной молодежи, позволяющей продемонстрировать наглядный пример возможностей социально ориентированного предприятия. Конструктивный имидж в данном случае выступает залогом привлечения в отрасль инициативных граждан, ориентированных на создание устойчивой бизнес-модели.

Список использованных источников

1. Богуславская С. Б. Социальное предпринимательство как драйвер развития социокультурной среды малых территорий / С. Б. Богуславская, К. А. Кузьмина, Н. В. Рождественская // Журн. исслед. соц. политики. – 2021. – Т. 19, № 1. – С. 85–100. – DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-85-100.

2. Всемирный банк: бедных станет больше // Портал Высшей школы экономики : [сайт]. – URL: <https://www.hse.ru/news/463378845.html> (дата обращения: 29.08.2021).

3. Татьяна Илюшникова: темпы развития социального предпринимательства должны увеличиться во всех регионах страны // Официальный сайт Минэкономразвития России : [сайт]. – URL: https://economy.gov.ru/material/news/tatyana_ilyushnikova_tempy_razvitiya_socialnogo_predprinimatelstva_dolzhny_uvelichitsya_vo_vseh_regionah_strany.html (дата обращения: 15.09.2021).

УДК: 303.4:629.4.014.6(470.345)

ПРИГОРОДНЫЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ: ПАССАЖИРОПОТОК МАРШРУТОВ

THE SUBURBAN RAILWAY TRANSPORT IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA: ROUTE PASSENGER TRAFFIC

Д. В. Давыдов

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования пассажиропотока на маршрутах пригородного железнодорожного транспорта в Республике Мордовия. Были выявлены текущие проблемы, проанализирован комплекс мер, нацеленный на стимулирование пассажиропотока маршрутов.

Abstract. This article discusses the results of the research of passenger traffic on the routes of suburban railway transport in the Republic of Mordovia. Based on the results of the research, current problems were identified and a set of measures was analyzed aimed at stimulating passenger traffic of routes.

Ключевые слова: пассажиропоток, пригородные железнодорожные перевозки, пассажироперевозки.

Keywords: passenger traffic, commuter rail transport, passenger transportation.

Пригородный железнодорожный транспорт является эффективным средством перевозки большого количества пассажиров. В числе преимуществ данного вида транспорта – относительная безопасность, надежность, высокая экологичность, незначительная зависимость от атмосферных условий, высокая адаптированность к периодам пика спроса и др. [1]. Однако в случае слабой востребованности содержание маршрутов пригородного железнодорожного транспорта ложится тяжелым бременем на региональный бюджет, поскольку ответственность за организацию перевозки пассажиров возложена на субъекты федерации [2].

С целью оценки пассажиропотока на маршрутах пригородного железнодорожного транспорта в Республике Мордовия сотрудники ГКУ РМ НЦСЭМ провели опрос «Пассажир пригородного железнодорожного транспорта». Опрос проводился в 2 этапа (в марте и июле 2021 года) с применением методов сплошного формализованного интервью. Разделение исследования на 2 этапа было выполнено для устранения влияния сезонного фактора на полученные результаты.

Маршрут «Рузаевка – Воеводское». В ходе обоих этапов исследования на маршруте фиксировалось незначительное количество пассажиров – 29 чел. в первом случае и 33 чел. во втором. В основном маршрут наполняется в начальной точке – 24 чел. из 29 чел. и 27 чел. из 33 чел. На промежуточных станциях маршрута количество пассажиров увеличивалось незначительно. До конца маршрута добирается более половины пассажиров – 15 и 26 чел.

Маршрут «Воеводское – Рузаевка». Установлена низкая загруженность и обратного направления – 22 и 33 чел. Количество пассажиров летом в полтора раза превысило количество, зафиксированное в ходе 1-го этапа исследования. Свыше половины из них следует уже от начала маршрута – 12 чел. из 22 чел. и 21 чел. из 33 чел. При этом абсолютное большинство пассажиров добиралось до конечной точки маршрута (Рузаевка) – 22 и 29 чел.

Маршрут «Красный Узел – Рузаевка – Зубова Поляна». В ходе исследования в марте на маршруте было зафиксировано 138 пассажиров, в июле 133. Основными отправными точками направления являлись станции Рузаевка (23 чел. на 1-м этапе, 21 чел. на 2-м), 46-й км (21 и 15 чел.), 52-й км (11 и 13 чел.), Ковылкино (9 и 16 чел.), а также станции в пределах ГО Саранск – Саранск-1, Саранск-2, Посоп, Ялга (9 и 49 чел.). Основными центрами притяжения пассажиров стал ГО Саранск (43 и 31 чел.),

Зубова Поляна (17 и 6 чел.), Рузаевка (15 и 22 чел.). Ковылкино (14 и 9 чел.) и Торбеево (8 и 11 чел.).

Маршрут «Зубова Поляна – Рузаевка – Красный Узел». Пассажиропоток обратного направления предыдущего маршрута был существенно ниже – 116 и 81 чел. соответственно. Свыше половины пассажиров следовали лишь до 3 населенных пунктов – Саранск (22 и 24 чел.), Рузаевки (18 и 18 чел.) и Ковылкино (21 и 14 чел.). Главными точками отправления стали станции в пределах ГО Саранск (19 и 21 чел.), Зубова Поляна (15 и 11 чел.), Ковылкино (12 и 13 чел.) и Потьма (9 и 12 чел.).

Маршрут «Саранск – Зубова Поляна». Движение по маршруту не затрагивает 4 будних дня (с понедельника по четверг). Отсутствует обратный маршрут. В ходе 1-го этапа на маршруте зафиксировано 138 пассажиров, в ходе 2-го – 134. Саранск является отправной точкой маршрута для большей части пассажиров – 78 и 80 чел. Также число пассажиров заметно увеличивалось на станциях Ковылкино (25 и 16 чел.) и Рузаевка (12 и 12 чел.). Большинство пассажиров следовало до конца маршрута – 31 и 21 чел. Другими точками притяжения на маршруте являются Кадошкино (32 и 13 чел.), Торбеево (19 и 12 чел.) и Ковылкино (11 и 12 чел.).

Маршрут «Рузаевка – Ужовка». Движение организовано только в выходные дни. Это единственный маршрут со значительным расхождением численности пассажиров в зависимости от времени проведения исследования. В ходе 1-го этапа на маршруте зафиксирован 31 пассажир, в ходе 2-го – 87. Большинство пассажиров следует со станций ГО Саранск (11 и 57 чел.) и Рузаевка (7 и 15 чел.). При этом явного центра притяжения не обнаружено – пассажиры сходят на протяжении всего пути следования (общее количество промежуточных станций на маршруте – 28).

Маршрут «Ужовка – Рузаевка». На обратном маршруте колебания численности пассажиров в зависимости от времени исследования отсутствовали – 59 и 55 чел. Большинство из них следует до станций ГО Саранск (32 и 47 чел.). Заполнение поезда происходит относительно равномерно на протяжении всего пути следования.

Маршрут «Рузаевка – Ночка». Движение по маршруту осуществлялось только в выходные дни. В ходе 1-го этапа исследования зафиксировано 39 пассажиров, в ходе 2-го – 57 чел. Данный маршрут на две трети наполняется в своей начальной точке – 26 и 38 чел. Пассажиры относительно равномерно выходят на станциях маршрута. Главные пункты следования – Чаис, Ночка, Сура, Воеводское.

Маршрут «Ночка – Рузаевка». Маршрут характеризуется невысокой загруженностью, постепенной наполняемостью. Абсолютное большинство пассажиров следовали до конечной станции (в ходе 1-го этапа исследования – 38 из 49 чел., в ходе 2-го – 23 из 35 чел.). На промежуточных станциях маршрута сходит незначительное количество пассажиров.

Маршрут «Алатырь – Красный Узел». Данный маршрут не проходит через главные экономические центры региона (Саранск и Рузаевку). Зафиксирован низкий пассажиропоток – 29 чел. на 1-м этапе исследования и

31 чел. на 2-м. Большинство пассажиров следует от начальной станции маршрута (12 и 17 чел.). Станции, лидирующие по числу прибывающих пассажиров, – Атяшево (6 и 18 чел.) и Красный Узел (8 и 6 чел.).

Маршрут «Красный Узел – Алатырь». Обратное направление предыдущего маршрута также характеризуется низкой наполняемостью – 26 и 29 чел. Основной станцией по числу отправляемых пассажиров является Атяшево (10 и 12 чел.), по числу прибывающих – конечная точка маршрута (12 и 18 чел.). Другие станции не оказывали значительного влияния на пассажиропоток маршрута (посадку осуществляли 1–2 человека).

Таким образом, для пригородных железнодорожных перевозок региона характерны низкие объемы пассажиропотока – действовавшие маршруты пригородного железнодорожного транспорта слабо востребованы населением. Наиболее заполненными пассажирами маршрутами являлись «Саранск – Зубова Поляна» и «Красный Узел – Рузаевка – Зубова Поляна». При этом даже здесь количество пассажиров существенно меньше количества посадочных мест. Подобный пассажиропоток делает невозможным самоокупаемость маршрутов, определяет их дотационность. В то же время, несмотря на то, что маршрутные направления пригородного железнодорожного транспорта сложно считать эффективными с экономической точки зрения, их полное закрытие чревато негативным общественным резонансом. Организация транспортного сообщения для труднодоступных и малонаселенных пунктов республики является не услугой, а обязанностью органов власти и не может отвергаться одними соображениями экономической эффективности.

В августе 2021 года в Мордовии был реализован ряд мер, направленных на увеличение пассажиропотока маршрутов. Существенной трансформации подверглась маршрутная сеть (появились электрички, курсирующие только между Саранском и Рузаевкой, маршрут от станций Воеводское и Ночка был продлен до Саранска и др.), изменился график движения пригородных поездов. Прежде пригородный поезд нередко отправлялся утром по схеме «центр – периферия». Однако жителям периферийных пунктов добираться к скоплениям объектов социальной инфраструктуры, органам власти различного уровня, решать бытовые вопросы и т. п. уместнее в дневное время, возвращаясь вечером домой. То же самое верно и в отношении учащихся, получающих профессиональное образование. В настоящее время произошел разворот маршрутов – утреннее движение построено по схеме «периферия – центр». Действующий график движения пригородных поездов составлен с учетом расписания рабочих смен на региональных предприятиях, занятий в учебных заведениях.

Очевидно, что уже принятых мер будет недостаточно для существенного улучшения ситуации с пассажиропотоком пригородного железнодорожного транспорта. Для решения данной задачи необходим комплексный подход, включающий совокупность мероприятий, к числу которых можно отнести повышение уровня комфортности в поезде, гибкость при составлении расписания, составности подвижного состава и др.

Список использованных источников

1. Калашникова И. В. Роль железнодорожного транспорта в пассажирских перевозках России / И. В. Калашникова, Е. К. Мельниченко // Ученые заметки ТОГУ. – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 1320–1327.
2. Мировой опыт организации и финансирования пригородных железнодорожных пассажирских перевозок. – URL: http://www.ipem.ru/files/files/other/2016_04_20_ipem_cprk_report_full.pdf (дата обращения: 20.09.2021).

УДК 316.342.6

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СПОСОБОВ ПОЛУЧЕНИЯ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

BUSINESS PREFERENCES OF WAYS OBTAINING FINANCIAL SERVICES IN THE CONDITIONS OF DEVELOPMENT DIGITAL SOCIETY: REGIONAL ASPECT

В. А. Иншаков, канд. социол. наук

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Л. Ю. Максимова

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Аннотация. Повышение доступности для бизнеса финансовых услуг является одной из ключевых задач экономического развития страны. Ее решению способствует активное развитие цифровых технологий, которые влияют на эффективность взаимодействия финансовых организаций и бизнеса. В настоящее время актуальным является переход субъектов предпринимательской деятельности с контактных способов получения финансовых услуг к дистанционным.

Abstract. Increasing the availability of financial services for business is one of the key tasks of the country's economic development. Its solution is facilitated by the active development of digital technologies that affect the efficiency of interaction between financial institutions and business. Currently, the transition of business entities from contact methods of obtaining financial services to remote ones is relevant.

Ключевые слова: финансовые услуги, цифровое общество, цифровизация, предприниматели, цифровые технологии, финансовые организации.

Keywords: financial services, digital society, digitalization, entrepreneurs, digital technologies, financial organizations.

В последнее десятилетие характерной чертой жизни как отдельного человека, так и государства в целом являются процессы цифровизации. Развитие технологической инфраструктуры и применение огромных баз данных определяют масштабную цифровую трансформацию общества, которая характеризуется не только увеличением доступа в Интернет для значительного числа пользователей, но и интеграцией обширного спектра цифровых сервисов, товаров и услуг в единую систему [1].

Понятие «цифровое общество» в социологии не имеет однозначного толкования. Тем не менее можно сказать, что это общество, в котором информационно-коммуникационные технологии, локальные и глобальные компьютерные сети играют важнейшую роль. Одной из первых цифровизация коснулась сферы финансовых услуг, которая прежде всего связана с движением денежных средств, обслуживанием потребностей населения и бизнеса в платежах, заемным финансовым обеспечением, сбережением, инвестированием и страхованием. На современном этапе большая часть финансовых услуг оказывается в онлайн-пространстве, все больше появляется площадок, на которых есть возможность выбора продуктов или услуг по заданным параметрам среди множества финансовых организаций [2].

Предприниматели в процессе осуществления своей деятельности взаимодействуют со сферой финансовых услуг и используют различные способы их получения.

В 2020 г. с целью изучения рынка финансовых услуг в Республике Мордовия ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» проведен экспертный опрос субъектов малого и среднего предпринимательства, в котором приняли участие 247 респондентов, осуществляющих предпринимательскую деятельность на территории городского округа Саранск и в 22 муниципальных районах Республики Мордовия.

Результаты социологического опроса показали, что наиболее востребованными финансовыми услугами среди представителей малого и среднего предпринимательства являются платежи, в том числе переводы денежных средств, оплата товаров, услуг и налогов (79,4 %). На втором месте – кредитные продукты (38,5 %), далее располагаются страховые услуги (34,8 %) и сбережение, размещение свободных денежных средств (23,9 %) (рис. 1).

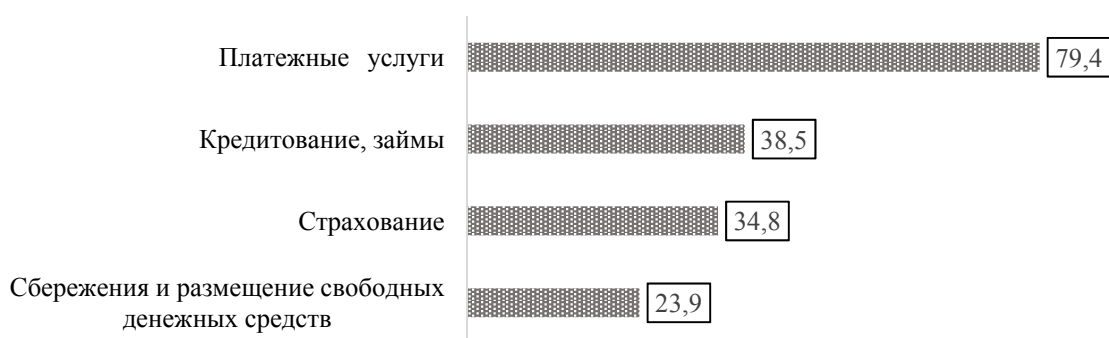

Рис. 1. Наиболее востребованные среди субъектов малого и среднего предпринимательства финансовые продукты и услуги, %

К дистанционному способу получения финансовых услуг посредством использования цифровых сервисов предприниматели чаще прибегают для совершения платежей. Так, с помощью мобильных приложений и смс-команд такие услуги получали 56,6 % респондентов, сайтов финансовых организаций – 44,9 % (рис. 2).

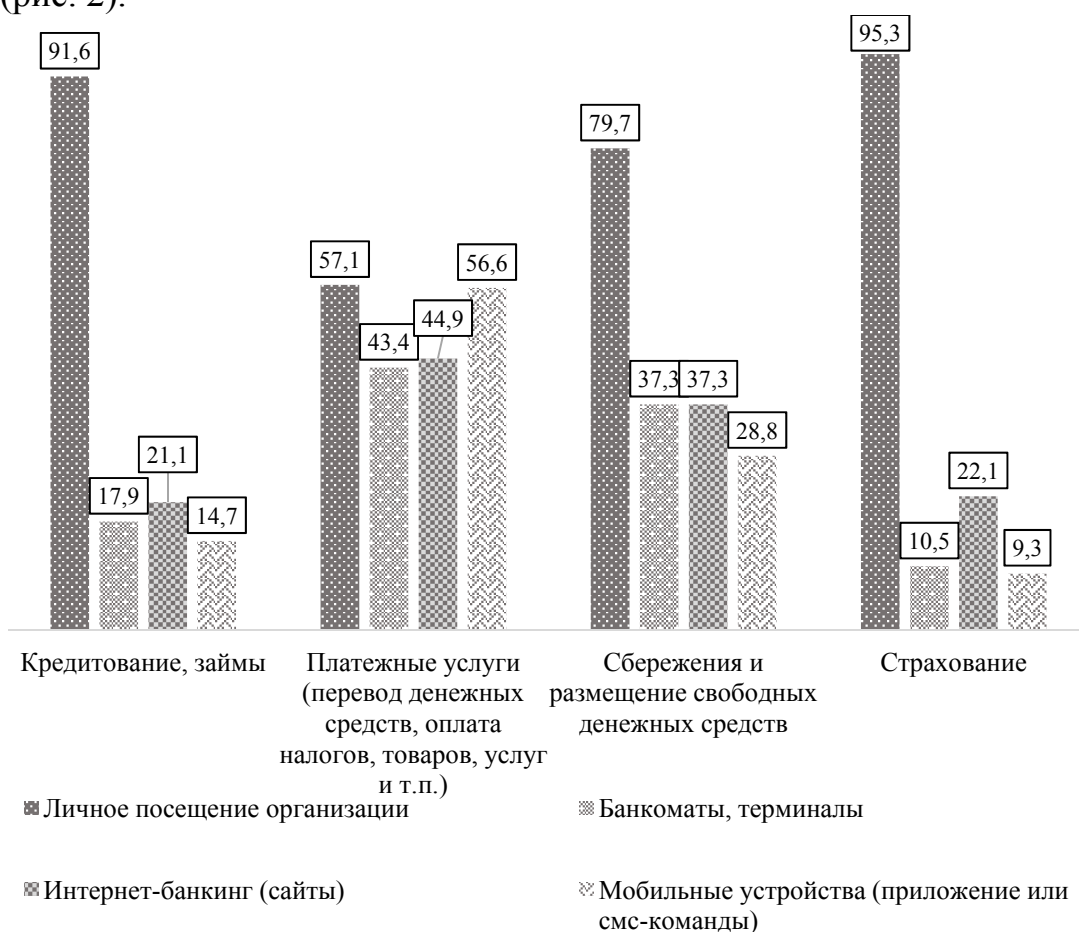

Рис. 2. Способы получения финансовых услуг субъектами малого и среднего предпринимательства, %

Кроме того, посредством мобильных устройств 28,8 % опрошенных представителей бизнеса получали услуги по сбережению и размещению свободных денежных средств, 14,7 % – по кредитованию и займам. Данный способ взаимодействия мало используется относительно услуг страхования.

Интернет-банкинг популярен у предпринимателей также при получении сберегательных услуг (37,3 %). Через личные кабинеты на сайтах финансовых организаций за кредитованием и займами обращались 21,1 % респондентов, а 22,1 % – за услугами страхования.

Несмотря на развитие цифровизации в финансовой сфере, наиболее распространенным способом доступа к финансовым услугам у предпринимателей остается личное посещение организации. С целью получения услуг страхования финансовую организацию посещали 95,3 % представителей малого и среднего бизнеса, для оформления кредитов и займов – 91,6 %, за сбережением и размещением свободных денежных средств лично обращались 79,7 % респондентов. Данным способом совершали

платежи 57,1 % опрошенных предпринимателей. Банкоматы и терминалы предприниматели предпочитают использовать для платежей (43,4 %), сбережения и размещения свободных денежных средств (37,3 %). Относительно услуг кредитования и займов данные устройства востребованы у 17,9 % респондентов.

Необходимо отметить, что дистанционное получение финансовых услуг не является для предпринимателей сложным. Более половины опрошенных представителей малого и среднего предпринимательства (56,7 %) не сталкивались с трудностями при получении финансовых услуг. Значительного барьера для доступа предпринимателей к финансовым услугам не обнаружено. Среди проблем респонденты чаще указывали неудовлетворительную стоимость финансовых продуктов и услуг (13,0 %), сложность процедуры оформления, большое количество требуемых документов (12,1 %) и недостаток информации об услуге (11,7 %) (рис. 3).

В зависимости от формы ведения предпринимательской деятельности наблюдались некоторые различия в ответах респондентов при характеристике проблем. Так, индивидуальные предприниматели чаще, чем юридические лица, ссылались на недостаток собственных знаний и опыта (13,2 и 5,2 % соответственно) и, наоборот, реже отмечали сложность процедуры оформления и большое количество требуемых документов (9,9 и 15,6 %).

Рис. 3. Проблемы, существующие при получении субъектами малого и среднего предпринимательства финансовых услуг, %

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что личное посещение финансовых организаций является у региональных предпринимателей приоритетным при получении финансовых услуг, а цифровые способы взаимодействия с финансовыми организациями находятся в процессе перехода к массовому внедрению. Цифровизация финансовых

услуг изменяет привычные бизнес-процессы и способствует эффективному использованию финансовых инструментов малым и средним бизнесом.

Список использованных источников

1. Деревянченко А. А. Цифровое общество: новые возможности и старые угрозы / А. А. Деревянченко, Д. В. Калинин // Науч. тр. Моск. гуманитар. ун-та. – 2019. – № 6. – URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/1093>.

2. Кузнецова Т. Ф. Цифровое общество в свете культурологии // Горизонты гуманитарного знания. – 2018. – № 1. – URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/700>.

УДК 378

О НЕОБХОДИМОСТИ УКРЕПЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

ON THE NEED TO STRENGTHEN THE REGIONAL HIGHER EDUCATION SYSTEM

А. К. Карцева,

*начальник учебного отдела факультета экономик и финансов
Северо-Западный институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Аннотация. В статье на основе анализа данных официальной статистики выявляется несоответствие отечественной системы высшего образования требованиям современной экономики. Одна из причин – слабая конкуренция в этом секторе экономики. Особенно это касается небольших российских регионов, отток молодежи из которых значительно ослабляет их трудовой потенциал. Предлагается расширение филиальной сети крупнейших вузов страны, что позволит молодежи получить качественное высшее образование в родном городе.

Abstract. Based on the analysis of official statistics data, the article reveals the discrepancy between the domestic system of higher education and the requirements of the modern economy. One of the reasons is weak competition in this sector of the economy. This is especially true of small Russian regions, the outflow of young people from which significantly weakens their labor potential. It is proposed to expand the branch network of the country's largest universities, which will allow young people to receive a high-quality higher education in their hometown.

Ключевые слова: образование, экономика, наука, инновации, подготовка кадров, человеческий потенциал.

Keywords: education, economics, science, innovation, personnel training, human potential.

Снижение качества и доступности образования рассматривается как серьезная угроза экономической безопасности современной России, поскольку это может негативно сказаться на качестве человеческого потенциала, что в свою очередь не позволит стране укрепить свои позиции на мировой арене и кардинально повысить жизненный уровень в стране.

Для достижения целевых показателей государственных программ, национальных проектов, стратегических инициатив, а также национальной цели развития Российской Федерации, касающейся экономической динамики, ВВП России должен ежегодно увеличиваться не менее чем на 3 % [1]. Однако пока надежд на такие темпы экономической динамики немного: в 2012–2019 гг. прирост ВВП в России составил 10,5 %, а значит, среднегодовой тем роста не превысил уровень в 101,25 %. Очевидно, что этого недостаточно для решения стоящих перед нашей страной задач.

Вряд ли удастся выполнить и другую цель, поставленную перед правительством страны Президентом России В. В. Путиным, – к 2024 г. войти в пятерку крупнейших мировых держав. Страны, с которыми Российская Федерация конкурирует за рейтинговые позиции по величине ВВП, тоже не стоят не месте. В 2010–2018 гг. практически все экономически развитые страны, включая те, с которыми РФ предстоит соперничать хотя бы за 5-е место, демонстрировали значительно более высокие показатели экономического развития, чем Российская Федерация. Например, в Германии индекс ВВП составил в этот период 116 %, в США – 119 %. В нашей стране прирост ВВП не превысил 15 %. Огромные различия выявляет сравнение экономической динамики РФ с развивающимися странами. Например, в Китае в 2010–2019 гг. индекс ВВП составил 178 %, в Индии – 171 %.

Приведенные данные убедительно говорят о том, что приоритетным направлением развития России является коренное обновление материально-технической базы, за счет чего будет достигнуто кардинальное повышение производительности труда. Для работы на новом оборудовании и по новейшим технологиям нужны высококвалифицированные специалисты. Не секрет, что нередко высокопроизводительное оборудование используется не на полную мощность по той причине, что не хватает специалистов, способных управлять этой техникой. Далеко не все возможности современного оборудования, заложенные его создателями, доступны специалистам, которые его обслуживают, поскольку они не обладают для этого всеми необходимыми компетенциями.

О том, что требования к участникам трудового процесса неуклонно возрастают, свидетельствует тот факт, что в 2009–2019 гг. структурная доля работников, имеющих высшее образование, возросла на 20 % и составляет в среднем по российской экономике 34,2 %. Отдельные сектора более требовательны к своим работникам. Так, удельный вес высококвалифицированных работников в организациях финансовой сферы

составляет 68 % от их общей численности, в то время как в научных и образовательных организациях таким образованием характеризуются только 56 % сотрудников [3, с. 33].

Отчасти такой состав работников связан с традиционно высокой привлекательностью для многих россиян занятости в банковской сфере. Многие выпускники вузов профильных специальностей мечтают об этом и готовы идти к своей цели, начиная с самых нижних ступеней карьерной лестницы с низкой оплатой труда в надежде на достойную и стабильную заработную плату в будущем. Определенная доля истины в этом, конечно, есть. Но нам представляется, что главная причина этого заключается в кадровой политике банков, нацеленной на формирование трудовых коллективов, способных быстро и полноценно осваивать новые знания и практические компетенции и использовать их в своей работе.

Подтверждением тому является и сильно изменившийся возрастной состав сотрудников банков. В офисах кредитных учреждений трудятся преимущественно молодые люди, в них не увидать, как это было недавно, возрастных сотрудников. А все потому, что для работы в банке теперь требуется не только умение работать с людьми, а главное – владение компьютерными технологиями, способность быстро осваивать специальные программы.

Из всех отраслей российской экономики именно банковский сектор оказался наиболее восприимчивым к инновациям. И благодаря этому многие банки добились колоссальных успехов. В 2018 г. Тинькофф Банк признан лучшим розничным банком в мире, лучшим на планете признано и мобильное приложение Тинькофф. В последующие 2 года равных российскому онлайн-банку тоже не было: в 2019 и 2020 гг. Тинькофф подтвердил свои титулы и сохранил лидирующие позиции в мире в нескольких номинациях. Инновации позволили многим российским банкам не только не потерять, а приумножить свою прибыль в сложнейших условиях пандемии.

В подтверждение нашего предположения о том, что большая концентрация высококвалифицированных специалистов в банковском секторе обусловлена не только особой привлекательностью этих рабочих мест, но и в большей степени высокими требованиями к их соискателям, приведем несколько фактов:

1) наиболее близко к отрасли, обладающей наиболее высокообразованным трудовым потенциалом, стоит сфера, имеющая непосредственное отношение к инновациям и их распространению, – информатизация – высшее образование имеют 63 % работников занятых этой деятельностью организаций;

2) в органах государственной власти, о работе в которых тоже мечтают многие россияне, удельный вес специалистов с высшим образованием почти на 10 п. п. ниже, чем в банковском секторе, – 58,5 % [3, с. 60].

Нет сомнений в том, что эта тенденция продолжится и распространится на другие отрасли и сектора экономики, поскольку это общемировой тренд. Растущие требования к качеству рабочей силы со стороны современного

производства диктуют необходимость изменения структуры подготовки кадров, содержания образовательных программ, качественных перемен в организации образовательного процесса.

О слабом соответствии национальной системы высшего образования запросам рынка труда говорят, например, следующие данные: в 2009–2019 гг. уровень занятости в экономике России уменьшился на 4,2 % (с 62,0 до 59,4 % от численности населения), но в большей степени это коснулось лиц с высшим образованием, уровень занятости которых снизился на 4,8 % (с 80,0 до 77,1 % от численности населения соответствующего уровня образования).

Еще отчетливее расхождение спроса и предложения на рынке труда проявляется в показателях занятости мужской части населения. Сравнение показателей занятости в зависимости от уровня образования свидетельствует, что если в рассматриваемый период уровень занятости мужчин в целом увеличился с 66,9 до 67,3 % от численности населения, то в категории лиц, имеющих высшее образование, он напротив, снизился с 84,9 до 82,4 % от численности населения соответствующего уровня образования [3, с. 34].

О слабом соответствии современной российской системы высшего образования запросам рынка труда говорят сохраняющийся дефицит кадров определенных специальностей в условиях безработицы, а также показатели трудоустройства выпускников. Почти 1/3 выпускников российских вузов 2016–2018 гг. работают не по полученной специальности, а по некоторым направлениям подготовки доля невостребованных специалистов превышает 50 %, среди них: сельское, лесное и рыбное хозяйство, социология и социальная работа, политические науки и регионоведение [3, с. 86].

Однозначно утверждать, что главная причина – низкое качество образования, нельзя. Причиной такого несоответствия спроса и предложения на отдельных сегментах рынка труда является структура занятости. В первую очередь речь идет о таких направлениях подготовки, как «Социология и социальная работа» и «Политические науки и регионоведение», обладатели которых при всем желании не могут найти себе применение по полученной специальности по той причине, что эти сферы экономики находятся в слаборазвитом состоянии. Сами обучающиеся и их родители осознают невостребованность таких специалистов, поэтому основной поток обучается на бюджетной основе.

Вот что можно утверждать уверенно, это то, что государственные средства, направляемые на организацию обучения по названным направлениям, расходуются неэффективно. Однако однозначно рекомендовать закрывать или значительно сокращать планы приема по этим специальностям тоже нельзя. В первую очередь это касается такого направления, как социальная работа. Население нашей страны довольно быстро стареет: в 2005–2019 гг. средняя продолжительность жизни увеличилась на 8 лет (с 65,37 до 73,34 года) [4, с. 79].

Более того, Президентом России В. В. Путиным поставлена задача войти в группу стран со средней продолжительностью жизни 80 лет. В этом возрасте многие люди нуждаются в помощи. Стране предстоит практически с нуля

создать инфраструктуру достойной старости, включающую специализированные медицинские учреждения, дома постоянного и временного пребывания лиц с ограниченными возможностями здоровья, образовательные и досуговые организации и другие объекты. Не уверены, что не будет проблем с укомплектованием таких учреждений кадрами нужных специальностей.

Другая причина невостребованности рынком большого числа подготовленных вузами специалистов, как и любого другого товара, связана с качеством подготовки. Ведь несмотря на то, что вузы ежегодно выпускают огромное число экономистов и юристов и поток желающих получить такое образование на коммерческой основе не сокращается, многие предприятия ищут и не могут найти профессионалов именно в этой сфере. Показатели эффективности деятельности российских предприятий тоже свидетельствуют о низком качестве управления – удельный вес убыточных организаций в нашей стране остается очень высоким: 2005 г. – 36,4 %, 2010 г. – 29,9 %, 2015 г. – 32,6 %, 2019 г. – 32,5 % [4, с. 626].

Одна из возможных причин снижения качества подготовки специалистов в вузах, как и на любом рынке, – ослабление конкуренции. Если обеим столицам это не грозит, поскольку 30 % вузов страны сосредоточены именно на их территории (в г. Москве 153 вуза, в г. Санкт-Петербурге – 66 вузов из 741 вуза в РФ в 2019 г.), то в регионах ситуация совсем иная: в 28 субъектах функционируют 1–3 вуза [4, с. 343]. Отсутствие возможности получения качественного высшего образования в родном городе (регионе) побуждает молодежь к переезду, а вузы, чтобы выполнить план приема, вынуждены снижать проходные баллы и продлять сроки приема документов.

Самым надежным способом оздоровления любого рынка является конкуренция. Сфера высшего образования многих небольших регионов лишена такого эффективного механизма. Для решения этой проблемы предлагается открытие в них филиалов крупнейших вузов страны. Накопленный в пандемию опыт организации дистанционного обучения поможет решить данную задачу. Это та проблема, в реализации которой важен не только и не столько финансовый результат. Обеспечивая молодым людям возможность получения качественного образования в родном городе, эта мера будет также способствовать укреплению человеческого потенциала территории. Проблему дефицита кадров отдельных специальностей предлагается решать путем планового распределения выпускников бюджетных отделений.

Список использованных источников

1. Минэк назвал условия достижения роста ВВП России в 3 % / Известия. – 21 сент. – [Электронный ресурс] URL: <https://iz.ru/1224845/2021-09-21/minek-nazval-usloviia-dostizheniia-rosta-vvp-rossii-v-3> (дата обращения – 25.09.2021)
2. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020. : стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 145 с.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 1242 с.
4. Российская Федерация и мир : стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 385 с.

РЫНОК ТРУДА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ: ДИНАМИКА СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

THE LABOR MARKET DURING THE PANDEMIC: THE DYNAMICS OF SUPPLY AND DEMAND

Т. И. Кирдяшкина

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Аннотация. На основании анализа статистической информации, а также привлечения данных ежеквартальных опросов соискателей и работодателей раскрываются особенности функционирования регистрируемого рынка труда Республики Мордовия в период пандемии. Автор дает обобщенную характеристику качественных и количественных показателей спроса и предложения на рабочую силу и акцентирует внимание на их профессионально-структурном дисбалансе.

Abstract. Based on the analysis of statistical information, as well as the use of data from quarterly surveys of job seekers and employers, the features of the functioning of the registered labor market of the Republic of Mordovia during the pandemic are revealed. The author gives a generalized description of the qualitative and quantitative indicators of supply and demand for labor and focuses on their professional and structural imbalance.

Ключевые слова: рынок труда, безработица, соискатели, работодатели, спрос и предложение рабочей силы.

Keywords: labor market, unemployment, job seekers, employers, labor supply and demand.

Пандемия коронавируса оказала значительное влияние на рынок труда в масштабах как страны, так и отдельных регионов. В 2020 г. многие работодатели оказались в ситуации вынужденного простоя, что привело к росту безработицы. С начала массовой самоизоляции в марте 2020 г. уровень официальной безработицы в Республике Мордовия вырос почти в четыре раза, достигнув к 1 ноября максимума – 3,4 %. По итогам 2020 г. ряды безработных массово пополнили граждане, прекратившие трудовую деятельность в силу различных причин с 1 марта, их доля в общей численности зарегистрированных безработных на 1 января 2021 г. составила 77,9 %. Значительный рост числа обращений в службы занятости обусловлен введением дополнительных мер социальной поддержки безработных. На регистрируемый рынок труда вышли соискатели, для которых низкий размер пособия в допандемийный период не был стимулом к регистрации в службе занятости.

Основными функциями государственных центров занятости стали регистрация безработных и назначение пособий. Предложение рабочей силы на официальном рынке труда почти в два раза превысило спрос: на 1 января 2021 г. заявленная потребность работодателей в работниках составила 7 157 чел., а численность официально зарегистрированных безработных – 11 175 чел. С января по декабрь 2020 г. только 14,7 % от общего числа трудоустроенных зарегистрированных безработных нашли работу при содействии службы занятости, из них две трети – жители сельской местности. Этот показатель в 2,2 раза ниже, чем за аналогичный период 2019 г. (32,0 %).

По результатам ежеквартальных опросов, проведенных ГКУ РМ НЦСЭМ, в 2020 г. в центрах занятости населения «Саранский» и «Рузаевский» большинству опрошенных соискателей уже в третьем квартале не было предложено вакансий (75,0 %), что значительно превышает соответствующие показатели за аналогичный период 2019 г. (18,9 %) и предыдущих кварталов 2020 г. (рис. 1).

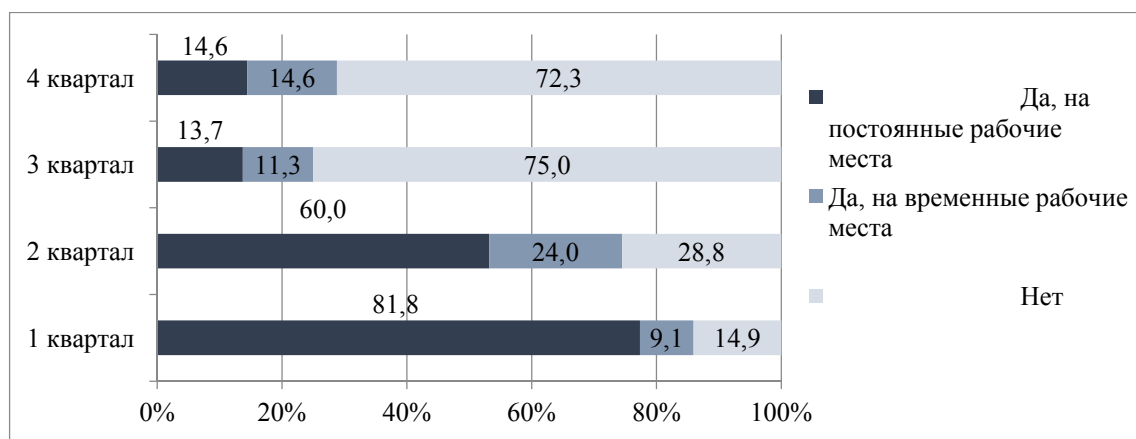

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Были ли Вам предложены вакансии в центре занятости населения?», %

По данным официальной статистики, в 2020 г. структура спроса и предложения на официальном рынке труда по профессионально-квалификационному составу изменилась. Значительно сократился количественный дисбаланс по рабочим специальностям: спрос на квалифицированных рабочих строительства, промышленности и транспорта составил 1 295 ед., предложение – 1 222 ед.; неквалифицированных рабочих – 1 469 и 1 315 ед., неквалифицированных работников по сбору мусора – 1 273 и 1 051 ед. соответственно. Увеличилась потребность в специалистах высшего уровня квалификации, которая количественно почти перекрывается предложением (спрос – 1 035 ед., предложение – 1 022 ед.), но по отдельным специальностям, таким как врачи, дисбаланс более существенный – 6:1. Подобная ситуация характерна и для среднего медицинского персонала, где спрос значительно превышает предложение – 5:1, хотя в целом по квалификационной группе специалистов со средним профессиональным образованием предложение стало преобладать над спросом (567/411). Ограничительные меры в связи пандемией коронавируса больше всего

повлияли на сферу торговли и обслуживания, предложение рабочей силы в данном сегменте значительно превысило спрос (1 804/1 103). Еще больший дисбаланс спроса и предложения наблюдается среди руководящих должностей в сфере производства и специализированных сервисных услуг (449/1 231) [1]. По результатам опросов ГКУ РМ НЦСЭМ в структуре предложения рабочей силы преобладали специалисты с высшим образованием, тогда как работодателям больше нужны рабочие специальности, в том числе неквалифицированные (рис. 2).

Рис. 2. Спрос и предложение на рынке труда в 4-м квартале 2020 г., %

Увеличение количества соискателей, зарегистрированных в центрах занятости, не повлияло на повышение эффективности рекрутинга. Напротив, по результатам ежеквартальных опросов, работодатели стали реже получать предложения по заявленным вакансиям: 82,4 % в первом квартале, 60,5 % – во втором, 64,0 % – в третьем, 59,0 % – в четвертом. При этом значительная доля направленных на собеседование соискателей не была трудоустроена из-за несоответствия заявленным к вакансии требованиям. С позиции работодателя соискатели в первую очередь не соответствовали заявленным вакансиям по профессии и квалификации, опыту работы, а в четвертом квартале для работодателей более важными стали состояние здоровья (31,3 %) и личные качества соискателей (31,3 %).

В свою очередь качество предлагаемых вакансий не всегда соответствовало запросам ищущих работу. Например, в третьем квартале 2020 г. от предложенных вакансий отказались 58,6 % опрошенных, а в четвертом – 16,7 %. Чаще всего отказ от трудоустройства мотивируется низким уровнем заработной платы и несоответствием предлагаемых рабочих мест их профессии (квалификации) (в четвертом квартале 45,0 и 40,0 % соответственно).

Пандемия серьезно повлияла на рынок труда. Ограничительные меры, введенные в связи с распространением коронавируса, привели к сокращению рабочих мест в наиболее чувствительных к кризису отраслях реального сектора экономики и к росту безработицы. Рост числа безработных на фоне

снижения экономической (деловой) активности еще больше обнажил проблему профессионально-структурной разбалансированности спроса и предложения на рабочую силу.

Использованный источник

1. Официальный сайт Министерства социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия. – URL: https://e-mordovia.ru/otkrytye-dannye/statisticheskaya-informatsiya/ministerstvo-sotsialnoy-zashchity-naseleniya-m/?department=selected_one§ion=325 (дата обращения: 20.09.2021).

УДК 314.72

ОТХОДНИЧЕСТВО В РЕГИОНЕ КАК ОСОБЫЙ ВИД ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

MIGRANT WORK IN THE REGION AS A SPECIAL TYPE OF LABOR MIGRATION

О. Н. Курмышкина

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Аннотация. В фокусе статьи находится такое социальное явление, как отходничество. Оно представляет собой особый вид внутренней трудовой миграции. Ставится вопрос расчета доли отходников в структуре населения трудоспособного возраста.

Abstract. The article focuses on such a social phenomenon as migrant work. It is a special type of internal labor migration. There is a question of how to count the share of migrant work in the population structure.

Ключевые слова: отходничество, миграция, внутренняя временная трудовая миграция, население трудоспособного возраста, регион.

Keywords: migrant work, labor migration working-age population, region.

В современной российской социологии все чаще рассматривают новое явление во внутренней трудовой миграции, именуемое как «современное отходничество». Данное явление не является чем-то новым для российской истории, еще XIX в. крестьяне уходили из села на временные, сезонные работы – «отхожий промысел». Данный вид деятельности был одним из значительных источников дохода крестьянского населения.

Данная проблематика нашла отражение в работах ученых как XIX в. – Л. Весина [1], Б. Ленского [2], Н. А. Карышева [4], так и современности – А. В. Перепелицына [6], Селиванова В. В. [8]. Социологический подход к изучению отходничества как особого вида трудовой миграции впервые применили Ю. М. Плюснин, Я. Д. Заусаев, Н. Н. Жидкевич, А. А. Позаненко

[5]. В своей монографии они сделали исторический экскурс, описали феномен отходничества в современной России и дали социологическую оценку экономического и политического статуса современного отходничества.

Отходничество – это массовое трудовое поведение населения, для которого характерен целый набор существенных признаков. Прежде всего это особый вид внутренней временной трудовой миграции из малых городов и сельской местности в развитые регионы, столицу. Данный вид миграции обусловлен социально-экономическим положением региона, наличием рабочих мест, географическим положением региона, территориальной близостью к крупным экономически развитым регионам.

Исследователи, занимающиеся вопросами современного отходничества, говорят о существовании его территориальной специфики. Группа ученых изучала данный процесс в регионах европейской части России. Отобранные районы были поделены на две группы: «север» и «юг». Республика Мордовия была отнесена ко второй группе, социологи работали в городах: Темникове, Ардатове и Саранске. Авторы монографии сделали вывод о существовании территориальных различий в половом составе отходников, наборе специализаций, по которым работают на выезде, и факторах выезда [5].

Особенности отходничества «южных» регионов [3]:

- доля отходников в них выше, чем в «северных»;
- структура выездной специализации отходников: большинство заняты малоквалифицированным трудом (охрана, уборка, торговля, домашние работы), меньшинство работает по востребованной специализации (в промышленности, строительстве, на транспорте);
- причина трудовой миграции: действие выталкивающих факторов (отсутствие работы, достойной оплаты труда, дороговизна жизни);
- отсутствие гендерной дифференциации в отходничестве, женщины ездят на заработки наравне с мужчинами;
- местный социальный статус отходников зависит от их «выездной» специализации: чем уже специализация отходника, тяжелее условия труда, тем выше его социальный статус среди местных жителей.

Одной из центральных проблем при изучении современного отходничества является определение его доли в составе всего населения. В рамках проекта «Социальный портрет современного российского отходника» разработчиками был предложен способ оценки масштабов отходничества в регионе [5, с. 70], который представляет разницу между численностью населения трудоспособного возраста и занятых в экономике, численностью безработных (официальных). При этом необходимо учитывать количество иждивенцев, доля которых составляет 15–20 % от разницы.

В рамках данной статьи была применена названная методика расчета доли отходников в составе трудоспособного населения Республики Мордовия. По официальным статистическим данным, численность населения трудоспособного возраста в Республике Мордовия в мае – июне 2021 г. составила 421 578 чел., из них занятых в экономике – 406 533 чел.,

безработных – 4 258 чел. [7]. Согласно расчетам численность иждивенцев (15 % от разницы) – 2 157 чел. Таким образом, доля отходников в Республике Мордовия на конец июля 2021 г. составила 2 % (8 630 чел.).

Также был применен и второй способ расчета доли отходников в регионе – метод экстраполяции социологических данных на генеральную совокупность. Необходимым условием при этом является высокорепрезентативное социологическое исследование, где количество квотных признаков не менее трех. Исследование «Резервы гармонизации социальных отношений в Республике Мордовия», отвечающие данным требованиям, было проведено в 2020 г. сотрудниками ГКУ РМ НЦСЭМ¹. Согласно полученным данным за пределами региона работают 4,6 % респондентов трудоспособного возраста, что в абсолютном значении составляет 19 614 чел.

Проблема подсчета доли отходников в регионе остается актуальной, поскольку официальная статистика не дает такой информации; подход, применяемый группой московских исследователей, также страдает от недостатка объема статистических данных, а результаты социологических исследований требуют эмпирической проверки. Однако для успешного развития региона и регулирования внутренней региональной миграции задача определения истинной доли занятых в экономике другого региона является первостепенной. Согласно расчетам, проведенным в статье, численность отходников в Республике Мордовия варьируется от 8 000 до 19 000 чел., что, например, соответствует численности жителей Большеигнатовского или Ичалковского районов [9]. Таким образом, отходничество как особый вид возвратной трудовой миграции имеет достаточно широкое распространение в Республике Мордовия, в котором занята немалая доля экономически активного населения.

Список использованных источников

1. Весин Л. Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. – 1887. – № 2. – С. 102–124.
2. Ленский Б. Отхожие неземледельческие промыслы в России // Отечеств. зап. – 1877. – № 12.
3. Жидкевич Н. Н. Современные отходники севера и юга европейской части России // Крестьяноведение. – 2017. – № 3. – С. 97–107.
4. Карышев Н. А. К изучению наших отхожих промыслов // Рус. богатство. – 1896. – № 7. – С. 1–24.
5. Отходники : [монография] / Ю. М. Плюснин, Я. Д. Заусаев, Н. Н. Жидкевич, А. А. Позаненко. – М. : Новый хронограф, 2013. – 288 с. – URL: <https://www.hse.ru/data/2013/11/01/1283037797/ОТХОД.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).
6. Перепелицын А. В. Крестьянские промыслы в центрально-черноземных губерниях России в пореформенный период / А. В. Перепелицын. – Воронеж : ВГПУ, 2005. – 171 с.
7. Распределение численности населения по экономической активности за май–июль 2021 г. – URL: <https://mrd.gks.ru/folder/27966> (дата обращения: 10.08.2021).

¹ Объем выборочной совокупности составил 1 000 чел. Признаки репрезентативности: место жительства (городская, сельская местность), пол, возраст. Статистическая погрешность не превышает 3,4 %.

8. Селиванов В. В. Год русского земледельца : Зарисовки из крестьянского быта. Зарайский уезд Рязанской губернии / В. В. Селиванов. – М. : Кн. дом «Либроком», 2011. – 152 с.

9. Численность населения на 1 января 2021 г. – URL: <https://mrd.gks.ru/folder/27964> (дата обращения: 10.08.2021).

УДК 316.334.52.177.5(470.345)

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАССЛОЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE PROBLEM OF SOCIO-ECONOMIC STRATIFICATION OF REGIONAL SOCIETY

Л. Н. Курышова, канд. социол. наук

Государственное казенное учреждение Республики Мордовия

«Научный центр социально-экономического мониторинга»,

МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. В статье на основе результатов социологических опросов населения с 1995 по 2021 г. рассмотрена проблема социально-экономического расслоения, выделены основные периоды изменения социальной структуры и построен профиль неравенства регионального социума.

Abstract. In an article based on the results of sociological surveys of the population from 1995 to 2021 investigates the problem of socio-economic stratification, identifies the main periods of changes in the social structure and the profile of inequality in regional society.

Ключевые слова: социально-экономическое расслоение, социальная структура, неравенство, доход, бедность, региональный социум.

Keywords: socio-economic stratification, social structure, inequality, income, poverty, regional society.

Российское общество сегодня качественно отличается от того, каким оно было три десятилетия назад. Произошли позитивные перемены в уровне жизни населения страны, сокращение масштабов бедности и другие изменения социальной структуры. При этом поступательное развитие страны прерывалось экономическими кризисами, что лишь повышало актуальность исследований проблем неравенства в рамках как всего государства, так и отдельных его регионов. Ретроспективный анализ социально-экономического расслоения позволяет не только посмотреть на изменения социальной структуры в динамике, соотнести их с конкретными периодами развития

страны, но и понять, решены ли в действительности проблемы, обозначенные в самом начале пути¹.

В основе социально-экономического расслоения лежит неравенство доходов, традиционно являющихся одним из основных индикаторов уровня жизни и используемых при построении моделей социальной структуры [3, с. 238]. Доходы населения в монетарном выражении могут расти, однако из-за роста цен их реальное содержание может не только не увеличиваться, но и сокращаться. Весьма показательным и информативным в ретроспективе является распределение населения по оценке доходов с точки зрения их покупательной способности. Несмотря на субъективный характер, восприятие доходов через подобную призму дает достаточно объективную картину, так как соотносит денежный эквивалент дохода с их реальной стоимостью.

Обращаясь к данным опросов прошлых лет, можно выделить несколько периодов изменений социально-экономической структуры регионального социума (рис. 1).

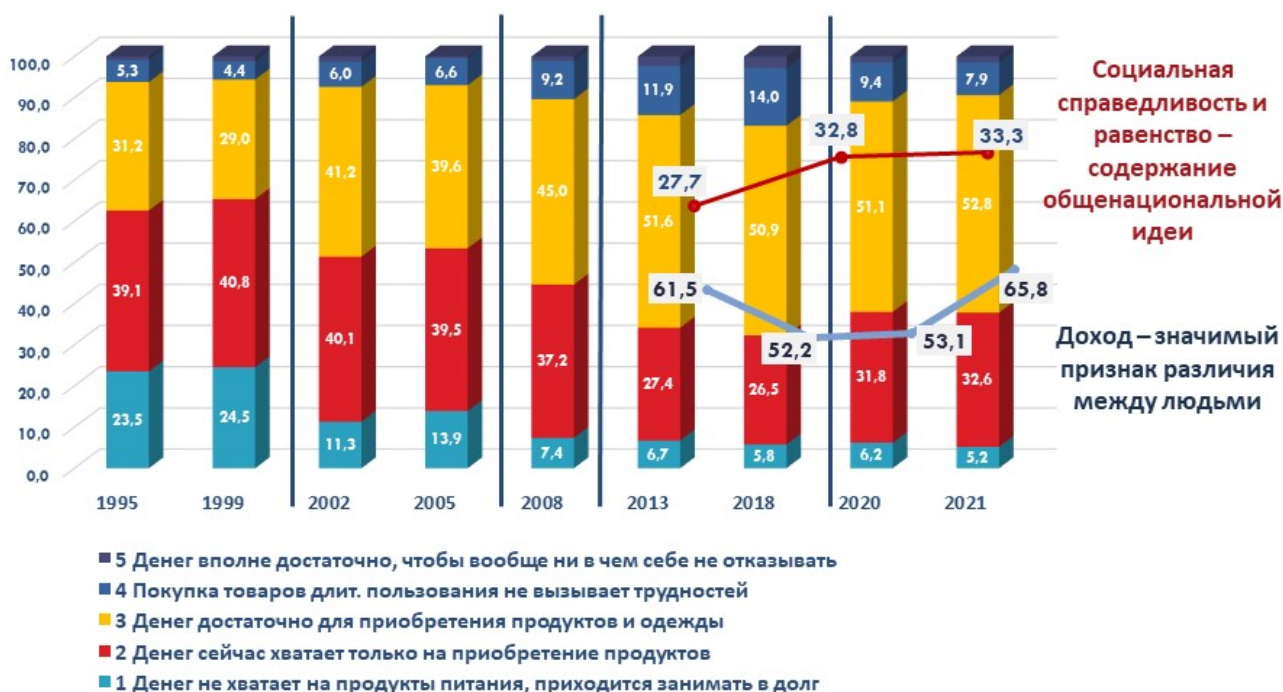

Рис. 1. Распределение населения Республики Мордовия по оценке денежных доходов, %

90-е гг. XX в. ознаменовались серьезными проблемами экономики и, как следствие, падением уровня жизни значительной части населения России. Прокатилась волна маргинализации, большинство людей обеднело и старалось «выжить» на мизерную заработную плату и пенсию, которые нередко выплачивались с задержкой. Данные опросов 1995 и 1999 гг. наглядно

¹ В основе анализа результаты исследования «Резервы гармонизации социальных отношений в Республике Мордовия» (1995 г., $n \geq 2\ 000$ чел.; 1999 г., $n = 2\ 600$ чел.; 2002 г., $n = 2\ 000$ чел.; 2005, 2008 и 2020 гг., $n = 1\ 000$ чел.); «Качество жизни населения Республики Мордовия» (2013 и 2018 гг., $n = 1\ 000$ чел.) и «Материальное положение населения Республики Мордовия» (2021 г., $n = 1\ 000$ чел.), проведенные НИИ регионологии и ГКУ РМ НЦСЭМ [1].

иллюстрируют ситуацию тех лет. Основу социальной структуры Мордовии составляли бедные и нищие семьи, доходы 40 % населения обеспечивали им лишь питание, а почти четверть жила в долг. Перешагнувших порог бедности, но обеспеченных лишь минимально необходимым (одеждой и питанием) было не более трети общества.

Как отмечает российский исследователь Е. Н. Тихонова, в социальной структуре в это время произошли тектонические сдвиги, но с середины первого десятилетия XXI в. основные показатели, описывающие характеристики модели социальной структуры общества, остаются практически неизменными [4, с. 356–357]. В период экономического роста нулевых годов государство смогло обратить внимание на социальные проблемы, повысить пенсии и заработные платы работникам бюджетной сферы, достигнуть успехов в сокращении масштабов бедности [2, с. 65]. В начале XXI в. в основе региональной социальной структуры по-прежнему были бедные и нищие, однако их число несколько уменьшилось и стало составлять примерно половину населения. Каждая десятая семья из числа бедных к этому периоду смогла перешагнуть порог прожиточного минимума.

2008 г. является переломным: начинается мировой финансовый кризис, но во многом социально ориентированный антикризисный план России позволил избежать серьезных негативных последствий для социальной сферы. Структура регионального социума мало изменилась, лишь незначительно увеличилось число семей, преодолевших черту бедности в первую очередь за счет сокращения крайне бедного населения, и региональное неравенство частично удалось смягчить. Каждого десятого теперь можно было отнести к обеспеченному слою.

В следующее пятилетие государственная политика во многом была направлена на сдерживание последствий кризиса, принятие предупредительных мер против новых кризисных явлений, но не на крупные инвестиции в экономическое развитие. Ситуацию усугубила девальвация рубля 2014 г., которая вызвала подорожание жизни. Социальная структура регионального социума в 2013–2018 гг. выглядела стабильно. Это время активной подготовки к чемпионату мира по футболу, огромные деньги вкладывались в развитие инфраструктуры. В определенной степени это сказалось на качестве жизни населения городов-организаторов, в число которых вошел г. Саранск. Но, несмотря на ежегодное увеличение номинальных доходов и заработных плат, реальные доходы семей не росли. Половина граждан являлась среднеобеспеченной, почти четверть семей были малообеспеченными (бедными), вместе с необеспеченными, крайне бедными они составляли треть общества.

В дальнейшем ситуация сохранялась: доходы росли, но потребительские цены не позволяли повысить их реальное содержание. Утвержденный минимальный размер оплаты труда на уровне, превышающем величину прожиточного минимума, меры социальной поддержки малоимущих позволяли людям не скатываться за порог бедности, однако не решали проблему неравенства.

В 2020 г. уровень жизни снизился и выросла доля бедных групп населения с одновременным уменьшением количества обеспеченных людей. Исследование, проведенное в мае 2021 г., показывает практически такой же профиль стратификации, как и в предыдущий год, однако заметен тренд в сторону низкой обеспеченности. В настоящее время к категории необеспеченных (семьи живут в долг, денег не хватает на продукты питания) относятся около 6 % населения. Треть населения является малообеспеченной или бедной (денежные доходы обеспечивают лишь питание). Половина жителей региона – среднеобеспеченные и могут позволить себе не только питание, но и одежду и обувь. Лишь каждая десятая семья может себе позволить крупные покупки и более высокий уровень потребления.

На рис. 2 наглядно видно, как менялся профиль социально-экономического неравенства Республики Мордовия в течении 25 лет. Если в 90-х гг. XX в. основу социальной структуры составляли необеспеченные и малообеспеченные слои, то в дальнейшем мы наблюдаем вытягивание пирамиды и ее стремление к классическому изображению неравенства. Однако обеспеченные и высокообеспеченные слои очень малочисленны. Необходимо обратить внимание на то, что среднеобеспеченными в представленном профиле являются те, у кого денег хватает лишь на самое необходимое. Это семьи, которые перешагнули порог бедности, однако их жизнь далека от классических стандартов среднего слоя.

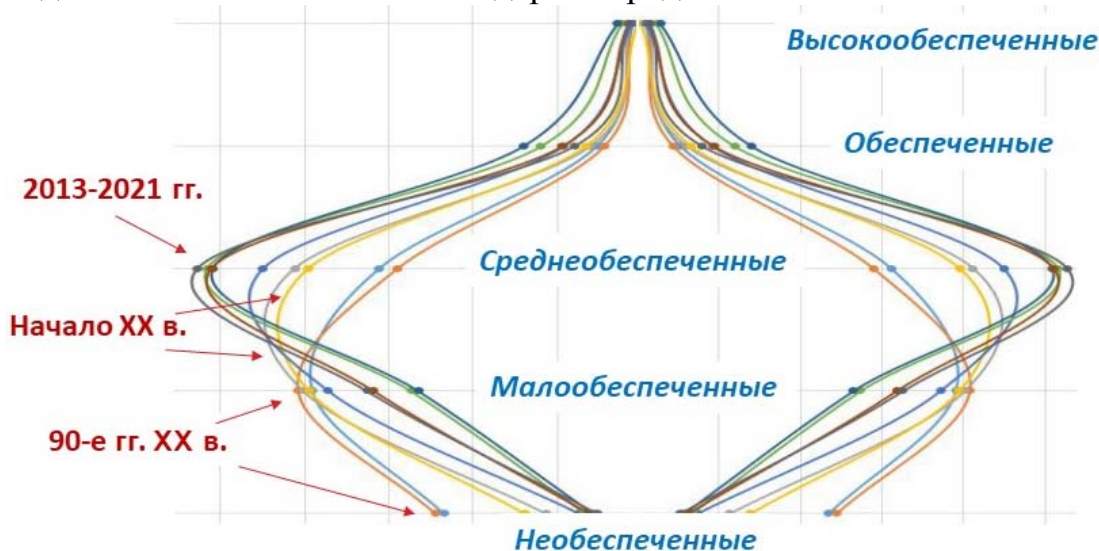

Рис. 2. Изменение профиля социально-экономического расслоения Республики Мордовия с 1995 по 2021 г.

Таким образом, доход был и остается доминирующим стратификационным критерием и основным фактором различия между людьми: в 2021 г. это отметили 65 % опрошенных (см. рис. 1). В то же время проблема расслоения в настоящее время выходит на новый уровень. Регионы с помощью отработанных мер социальной поддержки могут решать проблему официальной бедности, сохраняя ее уровень невысоким. Но основная часть населения находится в группе риска: по данным опроса, 55,5 % населения Мордовии в 2021 г. имели доход в диапазоне от 1 до 2 величин прожиточного

минимума (модальный доход составил 10 000 руб., официальный прожиточный минимум в среднем на душу населения – 9 716 руб.). Проблема дифференциации людей значимости не теряет, одновременно наблюдается повышение запроса общества на социальную справедливость и равенство.

Список использованных источников

1. Аникин В. А. Экономическая стратификация: об определении границ доходных групп / В. А. Аникин, Ю. П. Лежнина // Социол. обозрение. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 237–273.
2. Зубаревич Н. В. Бедность в российских регионах в 2000–2017 годах: факторы и динамика // Население и экономика. – 2019. – № 3. – С. 63–74.
3. Республика Мордовия глазами социологов : науч. справ. / под ред. В. В. Конакова, Е. А. Демьянова ; Науч. центр соц.-экон. мониторинга. – Саранск, 2017. – 288 с.
4. Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. – М. : Новый хронограф : Ин-т социологии РАН, 2014. – 408 с.

УДК 336.71

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ БАНКОВ В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ

ROLE OF REGIONAL BANKS IN SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES

Е. Н. Лазарева, *старший преподаватель кафедры экономики
Северо-Западный институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Аннотация. В статье раскрывается роль региональной банковской сети в социально-экономическом развитии территорий. Выделяются специфические функции региональных банков, не характерные для крупных федеральных финансово-кредитных учреждений; подчеркивается значимость индивидуального подхода (отклонения от стандартных условий) для поддержания экономической активности хозяйствующих субъектов, поддержания возможности последних для своевременного и полного исполнения ими социальных обязательств.

Abstract. The article reveals the role of the regional banking network in the socio-economic development of territories. The specific functions of regional banks, which are not typical for large federal financial and credit institutions, are highlighted; emphasizes the importance of an individual approach (deviations from standard conditions) for maintaining the economic activity of economic entities, maintaining the ability of the latter to timely and fully fulfill their social obligations.

Ключевые слова: устойчивое развитие, регион, экономика, предприятие, банк, кредит, экономическая активность.

Keywords: sustainable development, region, economy, enterprise, bank, credit, economic activity.

Одним из направлений глобальной экономики является использование концепции устойчивого развития, принятой многими международными корпорациями. Она позволяет соответствовать не только требованиям мирового рынка, но и ставить и достигать цели по четырем направлениям: экономическому, социальному, экологическому, институциональному. Концепция призывает учитывать интересы всех заинтересованных сторон, в том числе будущих поколений, в деятельности предприятия, быть честными и ответственными перед ними. Это формирует эффективное и ответственное управление организацией, влияние и доверие в обществе.

Современные экономические условия, характеризующиеся наличием конкурентной борьбы, повышают значимость стратегического управления, учитывающего динамично меняющиеся условия хозяйствования. В связи с этим любая коммерческая организация должна не только концентрировать свое внимание на внутрифирменном положении дел, но и ориентироваться на изменяющиеся условия внешней среды. С учетом этого существует необходимость в определении перспективных приоритетов устойчивого развития деятельности организации в нестабильных рыночных условиях. В таких случаях обеспечение долгосрочной конкурентоспособности организации может достигаться на основе использования лучших практик, учитывающих общемировые тенденции развития бизнеса.

До недавнего времени устойчивое развитие предприятия было обусловлено лишь его экономической состоятельностью. В настоящее время в соответствии с концепцией устойчивости организации также рассматривается с социальной, экологической и институциональной точек зрения. Управление деятельностью в такой интерпретации позволяет предприятию достигать свои экономические и неэкономические цели, повышать стоимость бизнеса, быть более привлекательным для партнеров и инвесторов, соответствовать мировым тенденциям развития бизнеса.

В течение последних тридцати лет концепция устойчивого развития часто используется в различных программах, затрагивающих разные уровни управления, начиная с международных и заканчивая корпоративными. Частота появления термина «устойчивое развитие» в последние годы показывает востребованность принципов этой концепции, расширение числа ее сторонников. Сам термин является английским – «*sustainable development*», изначально он использовался в природопользовании.

На исходе XX века быстрые темпы индустриализации и развитие сырьевых отраслей экономики за счет биосферы показали, что природа не успевает восстанавливаться и воспроизводить такое количество ресурсов, чтобы поддержать текущий рост экономики, при этом не нарушив природный баланс. Безграничное потребление ставит под угрозу дальнейшее развитие не только мировой экономики, но и человеческой цивилизации в целом. Поэтому необходимо изучать возможности всех участников рынка в снижении их

негативного воздействия на окружающую среду и в повышении устойчивости социально-экономического развития.

Банковский сектор часто бывает подвержен критике, по сути, из-за самой природы их деятельности, сформировавшейся в результате разделения труда, – извлекать прибыль в результате оборота денежных ресурсов. Цель данной статьи – раскрыть роль регионального банковского сектора в социально-экономическом развитии территорий, без чего невозможно устойчивое поступательное развитие страны в целом.

Число банков в России стремительно сокращается: только за 2010–2019 гг. число кредитных организаций уменьшилось более чем в 2 раза – с 1 012 ед. до 442. Большая их часть расположена в г. Москве – 227 банков. В северной столице их почти в 10 раз меньше – 24 банка. Есть регионы, в которых нет ни региональных банков, ни филиалов банков, зарегистрированных в других регионах, – это Ненецкий и Чукотский автономные округа, а также г. Севастополь (по состоянию на начало 2020 г.) [1, с. 1122–1125].

Если в 2010 г. региональных банков не было в 6 субъектах (Ненецкий АО, Чеченская Республика, Забайкальский край, Магаданская область, Еврейская АО, Чукотский АО), то в 2019 г. таких регионов стало 16. Еще в 23 регионах осталось по 1 кредитной организации.

Небольшим региональным банкам сложно выдерживать конкуренцию с крупными кредитными организациями, филиалы которых, за редким исключением, есть во всех регионах. Между тем специалисты отмечают важную роль, которую выполняют небольшие местные банки, выделяя следующие их специфические функции:

1. Региональные банки обеспечивают конкуренцию на рынке банковских услуг, чем способствуют формированию более благоприятных условий хозяйствования.

2. Региональные банки благодаря непосредственной связи с экономической системой территории обладают уникальной информационной базой, а также разветвленной системой отношений во внутренней среде данной системы, что следует квалифицировать, как их явные конкурентные преимущества по сравнению с филиалами общенациональных или транснациональных банков, действующих на той же территории.

3. Региональные банки являются важным источником роста региональной экономики, создавая рабочие места и расширяя спектр услуг, наиболее востребованных субъектами хозяйствования и населения.

4. Региональные банки быстрее реагируют на изменение рыночной конъюнктуры, учитывают специфику социально-экономических условий конкретной территории.

5. Отношения региональных банков с местными предприятиями, как правило, имеют долгосрочную основу, они полнее учитывают интересы небольших производств, чем способствуют сбалансированному экономическому развитию регионов.

6. Региональные банки при принятии решений о возможности кредитования часто основываются на личном знании клиента и глубинном понимании возможных трудностей субъекта хозяйствования. Нередко возникают ситуации, когда по формальным признакам крупные банки отказывают в предоставлении кредита, а региональные идут на это, принимая во внимание временный характер возникших финансовых затруднений и особую социальную значимость своевременного вливания финансовых ресурсов для сохранения численности работающих и поддержания способности предприятия своевременно выплачивать заработную плату своим работникам.

7. Деятельность региональных банков, как правило, более прозрачна, именно поэтому органы государственной власти субъектов федерации, а также органы местного самоуправления осуществляют свои функции посредством этих банковских учреждений.

Таким образом, можно утверждать, что слабое развитие сети небольших региональных банков ведет к монополизации рынка банковских услуг, снижению доступности кредитных ресурсов для тех хозяйствующих субъектов, которые не отвечают требованиям стандартных договоров, что негативно сказывается на их экономической активности, а следовательно, и результатах функционирования региональной экономической системы в целом.

Использованный источник

1. Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 1242 с.

УДК 316.4

КОНСТРУИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ НА ПОЛЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

DESIGNING THE INTERACTION BETWEEN THE GOVERNMENT AND THE PUBLIC IN THE FIELD OF REGIONAL SOCIAL POLICY

Н. Н. Ламскова, выпускница аспирантуры
*Самарского национального исследовательского университета
имени академика С. П. Королева*

Аннотация. Статья посвящена изучению диалога власти и общественности на поле региональной социальной политики. Выявлено, что процесс взаимодействия власти и общественности в пространстве ПС представляет собой performance, что в свою очередь проблематизирует наличие реального диалога между властью и общественностью.

Abstract. The article is devoted to the study of the dialogue between the authorities and the public in the field of regional social policy. It was revealed that the process of interaction between the authorities and the public in the space of the PS is performance, which, in turn, problematizes the presence of a real dialogue between the authorities and the public.

Ключевые слова: диалог, власть, общественность, публичные слушания.

Keywords: dialogue, power, public, public hearings.

Современный мир отличается высоким уровнем нестабильности и конфликтности. Острые конфликты современности ставят вопрос о возможности их урегулирования посредством коммуникации, диалога и компромисса. В рамках проводимых в последние десятилетия международных форумов, движений за диалог между цивилизациями и года такого диалога, поддержанных Генеральной ассамблеей ООН, а также принятия целого ряда нормативно-правовых документов наблюдается развитие темы диалога в профессиональной среде и в обществе.

На фоне трансформационных процессов, происходящих в России, обозначились противоречия во взаимодействии структур публичной власти и гражданского общества. Это взаимодействие уже не может опираться на сложившиеся практики социального управления. Сказанное нашло яркое отражение в появлении специального раздела в ежегодном докладе Общественной палаты России [2]. Речь идет о становлении диалоговой модели взаимодействия власти и гражданского общества. Но в условиях турбулентного социума данный процесс носит противоречивый характер.

Каковы же практики взаимодействия власти и гражданского общества в обозначенном выше пространстве? В какой степени эти практики носят диалоговый характер? Данные вопросы и послужили толчком к нашему исследованию.

Цель данной статьи – проблематизация процесса конструирования взаимодействия власти и общественности как носящего диалоговый характер. В ходе нашего исследования, проведенного в 2014–2021 гг. с помощью методов включенного наблюдения, экспертного опроса и анкетирования участников публичных слушаний (далее – ПС) по региональному бюджету, основной целью ставилось выявление наличия диалога власти и общественности, а также характера данного взаимодействия – декларируемого или реального.

Возможность диалога власти и общественности, непосредственное участие общественности в выработке и принятии решений по ключевым социальным проблемам, закрепленные законодательно, стимулируются институтом ПС. Это подтверждается результатами анкетного опроса: в диалоговом взаимодействии заинтересованы и представители власти, и представители общественности. Такого мнения придерживаются 48,4 % респондентов. Сказанное нашло отражение также в терминологии,

используемой как представителями власти («диалог», «дискуссия», «обсуждение»), так и общественностью («конструктивный диалог», «сотрудничество», «партнерство»), в проведении накануне и после ПС круглых столов, семинаров, организуемых министерствами по дискутируемым ими с общественностью темам, а также в становлении в период подготовки к ПС практик письменных ответов на вопросы представителей общественности. Однако результаты наблюдения 2014–2021 гг. свидетельствуют о представленности практик псевдиалога, ухода от выявления сфер общего понимания по обсуждаемым вопросам к «уличению» другой стороны в некомпетентности, в неумении и нежелании слушать другого; к лоббированию интересов своей НКО, к подмене обсуждаемых вопросов личностными приоритетами: «я разработал программу, получившую высокую оценку других министерств...», «лучше смотрите сайты ГРБС», «вы допустили несколько ошибок в самом названии закона», «что такое развитие образования?» (из наблюдений итоговых ПС от 25.12.2020 г. и 28.05.2021 г.).

Резюмируя сказанное выше относительно конструирования диалога власти и общественности в пространстве ПС, подчеркнем, что изученные практики организации ПС способствуют утверждению скорее декларируемого характера этого диалога, нежели реального. Тематика диалога так или иначе вытесняется представителями власти, доминирующими на ПС, что находит отражение в оформлении данного процесса, в организации его пространственно-временных границ, в регламенте, устанавливаемом организаторами ПС от министерств, в ограничении допуска на эти слушания тех, кто не попал в заранее составленные списки участников (исключение – итоговые ПС). В итоге взаимодействие власти и общественности в изучаемом пространстве напоминает своего рода перформанс, скажем так, несколько перефразируя И. Гофмана [1, с. 186], превращающий участников ПС в сценических исполнителей, являющихся объектом наблюдения со стороны аудитории.

Список использованных источников

1. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта : пер. с англ. / под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. – М. : Ин-т социологии РАН, 2003. – 752 с.
2. Диалог гражданского общества и власти: смена парадигмы // Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2020 год. – М. : Обществ. палата Рос. Федерации, 2020. – С. 10. – URL: <https://vlg-pc.ru/wp-content/uploads/2020/12/oprf2020.pdf> (дата обращения: 11.09.2021 г.).

ДЕЛОВАЯ КОРРУПЦИЯ: ЧТО ДЕЛАТЬ?

BUSINESS CORRUPTION: WHAT TO DO?

Н. А. Лимкина

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Аннотация. Рассматриваются методы противодействия коррупционным проявлениям в деловой среде. Акцентируется внимание на негативных последствиях коррупции в бизнесе для общества и государства. Приводится положительный опыт зарубежных стран и России. Предложены меры, которые будут способствовать снижению уровня деловой коррупции.

Abstract. The methods of countering corruption manifestations in the business environment are considered. Attention focuses on the negative consequences of corruption in business for society and the state. The positive experience of foreign countries and Russia is given. Measures that will help reduce the level of business corruption are proposed.

Ключевые слова: бизнес, взятка, деловая коррупция, коррупционные отношения.

Keywords: business, bribe, business corruption, corruption relations.

Деловая коррупция связана с финансово-хозяйственной деятельностью организации. Она проявляется в форме коррупционной сделки между бизнесменом и чиновником, целью которой является получение взаимной финансовой выгоды. В литературе она часто представляется как «смазка», которая способствует экономическому развитию с помощью «скрытого стимула», компенсирующего неадекватность или «неуклюжесть» официальных процедур [2, с. 47]. Следует отметить, что в ходе такого взаимодействия инициаторами противоправных деяний нередко выступают хозяйствующие субъекты, что только усугубляет разрастание названной угрозы и приводит к негативным последствиям, а именно: нарушению конкурентной среды, искажению рыночного ценообразования, развитию теневого сектора экономики [11, с. 217].

По мнению С. Ю. Барсуковой, «не население, а бизнес является главным субъектом коррупционных отношений» [1, с. 25]. Ряд исследователей считают деловую коррупцию «девиантным поведением, являющимся одной из форм экономического поведения, наносящего экономический, социальный и моральный ущерб не только гражданам, но и государству в целом» [7, с. 28]. С помощью подкупа, иных деструктивных действий бизнес лоббирует свои интересы посредством установления обоюдовыгодных личных связей и отношений с чиновниками разных уровней.

Задавшись целью достижения реальных результатов по снижению уровня коррупции в бизнесе, следует прежде всего обратить особое внимание на двойные стандарты в общественном сознании: с одной стороны, коррупция считается злом, с другой стороны, в случае необходимости допускается вероятность личного участия в коррупционной деятельности. Взятки предпринимательским сообществом воспринимаются как «обычай делового оборота», а к лицам, задержанным за их дачу или получение, общественное мнение относится лояльно, часто не только не осуждая виновного, но и находя основания для оправдания его действий [9, с. 83].

Деловой имидж, который складывается из сценариев взаимодействия с поставщиками, партнерами, клиентами и другими сторонами, имеет большое значение для развития бизнеса. Положительные практики укрепляют степень доверия, способствуют расширению влияния на рынках товаров и услуг. Стоит отметить положительный опыт борьбы с коррупцией в КНР, основанный на применении больших массивов данных (Big Data), корпуса объединенных информационных ресурсов по различным направлениям – промышленность, налоговая служба, жилой фонд, социальное страхование, коммунальные платежи и др. Борьба с коррупцией с использованием больших данных – это глубокий анализ данных виртуального мира с целью выявления в реальном мире скрытых контактов представителей власти, чиновничьих клик, создаваемых ими с целью извлечения личных выгод; обнаружения случаев коррупции в реальных совокупностях комплексных взаимосвязей [12, с. 817].

В Великобритании в 2010 г. принят Закон о взяточничестве. Впервые в мировой практике введена норма об ответственности коммерческих организаций «за ненадлежащую организацию своей деятельности, приведшую в конечном итоге к коррупционному правонарушению», т. е. речь идет о прямой ответственности за отсутствие антикоррупционной комплаенс-системы в организациях [5, с. 176–177].

В Германии и Нижней Саксонии с 2003 г. полицией используется интернет-система направления сообщений о коррупции, которая предусматривает наличие технически сложных гарантий, позволяющих гражданам отправлять сообщения через эту систему с возможностью оставаться анонимными и при этом вести диалог со следователями [5, с. 180]. Для Российской Федерации введение подобной платформы представляется весьма актуальным, поскольку российский менталитет и особенности организационной культуры не всегда позволяют урегулировать вопросы, связанные с коррупцией, внутри организации, следовательно, необходимо предусмотреть возможность прямого взаимодействия с правоохранительными структурами.

В нашей стране имеется достаточная правовая база для борьбы с негативными проявлениями экономических эффектов коррупции, принятия профилактических мер по предотвращению правонарушений и пресечению преступлений. Анализ норм национального антикоррупционного законодательства, касающихся сферы бизнеса, представлен в работе

В. Ю. Пантелеева и А. В. Кананина [10]. Различные авторы выделяют от 9 до 80 коррупционных преступлений [3, с. 45]. В России еще в 1998 г. представители делового сообщества Санкт-Петербурга разработали Декларацию ведения добросовестной деловой практики, закреплявшую добровольную приверженность международным принципам и практикам ведения бизнеса [6, с. 291]. В каждой компании, которая принимала данную декларацию, в соответствующем документе прописывался и внедрялся отказ от коррупции как добровольный принцип корпоративного управления.

Прямая линия для предпринимателей организована на официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации (раздел «Обращение в прокуратуру»). Данный сервис позволяет оперативно взаимодействовать с надзорным ведомством по вопросам коммерческой деятельности. Хозяйствующие субъекты могут обратиться в органы прокуратуры по вопросам законности положений нормативных правовых актов, выполнения должностными лицами контрольно-надзорных функций, несогласия с действиями уполномоченных органов при осуществлении разрешительных, лицензионных, регистрационных и других процедур. Проверяются требования Федерального закона от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части выделения бюджетных средств (субсидий) хозяйствующим субъектам, обязательного размещения информации об оказании помощи предпринимателям в общедоступных источниках, соблюдения гарантированного федеральным законодательством преимущественного права на выкуп арендуемого недвижимого имущества и др. Одним из приоритетных направлений работы прокуроров выступает обеспечение соблюдения прав субъектов предпринимательской деятельности на своевременную оплату государственными заказчиками обязательств по исполненным контрактам [8].

В научной среде изучаются способы психологической защиты от коррупционного воздействия. На основе проведенного исследования коррупционного поведения Л. М. Закирова разработала параметры активности человека для формирования антикоррупционной устойчивости [4, с. 32–33].

Сокращению неформальных практик в деловой сфере также будут способствовать следующие меры:

- составление реестра недобросовестных чиновников, привлеченных к ответственности за нарушение антикоррупционного законодательства, которым будет полностью запрещено замещать должности муниципальной и государственной службы;
- составление отраслевых реестров недобросовестных предпринимателей, уличенных в правонарушениях и преступлениях, связанных с коррупцией;
- внедрение социальной рекламы в СМИ, направленной на формирование антикоррупционного поведения;
- создание независимого работающего государственного органа по борьбе с коррупцией;
- введение в деятельность организаций комплаенс-контроля;

- дальнейшая цифровизация действующих бизнес-процессов;
- использование психологических методов при лечении болезненных пристрастий к получению взяток.

Список использованных источников

1. Барсукова С. Ю. Новый российский капитализм: институционализация коррупции // Россия и соврем. мир. – 2016. – № 4 (93). – С. 21–39.
2. Ботнев В. Сущность, причины и последствия деловой коррупции в Российской Федерации // Гос. служба. – 2014. – № 5 (91). – С. 47–50.
3. Жукова Ю. С. Деловая коррупция и ее влияние на развитие предпринимательства в России // Успехи соврем. науки. – 2016. – Т. 3, № 7. – С. 45–47.
4. Закирова Л. М. Личностные особенности лиц с коррупционным поведением // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 26–34.
5. Корчагин О. Н. К вопросу об эффективности прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции коммерческими организациями // Союз криминалистов и кримиологов. – 2020. – № 3. – С. 174–182.
6. Кулибанова В. В. Добросовестная деловая практика – основа экономического роста / В. В. Кулибанова, А. Н. Приходько, Т. Р. Тэор // Вестн. гражд. инженеров. – 2016. – № 6 (59). – С. 291–296.
7. Максимцев И. А. Экономическое поведение и коррупция / И. А. Максимцев, Э. Х. Локшина, О. А. Бахрах // Психология в экономике и упр. – 2010. – № 2. – С. 24–32.
8. Надзор за исполнением федерального законодательства. По каким вопросам предприниматели могут обращаться в органы прокуратуры? // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 19 февр. 2019. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/gprf/activity/legal-education/explain/supervision-of-the-implementation?item=1697645> (дата обращения: 30.08.2021).
9. Павлов А. Ф. К вопросу об институционализации профилактики коррупции через создание единого антикоррупционного органа / А. Ф. Павлов, С. В. Миронов // Актуал. проблемы экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 81–87.
10. Пантелеев В. Ю. О некоторых вопросах применения современного российского антикоррупционного законодательства в сфере экономической деятельности / В. Ю. Пантелеев, А. В. Кананин // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Екатеринбург, 2016. – С. 114–124.
11. Самойлова Л. К. Правовые аспекты введение антикоррупционного комплаенса в деятельность российских организаций / Л. К. Самойлова, А. А. Оляха // Соц. интеграция и развитие этнокультур в евраз. пространстве. – 2019. – Т. 1. – № 8. – С. 216–224.
12. Ху Ж. Обеспечение основных прав в борьбе с коррупцией с применением больших данных в КНР: основные законы, риски и пути // Актуал. проблемы экономики и права. – 2020. – Т. 14, № 4. – С. 814–826.

**ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНОГО ДОЛГА:
ПРИЧИНЫ ОБОСТРЕНИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ**

**REGIONAL DEBT PROBLEM:
REASONS FOR EXCERNATION AND WAYS OF SOLUTION**

*Л. Н. Липатова, проф., д-р социол. наук
Северо-Западный институт управления Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

*Н. А. Пруель, доцент, д-р социол. наук
Санкт-Петербургский государственный университет*

Аннотация. Выявляются причины обострения проблемы долга в ряде российских регионов; анализируется социально-экономическая ситуация в регионе с наибольшей долговой нагрузкой – Республике Мордовия; обосновывается необходимость корректировки государственной политики регионального развития; предлагается учреждение в Российской Федерации института банкротства регионов.

Abstract. The reasons for the aggravation of the debt problem in a number of Russian regions are revealed; analyzes the socio-economic situation in the region with the highest debt burden – the Republic of Mordovia; the necessity of adjusting the state policy of regional development is substantiated; it is proposed to establish an institute of regional bankruptcy in the Russian Federation.

Ключевые слова: регион, экономика, бюджет, самообеспечение, дотации, долг, уровень жизни, геостратегическая территория, эффективность.

Keywords: region, economy, budget, self-sufficiency, subsidies, debt, standard of living, geostrategic territory, efficiency.

Многие российские регионы не обладают достаточными ресурсами для обеспечения достойной жизни проживающим на их территории гражданам. Задача государства – путем перераспределения доходов создать такие условия для каждого гражданина независимо от места проживания. Призывов к самообеспечению недостаточно, на это должна быть направлена политика регионального развития.

Заместитель директора по научной работе Института системного анализа РАН А. Н. Швецов высказывает сомнения относительно того, что правительство вообще имеет четкую цель регионального развития [9]. Отсутствие эффективной политики регионального развития проявляется и в усилении зависимости от федерального центра дотационных регионов, каких в России подавляющее большинство: в 2019 г. в 45 субъектах удельный вес

федеральных трансфертов составлял 25 % и более. Снижение доли этого источника в структуре консолидированного бюджета в 2000–2019 гг. произошло только в 20 регионах страны. При этом существенное укрепление собственной доходной базы (на 10 % и более за 20 лет) произошло только в Ивановской, Калужской, Смоленской, Тверской, Ростовской, Ульяновской, Кемеровской, Амурской и Сахалинской областях, Республике Тыва, Республике Саха (Якутия), Алтайском и Приморском краях, а также Еврейской АО [7, с. 1077–1079].

Но даже в тех случаях, когда такое снижение произошло, это не всегда означает, что тому способствовало укрепление экономического потенциала территории, создающего условия для устойчивого роста уровня жизни населения. Яркие примеры – Кемеровская область и Еврейская автономная область. По большинству индикаторов уровня жизни эти регионы находятся не просто в числе отстающих, они относятся к группе субъектов, для которых характерна негативная динамика жизненного уровня. В 2008–2019 гг. реальные денежные доходы жителей Еврейской АО снизились на 13,2 %, доля малоимущего населения увеличилась с 23,5 до 23,9 %.

В Кемеровской области реальные денежные доходы в 2019 г. были на 23 % меньше, чем в 2008 г., а удельный вес населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума увеличился с 10 до 14 % [4, с. 188–189; 6, с. 238–239; 7, с. 278–279]. И хотя удельный вес безвозмездных поступлений в региональные бюджеты сократился, нельзя дать этому положительную оценку, равно как и утверждать, что это решение было обоснованным. Но кемеровчанам, можно сказать, повезло. Президент России В. Путин поручил правительству до конца марта 2021 г. утвердить программу социально-экономического развития Кемеровской области. Распоряжением Правительства РФ от 06.03.2021 г. была утверждена Программа социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса до 2024 года. Подобная программа, как известно, разрабатывается и для Республики Мордовия. Нуждаются в этом и другие субъекты федерации.

В такой ситуации, когда многие регионы страны за 20 лет не стали экономически более сильными, причин может быть две: либо в течение 20 лет их возглавляли бездарные руководители (сразу подчеркнем, что так не считаем), либо недорабатывает федеральный центр (хотя и в первом случае ответственность тоже на центральных органах власти, определяющих кадровую политику.) За 20 лет, 10 из которых были «тучными», в течение которых сменилось несколько команд регионального руководства, мало что изменилось. Пора признать, что большинство регионов самостоятельно не способны решить накопившиеся проблемы. По состоянию на 1 января 2021 года в 39 российских регионах государственный долг превысил 50 % от объема налоговых и неналоговых доходов бюджета, из них в 20 субъектах РФ госдолг превысил 70 % налоговых и неналоговых доходов, а в 3 регионах долговая нагрузка превысила 100 % [2].

Самая большая долговая нагрузка в небольшом и небогатом приволжском регионе – Республике Мордовия. Накопившиеся за долгие годы

огромные долги – 211,5 % налоговых и неналоговых доходов бюджета [8] не позволяют новому руководству Мордовии предпринять реальные шаги в улучшении социально-экономической ситуации в регионе. В 2012–2020 гг. величина налоговых и неналоговых доходов регионального бюджета возросла в 1,6 раза, а сумма федеральных трансфертов, напротив, сократилась в 1,3 раза, вследствие чего доля безвозмездных поступлений как источника доходов консолидированного бюджета Республики Мордовия уменьшилась с 56 до 37 % [1]. Недостающую часть приходилось «добирать» путем заимствований. Окончательно разбалансировала региональный бюджет инициатива региональных властей, поддержанная руководством страны, провести несколько матчей чемпионата мира по футболу в столице Мордовии г. Саранске.

Проблемы этого и других дотационных регионов связаны главным образом с полным отказом от централизованного планирования, переоценкой эффективности рыночных механизмов, их возможности самонастройки. Банкротство Мордовии – следствие отсутствия четкого представления об экономическом потенциале региона и возможностях развития территории, а также надежных механизмов контроля за деятельностью региональных руководителей. Например, в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. в числе перспективных направлений экономической специализации этого региона названо много «прочих» видов экономической деятельности (производство прочей неметаллической минеральной продукции, производство прочих готовых изделий, производство прочих транспортных средств и оборудования), а также производство компьютеров.

Огромный долг Республики Мордовия возник не в одночасье. Он копился годами, поскольку «свести концы с концами», оставаясь при этом «на хорошем счету» у руководства страны, других возможностей практически не было. Потеряв доверие кредиторов, управление в регионе было практически парализовано. Жители Мордовии, по сути, стали заложниками низкой эффективности государственной политики регионального развития, включая механизмы контроля за деятельностью региональных властей. И времени на исправление ситуации практически нет. Мордовия быстро теряет население. За 1990–2019 гг. численность жителей сократилась более чем на 18 % [3].

Покидают малую родину в основном молодые хорошо образованные люди, что лишает регион перспектив развития, поскольку вследствие слабости его природно-ресурсного обеспечения ключевым направлением развития такой территории выступают инновации, что в свою очередь требует активности молодых людей, готовых и способных находить и осваивать новейшие достижения в науке и внедрять их во все сферы жизнедеятельности общества.

Кто бы ни был виноват в случившемся, население страдать не должно. И медлить с решением этой проблемы нельзя. Демографические потери компенсировать невозможно ничем. Шансов на то, чтобы предотвратить отток населения, больше, чем убедить уехавших вернуться. Должен быть разработан

цивилизированный механизм выхода из такой ситуации. К сожалению, Мордовия – не единственный регион, оказавшийся в долговой яме. Сложный 2020 г. привел к росту долговой нагрузки в большинстве российских регионов, в некоторых субъектах прирост госдолга оказался очень большим: в Удмуртской Республике – 50 п. п., Республике Хакасия – 39 п. п., Кемеровской области – 34 п. п. На 1 января 2021 г. в 3 регионах сумма государственного долга превысила величину налоговых и неналоговых доходов: в Республике Мордовия – 195,2 %, в Республике Хакасия – 137,5 %, в Удмуртской Республике – 130 % [2].

Таким образом, многие российские регионы не способны самостоятельно обеспечить достойные условия для жизни населяющих их людей, региональное руководство вынуждено прибегать к заимствованиям. При достижении высокого уровня закредитованности управление регионом парализуется и жизнь людей становится невыносимой.

В условиях COVID-19 многие регионы были вынуждены нарастить налоговую нагрузку по причине увеличения затрат и сокращения доходов. В этой связи считаем необходимым учредить в Российской Федерации институт банкротства регионов и разработать план финансового оздоровления регионов с максимальной налоговой нагрузкой. И главное в этих программах – не столько увеличение дотаций, что только консервирует проблему, а создание новых рабочих мест, на которых будет создаваться добавленная стоимость – у людей будет заработная плата, у бюджета – налоги.

Список использованных источников

1. Госдолг Мордовии превышает 49 млрд рублей / Регнум. – URL: <https://regnum.ru/news/economy/3119178.html#:~:text=Саранск%2C%2018%20ноября%2020%2C%2020,года%20составил%2049%2C165%20млрд%20рублей> (дата обращения – 10.09.2021).
2. Долговая нагрузка на региональные бюджеты возобновила свой рост Riarating // РИА Рейтинг. – URL: <https://ru.regions/20210218/630194870.html> (дата обращения – 04.09.2021).
3. Мордовия : стат. ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2020. – С. 52.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат. – М., 2009.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат. – М., 2013.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат. – М., 2019.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат. – М., 2020.
8. Рейтинг регионов по уровню долговой нагрузки за 9 месяцев 2020 года / РИА Рейтинг. – URL: <https://riarating.ru/regions/20201029/630189670/Reyting-regionov-po-urovnyu-dolgovoy-nagruzki-za-9-mesyatsev-2020-goda.html> (дата обращения – 10.09.2021).
9. Швецов А. Н. Роль государства в преобразовании социоэкономического пространства // Пространств. экономика. – 2015. – № 1. – С. 49–50.

ОЦЕНКА УРОВНЯ ДОВЕРИЯ НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВИИ ПЕЧАТНЫМ СМИ

ASSESSMENT OF THE LEVEL OF CONFIDENCE OF THE POPULATION OF MORDOVIA IN THE PRINT MEDIA

Е. Н. Маскаева,

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Аннотация. На основе результатов социологического исследования в статье анализируется уровень доверия населения Республики Мордовия новостям о регионе и стране из региональных и центральных печатных изданий в зависимости от социально-демографических характеристик (пола, возраста, уровня образования, национальности, а также места жительства) респондентов.

Abstract. Based on the results of a sociological study, the article analyzes the level of trust of the population of the Republic of Mordovia in news about the region and the country from regional and central print media, depending on the socio-demographic characteristics (gender, age, educational level, nationality, and place of residence) of the respondents.

Ключевые слова: печатные средства массовой информации, газеты, доверие, недоверие, респонденты, Республика Мордовия, социологическое исследование, новости, страна.

Keywords: print media, newspapers, trust, distrust, respondents, Republic of Mordovia, sociological research, news, country.

В последние десятилетия средства массовой информации испытывают кризис доверия к ним со стороны граждан. Чтобы оценить уровень доверия населения Мордовии к источникам получения информации о социально-экономических и общественно-политических событиях в России и регионе из печатных СМИ, обратимся к результатам комплексного исследования «Резервы гармонизации социальных процессов в Мордовии», проведенного Научным центром социально-экономического мониторинга в марте 2020 года в 22 районах и 7 городах республики (объем выборки составил 1 000 чел. в соответствии с квотами по полу, возрасту, уровню образования, национальности и месту проживания).

Так, согласно опросу, газетам как источнику освещения новостей о Мордовии доверяют 17,3 % респондентов, о России – 14,4 %. Печатные СМИ по уровню доверия оказались на 4-м месте после телевидения, интернет-изданий, социальных сетей. Примерно столько же опрошенных не доверяют ни одному источнику информации о регионе (16,3 %) и стране (17,8 %).

Мужчины немного больше доверяют газетной периодике в освещении информации о республике (18,3 %) и стране (16,2 %), чем женщины (16,1 и 12,2 % соответственно). С возрастом доля респондентов, доверяющих прессе, увеличивается в 2–3 раза: новостям о Мордовии верят 7,8 % опрошенных молодых людей, 14,8 % в возрасте 30–49 лет, 23,7 % лиц старшего возраста; о России – 5,5 %; 13,1 и 19,7 % соответственно. Жители региона с начальным и средним образованием информации о республике доверяют – в 21,1 % случаев, о стране – в 16,5 %, с высшим – соответственно в 18,2 и 16,1 % случаев, с общим – в 11,8 и 9,2 %, с незаконченным высшим – в 8,9 и 5,1 % случаев, имеющие ученую степень – в 5,3 и 5,3 %. Наибольшее доверие к информации о Мордовии и России из региональных и центральных печатных изданий зафиксировано со стороны мордвы-эрзи (24,5 и 24,6 % соответственно), мордвы-мокши (18,5 и 14,5 %) и татар (21,2 и 13,7 %). Доверие среди русских и лиц других национальностей ниже и составляет 15,1 и 10,0 % относительно новостей о регионе, 12,1 и 10,0 % относительно новостей о стране. Сельчане в 3–4 раза больше, чем жители Саранска и малых городов республики, доверяют прессе в освещении новостей о Мордовии (6,7 против 23,8 %) и России (4,9 против 20,4 %).

В исследовании 2020 года респонденты отвечали на вопрос о том, каким средствам массовой информации они категорически не доверяют. Данные опроса позволили выявить следующее. Более половины опрошенных жителей региона (54,2 %) затруднились высказать свою точку зрения, более четверти (28,1 %) указали, что нет СМИ, которым они категорически не доверяют. Доля тех, кто положительно ответил на этот вопрос, незначительна – 8,2 %.

Чаще о своем недоверии газетам сообщали мужчины (9,4 %), чем женщины (7,2 %). Респондентов среднего возраста, не доверяющих прессе, немного больше (9,0 %), чем пожилых опрошенных (8,1 %) и молодежи (6,9 %). Уровень недоверия среди участников опроса с ученой степенью (10,5 %) или с высшим образованием (9,8 %) почти в 2 раза выше, чем среди тех, кто имеет начальное, среднее профессиональное (5,3 %) или незаконченное высшее (5,1 %) образование. С наибольшей степенью недоверия к газетам относятся мордва-мокша (11,1 %), лица другой национальности (10,0 %) и русские (8,5 %). Среди татар и мордвы-эрзи такое мнение встречалось значительно реже (3,8 и 4,4 % соответственно). Респондентов, выразивших категорическое недоверие к печатным СМИ, больше в сельской местности – 10,1 % (в городской – 6,9 %). Причем доля жителей сел и деревень, не доверяющих газетам, в 2 раза превышает долю тех, кто проживает в райцентрах (10,1 % против 5,3 %). Разница в ответах опрошенных в Саранске по сравнению с ответами остальных жителей республики незначительна (7,9 и 8,4 % соответственно).

Следует отметить, что в открытых ответах о недоверии опрошенные чаще называли газету «Столица С» (38 упоминаний). Наибольший уровень недоверия к этому еженедельнику зафиксирован среди женщин среднего возраста, проживающих в Саранске, а также женщин старшего возраста из Большеберезниковского и Теньгушевского районов. Значительно реже

участники опроса отмечали газету «Известия Мордовии» (8 ответов). Среди них в основном были женщины среднего возраста из Саранска. В единичных случаях жители республики упоминали такие печатные издания, как «Аргументы и факты», «Российская газета», «Комсомольская правда», «Вечерний Саранск». Недоверие населения региона к этим газетам связано с тем, что в них, по убеждению опрошенных, преподносится ошибочная (искаженная, необъективная) информация, замалчиваются острые вопросы, отсутствует внимание к проблемам обычных людей, особенно жителей сельской местности.

Таким образом, показатели доверия населения Республики Мордовия к печатным СМИ детерминированы возрастом и местом проживания. На уровень недоверия социально-демографические характеристики респондентов не оказывают влияния. В то же время наибольшее недоверие среди опрошенных вызывает газета «Столица С». Более убедительны в освещении новостей о Мордовии и России, по мнению жителей региона, другие региональные и центральные печатные издания.

УДК 316.4; 578.834.1

COVID-19 И ZOOM: ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ СТЕРЕОТИПА ПОВСЕДНЕВНОЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ОНЛАЙН FACE-TO-FACE КОММУНИКАЦИИ

COVID-19 AND ZOOM: TRANSFORMATION OF THE STEREOTYPE OF THE EVERYDAY INTERPERSONAL ONLINE FACE-TO-FACE COMMUNICATION

О. А. Маслова, канд. социол. наук
НИИ нейронаук СамГМУ

А. А. Виденин, студент
СамГМУ

В. Ф. Пятин, д-р мед. наук
НИИ нейронаук СамГМУ

Аннотация. Исследована проблема социальной адаптации студентов 2-го курса к условиям онлайн-обучения в Zoom в период пандемии COVID-19 (весна – осень 2020 г.). Из 155 респондентов 54 % позитивно оценивают онлайн-обучение, 45 % считают формат адекватным для лекций, а 29 % уверены, что он не подходит для медицинского вуза. Более развернутые итоги исследования позволили успешнее трансформировать стереотипы офлайн-коммуникации Face-to-Face к условию онлайн-модели взаимодействия супервизор/студент Face-to-Screen.

Abstract. The problem of social adaptation of medical students to the conditions of the e-learning on the videoconference platform Zoom during the COVID-19 pandemic (spring-autumn 2020) was investigated. Among of 155 respondents – 54% positively assess online education, 45% consider the format as an adequate for lectures, and 29% – “not suitable for the medical university”. More detailed results of the study allowed to transform offline Face-to-Face communicative stereotypes into the condition of online Face-to-Screen interaction model supervisor-student more successfully.

Ключевые слова: онлайн-обучение, онлайн-образование, COVID-19, студенты-медики, Zoom, коммуникация.

Keywords: e-learning, online education, COVID-19, medical students, Zoom, communication.

В условиях пандемии COVID-19 произошло переключение на общение и обучение через онлайн-платформы видеоконференцсвязи. Так, если в конце 2019 года Zoom посещали около 10 миллионов человек, то к апрелю 2020 года число пользователей выросло до 300 миллионов [1]. При этом выявляются наиболее общие проблемы онлайн-коммуникаций: часто технология оптимально не работает; видеоконференции снижают вербальный опыт. Однако реальный сценарий онлайн-общения гораздо сложнее, что отражает организацию обучения мозга человека, на которую влияют следующие факторы: чувство места (учеба/работа), наставничество/поддержка, лидерство, сочувствие, интуиция, групповая идентификация, коллективная деятельность, творчество, распределение задач обучения/работы среди членов команды/студенческой группы [3].

Стереотип повседневной межличностной коммуникации трансформируется из формата Face-to-Face в формат Face-to-Screen в пространстве Zoom и становится синтетической ситуацией, которая включает экранные проекции, передаваемые в электронном виде, которые добавляют информационную глубину и новые требования к реагированию на гофманскую «экологическую неразбериху» естественной ситуации [2].

Исследования показывают, что онлайн-коммуникация имеет как положительные (преодоление традиционных временных и пространственных ограничений, совместная фокусировка внимания, возникновение одинаковых эмоций и др.), так и отрицательные стороны (утрата очного общения, низкий уровень вовлеченности в процесс коммуникации). Проблема трансформации стереотипа повседневной межличностной онлайн-коммуникации Face-to-Face является многофакторной, а в медицинском вузе обусловлена большим объемом получаемой информации. Это исследование направлено на выяснение, как дистанционное обучение и учебная работа в Zoom влияет на ключевые аспекты медицинского образования студентов второго курса: обучение в новой дидактической физической среде; отсутствие прямого супервизорства со стороны преподавателей – «одинокость» в образовательном пространстве.

Методика исследования. В онлайн-анкетировании приняли участие 155 студентов 2-го курса Самарского государственного медицинского университета в возрасте 18–20 лет, 122 девушки и 28 юношей. 68 % респондентов проходят обучение по специальности «Врач общей практики», 16 % – по специальности «Врач-педиатр», 9 % – по специальности «Врач-гигиенист», 6 % – по специальности «Провизор» (фармацевт). 84 % студентов посещают платформу Zoom 1–2 занятия в неделю, 16 % – 3–5 занятий.

Результаты. Исследование показало, что 89 % респондентов регулярно используют Zoom: 18 % – 1 раз в месяц, 44 % – 1 раз в неделю, 26 % – 2–3 раза в неделю, 1 % – ежедневно. У 81 % респондентов есть специально оборудованное рабочее место для учебных занятий в Zoom, при этом 37 % используют для занятий смартфон, 4 % – планшет, а 59 % – компьютер или ноутбук. Кроме учебных занятий, некоторые студенты посещают в Zoom научно-практические конференции (24 %) и обучающие курсы (19 %), а также проводят личные встречи (8 %). Подавляющее большинство респондентов (91 %) отмечают увеличение частоты работы в Zoom вследствие ситуации, связанной с пандемией COVID-19. Большинство респондентов (59–78 %) положительно оценивают различные аспекты видеоконференцсвязи на платформе Zoom, за исключением качества интернет-соединения, о котором сложилось менее положительное мнение.

Согласно данным анкетирования (рис. 1), большинство студентов-медиков эмоционально позитивно и нейтрально относятся к онлайн-обучению в Zoom. В среднем только 12 % респондентов ответили утвердительно на вопросы анкеты: вызывает усталость, стресс, эмоционально скучны, быстро теряется внимание.

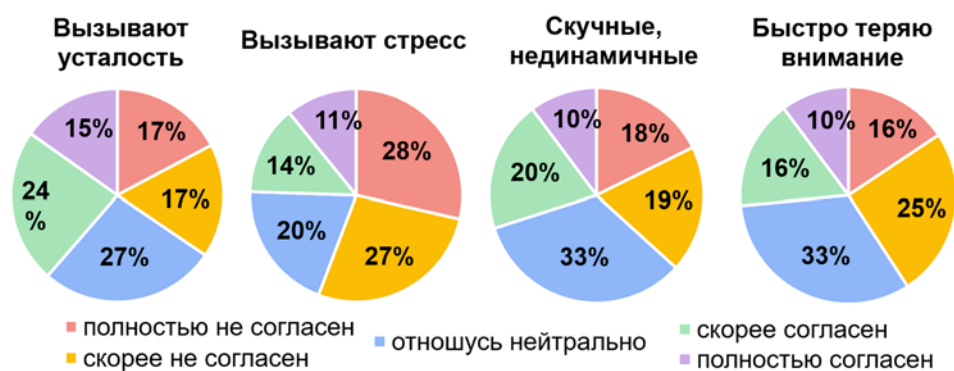

Рис. 1. Эмоциональная оценка респондентами учебных занятий в Zoom

Многие студенты (54 %) считают удовлетворительным уровень проведения учебных занятий по Zoom. Почти половина респондентов (45 %) считают дистанционный формат подходящим только для лекций, а 29 % уверены, что для медицинского образования подобный формат полностью не подходит (рис. 2).

Рис. 2. Отношение респондентов к утверждениям о дистанционном обучении в Zoom

Наиболее важными положительными сторонами учебных занятий в Zoom остаются: «Диалог с преподавателем, общение в режиме реального времени, объяснение учебного материала» (30 % респондентов); «Экономия времени и денег на переезды» (26 %); «Можно задать вопрос и сразу получить ответ» (11 %); «Возможность получать знания в эпоху пандемии» (9 %); «Эпидемиологическая безопасность формата, отсутствие физического контакта» (3 %).

Заключение. В последнее десятилетие экспоненциально компьютерные коммуникации меняют характер социального взаимодействия между людьми, а в условиях пандемии COVID-19 произошло переключение на общение и обучение через онлайн-платформы видеоконференцсвязи. Медицинское образование относится к наиболее трудоемкой форме высшего образования из-за большого объема учебной информации, необходимости наглядной визуализации учебного материала, необходимости проведения практических и лабораторных занятий с использованием учебного оборудования, сложности общения с пациентами во время изучения клинических дисциплин. Студенты 2-го курса СамГМУ изучают фундаментальные дисциплины – нормальную физиологию, биохимию, анатомию и гистологию человека. Анкетирование было проведено в период дистанционного обучения студентов-медиков в вузе (весна – осень 2020 г.). Результаты исследования позволяют устранять отрицательные стороны в трансформации стереотипа повседневной межличностной онлайн-коммуникации Face-to-Face при переходе к обучению на платформах видеоконференцсвязи, в частности в Zoom. Таким образом, можно сделать заключение, что результаты проведенного лабораторией нейросоциологии НИИ нейронаук СамГМУ социологического исследования в

пандемию COVID-19 стали важным инструментом улучшения организации учебного процесса в Zoom по фундаментальной дисциплине - нормальная физиология.

Список использованных источников

1. Carroll A. J. Using digital environments to design inclusive and sustainable communities of practice in academic libraries / A. J. Carroll, M. N. Mallon // The Journal of Academic Librarianship. – 2021. – Vol. 47. – № 5. – P. 102380.
2. Knorr Cetina K. The Synthetic Situation: Interactionism for a Global World // Symbolic Interaction. – 2009. – Vol. 32, № 1. – P. 61–87. – DOI: 10.1525/si.2009.32.1.61.
3. Riva G. Surviving COVID-19: The Neuroscience of Smart Working and Distance Learning / G. Riva, B. K. Wiederhold, F. Mantovani // Cyberpsychology, behavior, and social networking. – 2021. – Vol. 24. – № 2. – DOI: 10.1089/cyber.2021.0009.

УДК 316.334.52:332

РОЛЬ РЕГИОНОЛОГИИ В СОЗДАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА С СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКОЙ

ROLE OF REGIONOLOGY IN CREATING A SOCIAL STATE WITH A SOCIALLY-ORIENTED ECONOMY

В. П. Миничкина, *доцент, канд. экон. наук*

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Аннотация. Глобализация на сегодня в мире превратилась в необратимую тенденцию. Основным и единственным инструментом, способным контролировать глобальные процессы многополярного мира, является регионализация. От ее развития и успеха в определяющей степени зависят основные социально-экономические процессы современного социума. Объективная потребность создания социального государства с социально ориентированной экономикой по своей сути правомерно опирается на достижения современной регионологии.

Abstract. Globalization has become an irreversible trend in the world today. The main and only tool that can control the global processes of a multipolar world is regionalization. The main socio-economic processes of modern society depend to a certain extent on its development and success. The objective need to create a social state with a socially oriented economy is inherently legitimately based on the achievements of modern regionology.

Ключевые слова: регионология, регионализация, гармоничное развитие, экономика, культура, социальное государство, общество, личность.

Keywords: regionology, regionalization, harmonious development, economy, culture, social state, society, personality.

Глобализация и регионализация – объективные явления в развитии человеческой цивилизации, которые в той или иной мере уже происходили в ее истории. Однако уровень научно-технического прогресса и внедрение его достижений в ведущих экономикаобразующих отраслях привели к тому, что глобализация на сегодня в мире превратилась во всеохватывающую необратимую тенденцию, грозящую стать неуправляемой. Если бы глобализация имела управляемую поступательную составляющую, тогда речь могла идти о реализации мировой доктрины – о всеобщем процветании, равенстве и братстве, чего, собственно говоря, достоин современный век. К сожалению, мы имеем дело с реалиями, характеристики которых далеко не всегда соответствуют желаниям сегодняшнего дня.

Вес и позиции транснациональных монополий в этом плане очевидны, как очевидны и их стремления, связанные исключительно с частномонополистическими интересами, при этом они не меняют практику своего поведения и действуют исключительно с позиции силы, используя наработанную политику в поведении.

В этой связи многомерно возрастает проблема сохранения и укрепления социальной ориентации развития человеческого общества и его главного базиса – экономики. Основным, а может, и единственным инструментом, способным контролировать глобальные процессы многополярного мира, является регионализация. От ее развития и успеха в определяющей степени зависят основные социально-экономические процессы современного социума. Таким образом, в условиях преобладающей глобализации регионализация становится своего рода инновационной и углубленной за счет более тесной связи с глобальными процессами. Особенно актуально это для Российской Федерации, учитывая ее многонациональную и пространственную составляющую.

«Ураганом» пролетевшая приватизация материально-технического и финансового сектора практически всех отраслей экономики России привела к известному синергетическому коллапсу, олигархии, криминалу, разгулу коррупции и крайнему расслоению населения и регионов. Последствия этого до сих пор не ликвидированы, а вместе с тем среди них – выраженная дифференциация социально-экономического развития регионов Российской Федерации, противостояние отдельных исполнительных институтов разработке и реализации региональных и межрегиональных федеральных программ в рамках «Регионального паритета» [1, с. 11].

Стремительное вхождение глобальных рынков, особенно коммуникационных, в российскую экономику и стремительное оседание в ней привели практически к перевороту в отраслевой структуре доходной части бюджета, а следом и в структуре его распределения и инвестирования. В первую очередь это касается инноваций, их финансирования и внедрения, распространения в рамках долгосрочного и краткосрочного инвестирования.

Другими словами, и структура инвестиционных вложений, и направления инвестиционной политики также претерпели серьезные изменения, причем за кратчайший промежуток времени.

И здесь транснациональные корпорации вновь сыграли известную «шутку» с миром за счет уже наработанной ими практики первоначального вхождения дешевого продукта под видом респектабельного, в первую очередь на массовых товарных рынках. Слабая защищенность подобной продукции, многочисленные претензии к ее качеству, резкое сокращение срока службы изделий, «раздутие» сервисной и ремонтной инфраструктур привели к диспропорциям и ложному представлению о рыночной производственной и непроизводственной структурной трансформации экономики, а в отдельных сферах деятельности к окончательной дегенерации в руководстве (разгул коррупции в эшелонах власти и его последствия – криминализация экономики страны). Во многом, по мнению большинства экономистов-рыночников, этому способствовало обвальное нашествие продукции массовой культуры и низкие моральные качества чиновников и представителей их структур, всегда стремившихся к собственной кадровой «политике» и кадровому беспределу.

По сути Россия сама открыла ворота мировому криминалу и выраженной дискриминации в оплате труда, ограничениях доступа к гарантированным правам граждан, резкому социальному расслоению, безработице и, как результат, большим и малым социальным конфликтам. Экономика, политика и культура открыто стали ориентироваться на властное меньшинство, нередко из поколения в поколение находящееся у власти.

В результате окончательно спала «ширма» пропагандируемой социалистической морали и уступила место истинным пристрастиям и асоциальным потребностям «элитных» российских граждан в России и за ее пределами. Фактическая легализация проституции, порнографии, наркомания, сектантство, бандитизм под видом известного «рэкета» и так называемых коллекторов, разорительных кредитов, свертывания генеральных социальных программ под видом реформирования общества, торговля людьми вызвали шок у прогрессивного мирового сообщества. Не случайно был поднят жесткий проблематичный вопрос, переросший в дилемму, если процесс деградации в управлении в мире не будет остановлен, разговоры о конце света могут перерасти в реальную подготовку к нему. Понятно, что сроки могут быть недолгими, учитывая военно-технические и информационные возможности, алчность частномонополистических интересов, попрание истинных политических платформ и реальных потребностей населения планеты, а также методы, к которым прибегают известные олигархические круги для достижения своих интересов.

Мирное сосуществование содружества мирового сообщества возможно только на основе согласия и взаимопонимания. Только при условии соблюдения этого всеми принимаемого и неоспоримого постулата возможно вести речь об устойчивом развитии человеческого социума, социальной направленности экономики. В этой связи перед Россией стоит крайне сложная неотвратимая задача, необходимость решения которой ни у кого не вызывает

сомнения. Это восстановление статуса человека-личности, человека-гражданина, условий для гармоничного развития личности и общества, истинных общественных интересов и позиций, социальной ориентированности экономики, высоконравственной культуры, в том числе культуры межличностных и общественных отношений.

Неоценимое значение в данном случае имеет опыт социально ориентированных государств. Он наглядно доказывает, что социальная ориентация экономики возможна на основе не только государственной, но и многоукладной собственности. Только государственному аппарату, каким бы высоконравственным и квалифицированным он ни был, решить задачу создания и развития социальной ориентации экономики невозможно. Решение данной краеугольной задачи требует создания действенной системы гражданского общества, объединяющей усилия всех его составляющих, а именно политического, общественного, некоммерческого и коммерческого. Последняя, то есть коммерческая, составляющая по праву в основном считается «слабым» звеном и ненадежным партнером, поскольку в значительной своей части отличается низкой цивилизованностью в организации и ведении дел. Специалисты отмечают, что для нынешнего поколения «изворотливых» предпринимателей текущий этап, в котором сегодня живет страна, воссоздавая и строя социальное государство, защищенное, свободное и способное к саморазвитию, не будет легким в связи с применением к ним мер «социальной ответственности». В данном случае, как и в ряде развитых стран, при формировании системы современного гражданского общества в Российской Федерации необходимо шире использовать возможности «социальной ответственности» в коммерческом секторе экономики [1, с. 7].

Современная государственная политика относительно создания социального государства подтверждается решимостью правительства страны выполнить поставленную задачу по его созданию. Государством в лице правительства инициировано создание общественных и смешанных организаций, выполняющих соответствующие задачи по формированию и созданию современного социального гражданского общества в России, в том числе на уровне муниципалитетов. Это неоспоримое подспорье в работе местных администраций, как правило, повсеместно страдающих от кадрового дефицита.

Социально-экономическая модель Российской Федерации как социального государства создается на основе глубокого анализа прошлых достижений социалистического управления и рыночных реформ, текущих программных проектов на основе стратегического планирования и управления. Идеальным было бы, если как краткосрочные цели, так и цели стратегические формировались исключительно снизу, имели исключительно органичное воплощение на соответствующих уровнях без какого-либо дополнительного вмешательства со стороны вышестоящих структур. Однако такие «воздушные замки» существуют только на бумаге. Реальность же такова, что необходимы взвешенная солидарность и консолидация усилий

всех видов и уровней управления, обеспечение соответствующего резерва и баланса безопасности при реализации программных государственных документов социально-экономического развития страны.

В рамках устойчивого пространственного развития, стратегического планирования и гармонизации национальных отношений Правительством Российской Федерации поставлена принципиально важная задача. Ее суть состоит в том, чтобы остановить дальнейшую деформацию в развитии регионов, ликвидировать деформации в социальном статусе, доходах и качестве жизни людей в России независимо от региона их проживания. А. И. Сухарев, рассматривая сущность гармоничного национального развития народа, полагал, что она состоит во всестороннем социальном развитии по стандартам, критериям современной цивилизации, структурно организованным с учетом специфики культуры данного этноса, и предполагает органическое сочетание, взаимодействие интересов различных этносов во всех сферах социальной жизни [1, с. 50].

Отдельно выделяется проблема миграции населения России, но в первую очередь уделяется внимание трудовой миграции. Заметим, что последняя в целом, являясь инструментом привлечения дешевой рабочей силы и замораживания заработной платы, на деле дискредитирует местные службы занятости, которые практически не в состоянии выполнять свои задачи по трудоустройству населения. Решить подобную дилемму в обозримые сроки возможно только с использованием инновационных технологий и широкого применения инноваций. Инновационное развитие, а не очередные реформы и модернизация позволят рассчитывать на то, что в обозримом будущем мы будем жить в новой цивилизованной и процветающей России.

В экономическом районировании одним из основных критериев регионального статуса является способность к самовоспроизводству, причем именно к расширенному самовоспроизводству. Основным объектом управления в данном случае является региональный социум. Именно его процветание и развитие, его целостность и приверженность к постоянному месту проживания позволяет надеяться на то, что на него можно опираться как на часть гражданского общества страны. Однако для того чтобы гражданин был приверженцем своей малой родины, ему необходимо быть уверенным в том, что он действительно полноценно является хозяином своей жизни и в решении необходимых вопросов может в полной мере получить поддержку необходимых государственных и негосударственных структур. Это касается и возможностей реализации в развитии потенциальных творческих способностей, формирования полноценно развитой личности. Инициативность, творческое мышление, нестандартные подходы в поиске решений, новые приемы и методы реализации намеченных идей – все это возможно только в условиях социального государства с социально ориентированной экономикой.

Серьезным подспорьем в решении данной проблемы является объединение усилий международных общественных организаций и движений, наиболее значимыми из которых в том числе являются «Сенежский форум»

(«Сотворчество народов во имя жизни»), а также «Народы России: возрождение и развитие», действующие на уровне и основе государственной исследовательской программы и ее совета. Универсальность международного сотрудничества объективно не имеет никаких ограничений в сферах жизнедеятельности. Человек, сообщество, общество, государство требуют соответствующую сферу жизнедеятельности и очерченность изначального регионального пространства.

В силу первоначальной региональной принадлежности человек и сообщество имеют соответствующие притяжения, выражаемые не только в наречии и национальном языке, культуре и традициях, но и в нормах социальной ответственности, которые не являются пришлыми и заимствованными, а составляют культурное наследие народонаселения, являются частью его духовного богатства. Поэтому нравственное поведение в экономике должно стать нормой жизни в первую очередь для тех, кто в ней «заправляет», так как именно с них пишется портрет бизнесменов, чиновников и предпринимателей.

Государственная программа социального возрождения и межнационального сотрудничества народов России нацелена на создание правовых и общественно значимых механизмов межнационального сотрудничества во всех сферах социальной жизни: в природопользовании, социальной, политической, культурной, экономической.

По сути, исторически здоровые корни нации уже достигли такого уровня, который готов поставить заслон в первую очередь чиновничьему беспределу. В лице действительно заслуженных граждан России правительство страны возымело действенную поддержку создаваемого в стране правового механизма гражданской ответственности (патриотическое движение «Бессмертный полк»). Таким образом, в настоящее время Россия вошла в этап социальной нравственности и ответственности, когда доверие и наказание «социальной ответственностью» становятся реальностью и имеют соответствующий вес в текущей и дальнейшей общественной значимости субъекта. Поэтому создание гармонично развивающегося государства с социально ориентированной экономикой невозможно без выравнивания жизненных условий с учетом социально-этнических особенностей как основы национальных традиций в организации, в том числе структурной трансформации территориальных народно-хозяйственных комплексов.

В условиях межтерриториального синергизма значительно активизировался процесс межрегионального сотрудничества. Основанием для этого является взаимный экономический интерес. Межрегиональные интересы стали основой для организации межрегиональных ассоциаций, коммерческих и некоммерческих, как результат, сформировалась почва для интеграции межрегионального сотрудничества на основе дифференцированного развития территорий и конгломератов.

Таким образом, объективная потребность создания социального государства с социально ориентированной экономикой по своей сути правомерно опирается на достижения современной регионологии. В основе

регионологии лежит гармонизация национальных отношений в России. Прозрачные границы взаимоотношений являются постулатом в практике последних лет, действующих на основе последовательного осуществления программ развития гражданского общества и социально ориентированной экономики. К сожалению, конституциональное закрепление основ социального поведения в бизнесе в основном имеет популистский характер и не касается социальной ответственности представителей олигархических структур, а в части нерешительных действий чиновников нарабатывает соответствующий рейтинг в регионах. Социальное государство и социально ориентированная экономика в качестве доктрины становления и существования имеют единственный путь – путь развития, который невозможен без стремления к гармонии, а следовательно, к процветанию. «Гармоничность в целом является одним из свойств мироздания» [2, с. 5], то есть это неотвратимая объективность, которая имеет соответствующие характеристики, в первую очередь временные, а значит, может быть управляемой и направляемой с помощью грамотного стратегического механизма, в том числе регионального.

Список использованных источников

1. Сухарев А. И. Проблемы регионологии : сб. ст. / А. И. Сухарев : НИИ регионологии. – Саранск, 2001. – 100 с.
2. Социология гармонизации общественных отношений / под общ. ред. А. И. Сухарева. – Саранск, 1997. – 206 с.

УДК 334.7

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

REGIONAL FEATURES OF DEVELOPMENT SMALL BUSINESSES

Е. Е. Тарандо, *доцент, д-р экон. наук*
Санкт-Петербургский государственный университет

В. Н. Градусова, *доцент, канд. экон. наук*
*Северо-Западный институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации*

Аннотация. Проведен анализ развития малого бизнеса в Республике Мордовия. Выявлена тенденция к сокращению этого сектора экономики, что негативно сказывается на устойчивости всей региональной экономической системы, а также уровне жизни населения. Отсутствие возможности трудоустройства побуждает людей к переезду. Рассмотрены государственные и региональные программы поддержки малого и среднего

предпринимательства, отмечена их недостаточная эффективность. Предложены пути решения существующих проблем.

Abstract. The analysis of the development of small business in the Republic of Mordovia. A tendency towards a reduction in this sector of the economy has been revealed, which negatively affects the stability of the entire regional economic system, as well as the standard of living of the population. The lack of job opportunities encourages people to relocate. State and regional programs to support small and medium-sized businesses are considered, their insufficient effectiveness is noted. The ways of solving the existing problems are proposed.

Ключевые слова: рынок, экономика, занятость, малое предпринимательство, доходы, имущественная поддержка, финансовая поддержка.

Keywords: market, economy, employment, small business, income, property support, financial support.

Опыт передовых зарубежных стран подтверждает большую роль малого предпринимательства и делает надежды на него обоснованными. Такие предприятия насыщают рынок необходимыми товарами и услугами, удовлетворяя индивидуальные потребности населения, создают новые рабочие места, тем самым противодействуют монополизации и способствуют здоровой конкуренции. За счет более быстрой и адекватной реакции на изменение рыночной конъюнктуры малые и средние предприятия повышают гибкость экономической системы в целом, способствуют более полному удовлетворению спроса и в конечном счете повышению качества жизни людей.

Вместе с тем уровень развития малого предпринимательства – важная характеристика всей экономической системы, поскольку условиями для успешного развития сектора малой экономики являются стабильный платежеспособный спрос на их товары и услуги со стороны крупных хозяйствующих субъектов и населения.

Сегодня в условиях, характеризующихся ограничением экономической активности вследствие введения мер по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции, эта проблематика приобретает особую актуальность. Ведь именно небольшие предприятия, не имеющие запаса прочности, наиболее восприимчивы к резким переменам, которые произошли весной 2020 г. и с высокой вероятностью будут повторяться до тех пор, пока опасный вирус не будет побежден.

Статистика свидетельствует об уменьшении числа субъектов малого предпринимательства в последние 5 лет [2]. На сокращение их количества оказывает влияние ряд факторов:

– снижение платежеспособного спроса на производимые товары и услуги;

- рост закупочных цен (для торговых предприятий), сырья и материалов (для обрабатывающих производств);
- высокая степень монополизации рынка, не позволяющая небольшим предприятиям со сравнительно высокими индивидуальными издержками конкурировать на рынках сбыта;
- недоступность кредитных ресурсов вследствие высокой стоимости их обслуживания и отсутствия залогового обеспечения;
- сохраняющиеся административные барьеры.

И касается это не только Республики Мордовия. Согласно выводам Института комплексных стратегических исследований активность российских малых предприятий падает и в ближайшем будущем снижение продолжится. Основной проблемой эксперты считают сокращение уровня государственной поддержки и числа ее получателей [3], хотя на поддержку указанного сектора экономики направляются значительные ресурсы. Ею занимаются целые институты, например АО «Корпорация малого и среднего предпринимательства», однако эффективность их деятельности невысока [6].

Снижение предпринимательской активности россиян подтверждается и данными официальной статистики: удельный вес доходов от предпринимательской деятельности в структуре денежных доходов россиян снизился с 15,4 % в 2000 г. до 6,0 % в 2019 г. [5].

Структура сектора малой экономики в Мордовии мало отличается от других российских регионов схожей специализации. В структуре занятых в этом секторе наибольший удельный вес принадлежит предприятиям, занятым оптовой и розничной торговлей, – 19 %, на втором месте строительство – 15 %, на третьем обрабатывающие производства – 13 %. Далее следуют: деятельность по операциям с недвижимым имуществом – 11 %, сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство – 8 %, деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги – 7 %, деятельность профессиональная, научная и техническая – 6 %, транспортировка и хранение – 4 %, здравоохранение и социальное обслуживание – 3 %. Другие виды экономической деятельности представлены слабо [4].

Республика Мордовия относится к числу регионов с низким уровнем развития малого предпринимательства, хотя имеет развитую инфраструктуру поддержки малого бизнеса. Консультативную помощь предпринимателям Мордовии оказывают следующие организации: ООО «Инновационно-технологический центр Республики Мордовия», ГКУ «Бизнес-инкубатор Республики Мордовия», ООО «Бизнес-центр», а также информационно-правовые центры поддержки малого предпринимательства в муниципальных районах республики, действуют Совет предпринимателей при Главе Республики Мордовия и 4 общественных объединения предпринимателей.

Главной проблемой малых предприятий, как правило, является нехватка финансовых ресурсов. Для ее решения в Республике Мордовия субъектам малого предпринимательства оказывается следующая финансовая помощь:

– предоставление поручительств АУ «Гарантийный фонд кредитного обеспечения Республики Мордовия»;

– получение микрофинансирования через АУ МКК «Центр микрофинансирования Республики Мордовия», МКК Фонд поддержки предпринимательства Республики Мордовия.

Следует отметить, что предприниматели, зарегистрированные в Мордовии, активно пользуются возможностью получить поддержку государства: в 2019–2020 гг. помощь была предоставлена 6 638 субъектам малого и среднего предпринимательства на общую сумму 2,44 млрд руб. [2]. Постановлением Правительства РМ № 350 от 15 июня 2020 г. установлены дополнительные меры поддержки предпринимателей в условиях пандемии. Данное постановление направлено на вывод малых и средних предприятий из кризисного состояния, вызванного введением ограничений.

В 2020 г. государственную поддержку получил каждый десятый субъект малого и среднего предпринимательства, зарегистрированный на территории Республики Мордовия. Представляется, что не все предприниматели были осведомлены о существующих программах государственной финансовой поддержки. Возможно, некоторые не смогли правильно оформить необходимые документы. В подобных случаях необходимо более активно использовать информационные коммуникационные технологии для информирования предпринимателей, разместить на специальном сайте образцы всех документов с примерами их заполнения, а также осуществлять электронную рассылку и открыть «горячую линию», чтобы люди по телефону могли при введении ограничений на перемещение выполнить все требующиеся процедуры, получить помощь, которая позволит сохранить бизнес и рабочие места.

Итак, мировая экономическая история показывает, что чем успешнее развивается малый бизнес, тем выше и показатели общей экономической динамики, что проявляется в расширении спектра товаров и услуг, предлагаемых населению, сокращении безработицы, смягчении циклических колебаний, более быстром преодолении кризисных явлений. Однако в нашей стране этот сектор экономики пока развит слабо, что не обеспечивает экономической системе страны необходимой гибкости и устойчивости. Это требует активизации усилий по поддержке малых форм хозяйствования на федеральном и региональном уровнях.

Список использованных источников

1. Государственная поддержка субъектов предпринимательства. – URL: <https://adm-saransk.ru/about/business/fin%20support.php?print=Y> (дата обращения: 27.08.2021).

2. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. – URL: <https://rmsp-pp.nalog.ru/statistics.html#statdate> (дата обращения: 27.08.2021).
3. Институт комплексных стратегических исследований: «О поддержке малого и среднего бизнеса». – URL: <https://icss.ru/ekonomicheskaya-politika/drugoe1/o-podderzhke-malogo-i-srednego-biznesa> (дата обращения: 27.08.2021).
4. Мордовия : стат. ежегодник / Мордовиястат. – Саранск, 2020. – С. 200.
5. Российский статистический ежегодник : стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – С. 53.
6. Счетная Палата РФ : офиц. сайт. – URL: <https://ach.gov.ru/checks/podderzhku-v-ramkakh-natsionalnoy-garantiynoy-sistemy-poluchil-tolko-1-subektov-msp> (дата обращения: 27.08.2021).

УДК 332.1

О ПРИОРИТЕТАХ И НЕОБХОДИМОСТИ УСИЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ABOUT THE PRIORITIES AND NEEDS OF REINFORCEMENT STATE REGIONAL DEVELOPMENT POLICY

В. А. Толкунов, *доцент кафедры экономики
и экономической безопасности
Брянский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Аннотация. Раскрываются слагаемые экономического потенциала приграничного региона – Брянской области. Делаются выводы, что развитие региона ограничивает слабость природно-ресурсного потенциала, региональная экономика деформирована, сектор инноваций развит слабо, уровень жизни населения низкий. Угрозу экономической стабильности региона создают естественная убыль населения и миграционный отток. Предлагаются меры по оптимизации структуры региональной экономики и укреплению человеческого потенциала Брянской области.

Abstract. The components of the economic potential of the border region - the Bryansk region are revealed. Conclusions are drawn: the development of the region is limited by the weakness of the natural resource potential, the regional economy is deformed, the innovation sector is underdeveloped, the standard of living of the population is low. The economic stability of the region is threatened by natural decline and migration outflow. Measures are proposed to optimize the structure of the regional economy and strengthen the human potential of the Bryansk region.

Ключевые слова: регион, экономика, экономический потенциал, уровень жизни, бедность, естественная убыль населения, миграционный отток.

Keywords: region, economy, economic potential, standard of living, poverty, natural decline, migration outflow.

Социально-экономическая ситуация в субъектах Российской Федерации сильно различается. Сохраняется значительный разрыв в уровне жизни людей в разных частях страны, что побуждает их переезжать туда, где, по их мнению, они смогут реализовать свой потенциал и обеспечить достойную жизнь своим детям. Противостоять миграционному оттоку можно только путем создания благоприятных условий для проживания во всех частях страны. Именно это должно стать главной целью государственной политики регионального развития. Пока до достижения этой цели далеко. В данном исследовании анализируется социально-экономическое положение одного из приграничных регионов России – Брянской области.

Экономические возможности территории принято оценивать душевым ВРП. В 2018 г. в Брянской области этот показатель составлял 272 742,5 руб. на человека – это в 2 раза меньше среднероссийского значения и соответствует 64-му месту. Среди регионов Центрального федерального округа еще более низкие позиции занимала только Ивановская область. Во всех граничащих с Брянской областью регионах этот важнейший индикатор жизненного уровня выше: в Калужской области – в 1,7 раза, в Курской – в 1,4 раза, в Орловской – на 14 % [2, с. 492]. Это создает угрозу для устойчивого экономического развития территории, поскольку отток кадров из региона ослабляет его экономический потенциал.

По темпам экономического развития после глобального экономического кризиса 2008–2010 гг. Брянская область немного отстает: если в 2010–2018 гг. ВРП этого субъекта увеличился в 2,2 раза, ВВП страны в этот период стал больше в 2,3 раза [2, с. 490].

Экономическое развитие территории во многом определяется ее инвестиционной привлекательностью. Брянская область не вызывает особого интереса у инвесторов и по инвестициям в основной капитал в расчете на душу населения находится на 74-й строке федерального рейтинга (2019 г.) [2, с. 32].

Отраслевая структура валового регионального продукта Брянской области выглядит следующим образом: 19 % формируется в сельском и лесном хозяйстве; 18 % приходится на обрабатывающие производства; 17 % – на торговлю; 8,5 % – на транспортировку и хранение; 7 % – на государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; 5 % – на здравоохранение и социальные услуги; 4 % – на строительство (2018 г.). Вклад других отраслей менее 4 %.

Обращает на себя внимание значительно *большая* структурная доля ВРП Брянской области, приходящаяся на сферу государственного управления: в то время как в РФ и ЦФО удельный вес этого вида деятельности составлял 4,5 %, в рассматриваемом регионе он был равен 7 % (2018 г.). Причиной этого могут быть завышенная численность работников органов государственного управления и / или высокая заработная плата региональных чиновников.

Считаем необходимым оптимизировать численность сотрудников государственных органов власти. В 2019 г. удельный вес занятых в сфере государственного управления в Брянской области составлял 9,5 % [2, с. 48–49], в то время как в РФ этот показатель 5,1 % [1, с. 120].

Не поддается объяснению и сравнительно большой удельный вес в структуре ВРП Брянской области сферы культуры, спорта, организации досуга и развлечений – 1,8 %, в РФ этот показатель равен 0,9 %. В 2019 г. численность занятых в организациях этой сферы в структуре занятого населения Брянской области была равна 1,65 % от общего числа занятых в экономике региона [4, с. 48–49]. Заработная плата работников – одна из самых низких в России: 25 725 против 41 878 руб. в месяц. Более низкий уровень оплаты труда работников культуры зафиксирован в Ивановской области, Республике Калмыкия, всех северокавказских республиках, Республике Мордовия, Кировской области и Алтайском крае [2, с. 247–249]. Эти обстоятельства не могут не вызвать сомнения в достоверности статистических данных об удельном весе экономической деятельности в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений в структуре ВРП Брянской области.

Необходимо обратить внимание и на такую особенность экономики региона, как слабое развитие отраслей, обеспечивающих разработку и внедрение инноваций: удельный вес в ВРП научно-технической деятельности 1,8 % (против 4,1 % в РФ и 6,3 % в ЦФО); деятельности в области информации и связи – 2,2 % (против 3,0 и 4,7 % соответственно) [1, с. 504–507]. Особо выделяем эти виды деятельности, поскольку для региона, природно-сырьевая база которого очень слаба, ключевым направлением развития должно стать широкое внедрение инноваций.

По оценкам ВШЭ, разрабатывающей рейтинг инновационного развития субъектов РФ, Брянская область входит в III группу, объединяющую 29 субъектов РФ, для которых характерно отставание по величине совокупного индекса инновационного развития от первого региона в рейтинге более чем на 40 %, но не более чем на 60 %, и занимает 53-е место в РФ. Из 5 блоков индикаторов, составляющих структуру российского регионального инновационного индекса, наиболее низкое место Брянская область занимает по социально-экономическим условиям инновационной деятельности – 67-е, самое высокое – по качеству инновационной политики – 26-е место в РФ. По другим слагаемым сводного индекса рейтинговые позиции Брянской области оказались следующими: по научно-техническому потенциалу – 38-е, по инновационной деятельности – 44-е, по экспортной активности – 63-е место в стране [3, с. 83–84].

Серьезным ограничением для инновационного развития Брянской области может стать демографическая ситуация в регионе: численность его населения быстро сокращается: в 2020 г. она составляла 1 192,5 тыс. чел., что на 19 % меньше по сравнению с 1989 г. [1, с. 41]. Для современной демографической картины в Брянской области характерно одновременное воздействие и естественной убыли, и миграционного оттока [2, с. 75, 91].

Уровень рождаемости в Брянской области, если судить по общему коэффициенту рождаемости, низкий: 8,3 чел. на 1 000 чел. населения (74-е место) против 10,1 промилле в РФ и 9,3 промилле в ЦФО. Суммарный коэффициент рождаемости в рассматриваемом регионе тоже существенно ниже его значений в РФ и ЦФО: 1,321 против 1,504 и 1,396 детей на 1 женщину соответственно.

Показатели смертности в Брянской области, напротив, выше, чем в среднем в России и регионах ЦФО: 14,7 случая на 1 000 чел. населения против 12,3 промилле и 12,6 промилле соответственно. Вследствие такого соотношения рождаемости и смертности численность населения региона в последние 10 лет быстро сокращается – на 0,5–0,6 % ежегодно [2, с. 65, 67, 77]. Усугубляет демографическую ситуацию миграция. Вследствие межрегионального обмена населения Брянская область ежегодно теряет 2–4 тыс. чел. [1, с. 44].

Опасная негативная демографическая динамика, характерная для Брянской области и во многом связанная с низким уровнем жизни, требует усиления мер государственной поддержки для обеспечения опережающего развития этой приграничной территории, поскольку ослабление человеческого потенциала геостратегических территорий создает угрозы экономической безопасности страны в целом.

Список использованных источников

1. Брянская область в цифрах. 2020 : Крат. стат. сб. / Брянскстат. – Брянск, 2020.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат, 2020.
3. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 6 / Г. И. Абдрахманова, С. В. Артемов, П. Д. Бахтин [и др.] ; под ред. Л. М. Гохберга. – М. : НИУ ВШЭ, 2020.
4. Российский статистический ежегодник. 2020 : стат. сб. / Росстат. – М., 2020.

УДК 332.1(470+571)

СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

STRATEGY OF TERRITORIAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS OF IMPLEMENTATION IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

А. Н. Яськин, канд. экон. наук
*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и актуальные вопросы реализации стратегии пространственного развития Российской

Федерации на примере Республики Мордовия. По результатам проведенного исследования были представлены основные положения, характеризующие текущий уровень участия региона в реализации стратегии пространственного развития РФ, а также рассмотрен ряд актуальных проблем.

Abstract. The article examines the features and main questions of the implementation of the strategy of territorial development of the Russian Federation on the example of the Republic of Mordovia. According to the results of the research, the main provisions characterizing the current level of participation of the region in the implementation of the territorial development strategy of the Russian Federation were presented, as well as a number of main problems were considered.

Ключевые слова: стратегия пространственного развития РФ, перспективная экономическая специализация для региона, макрорегион, центры экономического роста, стратегия социально-экономического развития.

Keywords: strategy of territorial development of the Russian Federation, optimal economic specialization for the region, macroregion, centers of economic growth, strategy of socio-economic development.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации (далее – СПР РФ), которая была принята распоряжением Правительства РФ 13 февраля 2019 г., и в настоящее время привлекает к себе повышенное внимание специалистов и ученых, предоставляя богатую почву для размышлений и споров. Актуальность вопросов, связанных с выявлением современных тенденций пространственного развития Российской Федерации, определением текущей и перспективной специализации ее субъектов и регионального развития в долгосрочной перспективе, в последние несколько лет стремительно растет в свете разработки и утверждения обновленных стратегий развития регионов [2].

Исследование проблем и возможностей, возникающих в ходе реализации СПР РФ, следует рассматривать как неотъемлемую часть региональной политики, ориентированной на повышение эффективности управления российским территориальным пространством, а также на обеспечение национальной безопасности страны [1]. В связи с этим особый интерес представляет анализ проблем и перспектив реализации СПР РФ на примере отдельно взятого региона, а именно Республики Мордовия.

Сложная экономическая ситуация, сложившаяся в республике за последние полтора десятилетия, определяет необходимость разработки и реализации эффективной стратегии, ориентированной не только на будущее социально-экономическое развитие региона, но и на текущее оздоровление экономики. Участие республики в реализации СПР РФ открывает широкие возможности для формирования нового вектора региональной политики, опирающегося на эффективное территориальное развитие региона.

Анализ всех имеющихся в СПР РФ [5] упоминаний, касающихся непосредственно Республики Мордовия, позволил выделить следующие основные положения:

1) в *приложении № 1* представлен перечень перспективных экономических специализаций для субъектов РФ¹, согласно которому *оптимальной для Республики Мордовия является комбинация из отраслей экономики, обобщенно представленных на рисунке 1.*

2) в *приложении № 2* определен состав макрорегионов РФ, в соответствии с которым *Республика Мордовия входит в состав Волго-Камского макрорегиона, также включающего Республику Марий Эл, Республику Татарстан, Удмуртскую Республику, Чувашскую Республику, Пермский край, Кировскую область, Нижегородскую область;*

Рис. 1. Перспективные экономические специализации Республики Мордовия, определенные в СПР РФ

3) согласно материалам *приложения № 3* г. Саранск (*административный центр региона*) и муниципальные образования Республики Мордовия, специализирующиеся на сельском хозяйстве

¹ В соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности ОК 029-2014 (КДЕС ред. 2). URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200110162>.

(агропромышленные центры), отнесены к перспективным центрам экономического роста субъектов РФ, которые в рамках реализации СПР РФ должны обеспечить вклад в экономический рост Российской Федерации более 0,2 % ежегодно.

Приведенный пример, декларирующий участие Республики Мордовия в СПР РФ, еще раз доказывает, что стратегия лишь формально закрепляет участие каждого из регионов в реализации соответствующего плана мероприятий. План представляет собой дорожную карту по решению задач пространственного развития страны на среднесрочный период, результатом выполнения которых станет более эффективная организация экономического пространства страны и раскрытие экономического потенциала различных типов территорий [4]. Таким образом, определяющим фактором реализации плана является собственная инициатива региона, оформленная в ходе работы профильных ведомств в соответствии с требованиями, определенными в СПР РФ, и утвержденная в установленном порядке.

На основе результатов, полученных в ходе проведенного исследования структуры и особенностей актуальной редакции СПР РФ и сопутствующих документов [3, 4, 5], а также изучения общих положений разрабатываемой в текущем году «Стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия на период до 2035 года», нами были выявлены следующие проблемы:

1. В настоящее время план реализации СПР РФ не учитывает неравномерность и несбалансированность уровня социально-экономического развития субъектов РФ, разницу в их обеспеченности ресурсной и территориальной базой, а также текущее положение дел внутри регионов. Стратегия акцентирована на развитие результатов активно развивающихся регионов и транслирование их положительного опыта в другие субъекты РФ либо по определенному перечню перспективных направлений специализации, либо по принадлежности к определенному макрорегиону. Так, например, возникает объективный вопрос о применимости неадаптированного опыта Республики Татарстан как лидера Волго-Камского макрорегиона к текущим реалиям Республики Мордовия и других существенно уступающих в социально-экономическом развитии регионов-участников.

2. В СПР РФ, плане ее реализации и других сопутствующих документах до сих пор не предусмотрен механизм оперативного пересмотра экономических специализаций регионов, определенных как перспективные, что становится крайне острой проблемой. Данное ограничение не позволяет экономике регионов своевременно реагировать на изменения ситуации на внутрироссийском и мировом рынках, самостоятельно избавляться от неэффективных или исчерпавших себя производств, а также превентивно осуществлять поиск и проработку новых инвестиционных ниш. Привязка стратегии развития Республики Мордовия к исторически устоявшимся отраслям и производственным кластерам в перспективе может существенно ограничить способность экономики региона к обновлению.

3. Согласно стратегии пространственного развития основной вклад в экономический рост РФ должны вносить устоявшиеся агломерации, производственные и агропромышленные центры регионов. Такой подход призван решить вечную проблему российской периферии, т. е. найти выход из ситуации, когда в глубинке создаются уникальные и востребованные товары, но нет возможностей для их дальнейшего масштабирования и монетизации. Однако переселение людей из сельской местности в ближайшие агломерации, в которых для них создаются новые рабочие места и удобная инфраструктура, еще больше усугубляет процессы опустынивания российских деревень и разрушения их этнокультурной целостности. В данном контексте возникает противоречие в выборе перспективных для развития Республики Мордовия отраслей экономики – укрупнение агропромышленных центров и отток населения из малых сел приводят к проблемам в сфере туризма, связанным с потерей национальной самобытности региона и туристической привлекательности мест исторического и культурного интереса.

Таким образом, общий уровень эффективности и возможные результаты реализации СПР РФ применительно к Республике Мордовия напрямую зависят от индивидуального подхода, опирающегося на качественную переработку опыта регионов-лидеров с учетом специфических региональных и отраслевых особенностей, а также текущей ситуации в регионе. Отсутствие отдельно утвержденной стратегии пространственного развития Республики Мордовия свидетельствует о том, что определяющую роль в постановке целей, выборе инструментов реализации и контроля за выполнением запланированных мероприятий будет играть соответствующий раздел «Стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия на период до 2035 года», которая в настоящее время находится в финальной стадии разработки.

Список использованных источников

1. Кожевников С. А. Стратегия пространственного развития Российской Федерации и перспективы трансформации российского пространства // *Вопр. территор. развития.* – 2019. – Вып. 3 (48). – URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28193> (дата обращения: 29.10.2021).

2. Котов А. В. Оценка эффективности инструментов региональной политики // *Экономика региона.* – 2020. – Т. 16, вып. 2. – С. 352–362.

3. Основы государственной политики регионального развития на период до 2025 года (утв. Указом Президента Рос. Федерации от 16 янв. 2017 г. № 13). – URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201701160039.pdf> (дата обращения: 29.10.2021).

4. План реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 27 дек. 2019 г. № 3227-п). – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/108d64418eca19f746e96fa_20a7b6eb7/27122019_3227-p.pdf (дата обращения: 29.10.2021).

5. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-п). – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/a3d075aa813dc01f981d9e7fcb97265f/130219_207-p.pdf (дата обращения: 29.10.2021).

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ

УДК 316.47

РОДИТЕЛЬСКОЕ СООБЩЕСТВО ОБ УСЛОВИЯХ ПРЕБЫВАНИЯ ДЕТЕЙ В ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

PARENT COMMUNITY ABOUT THE CONDITIONS OF CHILDREN'S STAY IN PRESCHOOL INSTITUTIONS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Л. А. Автайкина

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Аннотация. В статье проанализированы результаты анкетного опроса получателей услуг дошкольного образования в рамках независимой оценки качества условий предоставления услуг образовательными организациями Республики Мордовия. Приведены оценки родителей совокупности условий получения образовательных услуг.

Abstract. The article analyzes the results of a questionnaire survey of recipients of preschool education services within the framework of an independent assessment of the quality of the conditions for providing services by educational organizations of the Republic of Mordovia. Parents' assessments of the set of conditions for obtaining educational services are given.

Ключевые слова: независимая оценка, дошкольные учреждения, уровень удовлетворенности, доброжелательность, вежливость, условия, комфортность, получатели услуг, анкетный опрос.

Keywords: independent assessment, preschool institutions, satisfaction level, goodwill, politeness, conditions, comfort, recipients of services, questionnaire survey.

В настоящее время общество ставит все новые задачи перед системой образования как в целом, так и ко всем ее ступеням, в том числе к первой из них – системе дошкольного образования. В последние годы дошкольному образованию уделяется значительное внимание на самом высоком уровне. Об этом свидетельствуют принимаемые законы, нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней, поручения Президента РФ и Правительства по вопросам дошкольного образования.

Для полноценного функционирования детских садов необходима комплексная оценка качества деятельности дошкольных образовательных

учреждений [1]. Средством контроля качества и результативности образовательного процесса в дошкольных учреждениях является мониторинг. Одним из его компонентов выступает независимая оценка качества условий оказания услуг организациями, осуществляющими образовательную деятельность. Она проводится в целях предоставления участникам отношений в сфере образования информации об уровне организации работы по реализации образовательных программ на основе общедоступной информации.

Независимая оценка качества условий оказания услуг дошкольными учреждениями Республики Мордовия была проведена ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» (далее – организация-оператор) в сентябре – октябре 2019 г. Одной из составляющих данного исследования явился анкетный опрос, посредством которого было проведено репрезентативное исследование при условии малых генеральных совокупностей, что позволяет сравнивать учреждения представленного типа между собой. Был опрошен 8 021 чел., в том числе в дошкольных образовательных учреждениях муниципальных районов – 4 175 чел., в ГО Саранск – 3 846 чел.

Независимая оценка данных учреждений проведена в соответствии с Методикой выявления и обобщения мнения граждан о качестве условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы, утвержденной приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30 октября 2018 г. № 675н (далее – Методика). Следует отметить, что при проведении исследования на основе данной Методики сотрудники организации-оператора столкнулись с некоторыми трудностями. Проблема несовершенства методологической базы проведения независимой оценки качества предоставления образовательных услуг актуальна и обсуждаема [2].

В ходе анкетного опроса, кроме прочих, получили количественные оценки следующие показатели: удовлетворенность получателей образовательных услуг открытостью, полнотой и доступностью информации о деятельности организации, размещенной на информационных стендах и на официальном сайте; удовлетворенность комфортностью условий, в которых осуществляется образовательная деятельность; доброжелательность, вежливость работников образовательных организаций; общая удовлетворенность условиями осуществления образовательной деятельности организаций.

По итогам опроса, 85,9 % респондентов обращали внимание на информацию, размещенную на информационных стендах в здании дошкольной организации. Удовлетворенность данной информацией получила достаточно высокие оценки родителей обучающихся – 99,5 %.

Для получения информации о деятельности организации пользовались ее официальным сайтом 76,6 % респондентов. Удовлетворены открытостью, полнотой и доступностью информации о деятельности образовательной

организации, размещенной на ее официальном сайте в сети Интернета, 98,4 % опрошенных. Таким образом, анкетный опрос продемонстрировал высокий уровень данного показателя, что свидетельствует о необходимости и целесообразности размещения сведений и материалов на информационных стендах в помещениях организаций дошкольного образования и на их официальных сайтах.

При оценке комфортности условий, в которых осуществляется образовательная деятельность, удовлетворенность ею высказали 96,3 % участников опроса.

По результатам анкетирования выявлена достаточно высокая оценка доброжелательности и вежливости работников дошкольных образовательных организаций. Данный показатель состоял из двух параметров: первый – оценка доброжелательности и вежливости работников образовательной организации, обеспечивающих первичный контакт и информирование родителей при непосредственном обращении в организацию (руководитель, работники администрации, старший воспитатель), второй – доброжелательности и вежливости работников образовательной организации, обеспечивающих непосредственное оказание услуги при обращении в организацию (воспитатель, помощники воспитателей), которые составили по 99,5 %.

По первому параметру в 142 дошкольных организациях (84,5 % от всех охваченных опросом учреждений) этот показатель максимален (равен 100 %), в 8 учреждениях он варьируется от 99,0 до 98,0 %, в 4 – от 97,0 до 96,0 %.

По второму параметру максимальный уровень (100 %) достигнут в 140 организациях, 99,0 % – в 10 учреждениях, 97,0 % – в 2 организациях.

В ходе опроса респонденты также оценили доброжелательность и вежливость работников дошкольных образовательных учреждений при дистанционной форме взаимодействия (телефон, электронная почта, электронный сервис на официальном сайте организации, получение консультации). Из 62,8 % опрошенных, пользовавшихся данными способами взаимодействия, 99,7 % отметили, что полностью удовлетворены тем, как с ними общались сотрудники детских садов.

Результаты опроса потребителей образовательных услуг показали, что в рамках одного образовательного учреждения нет заметных колебаний в оценке доброжелательности, вежливости работников. В отдельно взятом образовательном учреждении они приближены друг к другу, а в каждой третьей исследуемой образовательной организации совпадают.

Абсолютное большинство опрошенных (99,1 %) заявили готовность рекомендовать своим родственникам и знакомым детские сады, которые посещают их дети.

Немаловажным фактором при оценке образовательной организации является режим работы. Так, 99,2 % родителей устраивает график работы детских садов. Тем не менее, исходя из личных наблюдений сотрудников организации-оператора следует отметить, что в некоторых сельских дошкольных учреждениях представители родительского сообщества были недовольны сокращением

рабочего дня в учреждении и высказывались за установку прежнего графика работы.

Общая удовлетворенность условиями оказания образовательных услуг составила 99,4 %. Результаты опроса показали, что наибольшего значения по данному показателю достигли 138 организаций (100 %), а в 27 учреждениях он варьировался от 95,0 до 99,0 %. Наименьшее значение этого параметра – 93,0 %.

Довольно высокие оценки, безусловно, свидетельствует о работе сотрудников детских садов на самом высоком уровне. Однако в некоторых учреждениях (особенно в небольших сельских) происходит сознательное завышение оценок из-за страха закрытия дошкольных организаций в случае критичных ответов.

Подводя итоги анкетного опроса получателей услуг в обследованных дошкольных организациях, можно сказать о высокой удовлетворенности представителей родительского сообщества условиями предоставления образовательных услуг в детских садах республики, что свидетельствует о высококачественной работе персонала данных организаций.

Список использованных источников

1. Комплексная оценка качества деятельности дошкольного образовательного учреждения : монография / С. Ф. Багаутдинова, Г. Ш. Рубин, Н. Г. Корнешук, А. Н. Старков. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2015. – 148 с.

2. Миничкина В. П. Методологические проблемы проведения независимой оценки качества предоставления образовательных услуг / В. П. Миничкина, Н. В. Ивашкина // Гуманитар. науки и образование. – 2020. – Т. 11, № 1. – С. 78–85.

УДК 377.5

РЕГИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

REGIONAL SYSTEM OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION: NEW OPPORTUNITIES AND CHALLENGES

Н. Н. Азисова, канд. социол. наук
ЦНППМ «Педагог 13.ру»

И. В. Минеева канд. экон. наук
ЦНППМ «Педагог 13.ру»

Аннотация. В тексте рассматриваются динамика профессионального образования в регионе, новые вызовы и возможности образовательного, кадрового потенциала системы среднего профессионального образования.

Abstract. The text is considered the dynamics of the development of vocational education in the region, new challenges and opportunities of the educational and resources the system of secondary vocational education.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, конкурсы профессионального мастерства, профессиональные компетенции, Вордскилс, дуальное и триальное обучение.

Keywords: Secondary vocational education, professional skills ompetitions, professional competencies, WorldSkills, dual and trial education.

Отсчетом новой эпохи профессионально-технического образования в стране является 2 октября 1940 года – дата издания Указа Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» и Постановления Совнаркома СССР «Об образовании Главного управления трудовых резервов при Совнаркомe СССР» [1].

В соответствии с названным указом были созданы три типа учебных заведений: 1) ремесленные училища с 2-годичным сроком обучения для подготовки квалифицированных рабочих-металлистов, металлургов, химиков, горняков, нефтяников, рабочих для морского транспорта, предприятий связи и др.; 2) железнодорожные училища с 2-годичным сроком обучения для подготовки помощников машинистов, слесарей по ремонту паровозов и вагонов, котельщиков, бригадиров по ремонту пути и других рабочих сложных профессий железнодорожного транспорта; 3) школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) с 6-месячным сроком обучения для подготовки рабочих массовых профессий, в первую очередь для угольной, горнорудной, металлургической, нефтяной промышленности и строительного дела. Государство взяло на себя полное материальное обеспечение всех учащихся.

В настоящее время в Республике Мордовия функционирует 28 профессиональных образовательных организаций, в трех вузах республики реализуются образовательные программы среднего профессионального образования. Сложно даже представить себе, что, начав с программ по ликвидации безграмотности, ссузы дойдут до образовательных программ по цифровым технологиям.

Сегодня в республике обучение осуществляется по 242 программам среднего профессионального обучения (179 программам подготовки специалистов среднего звена и 63 программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих), которые входят в состав 26 укрупненных групп профессий и специальностей, а также ведется подготовка по 28 программам среднего профессионального образования в 22 колледжах и техникумах из перечня ТОП-50.

Кадровый состав образовательных организаций СПО ежегодно пополняется высококвалифицированными специалистами, в числе которых кандидаты наук, победители конкурсов профмастерства, инициативные и креативные молодые люди, а это 1 000 преподавателей и 130 мастеров производственного обучения.

В настоящее время работодатели заинтересованы в кадрах, способных критически мыслить, креативно подходить к решению многих задач, коммуникабельных и готовых к кооперации. Также от специалистов

требуются мобильность и способность адаптироваться к быстро меняющимся условиям, наращивание накопленных знаний и опыта, обладание необходимыми компетенциями, что требует постоянного обучения, профессионального самоанализа и совершенствования.

Развитие профессионального образования в Республике Мордовия в последние годы связано с модернизацией и обновлением материально-технической базы колледжей и техникумов, созданием сети профессиональных образовательных организаций, реализующих образовательные программы в соответствии с современными стандартами и передовыми технологиями, внедрением новой формы организации государственной итоговой аттестации.

Открываются новые предприятия, основанные на инновационных технологиях, меняется государственный заказ на подготовку кадров. В республике стала активно внедряться не только система дуального, но и триального обучения.

На основе дуального обучения в 2020/21 учебном году получили образование около 1,5 тыс. чел. по 32 программам среднего профессионального образования и 1 программе профессионального обучения.

В 4 профессиональных образовательных организациях внедряется методика триального профессионального образования: в Саранском электромеханическом колледже, Саранском техникуме пищевой и перерабатывающей промышленности, Кемлянском аграрном колледже, Торбеевском колледже мясной и молочной промышленности.

На предприятиях республики создаются учебные рабочие места для студентов, оснащенные современным оборудованием. В числе педагогов – работники профильных организаций, что делает практико-ориентированной процесс обучения.

Важнейшими направлениями развития экономики Республики Мордовия являются активизация научно-инновационной деятельности организаций, рост объемов производства, насыщение рынка современными конкурентоспособными товарами, создание экспортно-ориентированных и импортозамещающих производств, укрепление материально-технической базы всех отраслей хозяйственного комплекса региона. Все это требует незамедлительного реагирования на рынке труда. Для республики актуальны вопросы не столько дефицита труда как общей нехватки рабочей силы, сколько дефицита квалификации. Меняется рынок труда, иными становятся требования к квалификации, а значит, и к качеству подготовки специалистов. Для решения задач «здесь и сейчас» нет времени на длительный образовательный процесс, один из вариантов – внедрение практико-ориентированных и гибких образовательных программ.

В настоящее время в Республики Мордовия реализуется Программа по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования лиц, пострадавших от последствия

распространения новой коронавирусной инфекции, в рамках которой прошли обучение уже свыше 1 500 человек.

Еще одним инструментом, который позволяет вывести профессиональное образование на качественно новый уровень, является движение WorldSkills. Национальный чемпионат «Молодые профессионалы» (Ворлдскиллс Россия), который проводится в регионах и на всероссийском уровне, дает возможность наглядно продемонстрировать навыки, которые студенты приобрели в процессе обучения. Целью этого международного движения является повышение престижа рабочих профессий и развитие профессионального образования путем проведения конкурсов мастерства. В результате таких конкурсов, в том числе международного масштаба, предполагается развитие профессиональных компетенций, повышение престижа высококвалифицированных кадров, демонстрация важности компетенций для экономического роста и личного успеха.

В настоящее время в республике проведено восемь региональных чемпионатов рабочих профессий «Молодые профессионалы». Определен региональный координационный центр, осуществляющий содействие по развитию движения на территории Республики Мордовия, которым стал ГБПОУ РМ «Кемлянский аграрный колледж».

Средние профессиональные организации Мордовии в 2016 году активно включились в международное движение «Абилимпикс», целью которого является развитие системы конкурсов профессионального мастерства для людей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Это значит, что молодые люди с ОВЗ и инвалидностью могут раскрывать свои таланты и способности, активно вовлекаться в социокультурную жизнь региона, успешно трудоустраиваться и делать карьеру.

За последние 4 года победителями и призерами региональных чемпионатов профессионального мастерства «Абилимпикс» стали 147 человек. Призерами национальных чемпионатов «Абилимпикс» стали 6 представителей Республики Мордовия, которые успешно нашли себя в профессии.

В настоящее время на федеральном уровне разрабатывается Стратегия развития системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в РФ на период до 2030 года, которая включает пять приоритетных направлений: обновление содержания, формирование нового ландшафта сети СПО, повышение финансовой устойчивости и целевая поддержка колледжей, повышение квалификации работников системы СПО, развитие культуры профессиональных соревнований; разрабатывается новый перечень профессий и специальностей – появится ряд совершенно новых профессий, некоторые направления будут укрупнены, формируя «широкие» квалификации и траектории образовательных программ. Это означает, что колледжам необходимо стать более гибкими и быстро реагирующими на изменяющиеся условия, задуматься над расширением пакета образовательных услуг.

Перед системой СПО Республики Мордовия ставятся новые цели и открываются новые перспективы и горизонты. Задача каждой образовательной организации СПО РМ – подготовить высококвалифицированных специалистов с набором актуальных компетенций, готовых к преобразованиям, и занять достойную нишу в образовательной системе Республики Мордовия.

Использованный источник

1. О государственных трудовых резервах СССР : Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 02.10.1940 г. – URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 15.09.2021).

УДК 303.425.2

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В УСЛОВИЯХ COVID-19 КАК АКТУАЛЬНАЯ ЗАДАЧА ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕГИОНЕ

THE STUDY OF SOCIAL SUPPORT FOR FAMILIES WITH CHILDREN IN THE CONDITIONS OF COVID-19 AS AN URGENT TASK OF APPLIED RESEARCH IN THE REGION

*А. А. Антипова, доцент, канд. социол. наук
МГУ им. Н. П. Огарёва*

Аннотация. В статье обоснована актуальность прикладного изучения социальной поддержки семей с детьми в условиях COVID-19 в региональном измерении. Также представлен общий анализ ситуации в области поддержки семей с детьми в условиях COVID-19 в России на федеральном и региональном уровнях.

Abstract. The article substantiates the relevance of the applied study of social support for families with children in the conditions of COVID-19 in the regional dimension. A general analysis of the situation in the field of support for families with children in the conditions of COVID-19 in Russia at the federal and regional levels is also presented.

Ключевые слова: изучение, социальная поддержка, семьи с детьми, COVID-19, прикладной анализ, регионы России

Keywords: study, social support, families with children, COVID-19, applied analysis, regions of Russia.

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 сказалась на многих сторонах социально-экономической сферы, в том числе отразилась на институте семьи и брака. Социально-экономическое положение многих российских семей в этих условиях ухудшилось.

Одной из важнейших задач в условиях COVID-19 в регионах России, в том числе в Республике Мордовия, является оказание социальной поддержки семьям с детьми с целью повышения реальных доходов семей и улучшения качества жизни семей, имеющих детей. При этом важным аспектом оказания социальной поддержки является ориентация не на пассивную помощь, а на стимулирование самой семьи на активное участие в решении своих жизненных проблем и изменении своего материального положения. В связи с этим основная задача программ социальной поддержки семей с детьми заключается в их социальной адаптации к существующим социально-экономическим условиям, организации помощи им на качественно ином уровне: не только материально поддержать в трудный период, но и помочь найти свое место в обществе и в трудовой сфере. Поиск форм и механизмов социальной поддержки семьи, оптимальных для использования в условиях COVID-19, актуализировало проведение на региональном уровне прикладных исследований, посвященных анализу ситуации в обозначенной сфере.

Анализ ситуации в области поддержки семей с детьми в условиях COVID-19 в нашей стране позволяет отметить, что уже к июлю 2020 года Правительство РФ приняло три пакета мер в поддержку бизнеса и населения. Новые меры социальной поддержки семей с детьми, введенные в 2020 году на федеральном уровне и принятые в связи с негативными последствиями распространения инфекции COVID-19, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Меры социальной поддержки семей с детьми, установленные на федеральном уровне в 2020 году в связи с негативными последствиями распространения коронавирусной инфекции COVID-19 [3]

Мера социальной поддержки	Категория семей и граждан	Размер в 2020 г. и период выплаты
<i>Временные меры социальной поддержки в связи с пандемией COVID-19</i>		
Ежемесячная выплата на ребенка до 3 лет	Семьи, имеющие детей до 3 лет	5 000 руб. в мес. (на 3 месяца – апрель, май, июнь)
Доплата на каждого ребенка до 18 лет	Семьи, где родители зарегистрированы как безработные и получают пособие по безработице	3 000 руб. в мес. (на 3 месяца – с апреля по июнь, далее продлена еще на 3 месяца – с июля по сентябрь)
Единовременные выплаты на детей от 3 до 16 лет	Все семьи с детьми в возрасте от 3 до 16 лет	10 000 руб. (на 2 месяца – июнь, июль), выплату можно было получить до 1 октября 2020 г.
<i>Новые постоянные меры социальной поддержки, влияние которых усилено в связи с пандемией COVID-19</i>		
Ежемесячная выплата на каждого ребенка в возрасте 3–7 лет	Семьи со среднедушевым денежным доходом не выше 1 регионального прожиточного минимума на душу населения за 2-й кв. предыдущего года	0,5 регионального прожиточного минимума на ребенка за 2-й кв. 2019 г., выплачивается с 1 июня 2020 г.

Ежемесячное пособие по уходу за ребенком до полутора лет	а) Неработающие граждане, в том числе студенты б) Женщины, уволенные во время декретного отпуска	Минимальный размер пособия увеличен в 2 раза – до 6 752 руб. в месяц
--	---	--

В регионах России также принимались меры для поддержки населения, однако возможности регионов весьма ограничены. Довольно распространенная практика в большинстве регионов – предоставление продуктовых наборов уязвимым группам населения, к которым относятся и семьи с детьми. Что касается денежной помощи, то она предоставляется только в отдельных регионах, и здесь в качестве примеров можно выделить несколько направлений.

1. Поддержка тех семей с детьми, которые не имеют права на федеральные выплаты (например, единовременные выплаты малоимущим семьям с детьми в возрасте от 16 до 18 лет). Так, в Республике Крым были осуществлены единовременные выплаты в том же размере, что и на федеральном уровне (10 000 руб. на каждого ребенка в возрасте от 16 до 18 лет), а в Пермском крае выплачивалось единовременно 10 700 руб. малоимущим семьям с детьми в возрасте от 1,5 до 3 лет, которым не были предоставлены ни федеральные, ни региональные ежемесячные меры поддержки (в частности, детям, рожденным до 1 января 2018 г.). Это направление нацелено на сглаживание неравенства доступа семей с детьми к федеральным пособиям в связи с дифференциацией прав на пособие в зависимости от возраста ребенка.

2. Предоставление права на единовременную выплату из средств регионального материнского (семейного) капитала. Например, в Чувашской Республике и Псковской области размер выплаты составляет 20 000 руб., в Ямало-Ненецком автономном округе – 30 000 руб. Эта мера подтвердила свою востребованность в период кризиса 2007 г., поэтому некоторые регионы вернулись к ней.

3. Увеличение выплат детям, родители которых потеряли работу. Так, в Липецкой области семьи с детьми, в которых один родитель (в неполной семье) либо оба родителя (в полной семье) в связи с введением противоэпидемических мероприятий находятся в вынужденном отпуске без содержания получают на семью 12 130 руб.; в Краснодарском крае, если безработный получает пособие по безработице в минимальном размере, то на каждого ребенка назначено по 3 000 руб. В этом направлении регионы также стремились снизить неравенство в доступе к пособиям по безработице в зависимости от срока регистрации в качестве безработного.

4. Материальная поддержка уязвимых групп населения. В Ленинградской области в апреле 2020 г. всем многодетным семьям, малоимущим семьям и семьям с детьми-инвалидами в возрасте от 1 года до 18 лет были сделаны единовременные выплаты в размере 3 000 руб., а в Свердловской области – 5 000 руб.; в Краснодарском крае многодетным назначено по 2 000 руб. на каждого ребенка. В Удмуртской Республике

осуществлялась поддержка малоимущих неработающих беременных женщин (ежемесячная денежная выплата в размере прожиточного минимума для трудоспособного населения предоставлялась с 1 июня по 31 декабря 2020 г.). Эти меры также стали реакцией на то, что не все наиболее нуждающиеся семьи с детьми оказались в числе получателей новых адресных пособий [3].

В Республике Мордовия в 2020 г. изменился ряд мер социальной поддержки семей с детьми в связи распространением COVID-19. Так, ежегодно Министерство социальной защиты, труда и занятости населения РМ осуществляло организацию отдыха и оздоровления детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, но в 2020 г. с учетом сложившейся эпидемиологической ситуации решение о функционировании организаций отдыха и оздоровления детей региональным оперативным штабом по борьбе с распространением COVID-19 принято не было. Вместе с тем в рамках проведения широкомасштабной информационной кампании организована дополнительная работа по профилактике травматизма и гибели детей. При патронаже семей с детьми проводились профилактические беседы с родителями об обеспечении безопасности детей в период летних каникул.

В целях оказания поддержки гражданам, имеющим детей, в период принятия дополнительных мер по защите населения от новой коронавирусной инфекции принят Указ Главы Республики Мордовия от 28 апреля 2020 г. № 128-УГ «Об установлении в 2020 году единовременной денежной выплаты гражданам, имеющим детей» в размере 800 руб. на каждого ребенка многодетным семьям, в которых воспитываются четверо и более несовершеннолетних детей и одиноким матерям, воспитывающим двух и более несовершеннолетних детей [2]. Данную единовременную денежную выплату получили 1 320 семей на 4 516 детей на общую сумму 3612,8 тыс. руб. [1].

В условиях COVID-19 стала востребованной многими семьями, имеющими статус малоимущих, государственная социальная помощь на основании социального контракта. В 2020 г. такой вид помощи малоимущим гражданам и семьям оказывался по таким направлениям, как оказание помощи по поиску работы; оказание помощи по прохождению профессионального обучения и дополнительного профессионального образования; оказание помощи по осуществлению предпринимательской деятельности; осуществление иных мероприятий, направленных на преодоление трудной жизненной ситуации. В результате по состоянию на 1 января 2021 г. в Республике Мордовия заключены 4 970 социальных контрактов. Кассовый расход составил 396,7 млн рублей, или 100 % от годовых значений. Из общего количества граждан, заключивших социальные контракты, 3 616, или 72,8 %, составляют малоимущие семьи, имеющие детей в возрасте до 18 лет [1].

Таким образом, возросшая в условиях пандемии COVID-19 необходимость в мерах дополнительной поддержки семей с детьми обуславливает необходимость более глубокого прикладного анализа потребностей различных категорий семей в отдельных регионах, а также

исследования ресурсных возможностей региона для реализации таких дополнительных мер.

Список использованных источников

1. Министерство социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия : сайт органов государственной власти Республики Мордовия. – URL : <http://minsoc.e-mordovia.ru/> (дата обращения : 18.09.2021).

2. Об установлении в 2020 году единовременной денежной выплаты гражданам, имеющим детей : Указ Главы Респ. Мордовия № 128-УГ [подписан 28 апр. 2020 г.] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/570749532> (дата обращения : 18.09.2021).

3. Поддержка семей с детьми в условиях пандемии COVID-19 / А. Пишняк, И. Корчагина, Е. Горина, С. Тер-Акопов ; Нац. исслед. ун-т Высш. шк. экономики, Ин-т соц. политики НИУ ВШЭ. – URL : <http://isp.hse.ru> (дата обращения: 17.09.2021).

УДК 316.342.6, 316.35

КАЗАЧЕСТВО В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

COSSACKS IN THE SOCIO-POLITICAL AND CULTURAL LIFE OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Н. А. Вишнякова

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Аннотация. Казачество в регионе сегодня возрождается в основном искусственно, благодаря узкой группе активистов и ряду заинтересованных министерств и ведомств. Основная деятельность казачества региона направлена на общенациональные идеалы и ценности, воспитание патриотизма, создание и поддержание «здорового» общества. Однако ввиду общей социально-экономической и политической ситуации региональное казачество имеет ряд проблем.

Abstract. The Cossacks in the region are now being revived artificially, thanks to a narrow group of activists and interested ministries and departments. The main activity of the Cossacks in the region is aimed at national ideals and values, fostering patriotism, creating and maintaining a "healthy" society. Due to the general socio-economic and political situation, the regional Cossacks have problems.

Ключевые слова: казачество, современное состояние казачества, социальные функции казачества.

Keywords: Cossacks, current state of the Cossacks, social functions of the Cossacks.

В условиях текущей государственной политики сегодня на уровне регионов ведется активное возрождение казачества, формируется тесное сотрудничество казачьих объединений с другими общественно-политическими объединениями. В рамках изучения данной тематики была проведена фокус-группа с представителями казачества, властных структур, а также заинтересованных министерств и ведомств Республики Мордовия. В ходе обсуждения неоспоримым был признан тот факт, что сегодня казачество занимает очень важное место в общественной, политической и культурной жизни как в целом России, так и республики. Сегодня в Мордовии функционируют 4 казачьих объединения, два из которых – «Троицкое» и «Свято-Предтеченское» являются реестровыми. Со стороны представителей власти была дана высокая оценка деятельности казачьих сообществ, отмечено, что казачьи общества едины в том, что все их члены являются опорой государства, выполняют те функции, которые делегированы государством. Несмотря на высокое признание и положительную оценку деятельности казаков, в ходе дискуссии был обозначен ряд проблемных вопросов, которые вызвали оживленное обсуждение большинством участников дискуссии.

Были обозначены следующие основные проблемные вопросы в деятельности казачьих обществ республики:

- нормативно-правовая база, регулирующая деятельность казаков в регионе;
- статус казачества, как правовой, так и научный;
- финансирование и государственная поддержка;
- участие казачьих объединений в грантовой деятельности;
- работа с детьми и казачье образование;
- взаимодействие со СМИ.

В первую очередь был затронут вопрос федерального и регионального законодательства. Актуальность данной тематики прослеживается при обсуждении и других тем, так как часто вся деятельность казачества, их статус, проводимые мероприятия и финансирование привязаны к наличию, а точнее, отсутствию, соответствующего законодательства в области регулирования деятельности казачьих объединений.

В ходе групповой дискуссии было отмечено отсутствие регионального законодательства, которое бы регулировало деятельность казаков на территории республики, их статус, права, обязанности. Как отмечают сами казаки, не существует «закона о казачестве, так что... пока у нас не будет закона, ни о чем конкретно говорить мы не можем».

Важным является и вопрос о *статусе и положении казаков* и казачьих объединений в структуре общества. На протяжении всего обсуждения поднимался вопрос: что такое казачество сегодня? Как на федеральном, так и на региональном уровне нет четкого обозначения статуса казаков, а также того, представляют ли они собой «кружок по интересам» или полноценный народ. Этот вопрос очень важен и актуален для самих казаков: «Что мы сейчас называем казачеством? Клуб интересов или людей, которые предали

свою кровь и своих родителей и пошли в казачество?». Поэтому статус казачества, его положение в социальной структуре общества важны как для самих представителей казачьих объединений, так и для общества, государства, науки. Чаще всего о статусе казачьих сообществ как народа заявляют сами представители этих сообществ [1, 3]. Большинство исследователей изучают казачество как этносоциальную единицу. Так, А. Е. Мохов рассматривает казачество как уникальную социальную группу, которая обладает широким конфессиональным, этническим составом, а в ее основе лежит субэтнос русского народа православного вероисповедания [4]. О том же говорит А. В. Бредихин. По его мнению, казачество «являет собой в настоящее время крупную этносоциальную группу (субэтнос) в составе русского народа, сохраняет и приумножает его традиции и культуру» [2].

На сегодняшний день значительные проблемы казачьи сообщества испытывают и по линии финансирования своей деятельности. Особое внимание в ходе встречи было уделено организации мероприятий с детьми, школьниками. Помимо отсутствия финансовой и материально-технической возможности организовывать выезды, конкурсы и т. д., было указано на бюрократические издержки, отсутствие опоры и поддержки у соответствующих структур.

В ходе дискуссии активно обсуждалось взаимодействие казачьих сообществ с региональными средствами массовой информации. Как показывают результаты исследований Научного центра социально-экономического мониторинга, в предшествующие годы, на достаточно низком уровне остается осведомленность населения о деятельности казаков. Согласно данным контент-анализа региональных СМИ и анализа интернет-сообществ на предмет публикации сведений о мероприятиях и деятельности казаков крайне мало информационных сообщений, посвященных данной тематике. Среди основных проблем взаимодействия со СМИ в ходе дискуссии было отмечено отсутствие интереса со стороны журналистов и редакций к казачьей тематике и мероприятиям, хотя часто ряд из них приобретает не только региональный, но и федеральный масштаб, однако СМИ не считают нужным и интересным освещать это в своих репортажах. «Печатным СМИ..., газетам нашим ведущим... нужно обратить внимание на казачество в любом случае».

Все участники фокус-группы отметили необходимость более тесного взаимодействия на пути достижения единой цели – повышения нравственного состояния общества, воспитание подрастающего поколения, формирование правильных ценностей, патриотического духа. Без работы в едином направлении, которая бы поддерживалась и законодательно, и финансово, и другой посильной помощью со стороны министерств, ведомств и других общественных и политических структур, невозможно достичь нужного результата.

Список использованных источников

1. Болдырев М. М. 20 лет!!! Неисполнения закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов». – URL: <http://kazakural.ru/archiv2011/29042011/> (дата обращения: 19.09.2021).
2. Бредихин А. В. Этносоциальная идентичность современного российского казачества // Гос. упр. Электрон. вестн. – 2017. – № 61. – С. 6–18.
3. Макас Л. Надежная опора российской державы // Дон. речь. – 1994. – № 10 (14 янв.).
4. Мохов А. Е. Казачество в системе Российского государства: политологический аспект: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2005. – 298 с.

УДК 316.47

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ РАБОТЫ И ПОДГОТОВКИ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЭКЗАМЕНАМ В 9–11-х КЛАССАХ В ОЦЕНКАХ РОДИТЕЛЕЙ

PROBLEMS OF PROFESSIONAL ORIENTED WORK AND PREPARATION FOR STATE EXAMS IN GRADES 9-11 IN THE ASSESSMENTS OF PARENTS

Н. В. Ивашкина

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Аннотация. В статье проанализированы результаты анкетного опроса родителей учеников 9–11-х классов по вопросам проведения профориентационной работы и подготовки к государственным экзаменам в образовательных учреждениях Республики Мордовия.

Abstract. The article analyzes the results of a questionnaire survey of parents of students of grades 9–11 on the issues of career guidance and preparation for state exams in educational institutions of the Republic of Mordovia.

Ключевые слова: профессионально-ориентационная работа, подготовка, государственные экзамены, уровень удовлетворенности, анкетный опрос.

Keywords: professional orientation work, training, state exams, satisfaction level, questionnaire survey.

Профориентационная работа является естественным продолжением всей педагогической работы с учащимися и в каком-то смысле – ее логическим завершением. Полноценная помощь школьнику в выборе профессии сказывается не только на организации учебной деятельности – она

привносит элементы спокойствия в отношении школьника к своему будущему. Забота школы об обоснованном выборе профессии ее выпускниками, формирование у них качеств, которые позволят им быть востребованными, становятся крайне актуальными задачами, решив которые, общеобразовательное учреждение реализует свою гуманистическую функцию: помочь молодым людям осуществить социальное и профессиональное самоопределение.

Достаточно тесно с вопросами по профориентационной работе связана подготовка к государственным выпускным экзаменам, так как, определившись с выбором профессии, ученики выбирают предметы, по которым будут сдавать экзамены. Помощь в подготовке к итоговой аттестации – один из важных компонентов образовательного процесса. Процедура прохождения ОГЭ и ЕГЭ – деятельность сложная, отличающаяся от привычного опыта учеников, что может стать причиной значительных трудностей на экзамене. Поэтому подготовка учащихся включает формирование положительного отношения к аттестации, разрешение прогнозируемых трудностей, формирование и развитие определенных знаний, умений и навыков.

Чтобы профессиональное самоопределение для школьника прошло успешно, необходимо сформировать у него готовность к осознанному определению себя в социуме, непрерывному самообразованию, реализации перспектив своего развития [1]. Профориентационная работа в школе направлена на выявление склонностей учащихся к определенному роду занятий и рассчитана на подготовку к выбору профессии; оказание помощи в профессиональном самоопределении и даже трудоустройстве; информирование о современном мире профессий; воспитание и выработку профессионально важных качеств; развитие умения осознанно принимать решения относительно собственного профессионального будущего исходя из актуального и потенциального уровня развития способностей и т. д. [2]. Профориентационная работа проводится на протяжении всего обучения в школе, но к выпускным классам ее актуальность возрастает.

В ходе анкетного опроса «Удовлетворенность родителей (законных представителей) качеством общего образования», проведенного в апреле 2019 г. ГКУ РМ НЦСЭМ, родителям учеников 9–11-го классов был задан вопрос о том, проводится ли в школе профориентационная работа. 86,5 % респондентов ответили на этот вопрос утвердительно, 3,2 % – отрицательно, а 10,3 % затруднились с ответом. Больше всего положительных ответов дали родители, чьи дети учатся в 9-м классе (89,2 %), немногим меньше их у тех, чьи дети учатся в 11-м (86,4 %) и 10-м (84,4 %) классах (рис. 1).

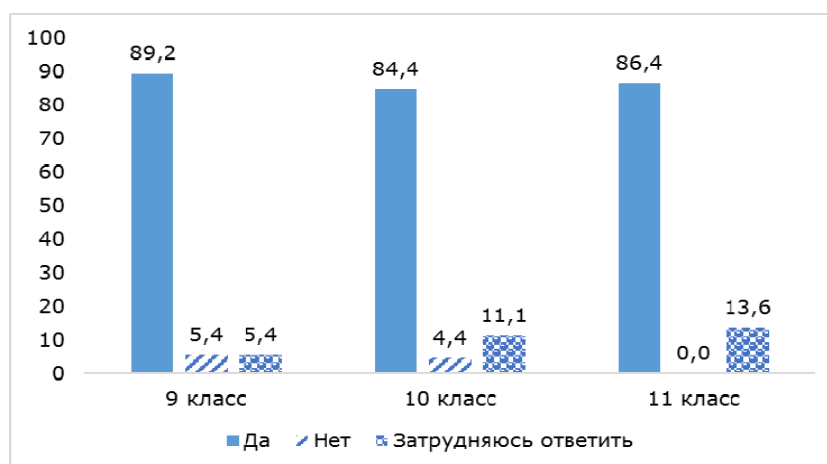

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Проводится ли в школе работа по профессиональной ориентации учащихся?»

Следует отметить, что среди родителей одиннадцатиклассников нет ни одного отрицательного ответа на данный вопрос, хотя среди них высок процент тех, кто затруднился ответить.

Если рассмотреть ответы на данный вопрос в разрезе типа образовательной организации, то можно заметить, что родители, чьи дети учатся в лицее или гимназии, чаще дают положительный ответ, чем родители учащихся общеобразовательных школ (90,7 и 84,3 % соответственно). Отвечая на вопрос «Проводится ли в школе работа по профессиональной ориентации учащихся?» родители, чьи дети учатся в образовательных организациях ГО Саранск, чаще, чем родители учащихся из муниципальных районов, выбирали ответ «да» (90,2 и 83,1 %) и реже (почти в 3 раза) – ответ «нет» (1,6 и 4,6 %).

Таким образом, можно сказать, что работа по профессиональной ориентации учащихся активно ведется в большинстве общеобразовательных учреждений.

Профориентационная работа в школе является многоуровневой и многогранной, ее мероприятия должны помочь выпускнику определиться с будущей профессией, а педагогам – выявить сильные и слабые стороны профессиональной готовности школьников. От разнообразия и продуманности форм профориентационной работы зависит, насколько правильный выбор сделает выпускник. В связи с этим родителям был задан вопрос о формах данной работы в образовательной организации. Основными формами профориентационной работы, которая проводится в школах, респонденты назвали «встречи с преподавателями колледжей, техникумов и вузов» (на нее указали 79,5 % ответивших), «встречи с работниками различных профессий» (59,8 %), «экскурсии на предприятия» (49,1 %), «посещение колледжей, техникумов, вузов» (42,9 %). Сравнение ответов на данный вопрос в зависимости от класса обучения показывает, что чем старше ребенок, тем разнообразнее формы профориентационной работы. Так, форму «встреча с преподавателями колледжей, техникумов, вузов» отметили 75,8 % респондентов, чьи дети учатся в 9-м классе, 77,5 % – в 10-м классе и 84,6 % –

в 11-м. То же наблюдается по альтернативам «встречи с работниками различных профессий» (54,5; 55,0 и 69,2 % соответственно), «посещение колледжей, техникумов, вузов» (30,3; 42,5 и 53,8 %). Те родители, чьи дети обучаются в лицеях или гимназиях, чаще, чем родители учащихся общеобразовательных школ, среди форм профориентационной работы выбирали «встречи с работниками различных профессий» (62,5 и 58,3 % соответственно), «экскурсии на предприятия» (57,5 и 44,4 %) и «посещение колледжей, техникумов, вузов» (47,5 и 40,3 %).

В зависимости от места проживания респондентов складывается похожая картина. Так, родители, чьи дети учатся в школах ГО Саранск, отмечают более активную работу по различным формам профориентации, чем те, чьи дети учатся в муниципальных районах республики. Особенно это заметно в плане встреч с работниками различных профессий (74,1 и 46,6 %), посещения колледжей, техникумов, вузов (63,0 и 24,1 %), экскурсий на предприятия (59,3 и 39,7 %) (рис. 2).

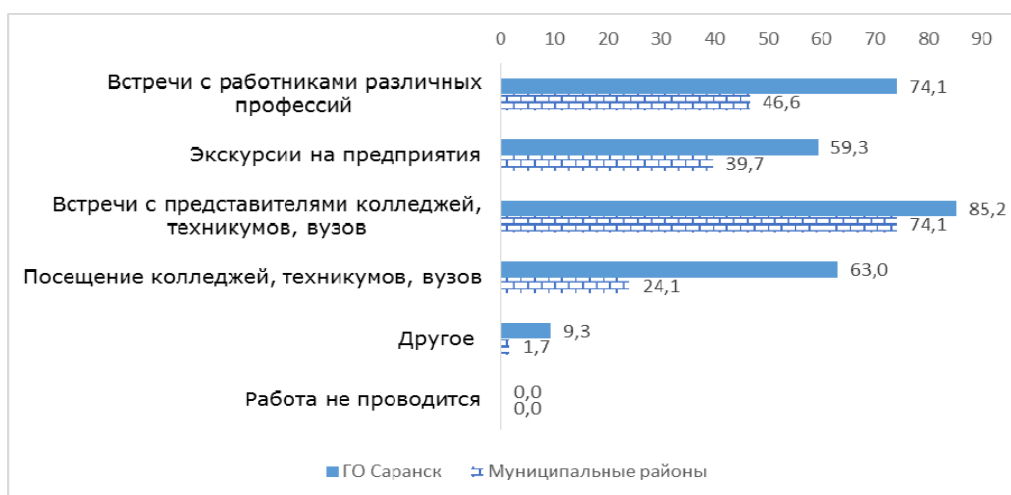

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Какие формы профориентационной работы проводятся в школе?» в зависимости от типа поселения, %

Различия можно объяснить тем фактом, что большинство колледжей, техникумов и вузов, а также различных предприятий, особенно крупных, расположено в черте ГО Саранск, где проще организовать встречи и экскурсии. При этом надо отдать должное руководству организаций среднего профессионального и высшего образования, которое организует встречи преподавателей со школьниками независимо от места их проживания: различие в ответах по этой форме работы у респондентов не столь значительное.

Как отмечалось ранее, большинство родителей (69,3 %) основным результатом качественного обучения ребенка в школе назвали достаточный уровень знаний, позволяющий поступить в вуз без репетиторов. Четверть опрошенных (25,1 %) пользуются услугами репетиторов, и основной причиной этого является подготовка к экзаменам (ОГЭ, ЕГЭ), олимпиадам, конкурсам. Все это определяет актуальность формирования эффективной системы подготовки к выпускным экзаменам в школе. Что касается дополнительных образовательных услуг, позволяющих подготовиться к

выпускным экзаменам, то более половины респондентов (65,1 %) указали, что в их образовательных организациях они предоставляются по всем необходимым предметам, около трети (31,0 %) отметили, что только по некоторым, и лишь 4,0 % считают, что такая подготовка не ведется.

Доля респондентов, указывающих, что в их образовательной организации ведется подготовка к ОГЭ и ЕГЭ по всем необходимым предметам, меняется в зависимости от того, в каком классе учится их ребенок. Данную альтернативу выбрали только 54,1 % родителей девятиклассников, в то время как отметивших ее родителей одиннадцатиклассников 77,3 %. Это говорит о том, что подготовку к ЕГЭ родители считают более серьезной и она требует дополнительных занятий. Родители, чьи дети учатся в лицее или гимназии, чаще других указывали на то, что в их образовательном учреждении ведется подготовка к ОГЭ и ЕГЭ по всем необходимым предметам (76,2 и 59,5 % соответственно), и ни один из них не указал, что подготовка не проводится, тогда как среди родителей, чьи дети учатся в общеобразовательных школах, так ответили 6,0 %.

О подготовке к ОГЭ и ЕГЭ по всем необходимым предметам чаще говорили респонденты, чьи дети учатся в школах ГО Саранск, чем родители школьников муниципальных районов (78,7 и 52,3 % соответственно) (рис. 3).

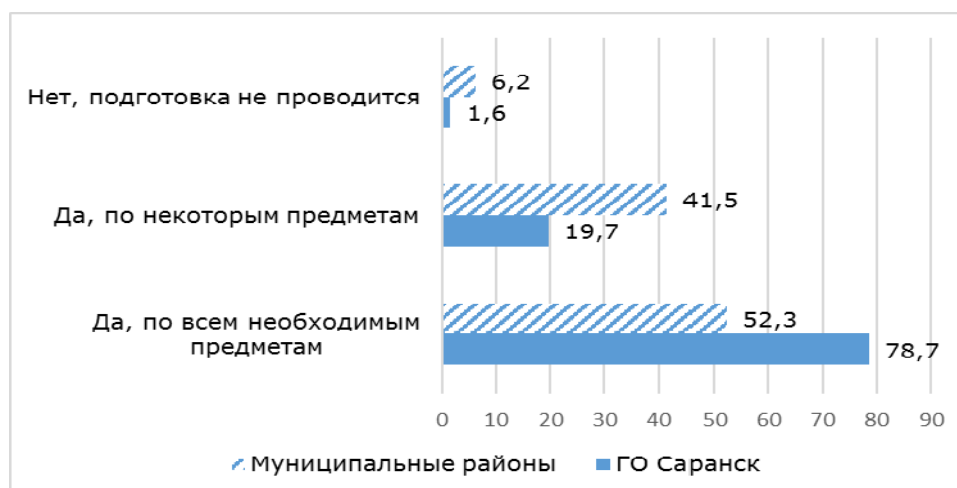

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Предоставляются ли в школе дополнительные образовательные услуги, позволяющие подготовиться к экзаменам (ОГЭ, ЕГЭ)?» в зависимости от типа поселения, %

Процесс подготовки к выпускным экзаменам и непосредственно сдача экзамена являются важнейшими этапами в жизни каждого ребенка. Формирование эффективных механизмов подготовки к ОГЭ и ЕГЭ – основная задача как образовательной организации, так и непосредственно педагогов. Результатом такой работы должно стать повышение мотивации к процессу подготовки к сдаче экзамена [3]. В ходе исследования 61,4 % опрошенных отметили, что их дети посещают занятия в школе по подготовке к экзаменам (ОГЭ и ЕГЭ) по всем необходимым предметам; 27,6 % – по некоторым предметам; 7,1 % не посещают занятия по подготовке к ОГЭ и ЕГЭ, а занимаются с репетитором; 3,9 % указали, что их дети занимаются

самостоятельно. В зависимости от места проживания респондентов можно отметить, что родители, чьи дети учатся в школах ГО Саранск, чаще указывали, что при подготовке к экзаменам ОГЭ и ЕГЭ их дети пользуются услугами репетиторов (12,9 и 1,5 %). Также чаще данную альтернативу выбирали опрошенные, чьи дети учатся в гимназии или лицее, чем родители обучающихся в общеобразовательных организациях (14,0 и 3,6 %).

Таким образом, можно сделать следующие выводы: работа по профессиональной ориентации активно ведется в большинстве общеобразовательных учреждений; основными формами профориентационной работы являются встречи с преподавателями колледжей, техникумов и вузов, работниками различных профессий, экскурсии на предприятия, посещение колледжей, техникумов, вузов; в большей части образовательных организаций предоставляются дополнительные образовательные услуги, позволяющие подготовиться к выпускным экзаменам (ОГЭ, ЕГЭ) по всем необходимым предметам; учащиеся, как правило, посещают занятия по подготовке к выпускным экзаменам (ОГЭ, ЕГЭ).

Список использованных источников

1. Грудько С. В. Профориентационная работа в школе // Материалы Международной научно-методической конференции «Перспективы развития высшей школы». – Гродно : ГГАУ, 2018. – С. 145. – URL: <https://elib.ggau.by/handle/123456789>.
2. Кавизина К. Н. Профориентационная работа с подростками в условиях общеобразовательной школы // Пед. эксперимент: подходы и проблемы. – 2018. – № 4. – С. 95.
3. Манаконина Т. В. Подготовка к сдаче ОГЭ И ЕГЭ: проблемы и пути решения (из опыта работы учителя) // Актуальные вопросы преподавания общественных дисциплин в школе и в вузе : материалы 4-й Всерос. науч.-практ. конф. – Благовещенск, 2019. – С. 29.

УДК 316.35

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

FORMATION OF A POSITIVE IMAGE OF LARGE FAMILIES AS A CONDITION FOR INCREASING THE BIRTH RATE IN THE REGIONS OF RUSSIA

Е. В. Камышова, доцент, канд. социол. наук
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. Обоснована значимость формирования позитивного имиджа многодетных семей для повышения рождаемости в «проблемных» в демографическом плане регионах России. Систематизированы технологии социальной работы, уже сейчас применяемые на региональном уровне в рамках данного процесса в сфере семейно-демографической политики.

Намечены перспективные направления совершенствования социальной работы, проводимой в данном направлении.

Abstract. The author substantiates the importance of forming a positive image of large families to increase the birth rate in the "problematic" regions of Russia in demographic terms. The technologies of social work that are already being used at the regional level within the framework of this process in the field of family and demographic policy are systematized. Promising directions for improving the social work carried out in this direction are outlined.

Ключевые слова: регион, многодетные семьи, имидж многодетных семей, отношение к многодетным семьям, депопуляция, рождаемость, социальная работа в сфере семейно-демографической политики, технологии социальной работы.

Keywords: region, large families, image of large families, attitude to large families, depopulation, fertility, social work in the field of family and demographic policy, social work technologies.

Потребность в научном осмыслении и практической реализации процесса формирования позитивного имиджа многодетных семей в регионах России обусловлена актуальностью решения задачи повышения рождаемости как важнейшего условия преодоления тенденции депопуляции населения страны.

Численность россиян стабильно сокращается, и естественная убыль населения, вызванная превышением смертности над рождаемостью, – основная тому причина. Если в 2015 г., по данным Росстата, коэффициент рождаемости в целом по стране составлял 13,3 родившихся на 1 000 человек постоянного населения, то в 2020 г. он снизился до 9,8 [2]. В региональном разрезе коэффициенты рождаемости, превышающие общероссийский показатель, зафиксированы лишь в 34 субъектах РФ. Лидерами здесь традиционно являются Чеченская Республика (20,2), Республика Тыва (20,0), Республика Дагестан (16,6), Республика Ингушетия (14,9), при этом наметилась тенденция роста рождаемости в Кабардино-Балкарии, Московской области, Ямало-Ненецком автономном округе, Адыгее [2]. Однако в подавляющем большинстве регионов (47) коэффициент рождаемости ниже общероссийского. Самые низкие его величины зафиксированы в Пензенской, Тамбовской, Тульской областях (по 7,4), Ленинградской области и Республике Мордовия (по 7,1), а также Смоленской области (7,0) [2].

В этих условиях формирование позитивного имиджа многодетных семей обоснованно признается в качестве одного из важнейших условий повышения рождаемости как в проблемных субъектах РФ, так и в стране в целом. Более того, оно называется в числе первоочередных задач семейно-демографической политики в регионах, а также выделяется среди значимых направлений социальной работы на местах.

Между тем на практике формирование позитивного имиджа многодетных семей в российских регионах осложнено тем, что на

современном этапе они являются нетипичной социально-демографической группой, отношение к которой носит преимущественно скептический, настороженный или открыто негативный характер. К причинам, объясняющим такую реакцию, относятся: а) их невысокая доля в общей структуре семейных союзов и, как следствие, их нетипичность, с точки зрения малодетного большинства; б) несоответствие ценностей многодетных семей установкам и ценностям индивидуализма, карьеризма, приоритета материального, «жизни в удовольствие», широко пропагандируемым в современных условиях; в) прочно укоренившиеся в культуре и широко распространенные стереотипы об их неблагополучии; г) подтверждение неблагополучия и социальной уязвимости многодетных семей реальными примерами из практики; д) неэффективность традиционных механизмов и технологий социальной поддержки многодетных семей.

Последствия распространенности такого «особого», негативно окрашенного типа отношения к многодетным семьям связаны прежде всего с дальнейшей трансляцией в социум представлений о них как о неблагополучных, не способных решать свои проблемы самостоятельно, зависящих от помощи государства. Сопутствующими являются также проблемы, вызванные социальным исключением многодетных родителей и их детей из ряда отношений и сфер общественной жизни и, как следствие, усугубляющие их социальную уязвимость. При этом практика обнаруживает частое игнорирование примеров благополучных многодетных семей, которые имеют важные достижения, опровергают негативные стереотипы и способны быть реальным примером для других, но тенденциозно воспринимаются как исключение из общего «правила» о ненормальности, нетипичности, неблагополучии семей данного типа.

Между тем, отстаивая значимость формирования позитивного имиджа многодетных семей как условия повышения рождаемости в регионах, отметим, что под таковым можно понимать образ семьи, функционирующей как жизнеспособная система, состоящая из супружеской пары биологических родителей и имеющая не менее трех детей, которым обеспечены должные социально-психологические, социально-педагогические, материальные, санитарно-гигиенические и другие условия развития. Базой для реализации функций такой семьи выступают «традиционные» семейные нормы и ценности, а именно: приоритет сохранения супружеских отношений; взаимная любовь и верность супругов; рождение и воспитание детей как первоочередная жизненная задача; материальная и духовная ответственность за свою семью, труд в целях ее финансового обеспечения и руководство жизнью семьи – для мужчины; материнство и забота о семейном очаге – для женщины; уважение к родителям и к старшим, ощущение себя продолжателями традиций семьи и народа в целом – для детей.

Основная цель формирования позитивного имиджа многодетной семьи – создание положительного «эмоционально-окрашенного образа-представления, которое содержит стереотипное ядро, объединяющее в себе наиболее значимые характеристики семьи, раскрывающие ее воспитательный

потенциал, личностные особенности и эмоциональное восприятие членов семьи, особенности семейной ситуации, потенциал жизнеспособности и социальный статус» [1]. Для достижения данной цели в отечественной практике социальной работы уже сейчас используются ряд технологий: а) технологии социальной поддержки многодетных семей (например, выплата социальных пособий, материнский капитал, жилищно-коммунальные льготы, предоставление земельного участка нуждающимся, льготная ипотека, право на досрочную пенсию многодетным матерям и др.); б) технологии организации социально-культурных мероприятий, направленных на повышение престижа многодетности в обществе (например, выставки, фестивали, конкурсы по типу Всероссийского конкурса «Семья года» или межрегионального смотра-конкурса «Успешная семья Приволжья», финал которого уже несколько лет проходит в столице Республики Мордовия); в) разработка и реализация социальных проектов по формированию положительного образа многодетных семей (например, Всероссийский проект «Многодетная Россия», реализуемый Объединением многодетных семей г. Москвы совместно с Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации); г) чествование успешных многодетных семей на мероприятиях, приуроченных к Дню защиты детей, Дню семьи, любви и верности, Дню матери и др.

Такие технологии уже сейчас в той или иной мере изменяют ситуацию в лучшую сторону. Примеры из практики социальной работы в регионах России, а также данные научных исследований подтверждают, что положительные результаты дают прежде всего такие технологии, как социальная поддержка со стороны государства и общества, чествование успешных многодетных семей, пропаганда ценностей многодетности в СМИ и др.

Между тем эффективность формирования позитивного имиджа многодетных семей пока в целом по стране можно оценивать как среднюю. К числу проблемных моментов относятся: формальный характер многих мер и мероприятий, нерегулярность и стихийность их применения, слабое межсекторное и межведомственное взаимодействие и др. Для оптимизации данного процесса в регионах требуются научно-концептуальное обоснование технологий такой работы и четкая координация их применения со стороны органов государственной власти, социально ориентированных бизнес-структур и общественных организаций. Необходимо соответствующее ресурсное (финансовое, кадровое, методическое, информационное, организационное и т. д.) обеспечение данного процесса, а также сведение к минимуму формализма при проведении мер и мероприятий, связанных с социальной защитой многодетных семей и изменением отношения к ним в обществе. Важно еще более широкое вовлечение в данную работу представителей различных социальных институтов, ведомств, организаций, секторов и др. А самое главное, что может обеспечить формирование позитивного имиджа многодетных семей в регионах страны, – это их поддержка на институциональном уровне.

Список использованных источников

1. Самохвалова Е. В. Формирование позитивного имиджа института семьи в регионе // Современ. науч. исслед. и инновации. – 2014. – № 4, ч. 2. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/04/33569> (дата обращения: 14.09.2021).
2. Федеральная служба государственной статистики РФ : сайт. – М., 2020. – URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 15.09.2021).

УДК 364.264.4

ПОТРЕБНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

THE NEEDS OF THE POPULATION FOR SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE IN THE REGIONAL SOCIETY

Е. Н. Касаркина, *доцент, канд. социол. наук*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. В статье анализируется проблема распространения психосоциальных и психических расстройств, представляющих одну из важнейших угроз здоровью и благополучию населения регионального социума. Акцентируется внимание на том, что потребности населения в социально-психологической помощи обуславливают рост психоневрологических интернатов, способствующих интеграции лиц с ограниченными возможностями в общество посредством реабилитации. Приводятся аргументы, свидетельствующие о востребованности новой отрасли практической психологии и социальной работы – социально-психологической работы.

Abstract. The article analyzes the problem of the spread of psychosocial and mental disorders, which represent one of the most important threats to the health and well-being of the population of the regional society. Attention is focused on the fact that the needs of the population in social and psychological assistance cause the growth of psychoneurological boarding schools that promote the integration of persons with disabilities into society through rehabilitation. The arguments indicating the demand for a new branch of practical psychology and social work – socio-psychological work are presented.

Ключевые слова: социально-психологическая помощь, психоневрологический интернат, региональный социум.

Keywords: socio-psychological assistance, psychoneurological boarding school, regional society.

Психическое здоровье людей, относится к наиболее значимым социальным ценностям, однако, по статистическим данным, число инвалидов по психическим заболеваниям в России стремительно растет. В период с 1985 по 1995 г. данный показатель вырос на 30,6 % и достиг 669 тыс. человек [3]. В 2013 г. число инвалидов вследствие психических расстройств составляло 1,3 млн человек [4, 112], а в 2019 г. – уже 1,6 млн человек [1].

Больше всего пациентов с психическими расстройствами в 2020 г. в России из расчета на 100 тысяч населения зарегистрировано на Чукотке, что следует из данных статистического сборника Минздрава РФ. Психические расстройства и расстройства поведения на 100 тысяч всего населения в Чукотском автономном округе составили 10 012,3 случая, в Еврейской автономной области – 6 437,6, в Алтайском крае – 5 834,9. Меньше всего пациентов с психическими расстройствами зарегистрировано в Чечне, где показатель заболеваемости на 100 тысяч населения составил 1 555,6; в Ингушетии – 1 674,6; в Москве – 2 005,5. В то же время больше всего психических расстройств, связанных с употреблением алкоголя, было зафиксировано в Чукотском, Ненецком автономных округах и Сахалинской области. Психические расстройства, связанные с употреблением алкоголя на 100 тысяч населения здесь составили соответственно 272,4, 176,8, 107,7 случая. Всего в 2020 г. было зарегистрировано почти 1,2 млн психических расстройств, связанных с употреблением алкоголя и синдромом зависимости от него.

Как отмечает С. А. Судьин, «последние годы проходят под знаком постоянного увеличения количества психически больных граждан. Резкие социальные изменения, снижение уровня жизни россиян, неблагоприятные экологические, психологические и прочие факторы провоцируют как увеличение абсолютного числа психически больных, так и рост их доли в общей структуре инвалидности» [6, с. 3].

Специализированным учреждением социального обслуживания граждан с ментальными нарушениями является психоневрологический интернат. Востребованность в психоневрологических интернатах возникла еще в СССР. Первые психоневрологические интернаты (ПНИ) создавались для лиц с тяжелыми психическими и неврологическими нарушениями. За несколько десятилетий в стране было открыто около трехсот ПНИ.

Востребованность психоневрологических интернатов увеличивается и в настоящее время. В 2016 г. на территории Российской Федерации функционировали 504 таких учреждения [2]. По данным Росстата, на 1 января 2017 г. функционировали 523 психоневрологических интерната, в которых проживало более 157 тыс. человек, а в 2019 г. – уже 528 интернатов (161,2 тыс. человек) и 30 геронтологических центров психоневрологического профиля (7,9 тыс. человек).

Основные задачи психоневрологического интерната: материально-бытовое обеспечение, создание условий жизни, приближенных к домашним; организация ухода (надзора), оказание медицинской помощи и проведение

культурно-массовой работы; осуществление мероприятий, направленных на социально-трудовую реабилитацию инвалидов и интеграцию их в общество.

В состав психоневрологического интерната могут входить структурные подразделения, обеспечивающие выполнение основных задач по приему и размещению клиентов учреждения, предоставлению им всех необходимых социальных услуг (социально-бытовых, социально-медицинских, социально-психологических, социально-педагогических, социально-экономических, социально-правовых), лечебно-производственные (трудовые) мастерские, а в интернатах, расположенных в сельской местности, кроме того, подсобные сельские хозяйства, необходимые для осуществления лечебно-трудовой и активирующей терапии.

По сравнению с 1990-ми гг. количество клиентов психиатрических клиник в регионах России увеличилось почти в два раза, что свидетельствует об их востребованности. Выросло число страдающих такими серьезными психическими заболеваниями, как шизофрения, маниакально-депрессивный психоз и эпилепсия. В среднем 15–20 % населения планеты нуждается в помощи врачей-психиатров и психотерапевтов, в России этот показатель достигает 20–25 % [5, с. 5].

Востребованность психоневрологических интернатов обусловливается и тем, что свыше миллиона пожилых россиян страдают от различных форм старческого слабоумия. Больных шизофренией в России, по оценкам ВОЗ, около 900 тыс., еще для 250–300 тыс. характерно «маниакальное состояние» – неконтролируемое возбуждение. Распространены также навязчивости (когда человек заикливается на какой-то мысли или действии), фобии (боязнь чего-то) и патологические влечения. Проблема в том, что напряженное положение складывается с кадрами психиатрических учреждений. Приоритетное развитие должно получить создание системы не только психиатрической, но и психотерапевтической помощи с участием медицинских психологов и социальных работников. По расчетам, в ближайшие годы необходимо подготовить дополнительно 3 500 врачей-психиатров, 3 600 медицинских психологов, 3 900 психотерапевтов, 400 юрисконсультов, обеспечивающих юридическую помощь психически больным, 9 500 социальных работников [3].

Социально-психологическая работа появилась в России конце 1990-х гг. и стала рассматривается как новая и востребованная отрасль практической психологии и социальной работы, целью которой является преодоление социальной дезадаптации человека, оздоровление межличностных отношений в профессиональной и семейно-бытовой жизни. В центре внимания находится психика человека, которая обобщенно понимается как система управления индивидуальной жизнью и поведением, т. е. жизнедеятельностью.

В связи с возрастанием воздействия психотравмирующих факторов на социальную жизнь человека, его соматическое и психическое здоровье, межличностные отношения в России появилась новая и востребованная

отрасль практической психологии и социальной работы – социально-психологическая работа. Потребность населения в социально-психологической помощи обусловлена глобальным характером распространения эпидемии психосоциальных и психических расстройств. Специализированными учреждениями социального обслуживания граждан с ментальными нарушениями являются психоневрологические интернаты, имеющие длительную историю становления, и их востребованность подтверждается не только тем, что их численность неуклонно растет, но и тем, что, во-первых, они входят в состав общей системы психиатрической помощи в Российской Федерации и вместе с тем являются учреждениями социальной защиты населения, а значит, они оказывают комплексную помощь; во-вторых, они способствуют интеграции лиц с ограниченными возможностями в общество посредством реабилитации; в-третьих, потребности населения в социально-психологической помощи в современной России и востребованность психоневрологических интернатов обусловили возникновение новой востребованной деятельности – социально-психологической работы, так как люди, страдающие хроническими психическими заболеваниями и нуждающиеся в постоянном постороннем уходе – одна из самых незащищенных и уязвимых категорий инвалидов.

Список использованных источников

1. Заболеваемость населения Российской Федерации по основным классам болезней : официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare/# (дата обращения : 28.09.2021).
2. Заседание рабочей группы по реформированию психоневрологических интернатов. – URL : <http://rosmintrud.ru/social/service/111> (дата обращения: 28.09.2021).
3. О федеральной целевой программе «Неотложные меры по совершенствованию психиатрической помощи (1995–1997 годы)» : Постановление Правительства Рос. Федерации от 25.04.1995 г. № 383 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации : [сайт]. – URL : <http://docs.cntd.ru/document/9011449> (дата обращения : 28.09.2021)
4. Панушина Е. А. Социальная работа в психиатрии: психосоциальная терапия и реабилитация / Е. А. Панушина, М. А. Ландышев // Социально-экономические аспекты развития современного общества : сб. ст. / под ред. С. В. Демидова. – Рязань : ПервопечатникЪ, 2013. – С. 112–116.
5. Светличная Т. Г. Социально-медицинское сопровождение лиц с нарушениями психического здоровья : монография / Т. Г. Светличная, Е. А. Смирнова. – Архангельск : Изд-во СГМУ, 2017. – 191 с.
6. Судьин С. А. Соотношение обыденных и научных представлений о психических болезнях : автореф. дис. ... канд. социол. наук / С. А. Судьин. – Н. Новгород, 2005. – 17 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЮ

TOPICAL ISSUES OF CREATING A STATE DIGITAL PLATFORM FOR PROVIDING SOCIAL SUPPORT MEASURES TO THE POPULATION

Е. Г. Лезина, доцент, канд. экон. наук

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Аннотация. В рамках обеспечения внедрения цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг вопросы правового регулирования цифровой экосистемы требуют ее институционализации и правовой конфигурации. В данной статье рассмотрены общие проблемы создания и функционирования современной цифровой экосистемы в сочетании правовых и экономических аспектов.

Abstract. As part of ensuring the introduction of digital technologies and platform solutions in the areas of public administration and the provision of public services, issues of legal regulation of the digital ecosystem require its institutionalization and legal configuration. This article discusses the general problems of creating and functioning of a modern digital ecosystem in a combination of legal and economic aspects.

Ключевые слова: государственные услуги, нормативно-правовое обеспечение, цифровые платформы, цифровая рыночная инфраструктура.

Keywords: public services, regulatory support, digital platforms, digital market infrastructure.

Внедрение платформенного подхода к цифровизации органов власти становится общемировым трендом. Насущная потребность в активизации цифровых сервисов возникла в период пандемии для оказания адресной, социальной поддержки населения и предпринимательского сообщества. Их применение, а также дальнейшее развитие цифровой инфраструктуры позволяют выйти на принципиально новый уровень адресности и вариативности социальной политики, закладывают основы нового типа государства – «государство-платформа» [4].

Планируемые мероприятия по внедрению цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг содержатся в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года, паспорте федерального проекта «Цифровое государственное управление»,

включенного в состав национального проекта «Национальная программа „Цифровая экономика РФ“».

В Общенациональном плане действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (далее – Общенациональный план действий), в контексте рассматриваемой темы представляют интерес две ключевые инициативы: «Государство как цифровая платформа» и «Социальное казначейство» [3].

Основу инициативы «Государство как цифровая платформа» составили доклады Центра стратегических разработок совместно с РАНХиГС и НИУ ВШЭ, в которых была представлена концепция «государства-платформы», предусматривающая сквозную межведомственную цифровизацию процессов и создание комплексной организационно-технической инфраструктуры как для предоставления государственных услуг, так и для обеспечения деятельности системы государственного управления [2].

Работа по ключевым инициативам Общенационального плана действий предполагает последовательное создание системы управления, основанной на эффективном использовании данных, интеграцию различных цифровых платформ, созданных разными ведомствами и используемых в разных отраслях.

Проблему систематизации большого количества мер социальной поддержки и нормативных правовых актов, их регламентирующих, а также вопросы координации органов власти, их предоставляющих, должна была решить Единая государственная информационная система социального обеспечения (далее – ЕГИССО), работа над созданием которой была начата в нашей стране в 2015 г. Вместе с тем вопросы по определению нуждающихся в получении мер не были решены окончательно, в том числе ввиду отсутствия единого федерального информационного ресурса, содержащего сведения о населении.

На текущий момент, наряду с ЕГИССО, функционирует федеральный портал госуслуг, также граждане поставлены на учет и имеют личные кабинеты на сайтах Фонда социального страхования РФ, Фонда обязательного медицинского страхования РФ, Федеральной налоговой службы (в каждом ведомстве индивидуальный идентификационный номер). Получается, что госуслуги представляют собой набор разрозненных ведомственных сервисов, не связанных в комплексные решения жизненных ситуаций, находящихся в разной степени автоматизации.

При этом, несмотря на существенные успехи государства за последние годы в создании цифровых сервисов, электронных услуг для граждан, собираемые и обрабатываемые в рамках этих процессов данные практически не используются в аналитике и подготовке управленческих решений [1].

В рамках реализации концепции невидимого государства планируется кардинальное обновление федерального портала госуслуг, самого большого государственного фронтального платформенного решения в России, –

перевод на портал социальных функций из личных кабинетов Пенсионного фонда, ЕГИССО и Федерального реестра инвалидов.

8 июня 2020 г. вступил в силу Федеральный закон «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении РФ» [5], согласно которому федеральный регистр представляет собой совокупность сведений о населении России, сформированных на основе сведений о гражданах Российской Федерации, об иностранных гражданах и лицах без гражданства, которые содержатся в государственных информационных системах органов государственной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами. Сведения регистра используются в целях: совершенствования предоставления услуг и выполнения государственных и муниципальных функций; реализации государственной политики в сфере социально-экономического развития, защиты прав и законных интересов граждан, а также обеспечения национальной безопасности; обеспечения актуальности и достоверности информационных ресурсов органов власти, органов управления внебюджетными фондами; официального статистического учета населения; составления и реализации государственных и муниципальных программ, подготовки проектов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации и др.

Во время пандемии платформа Службы взяла часть работы по оказанию мер социальной поддержки на себя. Так, в Российской Федерации для выплат в 2020 г. пособий семьям с детьми в Реестр ЗАГС было внесено более 25 млн записей, что позволило оперативно выплатить деньги без запросов дополнительных документов от граждан. Пилотными регионами по определению нуждающихся семей на базе уже имеющейся в распоряжении ФНС России информации для оказания им адресной поддержки определены Нижегородская область и Татарстан.

В целом, что касается государственных цифровых платформ, стоит отметить отсутствие в нашей стране полноценного законодательства в области цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания госуслуг. Имеется довольно большое количество отраслевых нормативных правовых документов, методической документации, которые вводят требования к различным фазам жизненного цикла различных информационных систем. При этом требования регулярно расширяются и обновляются, создаются новые государственные платформы, с которыми необходимо предусмотреть взаимодействие, вводятся показатели цифровой зрелости отраслей, госуслуг и контрольно-надзорной деятельности. Не сложились общие подходы, операционные определения новых ключевых понятий, механизмы регулирования.

Всего в России реализуется свыше 3 тысяч мер социальной поддержки, которые охватывают 54 млн человек, при этом список мер помощи постоянно дополняется. Учитывая значительные расходы бюджета на цифровизацию органов власти и социальную политику, предпринимаемые меры по созданию единой цифровой платформы в целях повышения адресности и

эффективности мер социальной поддержки на федеральном, региональном и муниципальном уровнях имеют важное значение как для государства, так и для граждан.

Список использованных источников

1. Жулин А. Б. Ответ на вызовы цифровизации: госуправление, основанное на данных, «штабная» модель управления и структурный маневр в численности госслужащих : доклад НИУ ВШЭ / А. Б. Жулин, Я. И. Кузьминов. – М. : ИД ВШЭ, 2020. – С. 6. – URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/427045188.pdf> (дата обращения: 30.09.2021).

2. Маслов Д. В. Отдельные аспекты трансформации государственного управления: процессы и качество / Д. В. Маслов, М. Э. Дмитриев, З. С. Айвазян // Аналитический обзор. – М., 2018. – URL: https://www.csr.ru/uploads/2018/02/Gosupravlnie_Web.pdf (дата обращения: 30.09.2021).

3. Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике. – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333667/ (дата обращения: 30.09.2021).

4. Стырин Е. М. Государственные цифровые платформы: от концепта до реализации / Е. М. Стырин, Н. Е. Дмитриева, Л. Х. Синятуллина // Вопр. гос. и муницип. упр. – 2019. – № 4. – С. 31–60.

5. Федеральный закон от 08.06.2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении РФ» // Законодательство Российской Федерации. Сборник основных федеральных законов РФ. – URL: <https://fzrf.su/zakon/2020-06-08-n-168-fz/> (дата обращения: 30.09.2021).

УДК 371:316.4

НЕЗАВИСИМАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МНЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ

INDEPENDENT ASSESSMENT OF THE QUALITY OF GENERAL EDUCATION IN THE REGION: SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE OPINIONS OF STUDENTS' PARENTS

Ю. В. Мананникова

*Государственное автономное образовательное учреждение
дополнительного профессионального образования
«Институт регионального развития Пензенской области»*

Аннотация. В статье представлен анализ результатов социологического исследования мнения родителей обучающихся, проведенного в рамках независимой оценки качества образования на территории Пензенской области. Обозначены проблемы, возникающие в процессе обучения школьников в общеобразовательных организациях,

требующие методической поддержки и принятия управленческих решений на региональном и муниципальном уровнях.

Abstract. The article presents an analysis of the results of a sociological study of the opinion of students' parents, carried out as part of an independent assessment of the quality of education in the Penza region. The problems arising in the process of teaching schoolchildren in general education organizations, requiring methodological support and making managerial decisions at the regional and municipal levels, are identified.

Ключевые слова: независимая оценка, качество образования, общее образование, регион, социологический анализ, школьники, родители обучающихся.

Keywords: independent assessment, quality of education, general education, region, sociological analysis, students, parents of students.

В современных условиях развития информационного общества все большую актуальность приобретают вопросы, связанные с независимой оценкой и повышением качества образования. Достижение высокого качества общего образования провозглашено приоритетом российской образовательной политики [1].

Согласно нормам федерального законодательства качество образования определено как «комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, государственным образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы» [2, ст. 2].

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» регламентирует обязательное проведение в регионах независимой оценки качества образования – комплекса исследований и оценочных процедур, направленных на получение сведений об образовательной деятельности, о качестве подготовки обучающихся и реализации образовательных программ [2, ст. 95]. Важным направлением независимой оценки качества образования выступают социологические исследования мнения различных групп участников образовательных отношений (руководителей и педагогов образовательных организаций, обучающихся и их родителей).

В последние годы подобные исследования проводятся во многих субъектах Российской Федерации, одним из которых является Пензенская область. Региональным оператором в рамках организации научно-исследовательской работы по данному направлению выступает управление мониторинга и анализа качества образования ГАОУ ДПО «Институт регионального развития Пензенской области».

В частности, в рамках реализации плана мероприятий «Концепции

региональной системы оценки качества образования Пензенской области» [4] ежегодно проводятся исследования мнения родителей обучающихся общеобразовательных организаций региона по вопросам качества образования. В 2020 г. исследование было проведено методом опроса на базе онлайн-сервиса, размещенного на информационно-аналитическом портале «Региональная система независимой оценки качества образования Пензенской области» [3].

Программа исследования включала следующие основные элементы.

Объект – родители обучающихся общеобразовательных организаций Пензенской области.

Предмет – мнение респондентов по вопросам качества общего образования.

Цель – осуществление регионального мониторинга качества образовательной деятельности общеобразовательных организаций (на основе мнения родителей обучающихся).

В исследовании приняли участие более 7 000 родителей обучающихся 1–11-х классов общеобразовательных организаций городов Пензы, Кузнецка, Заречного и 27 муниципальных районов Пензенской области. Тип выборки – многоступенчатая (с квотированием на уровне муниципалитетов и общеобразовательных организаций). Компьютерная обработка первичных данных проведена на основе программного продукта IBM SPSS Statistics Base.

По результатам социологического исследования были сделаны следующие основные выводы.

Основной объем информации о деятельности школы респонденты получают на родительских собраниях (88,9 %), из бесед с детьми (56,0 %), индивидуальных бесед с педагогами (39,3 %), а также с сайтов школ (30,0 %).

В качестве главных задач современной школы родителями были отмечены следующие:

– «дать ребенку знания, необходимые для поступления в учреждения профобразования» (88,1 %);

– «воспитать активную личность, с четкой жизненной позицией» (59,2 %);

– «развить общий кругозор ребенка» (49,8 %);

– «воспитать доброго и отзывчивого человека» (45,5 %);

– «воспитать гражданина, патриота своей страны» (30,1%).

Большинство респондентов оценили степень учебной нагрузки в школе как «высокую» (43,7 %) и «среднюю» (55,4 %). Основываясь на наблюдениях опрошенных, можно сделать вывод, что только половина обучающихся (50,7 %) с интересом посещает учебные занятия. В числе проблем, вызывающих наибольшее беспокойство родителей школьников, были отмечены: низкая успеваемость и большой объем домашних заданий, высокая утомляемость и состояние здоровья обучающихся, качество образования, необходимость сдачи экзаменов (ОГЭ, ЕГЭ) и отношения между школьниками в классе.

Более половины родителей школьников (57,8 %) считают, что усвоение учебного материала обучающимся «вполне по силам», остальные респонденты отметили наличие проблем по отдельным учебным предметам.

В этой связи 34,6 % опрошенных приходится прибегать к услугам репетиторов. В числе учебных предметов, по которым обучающиеся чаще всего нуждаются в помощи репетиторов, были отмечены: математика, русский язык, иностранные языки, физика и химия. Тем не менее основная масса респондентов (90,2 %) в целом считает «оптимальными» требования, предъявляемые учителями к школьникам, 80,3 % опрошенных отметили доброжелательность и внимательность педагогов.

Значительная доля родителей обучающихся (70,0 %) положительно оценили материально-техническое обеспечение общеобразовательных организаций региона. В числе критериев оценки выступали: «состояние школьной мебели и оформление в классах»; «оснащение столовой, актового и спортивного залов»; «наличие учебного оборудования»; «благоустройство школьной территории», «фонд литературы в школьной библиотеке», «оснащение компьютерных классов и доступ к сети Интернет».

Более половины респондентов (64,7 %) полностью удовлетворены организацией воспитательного процесса в школе. Кроме того, 82,8 % родителей отметили, что их дети регулярно посещают дополнительные (внеурочные) занятия в школе (спортивные секции, творческие студии, технические кружки), а также участвуют в конкурсах и олимпиадах.

Согласно результатам исследования, 81,8 % родителей школьников находят понимание и поддержку педагогов при решении проблем, связанных с обучением и воспитанием ребенка, однако 23,0 % опрошенных заявили об отсутствии в школах возможностей для оказания психологической помощи обучающимся.

В целом значительная доля респондентов оценивают качество школьного образования как «высокое» (44,2 %) или «среднее» (48,8 %). Большинство опрошенных довольны тем, что их ребенок учится именно в этой школе, и готовы рекомендовать ее своим родственникам и знакомым. Необходимость ежегодного проведения в школе независимой оценки качества образования подтвердили более половины опрошенных (64,9 %).

Проблемным вопросом остается участие родителей в деятельности школы, которое в основном ограничивается посещением родительских собраний. Однако 61,1 % опрошенных высказали желание в будущем более активно участвовать в жизни школы, присутствовать на открытых уроках, организовывать различные мероприятия совместно с педагогами.

Результаты проведенного социологического исследования использованы на региональном и муниципальном уровнях с целью повышения качества образования и совершенствования деятельности общеобразовательных организаций Пензенской области.

Список использованной литературы

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента Рос. Федерации от 07.05.2018 г. № 204.
2. Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ.
3. Информационно-аналитический портал «Региональная система независимой оценки качества образования Пензенской области». URL: <http://noko.rcoi58.ru>.
4. Концепция региональной системы оценки качества образования Пензенской области (утв. приказом М-ва образования Пенз. обл. от 02.07.2020 г. № 287/01-07).

УДК 316.47-056.24(470.345)

ОТНОШЕНИЕ К ИНВАЛИДАМ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ: 15 ЛЕТ СПУСТЯ

ATTITUDE TO THE DISABLED IN THE REGIONAL SOCIETY: 15 YEARS LATER

А. Р. Мухаметзянова

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Аннотация: в статье представлено исследование динамики отношения к инвалидам в Республике Мордовия через призму социальных трансформаций начала XXI века.

Abstract: This article discusses the research of the dynamic of attitudes towards disabled people in the Republic of Mordovia through the prism of social transformations of the beginning of the XXI century.

Ключевые слова: инвалид, маломобильные группы населения, отношение к инвалидам, региональный социум, трансформация отношения к инвалидам.

Keywords: disabled person, low-mobility groups of the population, attitude to disabled people, regional society, transformation of attitude to disabled people.

Отношение к инвалидам является лакмусовой бумажкой доминирующих ментальных установок в любом социуме и непосредственным образом отражается на формировании паттернов разрешения комплекса проблем инвалидов и маломобильных групп населения (МГН). Переход от лозунгов и установок патриархального общества, навязывавшего прежде патерналистский подход к дизабельной группе населения (от англ. disability – инвалидность), к современным подходам к эволюционирующему понятию инвалидности (интеграционный, инклюзивный подходы) проявляется прежде всего в изменении

повседневного взаимодействия. Мир повседневности в социальном смысле гораздо ближе человеку с типичной историей инвалидности, чем гипотетическая социальная среда, создаваемая конвенциями и прочими гражданскими договоренностями. Трудно оценить, насколько положения международных документов достигнут реализации в повседневной жизни конкретного человека с инвалидностью. Вместе с тем социологическое измерение отношения населения к инвалидам в локальных социумах позволяет использовать его как опосредованный индикатор потенциала социума для интеграции частично сегрегированных групп, к которым прежде всего относятся инвалиды.

В рамках двух этапов социологического исследования «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии» (в 2005 и в 2020 гг.) респондентам задавался вопрос об отношении к инвалидам в различных повседневных ситуациях взаимодействия с ними (на работе, в процессе обучения, соседства и проезда в общественном транспорте). Результаты двух опросов позволяют провести замер уровня толерантности и социального дистанцирования населения по отношению к инвалидам в Республике Мордовия в сравнительной динамике (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к взаимодействию с инвалидами в следующих ситуациях?», %

Ситуации взаимодействия	Вариант ответа	2005	2020
1. ИНВАЛИД – ВАШ КОЛЛЕГА, ВЫ РАБОТАЕТЕ В ОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	1. Скорее положительно	28,1	58,2
	2. Мне все равно	43,5	25,7
	3. Скорее отрицательно	10,9	1,2
	4. Затрудняюсь ответить	17,4	14,9
2. ИНВАЛИД – ЧЛЕН ВАШЕЙ СЕМЬИ, ВЫ ПРОЖИВАЕТЕ ВМЕСТЕ	1. Скорее положительно	–	61,4
	2. Мне все равно	–	16,4
	3. Скорее отрицательно	–	1,9
	4. Затрудняюсь ответить	–	20,3
3. ИНВАЛИД – ВАШ СОСЕД	1. Скорее положительно	26,2	56,5
	2. Мне все равно	51,5	26,7
	3. Скорее отрицательно	6,3	0,8
	4. Затрудняюсь ответить	15,9	16,0
4. РЕБЕНОК-ИНВАЛИД УЧИТСЯ С ВАШИМ РЕБЕНКОМ	1. Скорее положительно	29,5	56,3
	2. Мне все равно	39,6	25,2
	3. Скорее отрицательно	13,1	1,3
	4. Затрудняюсь ответить	17,9	17,2
5. ИНВАЛИД В ОБЩЕСТВЕННОМ ТРАНСПОРТЕ/НА УЛИЦЕ	1. Скорее положительно	28,1	61,3
	2. Мне все равно	53,6	25,2
	3. Скорее отрицательно	4,9	1,0
	4. Затрудняюсь ответить	13,4	12,4

6. ИНВАЛИД ОБСЛУЖИВАЕТСЯ ВНЕ ОЧЕРЕДИ В ОРГАНИЗАЦИИ	1. Скорее положительно	–	69,7
	2. Мне все равно	–	19,3
	3. Скорее отрицательно	–	0,9
	4. Затрудняюсь ответить	–	10,1
<i>Средний коэффициент реакции респондентов на ситуации взаимодействия с инвалидами</i>	<i>1. Скорее положительно</i>	<i>28,0</i>	<i>60,6</i>
	<i>2. Мне все равно</i>	<i>47,1</i>	<i>23,0</i>
	<i>3. Скорее отрицательно</i>	<i>8,8</i>	<i>1,2</i>
	<i>4. Затрудняюсь ответить</i>	<i>16,2</i>	<i>15,2</i>

По результатам опроса, за последние пятнадцать лет отношение к инвалидам в Мордовии значительно улучшилось: доля позитивных реакций на ситуации взаимодействия (кейсы) с инвалидами увеличилась в 2 раза, число равнодушных реакций снизилось в 2 раза, а негативные реакции встречались реже при опросе в 2020 г. более чем в 7 раз. Если по итогам в 2005 г. почти половина респондентов придерживалась равнодушной или нейтральной реакции (в среднем суммарно 47,1 % респондентов) на ситуации взаимодействия с инвалидами в вышеперечисленных сферах жизни, то в 2020 г. самой распространенной реакцией во всех ситуациях взаимодействия была положительная (ее в среднем суммарно выбрали 60,6 %).

Данные опроса ВЦИОМ «Восприятие населением положения инвалидов в России» также подтверждают данную тенденцию [1]. Сравнение итогов данного опроса за 1991, 2010, 2018 гг. в динамике позволяет констатировать, что отношение к инвалидам в российском обществе за последние 5–10 лет улучшилось: в 2018 г. половина респондентов (52 %) стали считать, что отношение к инвалидам в нашем обществе улучшилось, в 2010 г. так считали 26 % опрошенных, в 1991 г. таковых было всего 20 %. Доля респондентов, считающих, что отношение к инвалидам не изменилось, всегда составляла примерно треть, начиная с опроса в 1991 г. Вместе с тем доля тех, кто считает, что отношение к инвалидам ухудшилось, существенно уменьшилась – в 4 раза за период с 1991 по 2019 г. (с 31,0 до 8,0 %).

Социальное пространство городской и сельской местности, дистанцирование в процессе социального взаимодействия в разных типах поселений существенно влияют на отношение респондентов к инвалидам. В сельской местности намного чаще встречаются положительные реакции на все ситуации взаимодействия с ними и практически не встречаются отрицательные оценки (рис. 1).

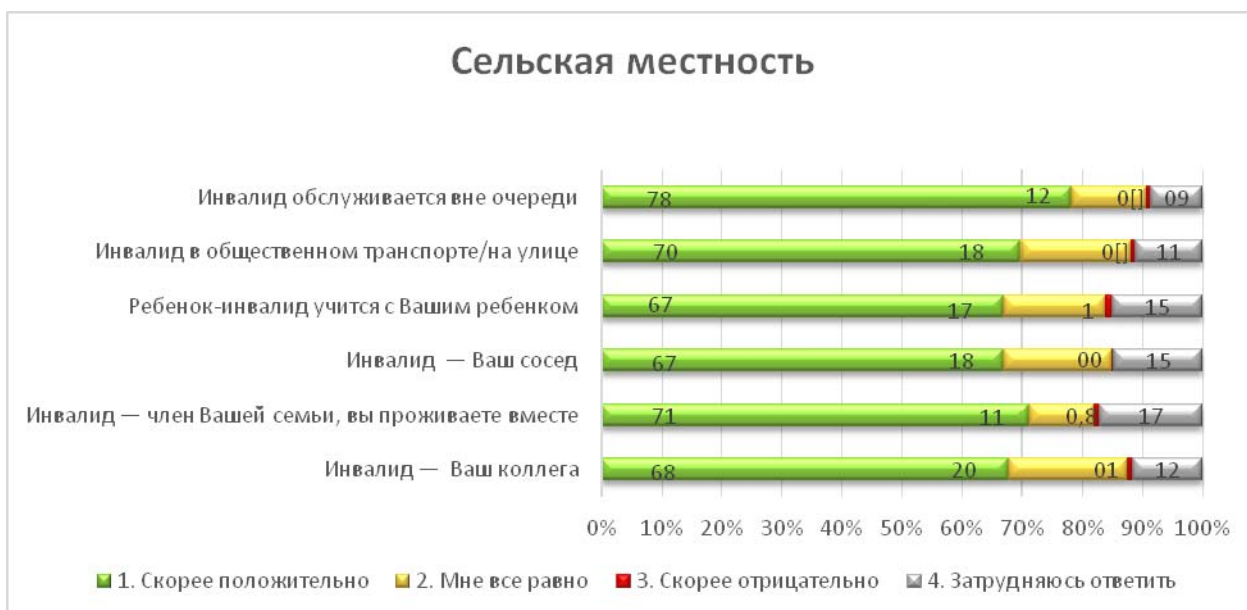

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к взаимодействию с инвалидами в следующих ситуациях?» в зависимости от места проживания, %

Возраст респондентов также влияет на восприятие инвалидов в разных бытовых ситуациях. Очевидно его влияние на более позитивное восприятие ситуаций взаимодействия с инвалидами в старшей возрастной группе респондентов – от 50 лет, кроме кейса «Ребенок-инвалид учится с Вашим ребенком», так как в старшем возрасте эта ситуация становится менее актуальной. Молодежь в возрасте от 18 до 29 лет проявляет нейтральные (равнодушные) и негативные реакции в среднем в 1,5–2 раза чаще по всем ситуациям взаимодействия. Более подробно анализ отношения населения к инвалидам и вопросам доступности среды для МГН по итогам социологического исследования «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии» (этап 2020 г.) рассмотрен нами в разделе «Отношение населения к инвалидам и вопросам доступности» бюллетеня «Доступность услуг социальной сферы для инвалидов» [2].

Таким образом, можно сделать итоговый вывод о том, что отношение к инвалидам в региональном социуме по итогам опроса в 2020 г. существенно улучшилось по сравнению с данными опроса «Резервы гармонизации социальных отношений» в 2005 г. В 2020 г. положительно на ситуации взаимодействия с инвалидами стало реагировать в 2 раза больше респондентов, также в 2 раза снизилась доля равнодушных реакций. Предположительно это означает большую осведомленность людей о проблемах инвалидов и их решении, расположенность к возможно большей адаптированности людей к их повседневному присутствию в социуме.

Список использованных источников

1. Восприятие населением РФ положения инвалидов в России. М., 2018. // WCIOM.RU : сайт ВЦИОМ. – URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/pauka/open_project/invalid/invalid2018.pdf (дата обращения: 20.09.2021).
2. Доступность услуг социальной сферы для инвалидов : бюл. научн. центра соц.-экон. мониторинга / Науч. центр соц.-экон. мониторинга ; под ред. И. М. Фадеевой. –

УДК 364.26

**УКРЕПЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ
КАК ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
И НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ**

**STRENGTHENING PUBLIC HEALTH AS A TASK
OF A MODERN DEMOGRAPHIC POLICY AND A DIRECTION
OF SOCIAL WORK IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA**

Е. Г. Панькова, *канд. соцол. наук*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Т. В. Соловьева, *доцент, канд. соцол. наук*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Д. А. Бистяйкина, *доцент, канд. соцол. наук*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. В статье анализируется проблема укрепления общественного здоровья. Акцентируется внимание на приоритетных направлениях демографической политики в области укрепления общественного здоровья в Российской Федерации и Республики Мордовия, проводимых мероприятиях и межведомственном взаимодействии социальных служб. Приводятся результаты опроса экспертов и аргументы, свидетельствующие о востребованности повышения эффективности социальной работы в области укрепления общественного здоровья.

Abstract. The article analyzes the problem of strengthening public health. The attention is focused on the priority directions of the demographic policy in the field of strengthening public health in the Russian Federation and the Republic of Mordovia, the ongoing activities and interdepartmental interaction of social services in this area. The results of a survey of experts and arguments are presented that indicate the demand for increasing the effectiveness of social work in the field of strengthening public health.

Ключевые слова: общественное здоровье, демографическая политика, здоровый образ жизни, профилактика.

Keywords: public health, demographic policy, healthy lifestyle, prevention.

Состояние общественного здоровья населения – один из наиболее значимых показателей современного благополучия общества. Состояние общественного здоровья во многом предопределяет экономический, трудовой и культурный потенциал общества, является индикатором и маркером социально-экономического, демографического и социокультурного состояния страны. Очевидна зависимость уровня общественного здоровья населения страны от воздействия различных социальных, экономических, гигиенических, внешне средовых и других факторов [1, с. 12]. При этом основными объективными показателями общественного здоровья являются заболеваемость, смертность, продолжительность жизни, рождаемость, инвалидизация, физическое развитие, воспроизводство различных групп населения и др.

Укрепление общественного здоровья как задача современной демографической политики и направления социальной работы в РФ закреплено на законодательном уровне [2, с. 68]. Приоритет и различные аспекты в области укрепления общественного здоровья заложены в Конституции РФ, Федеральных законах (№ 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»; № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в РФ» и др.), государственных программах и концепциях РФ («Развитие здравоохранения»; Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года и др.), а также национальных проектах и программах («Демография», «Здравоохранение») и пр.

Приоритетными направлениями демографической политики в области укрепления общественного здоровья в РФ можно определить:

1) укрепление состояния здоровья населения (за счет превенции и профилактики распространения социально значимых заболеваний, в том числе ЗППП, ВИЧ, СПИД; предупреждения ранней беременности и абортов; привития негативного отношения к «вредным привычкам»; популяризации и массового занятия физической культурой и спортом);

2) создание предпосылок для повышения рождаемости, укрепление института семьи, обеспечение адресной социальной защиты семьи, повышения качества и уровня жизни населения.

В Мордовии за последние годы в состоянии общественного здоровья населения наблюдаются изменения в сторону улучшения по многим параметрам, однако некоторые негативные показатели продолжают сохранять стабильно высокие значения [3, с. 79].

По мнению экспертов (исследование было проведено в феврале – марте 2021 г., проведен экспертный опрос методом интервью 15 человек – специалистов учреждений социальной защиты населения ГО Саранск, принципиальные изменения в сфере укрепления общественного здоровья в РМ и стране в целом возможны лишь при наличии совместной деятельности различных социальных институтов (семьи, образования, здравоохранения и т. д.), осуществляющих следующие направления: оказание содействия и

методической поддержки органам местного самоуправления муниципальных образований в субъекте РФ по созданию и реализации комплексных планов и программ по здоровому образу жизни; реализация проектов (в том числе международных), направленных на сохранение и укрепление здоровья школьников, профилактику курения, употребления алкоголя и наркотиков; проведение информационных кампаний СМИ по повышению значимости здорового образа жизни; поддержка политики здорового образа жизни на различных уровнях.

Так, эксперты отметили, что в целях пропаганды физической культуры и спорта, повышения престижа здорового образа жизни среди населения в зимний период только в ГО Саранск функционируют 23 места массового катания на коньках, из них 12 хоккейных кортов и 18 лыжных баз и прокатов. 5 января 2020 года здесь проходил общегородской день здоровья, в котором приняло участие более 2 000 человек. Также учащиеся ГО Саранск приняли активное участие во Всероссийской акции «Здоровый образ жизни – путь к успеху». В каждом образовательном учреждении были сформированы команды, которые на протяжении трех месяцев проводили комплекс онлайн-мероприятий: интерактивные уроки, творческие конкурсы, конференции, форумы, исследовательские работы и др.

Ответы на вопрос «С какими учреждениями или лицами Вы взаимодействуете в сфере укрепления общественного здоровья?» (при возможности выбора нескольких вариантов) распределились следующим образом: органы внутренних дел – 10,0 %; органы опеки и попечительства – 15,0 %; социально-реабилитационные центры – 45,0 %; учреждения здравоохранения – 84,5 %; учреждения образования – 76,0 %; третьи лица (родственники, соседи) – 35,0 %, иные учреждения (ФСС, ФОМС, Пенсионный фонд и т. д.) – 65,0 %.

Экспертам был задан вопрос о том, в какой сфере проводится наиболее эффективная работа по укреплению общественного здоровья в РМ. Абсолютное большинство отметили популяризацию в семьях здорового образа жизни (86,0 %), организацию спортивных мероприятий (54,0 %), содействие развитию у граждан положительной трудовой мотивации и высокой деловой активности (12 %), повышение уровня и качества жизни (74 %) и т. д.

Ежегодно в республике, в частности в ГО Саранск, проводится цикл мероприятий, которые направлены на сохранение и укрепление общественного здоровья во всех возрастных группах. Так, в рамках социального проекта «Здоровый город начинается с тебя!» в 2020 году были проведены мероприятия с целью популяризации здорового образа жизни, профилактики употребления наркотических средств, психотропных веществ, алкоголя и бестабачной никотиносодержащей продукции. Среди мероприятий можно назвать городской праздник «День здоровья» (с массовым участием разных групп населения), различного рода тематические

беседы и часы на базе школ, МБУК «Централизованная городская библиотечная система для детей», домов культуры, участие в открытых всероссийских массовых лыжных гонках «Лыжня России» и пр.

С введением на территории Республики Мордовия режима повышенной готовности и принятия дополнительных мер по защите населения от новой коронавирусной инфекции с марта 2020 года муниципальные учреждения культуры перешли на дистанционный режим работы. В связи с этим на первый план вышли новые формы культурно-досуговой деятельности. В рамках активной пропаганды здорового образа жизни учреждениями культуры ГО Саранск были проведены следующие онлайн-мероприятия:

- ЗОЖ-акции «Быть здоровым – полезно, быть здоровым – красиво!», ЗОЖ-путешествие «Сигарета – это яд, он опасен для ребят»;
 - виртуальные часы информации «Вместе против наркотиков»;
 - обзоры выпусков журнала «НаркоНет: Россия без наркотиков»;
 - онлайн-конкурс «Мир против наркотиков»;
 - кинолектории «Мы говорим вредным привычкам – НЕТ!», «Три угрозы: наркотики, алкоголь, табак», «Наркотики – билет в один конец»;
 - STOP-урок «Наркотики: путешествие туда без обратно»;
 - актуальный онлайн-диалог «Курить – не значит взрослым быть»
- и т. д.

Таким образом, важной задачей социальной работы в области укрепления общественного здоровья можно назвать: воспитание культуры общественного и личного здоровья, профилактическая деятельность социальных служб, работа по улучшению социально-психического здоровья населения, борьба со стрессами, реализация целевых программных мероприятий, направленных на формирование социально ответственного поведения у граждан по отношению к своему здоровью, развитие массового спорта и физической активности.

Список использованных источников

1. Бариева А. А. Общественное здоровье в контексте социального потенциала региона : автореф. дис. ... канд. социол. наук / А. А. Бариева. – Казань, 2012. – 20 с.
2. Болдина М. А. Технологии здоровьесбережения в деятельности специалиста социальной работы как основа для решения проблем здоровья населения // Вестн. Тамб. ун-та. – 2016. – Т. 21, вып. 10. – С. 67–70.
3. Соловьева Т. В. Анализ состояния и показателей общественного здоровья населения в РФ / Т. В. Соловьева, Е. Г. Панькова, Д. А. Бистяйкина // Казан. соц.-гуманитар. вестн. – 2021. – № 1. – С. 78–83.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СТИГМАТИЗАЦИИ БОЛЬНЫХ ЭПИЛЕПСИЕЙ*

SOCIOCULTURAL ASPECTS OF STIGMATIZATION OF PATIENTS WITH EPILEPSY

С. В. Полутин, *проф., д-р. социол. наук*
МГУ им. Н. П. Огарёва

М. М. Подмарев, *студент*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. В статье рассматриваются социокультурные основания и последствия стигматизации больных эпилепсией. Приводятся результаты зарубежных и отечественных исследований, посвященных проблемам стигматизации этой категории больных, а также данные разведывательного опроса населения города Саранска (2021, $n = 160$).

Abstract. The article discusses the sociocultural grounds and the consequences of stigmatization of patients with epilepsy. The results of foreign and domestic studies devoted to the problems of stigmatization of this category of patients, as well as the data of the reconnaissance survey of the population of the city of Saransk (2021, $n = 160$).

Ключевые слова: стигма, стигматизация, самостигматизация, эпилепсия, больные эпилепсией, стигматизация больных эпилепсией.

Keywords: stigma, stigmatization, self-stigmatization, epilepsy, people with epilepsy.

Эпилепсия – это не только болезнь, но и важный социокультурный феномен, представляющий собой серьезную социальную проблему. По данным ВОЗ, в мире около 50 млн человек, больных эпилепсией**, в Российской Федерации в 2017 году Минздравом зарегистрированы 39 774 человека, страдающих этой болезнью***.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-013-00529 А «Факторы социальной эксклюзии в формировании психических расстройств у больных эпилепсией».

** Эпилепсия // Сайт ВОЗ. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/factsheets/detail/epilepsy>.

*** Министерство здравоохранения Российской Федерации. URL: <https://minzdrav.gov.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionnye-materialy/statisticheskiy-sbornik-2017-god>.

Эпилепсия является стигматизирующим процессом, оказывающим влияние на все стороны жизни больного: получение образования, трудоустройство, профессиональную карьеру, создание семьи.

Понятие стигматизации (греч. stigma – укол, клеймо, «ярлык», признак негативного качества, заболевание и т. п.) давно и хорошо известно, особенно в психиатрии, однако в исследовательскую практику в медицине и медицинской социологии вошло относительно недавно. Стигматизация препятствует включению больных эпилепсией в общественную жизнь, мешает нормальной социализации и адаптации и в особенности негативно сказывается на общем качестве жизни. Среди факторов стигматизации эпилепсии выделяются стигматизация внешняя по отношению к больному и самостигматизация.

Особый интерес для социологов представляет изучение внешней стигматизации, поскольку заболевание приводит к нарушению социальных связей, деформации статусно-ролевых позиций, неполной самореализации личности и, естественно, снижает качество жизни лиц, страдающих эпилепсией. Стигматизация внешняя формируется из отношения людей к болезни и к самим больным эпилепсией, что характеризуется непониманием и предрассудками, формируемыми из форм и образов социокультурной сферы жизни. Так, согласно данным опроса населения Эфиопии (2015 г., $n = 846$), половина респондентов уверены, что эпилепсия является Божьим проклятием [7]. В Нигерии среди самых распространенных причин развития эпилепсии респонденты, помимо черепно-мозговых травм/инфекций (76 %), назвали влияние злого духа и колдовство (73 %), Божью волю (70 %) и заражение при контакте (65 %) [1]. Подобные верования разделяют и национальные меньшинства из Южной Азии, живущие в Англии (индусы, сикхи и мусульмане) [8].

Однако суеверия и стереотипы относительно болезни не всегда коррелируют с экономической развитостью страны. Больные эпилепсией из Саудовской Аравии (2015, $n = 110$) верят, что болезнь является испытанием, ниспосланным Богом (83 %), 40 % ответили, что это «наказание». Их суеверия спокойно сосуществуют с верой в современную медицину: 96 % опрошенных знали о медицинских причинах болезни и 93 % верят в действенность современных методов лечения [2].

Отмечается наличие стереотипов и в нашей стране – как показало исследование, более половины (60 %) опрошенных москвичей (2017, $n = 1\ 167$) считают эпилепсию формой умственной отсталости, а треть (34 %) боятся находится в непосредственной близости с больными эпилепсией [6].

Стигматизация проявляется в ограничении юридических прав – в различных странах (в том числе в РФ) больные эпилепсией ограничены в некоторых свободах, таких как управление автомобилем, военная служба, некоторые виды профессиональной деятельности. Кроме того, имеются и неформальные ограничения. Например, им отказывают в приеме на работу лишь по факту знания принимающей стороны о наличии болезни, вследствие чего люди при трудоустройстве вынуждены скрывать факт болезни [11].

Самостигматизация индивида в свою очередь формируется как реакция на негативное отношение социального окружения и собственное представление о болезни. Самостигматизация – это причина, по которой больной отказывается предпринимать какие-либо действия для интеграции в социум из-за собственных страхов и предубеждений относительно реакции социального окружения, вследствие чего избирает стратегию сокрытия факта своей болезни при взаимодействии с другими людьми. По некоторым данным, почти треть (31 %) пациентов с эпилепсией умалчивают о своем диагнозе сразу после его обнаружения [5]. Высокий уровень самостигмы оказывает влияние на низкий социально-экономический статус [9], безработицу [5], несоблюдение предписанного лечения, частоту приступов [10].

Следствием стигматизации и самостигматизации могут оказаться чувство стыда, апатии и депрессия. Депрессией страдает значительная доля больных эпилепсией – от 20 до 55 %, что значительно выше относительно общей популяции (2–4 %). Более того, риск заболеть эпилепсией при наличии депрессии выше в 4–7 раз. Это значит, что как эпилепсия способствует риску возникновения депрессии, так и депрессия повышает риск развития эпилепсии. Данный вывод наталкивает ученых на мысль об общей биологической природе депрессии и эпилепсии [3]. Депрессия и прочие тревожные расстройства в свою очередь способны привести к суициду. Самоубийство – одна из основных причин смерти у больных эпилепсией. По разным данным, от 5 до 14 % пациентов с эпилепсией кончают жизнь самоубийством либо совершают попытку суицида [4].

Таким образом, среди причин стигматизации больных эпилепсией в общем случае являются различные дискриминационные практики, предрассудки и предубеждения, последствия которых приводят к самостигматизации, к социальной дезадаптации больного человека или затруднению адаптации, к социальной апатии и отторженности, развитию различных психических расстройств (в том числе депрессии) и риску суицида. Все указанные аспекты имеют, в числе прочего, социокультурные основания.

В рамках реализации грантового проекта нами предпринята попытка исследования стигматизации и стигматизирующих социокультурных факторов на большом и репрезентативном материале. Целью настоящей работы была оценка уровня осведомленности об эпилепсии и отношения к больным эпилепсией среди жителей г. Саранска. Для ее реализации разработана специальная строго структурированная анкета-опросник, пригодная для компьютерной обработки и создания банка психодиагностической информации. При разработке анкеты мы опирались на опросник, разработанный коллективом Санкт-Петербургского психоневрологического института им. В. М. Бехтерева*. В марте 2021 г. нами

* Психологическая структура качества жизни больных эпилепсией: пособие для врачей и медицинских психологов. СПб., 2008. 44 с.

было проведено пилотажное исследование ($n = 160$), отбор осуществлялся по квотной выборке и распределялся по признаку пола и возраста. В опросе приняли участие 49 % мужчин и 51 % женщин. Средний возраст респондентов 38 лет, медианный – 39 лет. По уровню дохода на одного человека в семье респонденты распределились следующим образом: до 12 тыс. руб. – 25 %, от 12 тыс. до 20 тыс. руб. – 44 % и более 20 тыс. руб. – 32 %. 61 % респондентов имели высшее образование, 32 % – среднее профессиональное.

Как показали данные проведенного опроса, только половина его участников (48 %) видели эпилептический припадок, у трети (30 %) есть знакомые или родственники, больные эпилепсией.

Половина опрошенных затруднилась ответить на вопрос «Излечима ли эпилепсия?», 39 % ответили отрицательно и лишь 14 % – утвердительно. Тем не менее большинство (88 %) согласны с тем, что эпилепсию следует лечить. Более половины (62 %) полагают, что при квалифицированном лечении достигается лишь уменьшение проявлений заболевания, а не полное излечение. В целом опрошенные оценивают свои знания о болезни как недостаточные (88 %) и одобряют информирование об этом в СМИ (83 %).

Чтобы узнать, существует ли, по мнению жителей Саранска, стигматизация больных эпилепсией, им был задан вопрос «Отражается ли эпилепсия на качестве жизни больного и его социальных возможностях?». Половина (49 %) респондентов согласилась, что стигматизация существует и болезнь «в некоторой степени ухудшает качество жизни и социальные возможности», 18 % ответили, что «качество жизни ухудшается значительно», 7 % – «драматически ухудшается», и лишь 15 % считают, что заболевание никак не отражается на качестве жизни больных эпилепсией.

У респондентов позитивное отношение к высказываниям, указывающим на необходимость инклюзии больных эпилепсией. Большинство (77 %) считают, что детей, страдающих эпилепсией, необходимо допускать к обучению в обычной школе. Также опрошенные солидарны с тем, что больные эпилепсией могут получать среднее профессиональное и высшее образование (94 %).

Однако вопрос о возможности детей, больных эпилепсией, посещать детский сад вместе со здоровыми детьми, разделил респондентов: 32 % посчитали, что такие дети могут посещать детские сады без ограничений, 25 % допускают это лишь при отсутствии проявлений заболевания, 17 % считают, что таким детям следует посещать только специализированные детские сады, 6 % допускают посещение детских садов больными детьми только с согласия родителей остальных детей. Тем не менее большинство ответивших (86 %) разрешили бы своим детям играть со сверстниками, страдающими эпилепсией.

По поводу возможного вступления в брак большинство респондентов ответили, что больные могут создавать семью (93 %), однако по вопросу о том, могли бы сами респонденты вступить в подобный брак, мнения

разделились: лишь 41 % вступили бы в подобный брак, 16 % не готовы создать такую семью и 44 % затруднились ответить.

Вопрос допуска больных эпилепсией к управлению автомобилем также разделил респондентов: 44 % категорически против, 40 % допустили бы только при условии прекращения проявлений заболевания, 16 % затруднились ответить.

Также дифференцированы ответы респондентов о возможности больных отправляться в туристические походы и путешествия – лишь 20 % не допускает никаких ограничений, 40 % считают, что больным можно путешествовать, но ограниченно в зависимости от тяжести болезни, 20 % – под наблюдением врача, 20 % затруднились ответить.

Острой проблемой для больных выступает необходимость информирования работодателей о своем заболевании. Факторы трудоустройства являются дезадаптирующими для лиц, страдающих эпилепсией, они находятся в социальной изоляции, что приводит к стигматизации негативных черт характера и ухудшению течения заболевания. Встает вопрос: как жить с эпилепсией, рассказывать о своем заболевании знакомым или коллегам или скрывать это? Не исключено, что подобная информация вызовет у людей резкое изменение отношения к больному и сделает его жизнь еще более непереносимой. Ответы респондентов подтвердили эту проблему.

При устройстве на работу больные могут скрыть сведения о своей болезни – в этом убеждены только 5 % опрошенных. Чуть менее половины (43 %) считают, что больной должен уведомить об этом администрацию, 35 % – что работник должен сообщить о своем диагнозе только врачам при прохождении медицинской комиссии, 17 % уверены, что больной должен информировать о своем заболевании трудовой коллектив и получить его согласие на совместную работу. За ограничение допуска больных эпилепсией к занятию руководящих должностей выступило 26 % опрошенных, из них 16 % считают, что следует ограничить допуск лишь до наиболее важных должностей, 10 % – что не следует допускать больных к руководству вообще.

Таким образом, опрошенные жители г. Саранска относительно неплохо осведомлены о болезни. В большинстве случаев, они достаточно толерантны к больным эпилепсией, однако на уровне межличностных взаимодействий предпочитают сторониться и дистанцироваться от непосредственного контакта с ними. Проведенное исследование уже на предварительном этапе анализа позволило выявить высокий уровень внешней стигматизации больных эпилепсией, отражающийся на их социальном функционировании, социальной адаптации и других аспектах, снижающих качество жизни.

Список использованных источников

1. Adewumi T. Public perception and attitude towards people living with epilepsy in Nigeria / T. Adewumi, E. Oladipo, A. O. Adewuya // *Epilepsy & Behavior*. – 2020. – Vol. 106. – P. 107033.

2. Alkhamees H. A. The beliefs among patients with epilepsy in Saudi Arabia about the causes and treatment of epilepsy and other aspects / H. A. Alkhamees, C. E. Selai, S. D. Shorvon // *Epilepsy & Behavior*. – 2015. – Vol. 53. – P. 135–139.
3. Depressive behavior and selective downregulation of serotonin receptor expression after early-life seizures: reversal by environmental enrichment / S. Koh [et al.] // *Epilepsy & Behavior*. – 2007. – Vol. 10. – № 1. – P. 26–31.
4. Depression, hopelessness and suicide risk among patients suffering from epilepsy / M. Pompili [et al.] // *Ann Ist Super Sanita*. – 2007. – Vol. 43. – № 4. – P. 425–429.
5. Genetic causal attribution of epilepsy and its implications for felt stigma / M. Sabatello [et al.] // *Epilepsia*. – 2015. – Vol. 56, № 10. – P. 1542–1550.
6. Attitudes towards people with epilepsy in Moscow / A. Guekht [et al.] // *Epilepsy & Behavior*. – 2017. – Vol. 70. – P. 182–186.
7. Henok A. Knowledge about and attitude towards epilepsy among Menit Community, Southwest Ethiopia / A. Henok, T. Lamaro // *Ethiopian journal of health sciences*. – 2017. – Vol. 27. – № 1. – P. 47–58.
8. Religious beliefs about causes and treatment of epilepsy / H. Ismail [et al.] // *British journal of general practice*. – 2005. – Vol. 55. – № 510. – P. 26–31.
9. Kanner A. M. Depression in epilepsy: a common but often unrecognized comorbid malady / A. M. Kanner, S. Palac // *Epilepsy & Behavior*. – 2000. – Vol. 1. – № 1. – P. 37–51.
10. Scambler G. Being epileptic: coming to terms with stigma / G. Scambler, A. Hopkins // *Sociology of health & illness*. – 1986. – Vol. 8, № 1. – P. 26–43.
11. Factors affecting the employability in people with epilepsy / M. C. M. Wo [et al.] // *Epilepsy research*. – 2016. – Vol. 128. – P. 6–11.

УДК 316.754

НОРМЫ ПРАВА, МОРАЛИ И РЕЛИГИИ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ*

NORMS OF LAW, MORALS AND RELIGION IN THE VIEWS OF LAW STUDENTS

С. Г. Ушкин, *канд. социол. наук*
Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, посвященного изучению норм права, морали и религии в социальном воображаемом студентов-юристов. Раскрывается взаимосвязь рассматриваемых понятий, приводятся данные о важности их соблюдения среди опрошенных молодых людей.

Abstract. The article presents the results of a sociological study devoted to the study of the norms of law, morality and religion in the social imaginary of law students. The interrelation of the considered concepts is revealed, data on the importance of their observance among the surveyed young people are given.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00082).

Ключевые слова: нормы права, нормы морали, нормы религии.
Keywords: norms of law, norms of morality, norms of religion.

Нормы права, морали и религии играют важную роль в человеческой жизни. Исторически их соблюдение – неотъемлемое условие существования общественного договора, направленного на предотвращение гоббсовской войны всех против всех. Выстраиваемый на их основании хрупкий баланс между государством и обществом обуславливают степень политической свободы граждан [1].

Цель настоящей работы – рассмотреть, каким образом студенты-юристы, представляющие тех, кто в перспективе должен не только заниматься правоприменением, но и вовлекаться в процессы правотворчества, оценивают значимость соблюдения норм права, морали и религии. Исследование базируется на результатах авторского социологического опроса, проведенного на базе филиалов Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в восьми российских городах – Ижевске, Казани, Калуге, Петрозаводске, Саранске, Саратове, Туле и Хабаровске. Оно выполнено с апреля по сентябрь 2020 г. Всего в исследовании приняли участие свыше 1 000 респондентов, после нормализации выборки по полу, форме и месту обучения отобрано 415 результативных анкет.

Проведенное исследование свидетельствует, что менее десятой части опрошенных (7 %) не видит тесной связи между нормами права, морали и религии. Подавляющее же большинство респондентов (88 %) заявляют либо о полном, либо о частичном их взаимопроникновении (рис. 1).

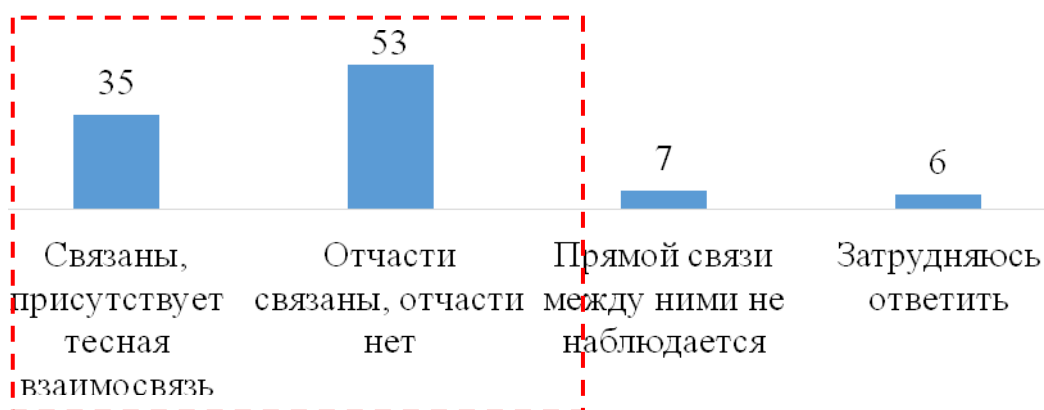

Рис. 1. Представления студентов-юристов о взаимосвязи норм права, морали и религии, %

Показательно, что важность соблюдения норм права и морали в повседневной жизни респонденты оценивают высоко (на 8,58 и на 8,47 балла из 10 максимально возможных соответственно), в то время как ценность норм религии для них существенно ниже (5,51 балла) (рис. 2).

Рис. 2. Оценки студентами-юристами важности соблюдения норм права, морали и религии, баллы

По всем рассматриваемым показателям значимость их соблюдения выше оценивается теми, кто называет себя верующими людьми. Однако, если касательно норм права соотношение оценок верующих и неверующих отличается незначительно и составляет 8,66 и 8,46 балла соответственно, а норм морали – 8,67 и 8,14 балла соответственно, то в отношении норм религии наблюдаются существенные расхождения – 6,49 против 3,81 соответственно.

Главенство закона в представлениях тех, кто его будет регулировать и совершенствовать, безусловно, представляется позитивной тенденцией, особенно на фоне усиливающейся фрагментации общества, появления все новых и новых условий для его раскола. Например, наши предыдущие исследования говорят о том, что современная молодежь расколота на два лагеря: в первом те, кто придерживается либеральных ценностей; во втором – коммуитаристских [3]. Этот тезис коррелирует с данными, публикуемыми исследователями из Института социологии РАН, где говорится о том, что большинство молодых россиян склоняются либо к западной модели демократии, либо к советскому социализму [2, 4].

Можно с осторожностью говорить о том, что постепенно наше общество движется к модели, где базисом правоприменительной деятельности и правотворческих инициатив будут выступать законность, нахождение в правовом поле, а не в пресловутой «клетке норм», призванной поддерживать общественный порядок в отсутствие Левиафана. В этом смысле можно говорить об унификации ценностно-нормативных представлений студентов-юристов, однако по ряду других показателей подобного единодушия не наблюдается.

Список использованных источников

1. Аджемоглу Д. Узкий коридор / Д. Аджемоглу, Д. А. Робинсон ; пер. с англ. О. Перфильева. – М. : АСТ, 2021.
2. Карпухин О. И. Молодежь России: бремя выбора / О. И. Карпухин, С. Н. Комиссаров // Соц.-гуманитар. знания. – 2020. – № 6. – С. 110–130.
3. Коваль Е. А. Пути России в будущее. Готово ли наше общество стать «хорошим»? / Е. А. Коваль, С. Г. Ушкин // Социол. исслед. – 2018. – № 2. – С. 136–145.

УДК 323.329:378(470.345)

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

FEATURES OF SOCIAL FEELING HUMANITARIAN INTELLIGENCE IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

М. В. Федосеева

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Аннотация. В данной статье фокус обращен к изучению социального самочувствия гуманитарной интеллигенции в региональном социуме. На основе эмпирических данных делается вывод о поступательном снижении показателей социального самочувствия исследуемой группы ввиду прекаризованных условий ее социальной жизни.

Abstract. In this article, the focus is on the study of the social well-being of the humanitarian intelligentsia in the regional society. Based on empirical data, a conclusion is made about a gradual decrease in the indicators of social well-being of the studied group in view of the precarious conditions of its social life.

Ключевые слова: гуманитарная интеллигенция, социальное самочувствие, идентичность, социально-экономический статус, профессиональная деятельность.

Keywords: humanitarian intelligentsia, social well-being, identity, socio-economic status, professional activity.

В российском обществе длительное время происходит трансформация сложившейся социальной структуры. Существенные изменения затронули и слой интеллигенции, который сегодня представляет собой «результат объективных изменений в обществе и государстве, которые влияют не столько на ее численность, сколько на важнейшие ее черты, характеризующие смысл, образ и стиль ее жизни» [7], то есть идентичность.

Основные проблема и противоречие ситуации состоят в том, что интеллигенция выступает не только «социальной силой», обеспечивающей общественный прогресс, но и ресурсом воспроизводства культурных образцов и идеалов, паттернов поведения, национального (этнического) самосознания, а также просветительства в целом. Очевидно, что выполнение представителями интеллигенции своей социальной функции во многом обусловлено востребованностью их потенциала, соответствием социальных

притязаний занимаемой позиции в обществе, поэтому в данной работе исследовательский фокус обращен к изучению социального самочувствия гуманитарной интеллигенции в региональном социуме.

Под *социальным самочувствием* мы понимаем теоретический конструкт, связанный с комплексным изучением жизненных притязаний социальных или профессиональных групп [5], их адаптационных стратегий [2], удовлетворенности различными аспектами жизнедеятельности [4], а также эмоционально-оценочное отношение индивида или группы к значимым событиям в конкретных социальных условиях.

Эмпирические данные получены в ходе социологического исследования, объектом которого выступили представители интеллектуального сообщества Республики Мордовия, профессиональная принадлежность которых находится в границах социальной сферы (*ученые, преподаватели вузов, учителя, представители органов власти и управления, деятели культуры, искусства и др.*). Опрошены 154 респондента в возрасте 18 лет и старше, из них 26,6 % мужчин и 73,4 % женщин (исследование проведено ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» при участии автора в июне – августе 2019 г.).

Разделяем позицию Д. С. Попова, который полагает, что интеллигенция сегодня трансформируется в условную («виртуальную») социальную общность. Поскольку в социальной структуре общества определить интеллигенцию по формальным признакам нередко невозможно, постольку на первый план выходят ее самовосприятие и самоидентификация, а также принятие социальных ролей [6]. По данным опроса, более 80,0 % респондентов в той или иной степени ощущают свою *ответственность за «судьбу страны»*. Региональная интеллигенция видит свое предназначение прежде всего в *поддержании духовно-нравственного потенциала* (71,9 %). Следует отметить, что значительную долю опрошенных составили представители мордовского этноса (50,3 %), которые подчеркивают важность *сохранения и трансляции национальных и культурных ценностей* – 72,7 % (среди остальных респондентов данную позицию разделяют лишь 46,1 %). Можно предположить, что консолидирующие конструкты внутри данной социальной общности не утрачены и продолжают воспроизводиться ее представителями.

Наряду с базовыми ценностями на уровне повседневности (здоровье, семья, безопасность и др.), важным элементом ценностного набора интеллигенции является *социальная справедливость* (63,2 %). Такая акцентуация вполне объяснима социально-экономической дифференциацией, неравномерным распределением социальных ресурсов (власть, доход и др.), затронувшими практически все слои общества. На этом фоне происходит девальвация ценности гражданской активности среди интеллигенции, поскольку ее представители отмечают отсутствие возможности влиять на ситуацию в стране и регионе. Озвученную тенденцию подтверждают данные общероссийских исследований [3].

Профессиональная деятельность занимает центральное место в

иерархии ценностей и «жизненных потребностей» гуманитарной интеллигенции. Отличительными чертами исследуемой группы является приверженность выбранной профессии, субъективное ощущение «важности» своего труда. Большинство опрошенных (87,0 %) в той или иной степени считают себя успешными в профессиональной сфере, высоко оценивая ее социальную значимость (51,3 %). Позитивное восприятие себя как профессионала и преданность выбранной сфере деятельности позволяет предположить, что гуманитарная интеллигенция аккумулирует в себе «социальную силу», направленную не только на качественное выполнение трудовых обязанностей, но и на приращение социокультурного потенциала страны (региона). Однако распространенной практикой в бюджетных организациях, где чаще всего работают представители гуманитарной интеллигенции региона, становится заключение трудовых договоров с ограничением временного интервала, сокращение ставок и т.д. Потеря устойчивых позиций в трудовой сфере, прекаризованность занятости негативно влияют не только на качество труда, но и на социальное самочувствие интеллигенции в целом [1].

Большинство представителей гуманитарной интеллигенции отмечают, что профессиональная деятельность не обеспечивает им соответствующий экономический статус (77,8 %). Для сравнения: среди населения республики доля респондентов, не удовлетворенных получаемым доходом, составляет около половины – 49,4 % (по данным социологического опроса ГКУ РМ НЦСЭМ, 2018 г.). Полученные данные позволяют констатировать сравнительно более высокий уровень социальных притязаний среди интеллигенции, обусловленный соответствующим образовательным капиталом и квалификацией, а также распространение статусной рассогласованности (несоответствия уровня образования и социальной позиции в обществе).

Социальные ожидания интеллигенции представляют собой «осторожный оптимизм»: около трети опрошенных прогнозируют позитивные изменения в регионе лишь в долгосрочной перспективе, при этом доля негативных прогнозов составила 23,4 %.

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы.

Во-первых, наблюдается *сохранение базовых ценностных конструктов*, исторически присущих гуманитарной интеллигенции. В регионе сильна *этническая составляющая* внутригрупповой солидарности. Однако сегодня важным консолидирующим фактором для интеллигенции выступает стремление к самосохранению.

Во-вторых, финансовое положение гуманитарной интеллигенции, как и населения региона в целом, характеризуется нисходящим трендом. Несмотря на то, что уровень дохода интеллигенции в регионе сравнительно выше, чем населения в целом, показатель удовлетворенности экономическим статусом среди ее представителей ниже.

В-третьих, интеллигенция, будучи в советский период ядром среднего

класса, утратила свои позиции и находится сегодня в прекарном (неустойчивом) положении, что провоцирует негативные установки относительно удовлетворенности жизнью в целом.

Подводя итог, необходимо отметить, что системное развитие общества постмодерна *невозможно без интеллигенции* (интеллектуальных групп). Динамизм социальных процессов и стремительное развитие информационных ресурсов требуют формирования «универсальной» интеллигенции, ориентированной на решение не только профессиональных, но и остросоциальных проблем. Однако эффективное включение интеллигенции в решение поставленных проблем затруднено в контексте прекаризованных условий ее социальной жизни.

Список использованных источников

1. Анисимов Р. И. Будущее интеллигенции в социальной структуре общества постмодерна // Интеллигенция: многообразие образов и стилей жизни / Центр социол. исслед. ; под общ. ред. Ж. Т. Тощенко ; ред.-сост. М. С. Цапко, Е. В. Зверев. – М. : РГГУ, 2020. – С. 100–119.
2. Гриценко Г. Д. Социальное самочувствие и социальная адаптация: соотношение понятий // Universum : Обществ. науки : электрон. науч. журн. – 2014. – № 6 (7). – URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1419> (дата обращения: 15.08.2021).
3. Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки : коллектив. моногр. / отв. ред. Ж. Т. Тощенко. – М. : Центр соц. прогнозирования и маркетинга, 2018. – С. 21–22.
4. Орлова Л. А. О социальном самочувствии учителей Московской области // Социол. исслед. – 1998. – № 8. – С. 89–94.
5. Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социол. исслед. – 2000. – № 12. – С. 50–55.
6. Попов Д. С. Проблема самосознания современной российской интеллигенции: траектории трансформации : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Д. С. Попов. – М., 2006.
7. Тощенко Ж. Т. Современная российская интеллигенция: от гомогенности к сословности // Интеллигенция: многообразие образов и стилей жизни / Центр социол. исслед. ; под общ. ред. Ж. Т. Тощенко ; ред.-сост.: М. С. Цапко, Е. В. Зверев. – М. : РГГУ, 2020. – С. 12–19.

УДК 378:316.1

ДЕФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ: СИТУАЦИЯ С УНИВЕРСИТЕТАМИ И НАУКОЙ

THE DEFORMATION OF MODERN SOCIETY IN THE GLOBAL CONSUMER SOCIETY: THE SITUATION WITH UNIVERSITIES AND SCIENCE

В. П. Шалаев, проф., д-р филос. наук

Поволжский государственный технологический университет

Аннотация. В статье с критических позиций исследуются проблема деформации современного социума в глобальном обществе потребления и ее

социальные последствия. С авторских позиций приводится значительный перечень «обвинений» в адрес глобального общества потребления в разрушении значимых для социума основ устойчивого воспроизводства и развития современного российского общества и его региональных сообществ. Предметным примером авторского анализа стала экспертная оценка состояния современного института образования и науки и его влияния на развитие человека и общества, в том числе на развитие регионального российского общества.

Abstract. The article, from a critical point of view, explores the problem of the deformation of modern society in a global consumption society and its social consequences. The article from copyright positions provides a significant list of "accusations" against the global consumption society of destroying the foundations of sustainable reproduction and development of modern Russian society and its regional communities that are significant for society. A subject example of author's analysis was an expert assessment of the state of the modern institute of education and science and its impact on the development of man and society, including on the development of regional Russian society.

Ключевые слова: глобальное общество потребления, деформация социума, университетское образование, наука.

Keywords: global society of consumption, deformation of society, university education, science.

Общество потребления и социальный хаос возрастают: макроситуация, некоторые тенденции.

1. Растет дефицит ресурсов жизни человека (оскудение природы и оскудение здоровья человека).

2. Нарастают риски глобальных проблем современности (разрушение внешнего и внутреннего природного мира человека). Разрушение природного и телесного здоровья человека.

3. Нарастает борьба мировоззрений, культур и цивилизаций в планетарном мире народов.

4. Разрушение поддерживающих человека традиционных социальных институтов общества (традиционные – семья, мораль, религия, кровное родство, коллективизм.).

5. Депопуляция цивилизованных народов. Разрушение человеческой основы жизни.

6. Нарастание бездуховности и антигуманизма в общественных ценностях и практиках жизни и т. д. («По ту сторону добра и зла»).

7. Утрата трудовой этики и аскезы, нарастание потребительства, потеря мотивации населения к труду.

8. Нарастание социального нарциссизма в обществе.

9. Нарастание неприятия, противостояния и борьбы поколений в обществе (разобщенность поколений).

10. Ослабление креативности народов в планетарном мире. Рост дефицита свободного творчества.

11. Нарастание социального нигилизма в мире, на Западе и на Востоке (неприятие сложившегося социального порядка).

12. Рост протестных настроений населения (активизма) и турбулентности общественных процессов в мире.

13. Нарастание диффузии науки как инструмента общественного развития (дефундаментализация, дегуманизация, прикладнизация, коммерциализация науки).

14. Деформация образования (падение общей образованности и профессионализма поколений). И т. д.

Художественные образы потребительского мира в ситуации социального хаоса.

Наиболее точным и ясным художественным образом возрастающего социального хаоса, посеянного глобальным обществом потребления, с нашей точки зрения, является «Герника» (исп. *guernica*) – картина Пабло Пикассо, написанная в мае 1937 года. В «Гернике» отражен образ современного мира человека, все более разорванного, конфликтного и все более хаотичного и слабо прогнозируемого в своем будущем (гиперболизированного мира) (рис. 1). Важными деталями этого мира являются документальные и художественные образы примитивизации человека и общества (рис. 2–7).

Рис. 1. «Герника». Образ разорванного мира

Рис. 2. Возрастающий Левиафан общества потребления в современном мире

Рис. 3. Гипермаркет как фрактальный образ общества потребления

Рис. 4. Потребительское рабство

Рис. 5. Свалка. Отходы – оборотная сторона Левиафана Потребления

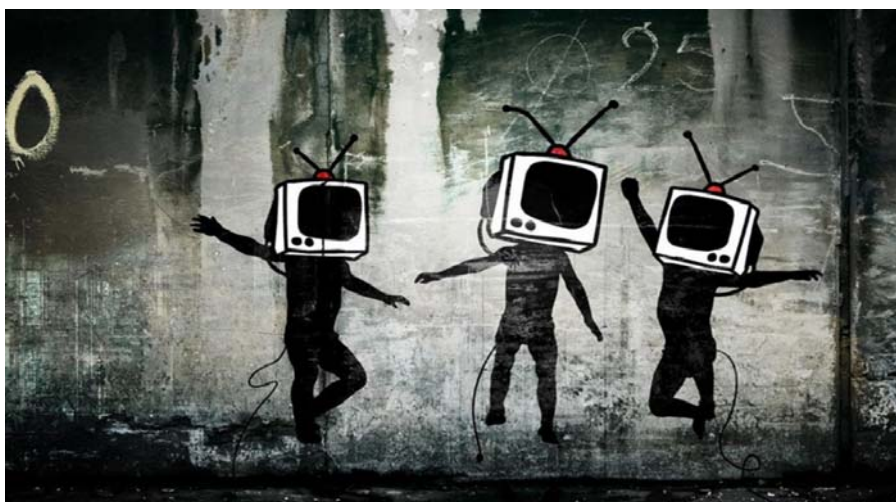

Рис. 6. Человек-«приемник» как центральный образ общества потребления

Рис. 7. Абстрактные индивиды общества потребления.
Социальные дистанции возрастают

Мы рискнули провести некоторые обобщения конкретных последствий влияния возрастающего общества потребления на такие важные для современного российского общества и его регионов социальные институты устойчивого воспроизводства и развития общества, как «Университетское образование» и «Наука».

Ситуация с университетским образованием и наукой. Критические экспертные вопросы к современному университетскому образованию и науке в России и ее регионах. Итак, вот эти тенденции:

1. Дефундаментализация науки (размывание фундаментальных исследований).

2. Прикладнизация (ориентация на прикладные, узкоотраслевые, потребительские, рыночные знания и навыки).

3. Уход науки в технологизацию (направленность на конструирование искусственной реальности: мейнстрим информатизации, виртуализация реальности, а не ее изучение).

4. Деэтизация и прагматизация науки (наука как экономики и политики).

5. Узкая специализированность (препарация науки) в научных исследованиях, постепенная утрата навыков больших теорий (теории природы, теории общества, теории человека...).

6. Мелкотемье научных исследований. Из науки уходят крупные, общечеловеческие темы и проблемы (устройство мира и общества, перспективы человека и закономерности их развития...). Уменьшение масштаба мышления в науке.

7. Коммерциализация науки (ориентация науки на быстрый практический эффект и финансовый результат как высший критерий).

8. Сервисизация науки (превращение науки в служанку сервисных практик в экономической жизни общества, наука как служанка сервиса).

9. Кризис общенаучных методологий. Дефицит общенаучных языков общения. Расхождение наук. Рост межнаучных дистанций.

10. Слабая готовность к междисциплинарному диалогу. Постепенное окукливание наук и научных языков.

11. Утрата аскетизма и трудовой этики ученых (потребительские тенденции ученых, ориентация на формальные ценности, быстрый результат).

12. Разрушение кадрового потенциала в науках (разрушение условий по подготовке сильного студента, аспиранта, исследователя...).

13. Формализация науки (борьба за гранты, финансирование как показатели аккредитации ученого, лаборатории, вуза, а не как факторы научного развития).

14. Разрушение научных школ. Утрата преемственности научных поколений в науке. Утрата преемственности научных знаний.

15. Метаморфозы и трансформации научных элит (научные элиты по принципу доступа к финансам и власти).

Правомочны вопросы, что дальше и что делать.

Все сложно и просто. Россия и мир ждут новую позитивную повестку дня, новую позитивную общественную теорию развития человека и общества, новый позитивный, общественный и ответственный тип лидера.

Список использованных источников

1. Петрушков М. Г. Гибридные войны и национальная безопасность Российской Федерации / М. Г. Петрушков, В. П. Шалаев // SocioTime / Соц. время. – 2019. – № 4 (20). – С. 37–47.
2. Шалаев В. П. Бифуркационный человек в глобальном обществе потребления // SocioTime / Соц. время. – 2016. – № 2 (6). – С. 71–81.
3. Шалаев В. П. Глобализация как западофикация и колонизация мира и эпилог западной оси мировой истории // Socio Time / Соц. время. – 2015. – № 2. – С. 50–59.
4. Шалаев В. П. Не запад в глобальном обществе потребления: безопасность и аттракторы развития // SocioTime / Соц. время. – 2019. – № 3 (19). – С. 51–64.
5. Шалаев В. П. Осторожно, мутация: человек и общество перед вызовами глобализации, западофикации и потребления: противоречия нарастают // Socio Time / Соц. время. – 2015. – № 3. – С. 48–57.
6. Шалаев В. П. Синергетический образ университетской науки в условиях вызовов современности: между хаосом и порядком (опыт критического анализа) // SocioTime / Соц. время. – 2020. – № 2 (22). – С. 66–73.
7. Шалаев В. П. Философское знание на переломе эпох в пространстве глобального капитализма: в поисках нового статуса // SocioTime / Соц. время. – 2016. – № 1(5). – С. 31–50.
8. Шалаев В. П. Человек и общество в глобализированном мире: вызовы, метаморфозы и перспективы : монография / В. П. Шалаев. – Йошкар-Ола, 2015. – 288 с.

УДК 37:008:33

УКРЕПЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

STRENGTHENING HUMAN POTENTIAL: EDUCATIONAL AND CULTURAL ASPECTS

Е. В. Щербинкина
МГПУ им. М. Е. Евсевьева

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы состояния человеческого потенциала Российской Федерации, анализируется влияние образовательной и культурной составляющей гармоничного развития личности на рост «человеческого капитала», обосновываются задачи органов власти и управления в реализации государственной культурной политики.

Abstract. The article deals with the state of human potential of the Russian Federation, analyzes the influence of the educational and cultural component of the harmonious development of personality on the growth of "human capital", justifies

the tasks of authorities and administration in the implementation of state cultural policy.

Ключевые слова: человеческий потенциал, гармоничное развитие, личность, культура, культурная политика, образование.

Keywords: human potential, harmonious development, personality, culture, cultural policy, education.

В социально ориентированном государстве укрепление и развитие человеческого потенциала является краеугольной задачей. От уровня развития человеческого потенциала в решающей степени зависят процветание государства, качество жизни населения. Вот почему повышение внимания к гармоничному развитию личности, стремление к гармонизации межличностных взаимоотношений в России медленно, но верно выстраивается в новую парадигму оценки результативности экономики, а именно изменение качества и уровня жизни населения.

Отметим, что жители России по продолжительности жизни значительно уступают населению развитых стран с социально ориентированной экономикой. Средняя продолжительность жизни россиян составляет 72,7 года. В рейтинге стран по данному показателю Российская Федерация находится на 116-м месте, соседствуя с Северной Кореей и государством Белиз. Смертность от внешних факторов в России в 3–4 раза превышает показатели европейских стран, лидирующих по уровню человеческого развития [1, с. 316].

Российская Федерация занимает первое место в Европе по степени социального расслоения. Напомним, что первое место в рейтинге по индексу человеческого развития с учетом неравенства занимает Япония. По индексу развития, скорректированному с учетом социально-экономического неравенства, Российская Федерация входит в группу стран с высоким уровнем человеческого развития и занимает в ней одно из последних мест. Главная причина, благодаря которой России удается удерживаться на столь высоких позициях в мировом рейтинге по индексу развития человека, связана с высоким уровнем образованности населения.

К основополагающим задачам федерального уровня в рамках культурной политики относятся:

- законодательное обеспечение работ по развитию творческой деятельности в учреждениях культуры;
- законодательная защита национальной культуры и языка;
- создание возможностей для вовлечения различных слоев населения, особенно детей и юношества, в творчески активную жизнь;
- противостояние негативному воздействию коммерциализации в сфере культуры.

К задачам регионального уровня следует отнести:

- административную децентрализацию в сфере культуры;

- обеспечение развития региональных культур и сохранения культурного наследия;
- обеспечение взаимопонимания между различными этнокультурными группами населения региона.

Задачами местного уровня управления следует считать:

- развитие общественной эстетически организованной среды;
- оживление местной культурной жизни, усиление местной самодеятельности в многообразии жанров и направлений и локального своеобразия;
- реализация системы домашнего досуга.

В настоящее время это деление задач уже произошло, речь идет о формировании методологического и методического инструментария, необходимого для реализации поставленных задач.

В настоящее время остро необходим принципиально новый путь в решении вопросов выбора приоритетов развития сферы культуры, с учетом того что каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания, свобода массовой информации [2, с. 498]. Серьезным подспорьем в этом стало законодательство об охране интеллектуальной собственности. Кроме того, согласно Конституции Российской Федерации «каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям»; «каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры».

Среди задач, стоящих перед культурной политикой, основной считается задача по созданию эффективных механизмов управления культурными ресурсами региона с целью использования «культурного капитала».

К региональным задачам следует отнести преодоление культурной изоляции, обогащение межрегионального и межнационального культурного обмена путем увеличения числа таких мероприятий, как фестивали, выставки, театральные гастроли.

Следует отметить, что культурно-досуговая деятельность в нашем обществе является автономным образованием, в то же время она тесно связана с другими видами деятельности: бытовой, религиозной, торговой, социальной, политической.

В рамках проекта «Успех каждого ребенка» созданы 18 922 новых учебных места в организациях дополнительного образования детей. С 2019 г. работает региональный центр выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи «Мира» и Дом научной коллаборации им. академика Е. М. Дианова МГУ им. Н. П. Огарёва. В рамках проекта «Цифровая образовательная среда» в 78 образовательных организациях обновлены компьютерное оборудование и программное обеспечение, а также построены 6 школ, 22 детских сада, получено

285 школьных автобусов. Кроме того, открыто 5 детских технопарков «Кванториум», открыты центр цифрового образования детей, 99 центров образования детей «Точка роста», в 24 сельских школах произведен ремонт спортивных залов и закуплен спортивный инвентарь [3].

Согласно региональному проекту «Творческие люди» поддержаны 9 заявок в рамках грантовой деятельности на реализацию творческих проектов в сфере культуры на общую сумму 18 млн рублей. Осуществлена государственная поддержка в форме субсидии на приобретение оборудования 70 сельским учреждениям культуры во всех муниципальных районах республики.

В рамках проекта «Культура малой Родины» по направлению «Местный дом культуры» модернизировано 117 сельских учреждений культуры. По направлению «Театры – детям» новое оборудование и средства на новые постановки ежегодно получают Государственный театр кукол Республики Мордовия и Театр актера и куклы «Крошка» (г. Саранск) [4].

Таким образом, для успешного решения задач развития человеческого потенциала, гармоничного развития личности образовательная и культурная составляющие имеют особое значение. Капитализация в них серьезно усилит человеческий капитал, повысит его отдачу. Кроме того, перераспределение бюджетных средств в пользу повышения уровня и качества жизни людей имеет к образовательной и культурной составляющей непосредственное отношение.

Список использованных источников

1. Липатова Л. Н. Развитие человеческого потенциала России: основные достижения и угрозы / Л. Н. Липатова, В. Н. Градусова // Регионоведение. – 2019 г. – Т. 27. – № 2. – С. 310–325.
2. Сенникова И. Л. Проблемы развития государственной культурной политики в регионах России // Трансформация социальных отношений в региональном социуме : VI Сухарев. чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Саранск, 12 окт. 2016 г. / редкол.: С. М. Вдовин [и др.] ; Науч. центр соц.-экон. мониторинга. – Саранск, 2016. – С. 497–501.
3. URL: <https://mo.edurm.ru/shortcodes/novosti/4599-v-ramkakh-realizatsii-federalnogo-proekta-uspek-kazhdogo-rebjonka-1-sentyabrya-2021-goda-v-73-obrazovatelnykh-organizatsiyakh-respubliki-otkrylis-14-437-novykh-mest-dopolnitelnogo-obrazovaniya-detej> (дата обращения 07.09.2021).
4. URL: <https://mktrm.ru/documents> (дата обращения 07.09.2021).

**СЛОЖИВШИЕСЯ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ
КАЧЕСТВА УСЛОВИЙ ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ**

**ESTABLISHED PRACTICES OF METHODOLOGICAL
FOUNDATIONS CONSTRUCTION FOR AN INDEPENDENT
ASSESSMENT OF THE QUALITY OF CONDITIONS FOR THE
PROVISION OF SOCIAL SERVICES**

Н. П. Щукина, *проф., д-р социол. наук*
Самарский государственный медицинский университет

Аннотация. В статье речь идет о практиках применения разработанных Минтрудом России методических рекомендаций по независимой оценке качества условий оказания социальных услуг. Проблематизируется возможность ранжирования исследуемых организаций в силу доминирования в изучаемых практиках интернет-опросов получателей услуг, а также в силу специфики организаций-операторов и способов их отбора.

Abstract. The article deals with the practice of applying the methodological recommendations developed by The Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation on an independent assessment of the quality of conditions for the provision of social services. The possibility of ranking the studied organizations is problematic due to the dominance in the studied practices of Internet surveys of service recipients, as well as due to the specifics of operating organizations and the methods of their selection.

Ключевые слова: независимая оценка качества условий оказания социальных услуг, методы независимой оценки качества условий оказания социальных услуг, публичные слушания, общественная экспертиза.

Keywords: independent assessment of the quality of conditions for the provision of social services, methods of independent assessment of the quality of conditions for the provision of social services, public hearings, public expert analysis.

В фокусе нашего внимания регион, выступивший в свое время пилотной площадкой по становлению независимой оценки качества условий оказания услуг учреждениями социальной сферы (далее – НОК). Участие в общественной экспертизе регионального бюджета на протяжении всего периода институционализации НОК* позволяет нам подвести определенную

* Автор данной статьи с 2009 г. является общественным экспертом по бюджетным расходам региональных министерств образования и науки, здравоохранения, социально-демографической и семейной политики, на площадках которых ежегодно проходят публичные слушания с вынесением в последние годы на них и вопросов НОК.

черту под наблюдаемыми практиками обсуждения данной проблематики на публичных слушаниях по региональному бюджету (далее – ПС). Иными словами, основными методами проведенного нами исследования являются включенное наблюдение и анализ документов.

В статье акцент сделан на результатах наблюдений периода 2018–2021 гг. в связи с принятием в 2018 г. [3] методики НОК (далее – Методика), с одной стороны, и неоднократным вынесением на ПС вопросов ее применения в учреждениях социальной сферы¹. Согласно Методике НОК осуществляется «в целях определения удовлетворенности качеством условий получения социальных услуг, и по итогам такой оценки формируются предложения по улучшению» этого качества «по каждой организации социальной сферы» [3].

Представляется весьма важным обращение к практикам применения анкеты – одного из ключевых инструментов НОК, на основе которого фактически и ранжируются ежегодно исследуемые организации. Заметим, что эта анкета, размещенная в приложении к Методике (далее – Анкета), носит рекомендательный характер. В этой связи логичен вопрос о том, какие коррективы вносят в этот инструмент организации-операторы, осуществляющие НОК. Ведь речь идет об исследовании разнотипных организаций социальной сферы, с разными по количественному и качественному составу получателями услуг. Действительно, одно дело образовательные организации, сотни которых с десятками тысяч получателей образовательных услуг ежегодно опрашиваются на тему качества условий получения данных услуг. Так, в 2021 г. НОК проводилась в 528 образовательных организациях региона, планируется опросить 85 760 респондентов, обучающихся в этих организациях по разнотипным программам *«среднего профессионального образования, основным программам профессионального обучения, дополнительным общеобразовательным программам»* (из наблюдений ПС от 25.12.2021 г. и переписки с кураторами НОК от министерства). Другое дело – учреждения социальной защиты и здравоохранения, в первых из них в 2021 г. уже опрошены клиенты 29 организаций с 4 984 респондентами². Заметим, что в числе респондентов в 2021 г. – клиенты *«психоневрологических интернатов»* (5 из 29 организаций) и *«интерната для умственно отсталых детей»*. Вопросы о том, кто представлял интересы этих получателей социальных услуг и чем отличался инструмент опроса, в данных случаях остается фактически за кадром в отчетной документации организаций-операторов. Примечателен факт формирования выборочной совокупности: даже когда генеральная совокупность в исследуемой организации небольшая, например

¹ В фокусе исследовательского интереса лишь те учреждения социальной сферы, на площадках которых ежегодно проходят ПС, предоставляя тем самым общественным экспертам как представителям гражданского общества возможность систематически и оперативно работать с материалами НОК.

² В условиях пандемии COVID-19 НОК в ряде случаев не проводится, например в учреждениях здравоохранения.

16, 20 человек, проводится не сплошной опрос и выборочная совокупность формируется исключительно по принципу строгого обеспечения в ней 40 % представительства получателей услуг. Иными словами, организации-операторы фактически абстрагируются от значимости сплошного опроса в подобных случаях. Абстрагируются они и от учета того, что реальная генеральная совокупность нередко бывает меньше идеальной, тем более, в случаях НОК, проводимых в «психоневрологических интернатах». Примечательно и другое: в ответ на запросы общественных экспертов о причинах такого отношения к формированию выборки говорится, что НОК – не научное исследование; включение же в выборку 40 % от генеральной совокупности соответствует «норме законодательства» (из наблюдений от 17.02.2021 г.¹ и переписки общественных экспертов с кураторами и исполнителями НОК). Более того, еще до пандемии получили распространение интернет-опросы получателей услуг, на основе которых и происходит в итоге ранжирование исследованных организаций.

Разумеется, иногда организации-операторы прибегают к использованию нескольких типов анкет и заявляют о других методах проведения НОК, включая экспертный опрос, структурированное наблюдение. Однако отсутствует информация, например, о количестве экспертов, принципах их отбора. На вопросы же, задаваемые на этот счет общественными экспертами, следует ответ о работе, проведенной *«аналитиком с высшим экономическим образованием, с участием социолога, окончившего с красным дипломом... государственный университет по специальности „Социология“»*. И далее – *«отбор был простым, столь ответственную работу поручили лучшим специалистам, имеющим большой опыт в данных исследованиях»* (из переписки с одной из организаций-операторов от 27 сентября 2021 г.). Иными словами, наблюдаются подмена понятий, фактическое игнорирование значимости принципов отбора экспертов [1, с. 137]. Думается, что такое игнорирование связано во многом со спецификой организаций-операторов, которыми все чаще становятся «посредники, не ведущие реальной деятельности» [4], у которых до 20–60 разнонаправленных видов работ, включая оптовую и розничную торговлю мясом, текстильными изделиями.

Что касается «ненаучного» характера НОК, то «оправдывающая» ее позиция высказывалась не раз как кураторами НОК от министерств, организациями-исполнителями, так и представителями общественных советов по НОК, замечаящими, что в законодательстве не прописана необходимость научного характера НОК. Трудно согласиться с такой позицией уже в силу того, что государство в данном случае использует механизмы, учитывающие мнения людей, что предполагает непосредственное участие профессиональных социологических структур [2, с. 227]. Свидетельством требований научности НОК, думается, является и

¹ Круглый стол был посвящен сложившимся практикам проведения НОК в учреждениях социальной сферы исследуемого региона.

используемая в Методике терминология, включающая «генеральную» и «выборочную» совокупности.

Наряду со сказанным выше распространенность при отборе организаций-операторов котировок и электронных аукционов, не включающих по сути в число необходимых параметров квалификацию исполнителей, привела к тому, что в конкурсах фактически не участвуют социологические центры. Победителями конкурсов становятся организации, соглашающиеся на контракты с минимальным вознаграждением. Распространены такие практики, когда суммы, выделенные министерством на проведение НОК, сокращаются в ходе торгов в 5–10 раз и победителями конкурсов становятся организации-посредники, не ведущие реальной деятельности (из наблюдений ПС от 03.12.2020, 25.12.2020 и 30.04.2021 гг. и круглого стола от 17.02.2021 г.)¹. Так, министерство, осознавая сложность предстоящих работ в связи с особенностями подведомственных ему организаций, выделило в 2021 г. на проведение НОК 794 000 руб. (в 3 раза больше, чем в 2020 г.), а организацией-оператором становится согласившаяся провести эту работу за 79 230 руб. [4]. Другое же министерство сократило планируемые расходы на НОК в 5 раз (49 000 руб.), объясняя это ежегодной экономией бюджетных средств по данной статье расходов. В результате электронных торгов выделенная сумма существенно сократилась – до 27 888 руб. [4].

Получается, что внешне ситуация с НОК весьма благоприятная: проводятся конкурсы, результаты НОК весьма высокие, особенно в системе социальной защиты населения; организации, занявшие первые места, награждаются. Но ранжирование-то проводится на основе нерепрезентативных данных НОК. Да и инструменты проводимых исследований нуждаются в корректировке уже в связи со спецификой учреждений социальной сферы. На предложения общественных экспертов откорректировать методологию проводимых НОК дается ссылка на, так сказать, нормы законодательства, не предусматривающие такие коррективы. При этом вне внимания оказывается рекомендательный характер инструментов НОК, предлагаемых Методикой. Думается, назрела необходимость специального рассмотрения вопросов о возможности «единой методики» НОК, рекомендуемой Минтруда России, как и о нормативных основаниях отбора организаций-операторов. Не менее актуальной остается и проблема ответственности учреждений социальной сферы, вышестоящих организаций за качество проводимой ими работы.

Список использованных источников

1. Горшков М. К. Прикладная социология : Методология и методы / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – М. : Альфа-М ; Инфра-М, 2009. – 416 с.

¹ Круглый стол был проведен со всеми социальными министерствами региона по инициативе общественных экспертов.

2. Львов С. В. Социология и власть: механизм учета общественного мнения при принятии управленческих решений // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. – Альманах. – 2016. – С. 225–229.

3. Методика выявления и обобщения мнения граждан о качестве условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы. Утв. приказом Минтруда России от 30.10.2018 г. № 675н. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72008574/> (дата обращения: 10.09.2021).

4. Официальный сайт для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях. Результаты независимой оценки. – URL: bus.gov.ru (дата обращения: 10.09.2021).

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РЕГИОНОВ И ГОРОДОВ

УДК 316.33

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕГРИРУЮЩЕ-ДЕЗИНТЕГРИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ РЕЛИГИИ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

THE FEATURES OF INTEGRATING-DISINTEGRATING FUNCTION OF RELIGION AT VARIOUS STAGES OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN CIVILIZATION DISPLAY

А. И. Белкин, *доцент, канд. ист. наук*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Ж. В. Чашина, *доцент, канд. филос. наук*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. В статье в контексте рассмотрения процессов развития российской цивилизации дан анализ реализации интегрирующе-дезинтегрирующей функции религии. Выявлены и проанализированы последствия различного проявления этой функции для дальнейшего развития российской цивилизации. Отмечено, что в условиях современного социума чрезмерное преувеличение роли религии в развитии цивилизации может привести к формированию фанатизма и фундаменталистских взглядов.

Abstract. In the article, in the context of considering the processes of development of Russian civilizations, the analysis of the implementation of the integrating-disintegrating function of religion is given. Revealed and analyzed the consequences of various manifestations of the integrating-disintegrating function on the further development of Russian civilization. It is noted that in the conditions of modern society, an excessive exaggeration of the role of religion in the development of civilization can lead to the formation of fanaticism and fundamentalist views.

Ключевые слова: религия, цивилизация, церковь, функции религии, культура, духовное развитие.

Keywords: religion, civilization, church, functions of religion, culture, spiritual development.

В рамках религиоведческого анализа ставится вопрос о противоречивой природе религии как мировоззрения и как социального института.

Рассмотрим данное положение на примере переломных исторических событий в жизни России и Русской православной церкви. Язычество, господствовавшее на Руси до введения христианства, не способствовало объединению восточнославянских племен и земель под властью киевского князя. В тех условиях именно православие становится качественно новой идеологической опорой, на которой продолжилось формирование древнерусской государственности.

В период национальной катастрофы, пережитой Россией в начале XVII в., именно церковь фактически стала вождем народа. В данном случае интегрирующая функция религии была реализована за счет того, что церковь выступила мощным противовесом политике лжи, измен, предательства. Религия была не только обрядом, ритуалом, но и совокупностью нравственных принципов и в значительной степени бытом. При этом нельзя забывать и об усилении роли церкви в государственной жизни в период Смутного времени. Именно она формировала государственную идеологию и способствовала укреплению государственного единства. Однако мировая тенденция, связанная с усилением светского влияния на духовную жизнь общества, постепенно захватывала и Россию. Под ее влиянием в стране примерно с середины XVII столетия усиливаются споры между приверженцами традиционного мировоззрения и образа жизни и сторонниками новшеств.

Негативное влияние на этот процесс оказали и серьезные противоречия между светской и духовной властью, ярко появившиеся в середине XVII в. Став в 1652 г. патриархом, Никон фактически добивается положения, равного главе государства. В 1653 г. он проводит церковно-обрядовую реформу, смысл которой сводился к введению греческой обрядности вместо старорусской. Всякие указания на возвращение к греческой традиции приверженцами русской старины отвергались. Они неизменно обращали внимание, что не русские, а греки, пересмотрев в XII в. обрядовые нормы, отступили от христианских традиций, установленных Вселенскими соборами и Отцами церкви. В этих обстоятельствах церковь превратилась в дезинтегрирующую силу. Между старообрядцами и сторонниками никоновских реформ развернулась идеологическая война.

Раскол, безусловно, имел не только религиозные, но и серьезные цивилизационные последствия. Главное из них – нарушение духовного единства Руси. Конечно, мы не можем говорить о том, что до раскола Русь была социально единой. Но разница в образовании, быте да, в конце концов, и имущественное неравенство воспринимались в общественном сознании лишь как количественные, а не качественные различия, поскольку страна была духовно единой. XVII в. был переломным для страны во многих отношениях. Россия напряженно пыталась выработать подходы к взаимодействию с другими цивилизациями, и прежде всего к культурным связям с Европой. Но реформами Никона все эти поиски практически в один момент были перечеркнуты – дух и форма этих нововведений формировали

пренебрежительные настроения в отношении к национальным обычаям и организации быта.

Пагубную роль сыграла ставка на грекофильство, ставшая ключевой в реформах патриарха Никона и в решениях Поместного собора с участием восточных патриархов, проходившего в 1666–1667 гг. Никаких новых идей ни русской церкви, ни русскому государству обращение к богословской традиции греков не дало и дать не могло. Изменилась, говоря философским языком, лишь форма, но не содержание. Между тем вследствие серьезного отставания России в социально-экономическом развитии от ведущих европейских стран время требовало серьезных изменений как идеологии, так и политической системы. Это с одной стороны. Но раскольники внедрили в общественное сознание другую мысль – греческое православие оскудело, испортилось. Следовательно, и русская церковь, взявшая его идеи на вооружение, отступила от истинной христианской веры.

Такие рассуждения имели серьезные последствия как для самой церкви, так и для государства. При определении дальнейшей судьбы церкви и путей развития Российского государства путь на Восток был закрыт. И передовая образованная элита, которую всячески поддерживал Петр I, обращает свои взоры на Запад. В политических кругах и среди образованного класса передовых западных государств во второй половине XVII – начале XVIII в. были популярны теория «естественного права» и идея абсолютной монархии. Они принесли западным государствам практическую пользу, поскольку сумели вывести их из хаоса религиозных войн.

Характер взаимоотношений между церковью и государством в западноевропейских странах был принципиально иным, по сравнению с Россией. Католицизм на Западе до середины XVI в. господствовал безраздельно и имел единый надгосударственный центр. В России же, как мы отмечали выше, церковь находилась в зависимости от государственной власти. И если в Западной Европе государственно-церковные отношения развивались по пути отделения церкви от государства, то в России петровская церковная реформа привела к тому, что государство поглотило церковь. Желая придать динамизм своим преобразованиям, Петр I рассматривал церковь как помеху на пути реформ. Церковная реформа 1721 г. имела пагубные последствия для развития российской цивилизации. Прежде всего реформа уничтожила самостоятельность церкви, открыв путь государству для заполнения всего социального пространства. Таким образом, сама возможность развития предпосылок гражданского общества в России была полностью уничтожена, а церковная реформа начала XVIII в. стала важным этапом становления в России тоталитарного государства, предопределив на несколько веков невозможность эффективного функционирования демократических институтов в России.

Оценивая проанализированные нами этапы истории Русской православной церкви, можно сделать вывод о том, что характер взаимоотношений цивилизации и религии зависит от следующих обстоятельств: способствует ли эта взаимосвязь реализации интересов самой

религии; совпадают ли интересы религии с интересами правящего класса; каковы внешнеполитические обстоятельства, в которых развивается цивилизация.

Интегрирующая функция религии в полной мере проявит себя лишь в том случае, если все вышеуказанные обстоятельства способствуют реализации интересов самой религии. В противном же случае она может стать серьезным дезинтегрирующим фактором в развитии цивилизации.

Правда, следует признать, что в рассмотренных в статье примерах из истории РПЦ рассматривается связь церкви с политическими институтами, так как политическое устройство общества является важнейшим фактором развития цивилизаций. Но все же роль религии в цивилизации нельзя ограничивать этой связью.

Нельзя не обратить внимания еще на одно обстоятельство. Священнослужители различных религий представляют религиозные учения как трансляцию воли божьей. У наиболее активных адептов религиозных учений такой подход формирует убеждение, что действия вопреки предписаниям той или иной религии есть нарушение воли Бога. Подобное мировосприятие часто становится источником фанатизма и формирует фундаменталистские учения. Диалектика интеграции и дезинтеграции в данном случае проявляется довольно ярко: создавая почву для объединения группы фанатиков, фундаменталистские учения нередко усиливают социальную напряженность и дифференциацию людей по религиозному признаку.

Очевидно, что в рамках любой цивилизации ее взаимоотношение с религией формируется неизбежно и закономерно. Однако эти взаимоотношения, на наш взгляд, не укладываются в рамки жестких правил по двум совершенно очевидным причинам: многообразие и противоречивость духовной жизни цивилизации; противоречивость функций самой религии.

По мере развития мировых цивилизаций по объективным причинам роль и значение религий в духовной жизни народов уменьшается, их односторонний взгляд на мир в условиях нарастающего мультикультурализма становится очевидным. Растущая роль толерантности и реализация принципов политики мультикультурализма позволяет религии как социальному институту и мировоззрению сохраниться в современном социуме и оказывать влияние на определенную его часть. Однако проанализированные в статье с религиозной точки зрения обстоятельства не позволяют однозначно оценить религию как интегрирующую силу в рамках многообразных и противоречивых цивилизационных процессов.

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И СТОЛИЧНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ г. САРАНСКА*

CITY SPACE AND CAPITAL IDENTITY OF SARANSK

О. А. Богатова, *д-р социол. наук*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. На основании данных качественных (фокус-группы с горожанами) и количественного (массовый опрос населения города) социальных исследований анализируются основные компоненты столичной идентичности населения административного центра республики в составе Российской Федерации, выявляется ее специфика в сравнении с другими региональными центрами.

Abstract. Based on the data of qualitative (focus groups with citizens) and quantitative (mass survey of the city population) social studies, the author identify the main components of the social identity of Saransk residents in order to identify the structural and functional features of the capitals of the republics in structure of Russian Federation social identity.

Ключевые слова: столичная идентичность, городская идентичность, Саранск, Мордовия, регион, республики в составе Российской Федерации.

Keywords: capital city identity, urban identity, Saransk, Mordovia, region, republics in structure of the Russian Federation.

Анализ понятия столичной идентичности в республиках в составе Российской Федерации позволяет выделить такие структурные компоненты этого феномена, как «примордиальный» (эмоционально-личностный) компонент, основанный на первичных узлах – общности происхождения и факторе «общей судьбы» («родной город», «малая родина»); «этнонациональные» компоненты (столица республики как «фабрика этничности», центр культурной индустрии и конструирования политических репрезентаций титульной этнической общности); центрально-периферические компоненты, включая восприятие столичного города республики в качестве центра по отношению к республиканской «периферии» (региональный компонент), и одновременно в качестве «внутренней периферии» – регионального центра второго-третьего порядка в центрально-периферической иерархии российских городов относительно как федеральной столицы, так и других более крупных городов, включая

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Конструирование социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации (на примере Республики Мордовия и Удмуртской Республики)», грант РФФИ №20-011- 00588.

областные и республиканские центры; институциональные компоненты, основанные на восприятии столичного города в качестве профессиональной и образовательной социальной среды; гражданский компонент, включая ответственность за развитие города, доверие по отношению к другим горожанам и готовность объединяться с ними для решения задач местного значения.

Столичная идентичность республиканских административных центров в современной Российской Федерации интегрирует характеристики как собственно городской идентичности, символический «текст» которой, по характеристике Й. Терборна, «структурируется устройством городского пространства, определенным в категориях разделения/связи, центра/периферии, иерархии/равенства и комфорта/дискомфорта/нищеты», а также властного конструирования смыслов жизни в городе, включая «возможности и ограничения, чувство и приоритеты городской жизни, идентичности в городе, смыслы прошлого города и страны, настоящее и будущее, к которому стремятся люди» [1, с. 23], так и социальной идентичности регионального центра как места приоритетной концентрации административных, экономических и культурно-символических ресурсов и этнонациональных компонентов республиканской идентичности, по отношению к которой, как отмечает на примере столицы Коми Республики г. Сыктывкара Ю. П. Шабаев, «собственно городской текст оказывается вторичным» [2, с. 97].

Субъектами целенаправленной деятельности по конструированию политики столичной идентичности в республиках в составе Российской Федерации выступают органы власти республик и органы местного самоуправления «столичных» городов при политическом и финансовом доминировании первых, которое основывается на их роли редистрибутора финансовых ресурсов в виде налоговых поступлений, средств федерального бюджета, использовании «мегасобытий» в качестве «машин развития» центральных городов (Казань, Саранск и т. д.); социальными субъектами развития столиц республик, наряду с республиканскими и городскими властвующими элитами, выступают различные группы городского населения со своими специфическими потребностями (социально-территориальные, социально-демографические, профессиональные), а также субъекты городской экономики, городские социальные движения, НКО и неформальные добровольные объединения граждан локального характера, принимающие участие в благоустройстве города и оказывающие влияние на принятие политических решений на локальном уровне.

Анализ данных количественного (массовый опрос населения г. Саранска по квотной выборке по полу и возрасту, $n = 400$) и качественного (две фокус-группы с жителями Саранска соответственно с высшим и без высшего образования) полевых исследований, предпринятых в ноябре – декабре 2020 г. исполнителями научно-исследовательского проекта «Конструирование социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации (на примере Республики Мордовия и

Удмуртской Республики)» (грант РФФИ № 20-011-00588) позволяет сделать следующие выводы относительно структуры и содержания столичной идентичности населения административного центра республики в составе Российской Федерации на примере столицы Республики Мордовия.

1. Активная политика органов власти субъектов Российской Федерации в формировании репрезентаций городской идентичности, включая архитектурный облик города, достопримечательности и архитектурные «места памяти», перформативные мероприятия и мегасобытия (например, празднование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства, матчи чемпионата мира по футболу в 2018 г. в Саранске), способствует частичному «поглощению» городской идентичности республиканских столиц республиканской идентичностью в форме представлений о городском пространстве как «референтной территории» для «титულიной» этнической группы республики в целом (в том числе визитеров из сельской местности) в качестве места демонстрации ее этнонациональной идентичности, этнокультурных характеристик и локализации этнополитических институтов и практик. При этом республики в составе России демонстрируют также пример частичной «деэтнизации» также «титულიной» этничности вследствие ее поглощения региональной (использование этнонима «мордва» в качестве номинации населения региона в целом).

2. В фокус-групповом исследовании на примере Саранска выявлена низкая степень сформированности гражданских компонентов городской идентичности в составе республиканской столичной идентичности. С одной стороны, самоорганизация горожан в условиях низкого качества городского управления рассматривается информантами в качестве императивного средства решения проблем благоустройства города, превращения его в место, благоприятное для жизни горожан. С другой стороны, дискуссия выявила целый ряд факторов, препятствующих такой самоорганизации, а именно социальная пассивность, низкий уровень доверия, социальной ответственности и солидарности жителей города (как и региона в целом), низкий уровень развития навыков коммуникации с представителями власти, концентрация как рядовых горожан, так и городских элит на частных интересах в ущерб общественным, сопротивление процессам самоорганизации со стороны местных властей и спровоцированный упомянутыми выше факторами выезд социально активного населения.

3. Обсуждение на фокус-группах центрально-периферических аспектов столичной идентичности республиканского центрального города выявило преобладающее представление о нем как о «провинциальной столице» – городе, занимающем периферийное положение в российском социальном пространстве относительно не только федеральной столицы, но и более крупных региональных центров. Так, в фокус-группах в Саранске преобладала установка на сравнение горожанами состояния и перспектив развития столиц республик преимущественно с более крупными и развитыми городами, а не собственной республиканской периферией – как в аспекте

оценки состояния городской среды и перспектив трудоустройства и социальной мобильности, так и в отношении оценки социальных контактов, среды общения и стиля жизни населения на микроуровне («большая деревня»).

В дискуссии преобладали оценки Саранска как «провинциальной столицы», города со «столичными замашками», который стремится выглядеть в качестве столицы, но в целом не соответствует собственным претензиям на столичность из-за недостатка ресурсов либо из-за неумения их правильно использовать, тратя их, например, на новую застройку, которая сама по себе «не делает город столицей», но создает имитацию столичности «для туристов» («что-то среднее между столицей и провинцией», «провинциальный город, стремящийся быть столичным», «Саранск никогда не будет столицей, и он всегда был глубокой провинцией»).

4. Как следствие, в дискуссии в обеих группах прозвучали высказывания об ущербе, нанесенном городу столичными амбициями советского и современного руководства Саранска, об имитации столичности как неверном направлении развития и о необходимости ограничения его количественного роста и перехода от экстенсивного количественного к интенсивному качественному развитию именно в статусе провинциального города. Информанты не рассматривают ни республиканские органы власти, ни органы местного самоуправления Саранска в качестве инстанций, способных самостоятельно решать проблемы городского развития, именно вследствие статуса внутренней периферии, приписываемого Мордовии в целом как субъекту РФ (дотационная республика с большим долгом бюджета, зависимая от федерального финансирования).

Интеграция городского самоуправления в федеральную и республиканскую «вертикаль власти», выполняющую функцию распределения федеральных трансфертов, по их мнению, способствует размыванию их ответственности как перед населением, так и перед федеральным центром. При этом высказывалось мнение, что относительно бедный регион сам по себе не привлекает высокопрофессиональных менеджеров и поэтому не может обеспечить высокое качество городского управления.

5. В массовом опросе населения Саранска, оценивая центрально-периферический статус столицы Мордовии в категориях «столицы или провинции» относительно соседних региональных центров, горожане демонстрируют «ментальную карту» пространственной иерархии, в которую входят региональные административные центры разного уровня, а собственная республиканская «столица» занимает промежуточное положение между городами-райцентрами и административными центрами соседних субъектов РФ, которые являются крупнейшими городами и точками миграционного притяжения для населения республики (включая ее центральный город). Респонденты воздерживаются от единой оценки относительно столиц всех соседних регионов, часть которых ненамного крупнее Саранска, но в вопросе о локализации его положения в пространстве

Поволжья точками отсчета выступают Нижний Новгород в качестве крупнейшего из соседних городов и центра миграционного притяжения и Пенза в качестве наименее отдаленного областного центра.

Список использованных источников

1. Тёрборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность / Й. Тёрборн. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020. – 472 с.
2. Шабаев Ю. Культурное пространство столицы Коми: первичный и вторичный текст // Человек. Культура. Образование : науч.-образоват. и метод. журн. – 2012. – № 4 (6). – С. 89–98.

УДК 325. 11303.4 (470.345)

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОСТОЯНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

INFLUENCE OF MIGRATORY PROCESSES ON THE CONDITION OF THE INTERNATIONAL AND INTER-CONFSSIONAL RELATIONS IN REPUBLIC MORDOVIA

О. С. Калачина, *ст. науч. сотрудник*

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Аннотация. Для заблаговременного предупреждения общественных конфликтов необходима оценка влияния миграционных процессов на состояние этноконфессиональных отношений. Анализ результатов массового опроса позволяет выявить наиболее вероятные факторы, которые могут оказать негативное воздействие на социальный климат региона.

Abstract. In order to prevent social conflicts in advance, it is necessary to assess the impact of migration processes on the state of ethno-confessional relations. Analysis of the results of the mass survey allows us to identify the most likely factors that can have a negative impact on the social climate of the region.

Ключевые слова: мигранты, принимающее сообщество, этноконфессиональные отношения, социальное самочувствие, оптимизация миграционных процессов.

Keywords: migrants, host community, ethno-confessional relations, social well-being, optimization of migration processes.

Отношение принимающего сообщества к увеличению числа приезжих из других регионов Российской Федерации и иностранных граждан является важной составляющей интегральной оценки миграционной ситуации в Республике Мордовия. Миграция изменяет экономическую ситуацию, этносоциальный климат и криминогенную обстановку в регионе. Поэтому восприятие мигрантов и оценка их влияния на жизнь коренного населения являются одними из основных задач исследования.

Мордовия не относится к мигрантоемким регионам. Поэтому в целом приезд иностранных граждан в республику в общественном мнении не воспринимается как источник напряженности, особенно в социальной сфере. Так, при ответе на вопрос «Какие проблемы, на Ваш взгляд, создают иностранные граждане при переезде в Республику Мордовия?» 42,2 % опрошенных отметили конкуренцию на рынке труда, 28,1 % обеспокоены ростом числа инфекционных заболеваний, 25,4 % – ростом преступности. Менее всего респонденты обеспокоены снижением общего уровня культуры и образования – 11,0 %, а также угрозой утраты культурной самобытности – 5,7 %.

Миграция создает социально-экономические выгоды для тех стран, куда переезжают мигранты. В рамках исследования респондентам было предложено самим определить, принесут ли пользу иностранные граждане при переезде в Республику Мордовия. Мнения опрошенных разделились следующим образом: 45,1 % жителей считают, что приезд иностранцев будет полезен для социально-экономического развития региона, 35,5 % сомневаются в полезности иммигрантов, 18,9 % затруднились с ответом.

В результате систематизации неформализованных ответов выявлено: 68 % респондентов уверены, что приезд мигрантов положительно повлияет на экономику региона, 30 % – на культурную сферу, 8 % – на улучшение демографической ситуации.

Положительное воздействие на экономическую сферу респонденты видят в том, что иностранные граждане могут способствовать развитию экономики, так как, с одной стороны, являются «дешевой рабочей силой», «выполняют низкоквалифицированную, низкооплачиваемую работу, за которую не берутся местные», «закрывают невостребованные вакансии на рынке труда», «повышают качество труда местного населения за счет привлечения неквалифицированных трудящихся-иностранцев, а россияне освобождаются для более интеллектуального труда»; с другой – «создают здоровую конкуренцию», «заполняют рынок труда высококвалифицированными специалистами с высшим образованием – специалистами, врачами, учителями, инженерами», «развивают торговлю», предлагают «качественные бытовые услуги», «наполняют строительную отрасль кадрами», кроме того «трудовые мигранты позволяют ускорить строительство многих жилых и культурных объектов», являются «хорошими специалистами и трудятся на благо Мордовии». Кроме того, мигранты являются «потребителями товаров и услуг», «оставляют налоги в

регионе», «пополняют бюджет вуза», способствуют «разгрузке политического настроения общества».

Положительное влияние переезда иностранных граждан на демографическую ситуацию респонденты видят в том, что мигранты «повышают демографические показатели», «повышают численность населения», «улучшают демографическую ситуацию», «вносят разнообразие в генофонд республики», заключают «межнациональные браки».

Положительное влияние на социокультурное развитие респонденты видят в том, что мигранты привносят «знакомство с культурой». Местное население «изучает культуру, получает новые знания от них», происходят «межкультурное взаимодействие», «культурное обогащение», а «культурное разнообразие способствует формированию и воспитанию межнациональной толерантности». Иностранцы граждане «могут поделиться традициями своей страны, народа, опытом работы», «вносят колорит и разнообразие в общество», а также «они рассказывают о Мордовии людям из других стран, тем самым делают республику более популярной».

Каждый третий (35,4 %) респондент не видит пользы от приезда иностранцев и свое неприятие связывает с тем, что мигранты, как правило, – малообразованные люди, способные только на неквалифицированный труд: «От них только грязь остается и, наверное, инфекции. Они нас показательно не уважают, высказывают свое, якобы, преимущество, грубят. Нас бы за такое поведение на их территории они бы убили. В общем, никакой пользы. Мы бы и сами справились. Они нам не нужны. Они нужны только нашим барыгам от власти», «от них только проблемы во всех сферах», «отнимают рабочие места», «повышают конкуренцию на рынке труда», «пользу приносят только квалифицированные, образованные работники. Необразованные, неквалифицированные (а это большинство наших мигрантов) приносят преступность, нестабильность», «пользы нет, только проблемы. Они не могут жить в социуме, они устроены по-другому. Пусть живут у себя, мы же к ним не лезем, да они нас и не пустят, перережут. Так уже было», «проблемы от них перекрывают все возможные пользы», «нет пользы, только вред. А работать и мы умеем. Только плати».

Степень влияния мигрантов на состояние межнациональных и межконфессиональных отношений определяет уровень безопасности принимающего сообщества. Незначительное влияние на этноконфессиональные отношения отметили 33,2 % респондентов, не увидели никакого влияния 25,2 %, затруднились ответить на этот вопрос 30,1 %.

Отношение местного населения к трудовым мигрантам в повседневной жизни определялось посредством стереотипных суждений о потенциальной опасности от их присутствия. Результаты выявили позитивное отношение коренного населения к трудовым мигрантам – больше половины (59,0 %) опрошенных не испытывают опасения и настороженности от их присутствия. Однако опасность ощущают более 40 % респондентов.

Об отсутствии каких-либо противоречий, конфликтов между приезжими других национальностей и местным населением заявили более 50 % жителей Мордовии. Тем не менее около 8 % респондентов утверждали, что наблюдали конфликты с приезжими из других стран, а почти 6 % – с приезжими других национальностей из других регионов России. Каждый третий (более 30 %) не смог ответить на этот вопрос.

Важным барометром социального самочувствия принимающего сообщества является отношение опрашиваемых к перспективе открытых конфликтов между местными жителями и приезжими в Республику Мордовия. О невозможности открытых конфликтов в ближайшее время заявила большая часть (58,6 %) респондентов, каждый десятый опрашиваемый (11,8 %) не согласен с этим утверждением и признает вероятность открытых конфликтов. 29,6 % затруднились определить возможность наступления конфликтов.

Наиболее важным представляется мнение жителей Мордовии об оптимизации миграционных процессов. 36,1 % уверены в необходимости ограничения или сокращения въезда мигрантов в Республику Мордовия, 24,1 % опрошенных считают эту меру необоснованной, а почти 39,0 % не смогли определить свое отношение к привлечению трудовых мигрантов из других стран в Республику Мордовия.

Оценивая совокупное влияние миграции на состояние межнациональных и межконфессиональных отношений, а также на уровень преступности, респонденты склонны видеть больше положительных сторон. Многие респонденты не воспринимают приезд иностранных граждан как источник напряженности. Однако опасения вызывают конкуренция на рынке труда, возможный рост числа инфекционных заболеваний и преступности. Около половины респондентов полагают, что мигранты приносят пользу региону. Положительное влияние иностранных граждан, по их мнению, проявляется в благотворном влиянии на экономическую и демографическую ситуацию, а также способствует социокультурному разнообразию. Жители Мордовии уверены, что из-за увеличения притока мигрантов социальная обстановка и этноконфессиональные отношения не изменятся. Опасения вызывает возможное негативное влияние иностранных граждан на криминогенную обстановку в республике. Влияние мигрантов на состояние этноконфессиональных отношений каждым вторым респондентом оценивается как незначительное, каждый третий опрашиваемый полагает, что такого влияния нет.

Опрос выявил позитивное отношение к трудовым мигрантам: более половины опрошенных не испытывают опасения и настороженности от их присутствия в повседневной жизни. Таким образом, в Мордовии отмечается высокий уровень толерантности по отношению к иностранным гражданам и мигрантам из других регионов России и низкий уровень ксенофобии.

**МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ В РЕГИОНЕ**

**INTER-ETHNIC AND INTERDENOMINATIONAL RELATIONS
IN REGION**

В. В. Козин, канд. социол. наук

*Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»*

Аннотация. Анализируются характер и динамика развития межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия. Оценивается их конфликтогенный потенциал, отмечается высокая степень межнациональной и межконфессиональной толерантности.

Abstract. The nature and dynamics of the development of interethnic and interfaith relations in the Republic of Mordovia have been analyzed. Their conflict-causing potential has been assessed, a high degree of interethnic and interfaith tolerance has been noted.

Ключевые слова: межнациональные отношения, межконфессиональные отношения, динамика, мониторинг, толерантность.

Keywords: interethnic relations, interfaith relations, dynamics, monitoring, tolerance.

Характер и динамику развития межнациональных отношений в стране в значительной степени определяют факторы, связанные с развитием российского общества, удовлетворенностью/неудовлетворенностью социально-профессиональных и национальных групп своим материальным положением, верой/неверием населения в возможность его улучшения, а также сложностями локальных и глобальных процессов. На этом фоне органы государственной власти проводят работу, направленную на поддержание в обществе межнационального согласия с учетом интересов всех национальных групп, населяющих Российскую Федерацию.

Значительное место в этой работе занимают мониторинговые исследования, позволяющие выявить проблемы, характер и динамику развития межнациональных и межконфессиональных отношений, определить их конфликтогенный потенциал, предложить комплекс мероприятий, способствующих оптимизации межконфессиональных процессов и межнациональных отношений и снижению социальной напряженности. В этой связи ГКУ РМ НЦСЭМ в 2021 г. проведен опрос жителей РМ ($n = 700$) по методике, предлагаемой Федеральным агентством по национальной политике от 16.09.2020 г. № 3603-01.1-23.

Многонациональность России и огромный опыт государственного

регулирования межнациональных и межконфессиональных отношений позволяют стране справляться со многими современными вызовами общественно-политического и духовного развития. Показательными в этом отношении являются ответы респондентов на вопрос «Тот факт, что в России живут люди многих национальностей, приносит ей в целом больше пользы или больше вреда?». 38,0 % опрошенных полагают, что скорее больше пользы, безусловно, больше пользы – 26,1 %, скорее больше вреда – 8,1 %, безусловно, больше вреда – 1,7 %, затруднились ответить на этот вопрос 26,0 %.

Важное значение при анализе межнациональных отношений имеет динамика их изменений. Так, при ответе на вопрос «Как изменились отношения между людьми различных национальностей в Республике Мордовия за последний год?». 57,5 % отметили, что не изменились, скорее улучшились – 10,0 %, заметно улучшились – 4,3 %, скорее ухудшились – 4,1 %, заметно ухудшились – 0,6 %, затруднились ответить на этот вопрос 23,5 % респондентов. То, что почти четверть затруднились с ответом, мы объясняем тем, что проблема межнациональных отношений на сегодняшний день в республике не «стоит на повестке дня», для людей более актуальны проблемы социально-экономического характера, вопросы, возникающие в связи с пандемией, и т. п.

Одним из индикаторов развития межнациональных отношений, их гармонизации/конфликтности является уровень толерантности населения к представителям другой национальности. Для его определения был задан вопрос «Испытываете ли Вы неприязнь к представителям какой-либо национальности?». Безусловно испытывают неприязнь 4,8 %, скорее испытывают 11,3 %, т. е. суммарное значение неприязненного отношения составляет 16,1 %. В 2020 г. этот показатель был таким же, в 2019 г. – 13,4 %. Безусловно не испытывают неприязненных отношений к представителям других национальностей 41,1 % респондентов, скорее не испытывают 35,5 %. Суммарное значение этой альтернативы составляет 76,6 % (71,6 и 80,4 % соответственно). Затруднились с ответом 7,2 % (в 2020 г. – 12,2 %, в 2019 г. – 6,2 %).

В целом жители Мордовии продемонстрировали толерантное отношение к представителям различных национальностей, проживающих на территории республики. Следует отметить, что наибольшую толерантность проявляют татары. Это нашло подтверждение при ответе на вопрос «Считаете ли возможным для себя принять участие в конфликте в интересах своей национальной группы?» абсолютно отрицательный ответ (ни в коем случае) дали 62,5 % респондентов (в 2020 г. 48,4 %), все зависит от обстоятельств – 23,6 % (31,7 %), да, безусловно – 2,4 % (4,7 %), затруднились с ответом 11,4 % (15,6 %). Полученные данные показывают снижение конфликтного потенциала населения в вопросе межнациональных отношений.

Опрос выявил относительно высокий уровень религиозности населения республики. Так, на вопрос о том, кем считает себя респондент по

отношению к религии, ответили, что считают себя верующими, 72,2 % (в 2019 г. – 66,3 %, в 2020 г. – 61,7 %). Не считают себя верующими 19,0 % (7,9 и 7,3 % соответственно), затруднились ответить на этот вопрос 8,7 % (5,5 и 8,1 %). Таким образом, существует противоречивая ситуация. С одной стороны, наблюдается рост религиозности населения республики, с другой – увеличение числа тех, кто считает себя неверующим.

Оценка уровня религиозности населения предполагает выяснение вопроса об его участии в религиозных праздниках и обрядах. Несколько раз в году (иногда) посещают религиозные организации (церковь, мечеть, синагогу или другие организации) 59,9 % (в 2020 г. – 66,4 %) респондентов, не реже одного раза в месяц 14,1 %, никогда не посещают 10,1 %, не реже одного раза в неделю 4,4 %, затруднились ответить 11,5 % опрошенных. Реже всех посещают религиозные организации респонденты в возрасте 18–29 лет и чаще всех – представители татарской национальности.

Анализ мотивации респондентов в совершении религиозных праздников и обрядов показывает определяемый не объективными обстоятельствами, а общепризнанным мнением характер. Совершают обряды по традиции, потому, что так принято (в семье, у родственников), 32,5 % (в 2020 г. – 42,4 %) респондентов, считают необходимым соблюдать религиозные предписания (Библия, Коран, Талмуд и т. п.) 29,7 % (27,1 %), эти обряды являются национальными традициями для 28,2 % (37,5 %) респондентов, не участвуют в религиозных праздниках и обрядах 18,1 % (в 2020 г. этой альтернативы в шкале измерения не было). Желание отдохнуть душой, поговорить с единоверцами о жизненных проблемах отметили 8,0 % (9,4 %) респондентов, встречаются во время праздников с людьми своей национальности 7,6 % (10,7 %), совершают обряды, потому, что они красочны, интересны, 5,0 % (4,7 %) респондентов.

Таким образом, участие в религиозных праздниках и обрядах значительной частью респондентов совершается по традиции (так принято), а не в соответствии с внутренним убеждением, люди общаются с единоверцами и представителями своей национальности. Заметим, что речь идет о внешней привлекательности, разговорах на житейские, а не религиозные темы. Следует признать, что уровень религиозности и характер религиозного мировоззрения представляют значительную исследовательскую проблему. Перед социологом стоит сложная теоретико-методологическая и методическая задача измерения этих социальных явлений. Ее решение сопряжено с выбором индикаторов (показателей), которые закладываются в основание анализа и оценку уровня религиозности населения. Результаты опроса показывают, что большинство респондентов «иногда» участвуют в религиозных праздниках и обрядах, что не очень соотносится с точкой зрения Церкви и понятием «вера».

Таким образом, религиозная идентичность реализуется в основном как элемент нерелигиозных структур в общей системе идентичности. Следует отметить высокий уровень культурно-исторической преемственности в усвоении семейных обычаев и этнокультурных традиций. Религиозность

населения Мордовии реализуется прежде всего в контексте культурной традиции, воспроизводимой преемственностью поколений, бытовых и этнокультурных норм и традиций. Такое положение дел не имеет ничего общего с религиозными убеждениями (внутренней мотивацией) и, следовательно, не предусматривает исполнения норм и установлений конфессии. Совершение религиозных ритуалов и обрядов населением Мордовии обусловлено в основном внешней мотивацией.

УДК 316.4:332.156(470.345-25)

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ САРАНСКО-РУЗАЕВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

ACTUALIZATION OF THE PROCESS OF DEVELOPMENT OF THE SARANSK-RUZAIEVSKAYA AGGLOMERATION

В. А. Нежданов

*Агентство городского развития Обнинска,
Среднерусский гуманитарно-технологический институт, Обнинск*

Аннотация. В статье обоснована необходимость дальнейшего развития Саранско-Рузаевской агломерации (активизация потенциала, реализация агломерационного эффекта, цифровая трансформация, создание Концепции и Стратегии развития) как элемента пространственного развития экономики.

Abstract. The article substantiates the need for further development of Saransk-Ruzaev agglomeration (activation of the potential, implementation of the agglomeration effect, digital transformation, creature of Concept and development strategy) as an element of the spatial development of the economy.

Ключевые слова: урбанизация, расселение, поляризованное развитие, агломерация.

Keywords: urbanization, settlement, polarized development, agglomeration.

Актualизация процесса развития агломераций обусловлена необходимостью корректировки Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. расп. Прав. РФ от 27 декабря 2019 г. № 3227-р) и проекта федерального закона «О городских агломерациях» [3].

История термина «агломерация» как компактного скопления городов, объединенных в сложную динамическую систему, восходит к рубежу XIX–XX веков. В 1899 г. американский статистик и экономист Адна Вебер ввел понятие «агломерация» («Рост городов в XIX столетии», Санкт-Петербург, 1903 г.), а шотландский социолог и градостроитель Патрик Геддес понятие «конурбация» в том же значении («Эволюция городов», 1915 г.) [2].

В нашей стране термин прозвучал в работах М. Г. Диканского

(середина 1920-х гг.), но четкое определение было дано П. И. Дубровиным в 1959 г. В географической науке системы агломерированного расселения впервые были описаны в 1971 г. В. Г. Давидовичем, который выделил 514 «городских агломераций и небольших локальных групп городов, поселков и сел СССР» [9].

О «возможном соединении Саранска и Рузаевки жилыми массивами в отдаленном будущем» писал еще в 1961 г. И. Д. Воронин в своей книге «Саранск» [1].

Одним из первых реальных документов развития агломерации можно назвать *проект № 1 «Саранско-Рузаевская агломерация»* Целевой программы комплексного социально-экономического развития муниципального образования Рузаевка на 2001–2003 гг. и на период до 2010 г. (ПП РМ о разработке от 16.10.2000 г. № 520), выполненной под руководством А. И. Сухарева.

В проекте были прописаны основные элементы «дорожной карты» по формированию агломерации как органа управления: добровольный договор; совет агломерации; исполнительная дирекция; концепция и программа социально-экономического развития; единая схема районной планировки и агломерационные проекты; единый генеральный план агломерации; партиципативность планирования и управления, т. е. прямое участие общественности в обсуждении и принятии предлагаемых решений.

Исследование системы расселения республики в процессе разработки целевых программ развития муниципальных районов позволило обозначить основные тенденции ее развития: поляризация расселения и экономического пространства, функциональная, количественная и качественная трансформация населенных мест, концентрация населения и поселений в центре республики, формирование Саранско-Рузаевской протоагломерации [4, 6, 7].

Дальнейшее развитие агломерации планировалось в ряде стратегических документов. Фондом «Центр стратегических разработок “Северо-Запад”» (г. Санкт-Петербург) была разработана Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 г. (утв. законом РМ от 1.10.2008 г. № 94), где упоминается развитие Саранской агломерации. В это же время ФГУП «РосНИПИ урбанистики» (г. Санкт-Петербург) разработал Схему территориального планирования Республики Мордовия до 2030 г. В соответствии с «Концепцией Стратегии пространственного развития регионов РФ» от 30 июля 2005 г. в этом документе был отражен основной принцип региональной политики РФ – принцип поляризованного развития, который предполагал намеренную фокусировку финансовых, административно-управленческих, человеческих и других ресурсов в отдельных регионах («локомотивах» роста), а также последующее распространение инновационной деятельности в другие регионы, то есть создание нового пространственного каркаса страны из «опорных регионов», базовыми элементами которого были групповые системы населенных мест (ГСНМ) и агломерации.

Автору посчастливилось участвовать в этой работе, в рамках которой

была представлена Региональная схема расселения Республики Мордовия на основе альтернативного прогноза численности населения и трудовых ресурсов. Отдельным перспективным элементом развития была выделена Саранско-Рузаевская ГСНМ и одноименная агломерация [5].

Массовые опросы населения РМ показывали, что основная часть опрошенных горожан, которые планировали переезд, целью своей определяли г. Саранск. Эксперты (*Формирование агрогородков в Республике Мордовия*, 2010 г.) подтверждали данное мнение, прогнозируя, что население Мордовии будет концентрироваться в зоне Саранско-Рузаевской агломерации (Рузаевский, Старошайговский, Лямбирский, Ромодановский, Кочкуровский районы) и вдоль основных автотрасс [7].

В настоящее время разрабатывается Стратегия развития РМ на период до 2035 г. в условиях меняющейся Концепции Стратегии пространственного развития и процессов цифровой трансформации экономики. Актуальность развития Саранско-Рузаевской агломерации значительно повышается. Она уже работает, поскольку городской округ Саранск выполняет агломерационные функции. Например, осуществляет затраты по строительству и ремонту дорог в рамках национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги», способствует научно-образовательному, торгово-финансовому, социально-культурному, туристско-экскурсионному развитию территорий; обеспечивает медицинское обслуживание соседних муниципальных районов. Функционирует проектный офис по подготовке и реализации программы комплексного развития транспортной инфраструктуры Саранской городской агломерации в рамках приоритетного проекта «Безопасные и качественные дороги» на 2017–2025 гг. [8].

Остается реализовать на практике все, что намечено в проекте № 1 «Саранско-Рузаевская агломерация» Целевой программы комплексного социально-экономического развития муниципального образования Рузаевка.

1. Провести обновленные социолого-статистические исследования и опросы экспертов на предмет развития Саранско-Рузаевской агломерации.

2. Разработать Концепцию и Стратегию развития Саранско-Рузаевской агломерации.

3. Создать единую Схему территориально планирования агломерации.

4. Подписать соглашение «О сотрудничестве по развитию Саранско-Рузаевской агломерации» между заинтересованными муниципальными образованиями.

5. Разработать (актуализировать) перечень приоритетных агломерационных проектов.

Список использованной литературы

1. Воронин И. Д. Избранное. – Изд-во ГУ «НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия», 2005. – С. 252–253.

2. Глазычев В. Л. Город без границ. – М. : Территория будущего, 2011. – С. 102.

3. Законопроект о городских агломерациях требует серьезной доработки [Электронный ресурс]. – URL: <https://asninfo.ru/news/93312-zakonoprojekt-o-gorodskikh-aglomeratsiyakh-trebuet-seryeznoy-dorabotki>.

4. Нежданов В. А. Воспроизводство населения в депрессивном регионе и поляризация экономического пространства в Республике Мордовия // Полюса и центры роста в региональном развитии. – М. : Институт географии Российской академии наук, 1998. – С. 119–125.
5. Нежданов В. А. Проектирование систем расселения муниципального уровня: опыт Республики Мордовия // Политическая наука. – 2009. – № 2. – С. 171–178.
6. Нежданов В. А. Развитие системы расселения Саранско-Рузаевской агломерации // Саранск: идеалы и повседневность городской культуры : материалы IV Воронинских научных чтений. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2007. С. 310–312.
7. Нежданов В. А. Урбанизация и поляризация как основные тенденции расселения в Республике Мордовия. Институт социологии РАН, 2012 г. [Электронный ресурс] / URL: <https://ssa-rss.ru/files/File/Nezhdanov-Doklad.pdf>.
8. О создании проектного офиса по подготовке и реализации программы комплексного развития транспортной инфраструктуры Саранской городской агломерации в рамках приоритетного проекта «Безопасные и качественные дороги» на 2017–2025 годы [Электронный ресурс] // URL: <https://e-mordovia.ru/otkrytye-dannye/normativnye-akty/teksty-proektov/ministerstvo-stroitelstva-i-arkhitektury-rm/o-sozdanii-proektnogo-ofisa-po-podgotovke-i-realizatsii-programmy-kompleksnogo-razvitiya-transportno/>.
9. Ткаченко А. А. Агломерированное расселение: к проблеме идентификации и учета [Электронный ресурс] / А. А. Ткаченко, А. А. Фомкина. – URL: <https://istina.msu.ru/journals/95205/?p=3>.

УДК 316.35

ПРЕПОДАВАНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ В РЕСПУБЛИКАХ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

NATIVE LANGUAGE TEACHING AT SCHOOL IN REPUBLICS OF THE VOLGA AND URAL REGION

*Л. Р. Низамова, доцент, канд. социол. наук
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация. На материалах исследования «Конфликтогенные факторы в сфере языка и языковой политики в республиках Поволжья и Приуралья» в рамках общей программы Научного совета по межнациональным отношениям при Президиуме РАН рассматриваются общие и особенные черты преподавания титульных языков, а также динамика их воспроизводства в шести национальных республиках в период после 2017 года.

Abstract. The article examines the general and specific features of teaching the titular languages, as well as the dynamics of their reproduction in the six national republics in the period after 2017 based on the materials of the study “Conflict-causing factors in the field of language and language policy in the republics of the Volga Region and the Urals” within the framework of the general program of the Scientific Council on Interethnic Relations under the Presidium of the Russian Academy of Sciences.

Ключевые слова: родной язык, русский язык, национальные республики, преподавание родного языка, языковая политика, Россия, Волго-Уральский регион.

Keywords: native language, Russian language, national republics, teaching of native language, language policy, Russia, Volga-Urals region.

В 2017 г. произошли существенные изменения в преподавании языков народов России в общеобразовательных школах страны. В учебные планы был введен новый учебный предмет «Родной язык» (а также «Литературное чтение» на родном языке на начальной ступени образования, «Родная литература» на основной ступени). По новым правилам родители могли на основании их письменного заявления выбрать для изучения один язык в качестве родного для изучения их ребенком; круг родных языков более не ограничивался по инерции советского времени языками народов, являющихся статистическими меньшинствами России (татарским, башкирским, чувашским и др.), и включал также русский язык. Русский язык стал преподаваться не только как государственный язык страны, но и как родной для многих учеников. Нововведения более всего затронули «национальные территории», где перемены повлияли на характер преподавания титульных языков, имевших статус государственных языков республик (Татарстана, Удмуртии, Мордовии и пр.), при этом перемены в учебных планах не сразу были поняты в субъектах с преобладающим русским населением, так как помимо привычного предмета «Русский язык», в расписании появился новый «Родной русский язык».

Новации, инициированные федеральным центром, с одной стороны, вводили родной язык в обязательную часть образовательной программы, но при этом узаконивали возможность выбора, какой именно язык будет изучаться в качестве родного, расширяя при этом полномочия родителей и образовательных учреждений. Перемены с большей или меньшей степенью озабоченности были восприняты в национальных республиках Поволжья и Приуралья, где одним из ведущих направлений языковой политики с начала 1990-х гг. выступали сохранение, преподавание и развитие местных языков (татарского, башкирского, чувашского, удмуртского, горного и лугового марийских языков, языков эрзя и мокша). Источником тревог была устойчивая нисходящая динамика использования и востребованности местных языков, обозначившаяся еще во второй половине XX столетия в СССР. Если в начале 1960-х гг. обучение в РСФСР велось на 47 языках, то через десять лет – на 30; при этом среднее образование (10 классов) можно было получить только на татарском и башкирском языках [1, с. 287]. В настоящее время в поволжском макрорегионе большая часть языков уже не являются языками обучения (в отличие, например, от татарского языка в Татарстане); власти республик и национальная интеллигенция с разной степенью заинтересованности и последовательности ставят и реализуют неамбициозную задачу поддержки и изучения титульных языков в школах как учебного предмета.

В исследовательском проекте «Конфликтогенные факторы в сфере языка и языковой политики в республиках Поволжья и Приуралья» в рамках общей программы Научного совета по межнациональным отношениям при Президиуме РАН, реализуемом в Казанском федеральном университете междисциплинарной группой социологов, политологов и конфликтологов, используются разнообразные источники информации: анализ документов и статистических данных, материалов экспертных интервью и публикаций в СМИ. Для оценки актуальных вопросов языкового развития в Башкортостане, Татарстане, Марий Эл, Мордовской, Удмуртской и Чувашской республиках проводятся серии полуформализованных интервью с «лидерами мнения» (журналистами, работниками СМИ, деятелями культуры, представителями и активистами общественных организаций). В опросе раскрываются актуальные вопросы языкового развития и языковой политики в конкретной республике, влияние языкового соседства этнических групп на повседневную жизнь, изучение родного языка в школах, оценка востребованности языков и источники языковой конфликтогенности, темы дву- и многоязычия.

Интервью с «лидерами мнения» титульной национальности свидетельствуют об имеющейся озабоченности нисходящей динамикой владения, использования и изучения титульных языков в республиках: по тенденции продолжается снижение численности владеющих местными языками, интенсивности их использования (даже в сельской местности в местах компактного проживания), числа изучающих их школьников. Так, в Татарстане количество образовательных организаций с татарским языком обучения сократилось (с 742 в 2016/17 уч. г. до 679 в 2019–2020 уч. г.; в таких школах по предметам естественно-математического цикла используется русский язык); в Удмуртской Республике численность школ с преподаванием удмуртского языка как отдельного предмета снизилась со 198 в 2017 г. до 189 в 2020 г. Количество образовательных организаций, в которых в рамках учебного плана как отдельный предмет изучается родной (мокшанский, эрзянский) и государственный мордовский (мокшанский, эрзянский) язык Республики Мордовия, уменьшилось с 215 (мокшанский) и 155 (эрзянский) в 2017 году до 140 и 107 (соответственно в 2020 г.; заметно снизилась и численность обучающихся в них. В Удмуртской Республике в 2020/21 учебном году изучали русский язык как родной в 408 школах 154 895 учеников, а удмуртский – в 189 школах лишь 17 127 учащихся.

Обеспеченность учительскими кадрами для преподавания предмета титульный «Родной язык» варьирует по республикам. Но фоне общей картины снижения фактической востребованности местных языков дефицита учителей в настоящее время не наблюдается (особенно в Татарстане, где после отмены обязательного изучения татарского языка в школах с русским языком обучения, многим учителям пришлось пройти переподготовку), но высказываются опасения относительно будущего из-за закрытия, слияния и снижающегося престижа специальностей, готовящих такие педагогические кадры. Вопрос о подготовке кадров для носителей малочисленных в

территории языков вообще, как правило, не рассматривается; родителям-заявителям предлагается изучение русского языка как родного.

Сложнее ситуация с учебниками по родному титульному языку и литературе. Из около 150 языков народов России лишь 16, включая русский, имели учебники по родному языку и родной речи, включенные в 2020 г. в федеральный перечень учебников. И только татарский и чеченский языки представлены полной линейкой учебников, включая 10–11-й классы (кроме изданий для школ в Татарстане с преподаванием на татарском языке). Позже к ним был добавлен удмуртский язык, а численность языков России с учебниками в федеральном перечне выросла до 20. В перечне отсутствовали учебные издания по чувашскому, марийским и мордовским языкам [2]. Даже у Татарстана, являющегося абсолютным лидером по количеству учебников в федеральном перечне, многие учебные пособия в него еще не вошли, что вызывает серьезное возмущение у влиятельных региональных политиков и упреки в дискриминации [3]. Процедуры подготовки учебников на языках народов России явно требуют пересмотра и упрощения, а также использования потенциала и полномочий органов федеральной власти в интересах сохранения языкового многообразия и обеспечения права россиян изучать родной язык в школе и обучаться на родном языке.

Изменения в преподавании родных языков, предпринятые в 2017 г., не остались в республиках незамеченными, до сих пор являются предметом осмысления и вызывают обеспокоенность, так как вопрос ревитализации титульных языков становится все более актуальным. По-прежнему значима задача изучения государственных языков республик, сохраняются некоторые противоречия (например, конфликт интересов школы и групп родителей) и непроработанные вопросы, среди которых преподавание родных языков за административными границами титульных республик.

Список использованных источников

1. Беликов В. И. Социоллингвистика : учеб. для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 315 с.

2. Приложение к приказу Министерства просвещения РФ № 254 от мая 2020 г. «Об утверждении федерального перечня учебников, допущенных к использованию при реализации имеющих аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009140015> (дата обращения: 18.09.2021).

3. «Сколько можно унижать?!» : Минтимер Шаймиев вступился за татарские учебники // Бизнес-онлайн. – 2021. – 29 авг. – URL: https://business-gazeta.ru.turbopages.org/business-gazeta.ru/s/article/520458?publisher_logo_url=https%3A%2F%2Favatars.mds.yandex.net%2Fgetturbo%2F1621300%2F2a00000174b56f3064f52066b0741c469a45%2Fsvg&promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffromzen%3Dsearchapp (дата обращения: 18.09.2021).

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДВУЯЗЫЧИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН*

ON SOME ASPECTS OF BILINGUALISM IN REPUBLIC TATARSTAN

А. Н. Нурутдинова, *доцент, канд. социол. наук*
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. В статье поднимается вопрос использования обоих государственных языков Республики Татарстан. Отмечаются проявления языковой асимметрии: фиксируется преимущественное владение русским языком в разных группах, поскольку он является средством межэтнического общения. Практики двуязычия распространяются в большей степени среди татар.

Abstract. In article the question of use of both state languages of Republic Tatarstan is brought up. Displays of language asymmetry are marked: primary possession of Russian in different groups as it is means of interethnic dialogue is fixed. Bilingualism extend in more degree among Tatars.

Ключевые слова: билингвизм, Республика Татарстан, татары, русские, татарский язык.

Keywords: bilingualism, Republic Tatarstan, Tatars, Russian, the Tatar language.

В Республике Татарстан проживают представители 173 народностей. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. (далее ВПН-2010), наиболее многочисленные этнические группы – татары (53,2 %) и русские (39,7 %) [4]. Поэтому вопрос двуязычия достаточно активно обсуждается в публичном пространстве, особенно в связи с распространением и использованием татарского языка. Один из последних пиков такого публичного обсуждения – отмена обязательного изучения татарского языка как государственного в школах в 2017 г. и последующие дискуссии и нововведения. Вместе с тем актуальным остается вопрос распространения практик двуязычия в республике.

Уровень владения русским языком достаточно высокий во всех этнических группах. Так, согласно ВПН-2010, 95,5 % татар владеют русским

* Статья выполнена в рамках проекта «Конфликтогенные факторы в сфере языка и языковой политики в республиках Поволжья и Приуралья: идентификация, технология прогнозирования и предупреждение конфликтов», реализуемого в рамках программы научных исследований и прикладных работ, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности по поручению Президента Российской Федерации от 16.01.2020 (Пр. 72, п. 6).

языком, в других этнических группах (чувашаи, удмурты, мордва, марийцы, украинцы, башкиры) процент еще выше. Процент владения татарами языком своей этнической группы 92,4, в других группах он значительно ниже: среди русских – 3,6, чувашей – 14,1, удмуртов – 35,0, мордвы – 4,4 %, марийцев – 29,8 %, украинцев – 3,6 %, башкир – 65,7 % [3]. Поэтому основной вопрос двуязычия состоит в оценке уровня владения татарским языком. Ситуация двуязычия рассматривается исследователями прежде всего в аспекте владения государственными языками республики (русским и татарским) представителями статистически многочисленных групп – русскими и татарами.

В республике официально провозглашено двуязычие: средства массовой информации ведут работу на обоих государственных языках, языки используются в написании улиц, учреждений, остановок общественного транспорта и в других сферах. Однако русско-татарское двуязычие в полной мере не реализовано в практиках жителей республики. Опираясь на результаты научных исследований разных авторов, можно выявить некоторые важные проявления принципа двуязычия. Во-первых, в повседневной практике билингвальность чаще проявляют татары, нежели русские [1]. Во-вторых, исследователи фиксируют языковую асимметрию – преимущественное использование русского языка разными этническими группами [2; 5].

Данные показатели объяснимы, поскольку русский язык – средство межнационального общения. В советский период усилилась роль русского языка в обществе. Татарский язык долгое время использовался преимущественно в бытовых целях, было невозможно получить профессиональное образование на татарском языке, отмечалось нежелание изучать язык в школе и др. – все это было проявлением языковой асимметрии. В ходе интервью с экспертами, проведенных в рамках проекта, поднималась проблема ограниченной востребованности языка в функциональных сферах. Это влияет на практику двуязычия, поскольку данные опросов фиксируют незнание (плохое знание) татарского языка не только значительной частью русских, но и некоторыми татарами.

Список использованных источников

1. Ахметова С. А. Татарско-русское двуязычие в региональном аспекте // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 6. – С. 7–14.
2. Низамова Л. Р. Двуязычие в современном Татарстане: индивидуальное и социальное измерения // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : сб. докл. VI Всерос. социол. конгр. (Тюмень, 14–16 окт. 2020 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров ; ред. Е. Ю. Иванова. – М. : РОС : ФНИСЦ РАН, 2020. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD-ROM). – С. 2466–2474.
3. Об утверждении Государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2022 годы». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/463305579> (дата обращения: 19.09.2021).
4. Сборники по итогам ВПН-2010. Т. 4. – URL: <https://tatstat.gks.ru/folder/39222> (дата обращения: 19.09.2021).

5. Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане / под ред. Р. Г. Минзарипова, С. А. Ахметовой, Л. Р. Низамовой. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2013. – 268 с.

УДК 316.35

**ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ
В ОТНОШЕНИИ КАЗАЧЬЕГО ДВИЖЕНИЯ:
ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**THE LEGISLATION OF REPUBLIC MORDOVIA CONCERNING
THE COSSACK MOVEMENT: A CURRENT CONDITION
AND DEVELOPMENT PROSPECTS**

В. Н. Мотькин, *канд. социол. наук*
Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам законодательного регулирования казачьего движения в Республике Мордовия. Автором на основе региональной законодательной базы, а также результатов фокус-группового исследования и экспертного опроса, проведенных ГКУ РМ НЦСЭМ в 2019 и 2020 гг., показан уровень правового обеспечения деятельности казачьих объединений, затронуты основные проблемы, лежащие в плоскости «государство – казачество».

Abstract. This article is devoted to the issues of legislative regulation of the Cossack movement in the Republic of Mordovia. The author, on the basis of the regional legislative framework and the results of an expert survey conducted by the State Institution of the Republic of Moldova "NCSEM" in 2019–2020, shows the level of legal support for the activities of Cossack associations, touches upon the main problems lying in the plane "state-Cossacks".

Ключевые слова: казачество, казачьи объединения, законодательство, эксперты, экспертный опрос, стратегия.

Keywords: Cossacks, Cossack associations, legislation, experts, expert survey, strategy.

Активизация нормотворческого процесса, определившего жизнь казаков в Республике Мордовия, началась после официального опубликования Указа Президента РФ «О государственной службе российского казачества» (и соответствующего Федерального закона от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ). Позднее, 12 марта 2009 г., в Приволжском федеральном округе при полномочном представителе Президента РФ была образована комиссия по делам казачества [1].

В Управлении юстиции по Республике Мордовия 13 мая 2011 г. было

зарегистрировано первое реестровое подразделение Волжского казачьего общества – городское казачье общество «Свято-Предтеченское», входящее в Западное окружное казачье общество. Сегодня в республике таких обществ пять. Правовую основу их деятельности составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества», Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1992 г. № 632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации „О реабилитации репрессированных народов“ в отношении казачества», Указ Президента Российской Федерации от 9 августа 1995 г. № 835 «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 16 апреля 1996 г. № 563 «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе», иные правовые нормативные акты федеральных органов государственной и исполнительной власти и законов Республики Мордовия, решения органов местного самоуправления Республики Мордовия.

В соответствии с уставами казачьих обществ Республики Мордовия их основными задачами являются сохранение и развитие казачьих традиций, содействие духовно-нравственному воспитанию молодежи и патриотической работе и др. [6].

Ключевую роль в координации казачьего движения в регионе играет Министерство культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия. Особое место отводится разработке проектов правовых актов, соглашений Правительства Республики Мордовия и казачьих объединений по вопросам, относящимся к деятельности казачества; проведению фестивалей, форумов, конференций, семинаров, выставок, культурно-зрелищных и иных мероприятий; созданию условий для возрождения и развития духовно-нравственных основ российского казачества, семейных традиций, патриотического воспитания казачьей молодежи.

В соответствии с Постановлением Правительства Республики Мордовия от 13 марта 2014 г. № 100 «Об утверждении Порядка определения объема и предоставления субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям, осуществляющим деятельность в области укрепления и развития межнационального, межэтнического и межконфессионального сотрудничества, содействия духовному развитию личности» осуществляется выделение субсидий и казачьим обществам региона [2].

В рамках реализации Стратегии развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года, утвержденной Президентом РФ 15 сентября 2012 г. № Пр-2789, Правительством Республики Мордовия 30 марта 2015 г. был введен в действие План мероприятий по реализации в Республике Мордовия в 2015–2016 годах Стратегии развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года, а 12 декабря

2016 г. – План мероприятий по реализации в Республике Мордовия той же стратегии в 2017–2019 годах.

16 ноября 2016 г. было принято Постановление Правительства Республики Мордовия № 566 «Об утверждении Положения о порядке заключения исполнительными органами государственной власти Республики Мордовия договоров (соглашений) с казачьими обществами». В нем, в частности, говорилось, что «в целях оказания исполнительным органам государственной власти Республики Мордовия ... содействия в осуществлении установленных задач и функций могут привлекаться члены казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации и зарегистрированных на территории Республики Мордовия» [3].

Распоряжением Правительства Республики Мордовия от 9 января 2019 г. № 4-Р утвержден План мероприятий по реализации в Республике Мордовия в 2019–2021 гг. Стратегии развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 г., реализация которого завершается в текущем году [4].

Указом Президента РФ от 9 августа 2020 г. № 505 утверждена Стратегия государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 гг. И в этой связи в настоящее время ожидается выход распоряжения Правительства Республики Мордовия об утверждении Плана мероприятий на 2021–2030 гг. по реализации в республике Стратегии развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 гг. [5].

Министерство культуры, национальной политики и архивного дела Республики Мордовия держит на контроле проект закона Республики Мордовия «О регулировании отдельных вопросов в сфере деятельности российского казачества на территории Республики Мордовия» (распоряжение Правительства Республики Мордовия от 4 июля 2017 г. № 431-Р), который в настоящий момент находится на рассмотрении в Государственном Собрании Республики Мордовия.

В соответствии с распоряжением Правительства РМ с 2017 г. мониторинг общественных инициатив, общественно-гражданских, культурных, спортивных и иных мероприятий, проведенных казачьими обществами Республики Мордовия, осуществляет ГКУ РМ НЦСЭМ. Особое внимание при этом уделяется местной нормативно-правовой базе. Так, в октябре 2020 г. центром был проведен экспертный опрос (18 чел.). В качестве экспертов методом полуструктурированного анкетирования опрашивались представители власти, науки и образования, СМИ, общественности, Русской православной церкви и атаманы казачьих обществ.

Выяснилось, что часть респондентов обеспокоена пробелами в нормативно-правовой составляющей деятельности казаков республики. Так, давая оценку Федеральному закону «О государственной службе российского казачества», двое экспертов указали на то, что в Мордовии «закон не работает», еще один также прямо заявил: «В Республике Мордовия нет

закона о казачестве». Видимо, это связано с тем, что базовый для местного казачества документ по различным причинам до сих пор не принят республиканскими властями.

Кроме того, по мнению экспертов, законодательно не определены права и обязанности нереестровых казаков. Действующий закон прежде всего регламентирует деятельность реестровых казаков, при этом никак *«не регулирует отношения казачьих обществ, не связанных с государственной службой»*, это *«разобщает казачьи общества, разделяя на реестровых и нереестровых»*. Среди основных мер, предложенных специалистами, которые необходимо предпринять для развития казачества, можно отметить *«формирование законодательной базы, четко регламентирующей деятельность казачьих объединений»*. Шесть экспертов указали на необходимость активизации законотворческой деятельности по отношению к казачеству. Чаще всего речь шла о принятии регионального закона в отношении казачьих обществ. По мнению экспертов, крайне важно для возрождения казачества в регионе *«принять Закон Республики Мордовия „О казачестве“, в котором необходимо законодательно закрепить деятельность на территории субъекта казачьих обществ, организаций, объединений и др., а также определить орган, ответственный за организацию и проведение государственной политики в отношении казачества»*. По большому счету благодаря принятию такого рода закона можно решить множество проблем, связанных со статусом казаков, их полномочиями, сферой деятельности, в том числе финансированием.

В качестве ключевых проблем для регионального казачества были обозначены отсутствие четкого законодательного регулирования деятельности казачьих объединений и отсутствие финансирования со стороны государства, региона.

О данной проблеме не раз упоминалось ранее и в ходе фокус-группового исследования, проведенного ГКУ РМ НЦСЭМ в 2019 г. с участием представителей казачества, а также различных министерств и ведомств, отсутствие регионального законодательства, регламентирующего статус местного казачества (основы его интеграции в общественную, политическую и экономическую жизнь республики) было названо основным барьером, препятствующим развитию казачества и выполнению им в полной мере социальных функций. Сами казаки отмечают: *«У нас не действует ни закон российский о казачестве, ни кодекс, земельный кодекс о предоставлении тех же самых земель казакам, потому что никто нам не выделяет земли и не собирается выделять»* [В. Б. Жаров]. При этом в других регионах уже приняты правовые акты на местном уровне, отражающие основные позиции по работе казаков. В Земельном кодексе РФ также отсутствует какая-либо правовая база, регулирующая предоставление земель казакам для ведения хозяйства. Пока государство не определится с правовым статусом казаков, дальнейшее развитие казачества выглядит проблематичным.

Имеются нерешенные вопросы относительно нахождения казаков на государственной службе, так как отсутствует четкое определение их статуса, характера и размера оплаты. Казаки ведут активную деятельность по охране общественного правопорядка, выступают в качестве добровольцев на различных мероприятиях, но при этом многие не имеют официального статуса: «У нас как таковой государственной и гражданской службы и деятельности нет» [В. Б. Жаров]. Участие казаков в охране правопорядка, природных ресурсов также не подкреплено соответствующим законом, применение с их стороны силы, ношение оружия не узаконены и отчасти «связывают руки» представителям казачества. Хотя казаки и отметили наличие заключенных договоров с рядом министерств и ведомств республики, все же этого недостаточно для продуктивной совместной деятельности и полноценного их служения на благо государства и общества.

Таким образом, в Мордовии достаточно широко представлено законодательное обеспечение деятельности казачьего движения. С другой стороны, республике необходим свой закон о казачестве, который снял бы целый ряд вопросов, накопившихся как у представителей казачьих движений, так и у широкой общественности.

Список использованных источников

1. Георгий Игнатович возглавил окружную рабочую группу по вопросам государственной службы и законодательного обеспечения деятельности российского казачества / Официальный сайт НИА «Нижний Новгород». – URL: <https://www.niann.ru/?id=391330#:~:text=СПРАВКА%3A%20Окружная%20комиссия%20Приволжского%20федерального,года.%20В%20числе%20ее%20задач> (дата обращения: 20.08.2021).

2. Постановление Правительства Республики Мордовия от 13.03.2014 г. № 100 «Об утверждении Порядка определения объема и предоставления субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям, осуществляющим деятельность в области укрепления и развития межнационального, межэтнического и межконфессионального сотрудничества, содействия духовному развитию личности» / Официальный сайт ООО «НПП „ГАРАНТ-СЕРВИС“». – URL: <https://base.garant.ru/8943502/> (дата обращения: 20.08.2021 г.).

3. Постановление Правительства Республики Мордовия от 16.11.2016 г. № 566 «Об утверждении Положения о порядке заключения исполнительными органами государственной власти Республики Мордовия договоров (соглашений) с казачьими обществами» / Официальный сайт «Сейчас.ру». – URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2532192> (дата обращения: 20.08.2021).

4. Распоряжение от 9 января 2019 года № 4-Р / Официальный сайт Электронного фонда правовых и нормативно-технических документов. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/561755493> (дата обращения: 20.08.2021 г.).

5. Стратегия государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030. Утв. Указом Президента РФ от 9 авг. 2020 г. № 505 / Официальный сайт ООО «НПП „ГАРАНТ-СЕРВИС“». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74384683/> (дата обращения: 20.08.2021).

6. Устав ГКО «Свято-Предтеченское» / Официальный сайт ГКО «Свято-Предтеченское». – URL: <http://kazaki-rm.ru/dokumenty> (дата обращения: 20.08.2021).

**БОЛГАРСКО-ГРЕЧЕСКОЕ СКОПЧЕСТВО: К ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА
РАСКОЛЬНИКОВ «АЛАТЫРСКИЙ КОРАБЛЬ»**

RUSSIAN MYSTICAL SECTARIANISM: «ALATYR SHIP»

Р. А. Мухамедов, *д-р ист. наук*
Ульяновский государственный педагогический университет
им. И. Н. Ульянова

И. Г. Кильдюшкина, *канд. ист. наук*
НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

Аннотация. В статье приводятся опыт уникальной гностической разновидности русского скопчества, занесенного в Россию из Греции и Болгарии, тенденции распространения протонародной религиозной культуры XVII–XVIII вв. на территории Симбирской губернии, фрагменты выступления действительного статского советника из потомственных дворян А. П. Крыжина на заседании отделения этнографии Императорского Русского географического общества (21 декабря 1865 г.).

Abstract. The article presents the experience of a unique Gnostic variety of Russian scavengers brought to Russia from Greece and Bulgaria, the tendency for the spread of common folk religious culture of the 17th – 18th centuries on the territory of the Simbirsk province, fragments of the speech of a real state councilor from hereditary nobles A.P. Kryzhin at a meeting of the Ethnography Department of the Imperial Russian Geographical Society (December 21, 1865).

Ключевые слова: русское скопчество, ритуальное оскпление, мистическое сектантство, «милютиная» вера, «алатырскій корабль».

Keywords: russian flock, ritual emasculation, mystical sectarianism, «cute» faith, «Alatyr ship».

Вопрос о генезисе, обстоятельствах появления и причинах широкого распространения русского скопчества всегда вызывал недоумение у исследователей отечественного мистического сектантства, славянской этиологии, инверсии мотива антихристовой печати, кастрационных метафор и символов скопческой словесности, мифологизации и первоначального происхождения ритуального оскпления, а также различных этнографических корреспонденций на скопческий процесс в целом. Выходили замечательные аналитические работы (А. Г. Берман, Л. Ю. Браславский, Н. Г. Высоцкий, К. В. Кутепов, А. О. Липинский, А. А. Панченко, А. М. Эткин, Л. Энгельштейн и др.), посвященные русской секте XVII–XX вв., с точными и хлесткими формулировками анализируемых религиозных издержек в обществе, сильными вариациями причин-стимулов

на персональном уровне или контаминацией образов славянских этиологических рассказов, ассоциацией традиционных для крестьянской культуры фигур, наделенных эсхатологической и апокалиптической топикой [2–4; 7–12].

«Алатырская», или «милютинская», вера в этом плане стала для европейской традиции уникальной гностической разновидностью русского скопчества, занесенной в Россию из Греции и Болгарии. Прививалась она к русскому народу, заимствуя многое из учений Сведенборга и духоборцев, которые предавались сообразно с духом и образованием народа, выработав свою самобытную форму.

Сердцевинной новой кровавой изуверной секты, скопчества, тесно переплетенного с «людьми божьими», или хлыстами, выступают требование моральной чистоты и признание возможности каждого человека стать вместилищем Святого Духа. Секта скопцов во главе с ее основателем Даниилом Филипповым в своих заповедях призывала адептов: «плотского греха не творите; не женитесь, а кто женат, живи с женою как с сестрою. Неженимые – не женитесь, женимые – разженитесь» [9, с. 307], требовала радикально подойти к выполнению условия кастрации. Появившись в конце 60-х гг. XVIII в., уже к началу следующего столетия зараженные оскотлением по разным мотивам и побуждениям местности охватили Орловскую, Тамбовскую, Нижегородскую, Симбирскую, Владимирскую, Калужскую и Тульскую губернии, Ригу, Москву и Петербург. Одну из крупнейших нравственно деморализованных скопческих общин, «кораблей», возглавляли алатырские купцы Милютинские. Родоначальник купеческого рода Михайла Якимов Вялов родился около 1754 г. в деревне Милютинской, наименование которой закрепилось за ним в виде второй фамилии [5]. След приверженцев общины прослеживается в этой деревне и впоследствии. Так, в «Симбирских губернских ведомостях» за 1866 г. (№ 7) мы натолкнулись на любопытные сведения о жизни губернских иноверцев. Их деятельность была озвучена 21 декабря 1865 г. обер-секретарем Святейшего синода, действительным статским советником из потомственных дворян А. П. Крыжиным на заседании отделения этнографии Императорского РГО.

Приведем некоторые фрагменты выступления господина Крыжина, изучившего жизнь раскольников и учения различных сект во время проживания на территории этой губернии. Свое собрание народных сказаний о деятельности местных расколоучителей и ересиначальников («Опыт исследования скопческой секты Симбирской губернии») автор сопровождал не отдаленными, типологически любопытными параллелями извлечений исторических данных из архивных дел, относящихся до раскола.

Итак, Крыжин охарактеризовал прилив феодосийского и поморского толков, охвативших население Сызранского и Алатырского уездов, проводников морельщиков, бегунов, монтан, молокан, иконоборцев, духоборцев, богомоллов, хлыстов, и скопчество, коснувшееся всей губернии, до образования общества «Алатырской корабль». По его заверению, эти толки и секты беспрепятственно сюда проникали: восточная часть губернии, омываемая Волгой на 200 верст,

посещалась вольными людьми, укрывающимися в горах у реки бродягами с разных концов России, которые несли местным жителям свои учения; центральная, изобилующая хлебом, орошаемая Сурой, на которой издавна существовали хлебные пристани, привлекала торговый класс из Москвы, где и получил начало русский раскол. В историческом очерке о формировании устойчивой скопческой идеологии и идентичности распространения иноверцев, подготовленном без лукавства и экивоков тогдашних исследователей, в описании Крыжина был отображен «мониторинг процессов» и изменений в жизни местного люда в те времена. Скопчество, в частности, появилось там в конце XVII в. В 1796 г. крестьянин деревни Милютиной Алатырского уезда Яков Агапов принадлежал к этой секте; но от кого и где он принял скопческое учение, письменные источники и местные предания не указывают. Далее информация о состоянии секты в последующие 9 лет в источниках не прослеживается. По данным Крыжина, в 1805 г. крестьянин той же деревни Семен Михайлов впал в скопчество (приняв прозвание Милютинского) и по окончании над ним суда, отданный под надзор полиции, приписался в мещане г. Алатыря. Там он занялся торговлей, посещал Москву и Петербург, познакомился со скопцами Петербургского царского корабля, и, вероятно, вспомоществуемый ими, с разрешения главы русского скопческого общества Селиванова сделался настоятелем Алатырского корабля. Спустя два года Семен Милютинский уже приобрел известность у местных жителей вследствие примерного аскетизма, рвения помогать бедным и преданности к святой церкви. Его сестра почиталась в среде Петербургского корабля под мистическим именем «Книги животной» [6]. Остается лишь удивляться эпизодом, подмеченным очевидцем тех событий, что в 1807–1808 гг. в губернии было много скопцов из крестьян Алатырского уезда, по народной молве называемых «кладеными – Милютинской веры».

Занимаясь производством шелковых поясов, Милютинский заводил знакомства с окрестными жителями, разъезжал по сельским торгам и действовал в пользу секты, в которую обращал крестьян его родственник, скопец, отставной унтер-офицер Кирилл Миронов, поселившийся в Алатыре в 1831 г. Милютинцы бывали в Нижнем, Самаре, Симбирске и Казани; уже к 1845 г. язва скопчества распространилась на 15 уездных сел губернии, в Алатырь и Симбирск, а действия Милютинского едва ли не превосходили других раскольников-учителей империи. Излагая учение секты, Крыжин указал на сходство его с учением Сведенборга, Millenium и спиритизма. Бесконечное царство Христа, по взглядам скопцов, основанным на толковании одного места в «Апокалипсисе» (XIV, 1–3), тогда наступит на земле, когда число их приверженцев достигнет 144 000 чел. Подобное же, но тысячелетнее царство Христа, до общего воскресения, ожидают сектаторы [6]. О таком же царстве Духов толкует и спиритизм, объясняя гл. «Апокалипсиса». Некоторые места святого Евангелия скопцы принимают буквально, другие трактуют искаженно, мистически или отвергают. Например, воскресение Лазаря представляется им в образе души человеческой, умершей во грехах, но воскресенной Христом. Эта интерпретация идентична Евангелию по Сведенборгу [1].

Описывая обряды скопческой секты, исследователь помещает 12 песен русского народного творчества, составленных после 1820 г., объясняя смысл некоторых из них (по их содержанию и значению почти во всех воспевается глава русского скопчества Селиванов). Об учении скопцов отмечает, что оно «большую часть основано на искаженном толковании текстов Св. Писания; при всей своей искусственной и натянутой постройке... имеет некоторую систематичность, каждому тезису... есть основание, хотя ложное и не крепкое. Обрядность же представляется каким-то бессмысленным сочетанием разных сумасбродств» [6]. Поскольку этим увлекались люди образованные, видимая нелепица совершаемых обрядов имела внутренний подтекст, понятный последователям, каждое радение – кораблем и стенкою, а каждая песнь, распеваемая хором, – мистическую роль. Автор указывает на гражданский характер секты, которая хотя и проповедовала непризнание власти, не повинуется ей, ради страха иудейского и, кроме ее неприятия, не проповедует сложных идей демократизма.

Предположительно скопцы России, боготворя Селиванова, дерзали называть его высоким именем императора Петра III, но природа их дерзости исходила не от темных политических целей, и скопцы, воспользовавшись известным историческим фактом (появлением самозванцев под именем Петра III), приписывали его Селиванову для придания веса и ему, и всем сектантам, покрытия его, так сказать, высшим земным величием. Религиозный стержень скопчества объясняется причинами уклонения крестьян в секту; прочие раскольнические толки, отвергающие брак, готовят почву для этого: основой нравственного совершенства человека является физическая чистота, единственным средством к избавлению от грехов, достижению царства блаженных называется физическое оскотление.

Так или иначе, циркулировавший в среде поволжских старообрядцев скопческий концепт обрезания, маркирующего избранных праведников, подразумевает возвращение к безгрешному, «ангельскому» состоянию человека. Речь, следовательно, идет о своеобразной социальной унификации мужского и женского тела, или, по А. М. Эткинду, об «ампутации пола» [12, с. 148–149], специфической телесной отметине – антихристовой печати для обозначения оскотления.

Репрессивные меры правительства к искоренению раскола вообще и сект в империи не достигали цели, так как не влияли на дух раскола и основные идеи лжеучений. Тем не менее изложенные Крыжиным наблюдения не отвечали на риторический вопрос о первокирпичике оскотления ритуала, практически раскручивая эсхатологическую мету хлыстовской аскетики. По сведениям Н. Г. Высоцкого, «скопческая ересь», зародившись в сектантской общине, отличалась особой сексофобией: нарушители запрета на сексуальные отношения с женами не допускались на радения, должны были публично каяться и дополнительно подвергнуться инициационному ритуалу. Обрядовое самобичевание в «корабле» воспринималось под лозунгом борьбы с плотской похотью [4, с. 32; 37, 218]. Вероятно, наличие некоего культурно-психологического «спускового крючка»

самооскопления активизировало массовые физические уродства новых сектантов внутри движения. Ген скопчества священник Константин Кутепов находит в преемственной связи с хлыстами. Выясняя общие и единственные причины его появления в хлыстовской морали, в качестве таковых он видит несовместимость между учением хлыстов о нравственности и их исполнением при помощи особых обрядов. Факты, характеризующие следствия о московских хлыстах в 1745–1752 гг., относятся к первому официальному известию о появлении скопческой секты, т. е., по гипотезе батушки, к 1772 г. [7].

Идея Л. Энгельштейн о происхождении оскопления – подражание распятию, где определенную роль сыграли телесные наказания в России в XVIII в., массовые страхи и эсхатологическое ожидание эпидемии чумы, разразившейся в 1771–1772 гг. в Москве и Подмосковье: «Для крестьян екатерининской России кнут... был не отдаленным воспоминанием или метафорой... распятие и порка были формами боли и насилия, исполненными морального и духовного значения. Кастрация была столь же значимым мучением, на сей раз причиняемым самому себе» [11, с. 21–22]. По сознанию скопцов-реформаторов Евфима Куприянова и Федора Безутова, движение было вызвано их неудовлетворительным религиозно-нравственным состоянием. Многие скопцы в надежде получить спасение через одно физическое оскопление как гарантии душевного спасения вовсе не заботились о своем внутреннем усовершенствовании, обрезании «сердечной злобы, гордости, непомерной зависти» и т. д. В результате секта скопцов «разбрелась» или, усвоив мирские обычаи, стала жить не по-скопчески, что, естественно, претило фанатам учения, позднее составившим из себя «святое избрание» [7]. Мы хотели бы предложить другую версию, которая на первый взгляд может показаться неубедительной, абсурдной. Вероятно, ее никогда не удастся проверить, но, с нашей точки зрения, она окажется вполне релевантной определенным тенденциям престонародной религиозной культуры XVII–XVIII вв.

Таким образом, требуется исследовать не только раскол и различные секты (например, богумилов, действовавших в 1850-х гг. в Симбирской губернии в числе прочих) как в религиозных, так и в гражданском отношениях, но и причины явления их в среде русского народа, развития их со всеми метаморфозами и ответвлениями на протяжении столетий.

Список использованных источников

1. Araena Coelestia – сочинение Сведенборга. – Амстердам, 1749–1756. – 934 с.
2. Берман А. Г. Алатырская ересь: из истории скопчества в Среднем Поволжье // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. – СПб. : Европ. ун-т, 2006. – URL: <https://www.chaosss.info/хаос/алатир.html> (дата обращения: 28.04.2021).
3. Браславский Л. Ю. Старообрядчество и христианское сектантство в Чувашии / Л. Ю. Браславский. – Чебоксары, 1984.
4. Высоцкий Н. Г. Первый скопческий процесс / Н. Г. Высоцкий. – М., 1915.
5. ГИА ЧР. Ф. 143. Оп. 1. Д. 16. Л. 4.

6. Заседание Отделения Этнографии Императорского Русского Географического Общества 21-го декабря // Симб. губерн. ведомости. – 1866. – 20 янв.
7. Кутепов К. В. Секты хлыстов и скопцов / К. В. Кутепов. – Казань : Тип. Императ. ун-та, 1882. – 582 с. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/sekty/sekty-hlystov-i-skoptsov-issledovanie/1_7 (дата обращения: 28.04.2021).
8. Липинский А. О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба / А. О. Липинский. Симбирская губерния : в 2 т. – СПб., 1868.
9. Мельников-Печерский П. И. Белые голуби. Собр.соч. : в 6 т. – М. : Правда, 1963.
10. Панченко А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект / А. А. Панченко. – М. : ОГИ, 2002.
11. Энгельштейн Л. Скопцы и Царство Небесное. Скопческий путь к искуплению = Castration and the Heavenly Kingdom: A Russian Folktale / Л. Энгельштейн ; (авториз. пер. с англ. В. Михайлина, при участии Е. Филипповой и Е. Левинтовой). – М. : Новое лит. обозрение, 2002. – 328 с.
12. Эткин А. М. Русские скопцы: опыт истории // Звезда. – 1995. – № 4. – С. 131–163.

УДК 316.37

ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА: ЛИДЕРЫ РЕЙТИНГА И АНТИРЕЙТИНГА МЕДИАРЕСУРСОВ РЕГИОНА

FAMILIAR ALL PERSONS: LEADERS OF A RATING AND AN ANTIRATING OF MEDIA RESOURCES OF REGION

И. А. Пакшина, *канд. культурологии*
Государственное казенное учреждение Республики Мордовия
«Научный центр социально-экономического мониторинга»

Аннотация. На основе данных мониторинговых исследований определяются наиболее популярные в Мордовии средства массовой информации. Сопоставление сведений о СМИ, являющихся признанными лидерами, с медиаресурсами, указанными респондентами как те, которым они категорически не доверяют, позволяет сделать вывод о совпадении лидеров рейтинга и антирейтинга в традиционных СМИ региона.

Abstract. Based on the data of monitoring studies, the most popular mass media in Mordovia are determined. Comparison of information about the media that are recognized leaders with media resources indicated by the respondents as those they categorically do not trust, allows us to conclude that the leaders of the rating and anti-rating in the traditional media of the region coincide.

Ключевые слова: мониторинг средств массовой информации, Республика Мордовия, медиаресурсы, медиапотребитель, рейтинг, доверие.

Keywords: media monitoring, Republic Mordovia, media resources, media consumer, rating, confidence.

Современное общество без преувеличения можно назвать обществом рейтингов. Они сопровождают человека буквально везде, современный человек живет в состоянии постоянного оценивания. Пресса регулярно сообщает об итогах конкурсов в номинации «человек года», «событие года», «самая издаваемая книга», «мисс мира», «топ-модель», «самый богатый...», «самый популярный...» и т. д. Однако чаще всего производится оценка популярности самих средств массовой информации, так как «рейтинг является не просто показателем успешности их деятельности, он выражает степень заинтересованности потребителей их работой» [2, с. 63–64].

ГКУ РМ НЦСЭМ неоднократно проводило комплексные социологические опросы в сфере мониторинга средств массовой информации Республики Мордовия. На первоначальном этапе исследования СМИ были связаны с изучением доступности получения информации жителями республики (2007–2008), в дальнейшем – с оценкой роли СМИ как основного источника информации о социально-экономических процессах и деятельности республиканской власти (2013) и выявлением изменений в уровне и стилях потребления населением социально-политической информации из доступных СМИ (2017). В 2020 г. на основе рейтинга СМИ, определяющих медийное поле Мордовии, выявлялась специфика общественного резонанса информационных поводов в традиционных и социальных медиа. На всех этапах проведения мониторинга перед исследователями ставилась общая задача – выявление наиболее популярных СМИ у жителей региона. Однако в 2020 г., в отличие от предыдущих исследований, респондентам было предложено написать названия телеканалов, газет и сообществ в социальных сетях, которым они категорически не доверяют. Сопоставление полученных данных позволило получить следующие результаты.

1. Наиболее многочисленная аудитория у телевидения (2008 г. – 97,0 %, 2020 г. – 92,8 %), хотя намечается тенденция к снижению доли граждан, смотрящих телевизионные передачи. Основными потребителями телепродукции являются респонденты старшей возрастной группы (в 2020 г. от 18 до 29 лет – 43,4 %, от 30 до 49 – 59,0 %, от 50 лет и старше – 74,3 %).

На протяжении всего периода исследований тройку лидеров составляют телеканалы «Первый канал» (в 2008 г. – 81,9 %, в 2020 г. – 61,2 %), «Россия-1» (в 2008 г. – 63,9 %, в 2020 г. – 44,1 %) и «НТВ» (в 2008 г. – 33,3 %, в 2020 г. – 33,4 %). Для респондентов в возрасте от 18 до 29 лет тройка лидеров принципиально иная: «Первый канал» (44,7 %), «ТНТ» (42,2 %) и «СТС» (39,8 %). Самыми известными республиканскими телеканалами стали ГТРК «Мордовия» (12,8 %), «10 канал – ТелеСеть Мордовии» (8,9 %), «Народное телевидение Мордовии (НТМ)» (6,2 %); их основная аудитория – население, проживающее в селах и малых городах республики.

Отметим, несмотря на то, что «Первый канал» и «Россия 1» являются лидерами рейтинга на протяжении длительного времени, доля респондентов, просматривающих данные каналы, уменьшается. Результаты исследования

2020 г. зафиксировали незначительную разницу в предпочтениях молодежи, т. е. для них характерен одинаковый интерес как к информационным, так и к развлекательным телевизионным каналам.

На просьбу написать название телеканалов, которым респондент категорически не доверяет, откликнулись 13,8 % опрошенных (136 упоминаний). В антирейтинг вошли «Первый канал» (56 упоминаний), «Россия 1» (39), «НТВ» (26), «РЕН ТВ» (21 упоминание) и региональный канал «10 канал – ТелеСеть Мордовии» (8 упоминаний). Респонденты иногда не указывали названия телеканалов, а писали «*все федеральные каналы*» (11 раз) или «*никому в полной мере*» (1).

2. Лидерами читательского внимания на рынке печатной прессы на протяжении периода исследования остаются районные газеты (в 2008 г. – 31,0 %; в 2020 г. – 34,1 %), «Известия Мордовии» (в 2008 г. – 27,0 %; в 2020 г. – 32,5 %) и «Столица С» (в 2008 г. – 33,7 %; в 2020 г. – 27,3 %). Данные мониторинговых исследований позволяют очертить социологический портрет читателей региональных газет. «Известия Мордовии» и районную газету предпочитают читать респонденты среднего и старшего возраста, проживающие в сельской местности. «Столицу С» в равной степени читают представители всех возрастных групп независимо от уровня образования и места проживания.

8,2 % респондентов написали название газеты, которой они категорически не доверяют (81 упоминание). Чаще всего назывались газеты «Столица С» (38 упоминаний) и «Известия Мордовии» (8). Некоторые респонденты ограничивались обобщающей фразой – «*все*» (7 упоминаний) и «*желтая пресса*» (1). Отметим, что респондентами ни разу не была упомянута ни одна районная газета.

3. Социальные медиа в настоящее время составляют значительную конкуренцию традиционным средствам массовой информации. Подавляющая (84,4 %) часть населения республики пользуется Всемирной сетью. Фактором, влияющим на пользовательскую активность, выступает возраст. Только 70,6 % населения старше 50 лет посещают Интернет (в возрасте от 18 до 29 лет – 95,6 %). С увеличением уровня образования возрастает доля респондентов, пользующихся сетью. Территориальная расположенность не оказывает существенного влияния на активность в ней.

В ходе опроса респондентам было предложено написать названия групп (каналов) в социальных сетях (мессенджерах), из которых обычно узнают новости о жизни Мордовии. 58,1 % опрошенных указали, что узнают новости о жизни региона из социальных сетей («ВКонтакте» – 264 упоминания, «Одноклассники» – 101, «Instagram» – 72, «Facebook» – 8 упоминаний). Респондентами были названы популярные паблики г. Саранска («Привет, сейчас, Саранск» (81 упоминания); «Столица С» (46); «Саранск | Доска Позора» (43); «Республика Мордовия» (21 упоминание), а также локальные интернет-сообщества района, в котором проживает респондент («Администрация Дубенского района», «Администрация Зубово-Полянского

района», «Подслушано Краснослободск», «Город Ковылкино», «Жизнь и работа в г. Темников», «Новости Теньгушевского района» и др.).

Телеграм-каналы как источник информации актуальны для 3,9 % опрошенных. Респондентами были названы каналы, которые можно отнести к «оппозиционным» («Незыгарь», «Эхо Москвы», «Мордовский шпиль»; «Mordor offshore», «Мордовушкин» и др.), а также каналы, публикующие достоверную и оперативную информацию о ситуации с распространением коронавирусной инфекции («Коронавирус. Оперштаб Мордовии»).

Вопрос о категорическом недоверии сообществам в социальных сетях не получил сколько-нибудь значимых ответов; было указано только 39 наименований. Подчеркнем, что вопрос задавался в открытой форме; в ответах респонденты путались и указывали не только название сообществ социальной сети («Доска позора», «Подслушано...», «Лентач»), но и название самой социальной сети («ВКонтакте», «Одноклассники») или крупных медийных интернет-порталов (Mail.ru, Rambler.ru).

Таким образом, результаты исследований демонстрируют парадоксальную картину – совпадение лидеров рейтинга и антирейтинга традиционных СМИ региона. С одной стороны, в регионе сформировались медиаканалы, на протяжении многих лет определяющие медийное поле Мордовии и являющиеся признанными лидерами на нем. С другой – появляется группа медиапотребителей, категорически не доверяющая СМИ, популярным у большинства населения.

Снижение популярности традиционных СМИ исследователи связывают прежде всего с кризисом доверия, сформировавшимся у медиапотребителей. В условиях информационного общества «культура доверия» аудитории к СМИ стала представлять собой систему медиадифференцированного отбора – обращения к менее ангажированным источникам информации, предлагающим альтернативные точки зрения [1, с. 92]. Кризис доверия аудитории обесценивает прессу и как инструмент политического воздействия в интересах власти [3, с. 200]. Следовательно, в ситуации обилия альтернативных источников информации современный человек стремится к критическому осмыслению медиаконтента, предоставляемого традиционными СМИ, ориентируясь на независимые новостные ресурсы, отличающиеся от выбора большинства. Исследование данной проблемы требует дальнейшего более глубокого исследования.

Список использованной литературы

1. Ефанов А. А. Падение доверия к телевидению: социологический взгляд на проблему // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Соц.-гуманитар. науки. – 2018. – Т. 18, № 2. – С. 89–94. – DOI: 10.14529/ssh180214.
2. Зубанова Л. Б. Рейтинги средств массовой информации: аудиторные и ценностно-тематические виды // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. 11, Журналистика. – 2005. – № 1 (2). – С. 60–72. – URL: http://www.lib.csu.ru/vch/11/2005_01/010.pdf.
3. Короченский А. П. Мировая журналистика: история, теория, практика : сб. науч. и публицист. работ / ред.-сост. С. Г. Торчинский. – Белгород : ИД «Белгород» : НИУ «БелГУ», 2015. – 240 с.

**ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА***

**TRANSFORMATION FACTORS OF ETHNO-CULTURAL IDENTITY
IN SETTINGS OF A REGIONAL CENTRE**

О. В. Санникова, *проф., д-р социол. наук*
Удмуртский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается проблема сохранения оснований этнокультурной идентичности титульного удмуртского этноса в Удмуртской Республике в условиях стабильной миграции сельского населения в промышленные города. По результатам исследования методами пилотажного анкетного опроса и фокус-группового интервью, выявлено, что в условиях столицы Удмуртии, г. Ижевска, основания этнокультурной идентичности титульной нации трансформируются, приобретают номинативный и декоративный характер.

Abstract. The article discusses the issue of maintaining the background of ethno-cultural identity of title Udmurt ethnic group in Udmurt Republic with the tendency for permanent migration of rural populations to industrial cities. Based on the methods of piloting questionnaires and focus groups interviews the research results indicated that backgrounds of ethno-cultural identity of title nation are transformed and gain some nominative and decorative characteristics in the settings of Izhevsk, the capital of Udmurtia .

Ключевые слова: этническая идентичность, трансформация этнической идентичности, внутрирегиональная миграция.

Keywords: ethnic identity, transformation of ethnic identity, intra regional migration.

Проблематика сохранения этничности и формирования этнической идентичности в современных социологических источниках развивается в трех магистральных направлениях. Подразумевается, что современные социальные процессы приводят к трансформационным изменениям в различных сторонах жизни общества и отдельного человека, в том числе в его отношениях к конкретным социальным общностям. Процессы трансформации этничности и этнической идентичности в условиях Российской Федерации рассматриваются, во-первых, в контексте достижения социального согласия в полиэтничном и поликультурном пространстве современной России [1], во-вторых, в контексте однонаправленных

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Конструирование социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации (на примере Республики Мордовия и Удмуртской Республики)», грант РФФИ № 20-011- 00588.

внутрирегиональных российских миграционных процессов перемещения сельского населения в города как следствие общей тенденции урбанизации. Это особенно актуально для национальных республик в составе России с территориями исконного исторического проживания этноса, давшего официальное название субъекту Российской Федерации [2].

Таким субъектом является Удмуртская Республика со столицей в городе Ижевске. Официально закрепленное название этого субъекта отражает историческое положение удмуртского этноса как коренного для данной территории народа финно-угорской группы.

Изучение трансформации этнической идентичности коренного этноса при переселении в города с их мощными механизмами адаптации и аккультурации мигрантов направлено на выявление новых форматов проявления их этничности и этнической идентичности. Российские исследователи [3, 4] выделяют такие трансформационные уровни сохранения этничности в урбанизированной среде, как семейно-бытовой (общение с близким окружением, родными, друзьями), публичный (этнически окрашенные массовые мероприятия), профессиональный (представительство этнических групп в сфере, управления, творчества, предпринимательства). Демонстрация аборигенной культуры в городе уже не выступает как традиция, а является лишь ответом на общественный запрос «на экзотику», становясь тем самым частью элитарной культуры, создаваемой профессионалами [3, с. 1812].

Для того чтобы выявить факторы и форматы трансформации этнической идентичности коренного титульного этноса Удмуртской Республики в условиях городской среды столицы региона г. Ижевска, было проведено анкетное, пилотажное и фокус-групповое исследование в рамках выполнения проекта, поддержанного РФФИ.

Как показало исследование, факторами такой трансформации являются, во-первых, отношение жителей к столице Удмуртии как к административному и промышленному центру, но не как к центру развития удмуртской культуры и языка, воспроизводства и сохранения оснований этнической идентичности удмуртов.

По результатам исследования, такие основания охраняются по преимуществу в укладе жизни сельских поселений удмуртов, в этнических культурных городских объединениях, на уровне внутрисемейных взаимодействий. Информанты указывают, что элементы удмуртской культуры не востребованы в повседневной жизни горожан. Такая востребованность удмуртской культуры сохраняется только в сельских районах республики, там, где удмуртский язык используется для повседневного общения в основном старшего поколения. В общую структуру пространства города как столицы Удмуртии компоненты удмуртской культуры не вписаны. *«В Ижевске я мало у кого слышала. А вот в сельской местности, помимо Ижевска, как-то чаще используется, вот бабушки разговаривают, ко мне обращаются и между собой общаются на удмуртском языке».*

Информанты указывают источники не востребоваемости элементов

удмуртской культуры, языка в обиходе большинства жителей г. Ижевска и связывают эти причины с длительным в прошлом негативным отношением к проявлениям удмуртской культуры. Это привело к тому, что сами удмурты, проживающие в городе, могут стесняться своего языка, своей этнической принадлежности. Информанты указывают также, что в условиях города собственную национальную культуру утрачивают и представители удмуртского этноса, не используют удмуртский язык для общения, забывают его: *«Мне кажется, на удмуртском стесняются разговаривать некоторые. Как будто их презирают, как будто высмеивают, поэтому мало кто общается на удмуртском языке».*

Во-вторых, ограниченное присутствие элементов этнокультуры удмуртского народа в городских повседневных публичных практиках населения. Элементы удмуртской культуры становятся частью туристического бренда Удмуртии, используются как экзотическое оформление городских праздников: *«Вот когда мероприятия проводятся, обязательно в названии мероприятия всегда есть удмуртское слово или оно переделано под удмуртский колорит»;* *«Как мне кажется, удмуртская идентичность конкретно в Ижевске транслируется на массовых праздниках, гуляниях. Там правда можно увидеть, а вот так, чтобы по городу идти и понимать, что ты, да, в Удмуртии, мне кажется, такого нет».*

Информанты отмечают изменение в статусе удмуртского языка на территории города. Возникает практика использования удмуртского языка в качестве бренда Удмуртии в экономических и культурных взаимодействиях республики с другими российскими регионами и странами, а также использования элементов удмуртского языка для рекламы и продвижения товаров и услуг на территории города не только для туристов, но и для самих ижевчан. *«Я считаю, что, да, это изюминка нашего региона, что Удмуртия она все-таки строится на удмуртской идентичности, и, возможно, это хорошо использовать для продвижения бренда региона».*

В-третьих, использование удмуртского языка как государственного в Ижевске воспринимается информантами как официальная необходимость для названий учреждений республиканской и муниципальной принадлежности, но не в качестве языка повседневного общения: *«Нужно стимулировать государственных каких-то деятелей, чиновников к тому, чтобы они были знакомы с удмуртской культурой и чтобы они понимали тех людей, которые к ним обращаются».*

Таким образом, как следствие однонаправленной внутрирегиональной миграции в условиях городской среды столицы Удмуртии происходит трансформация оснований этнокультурной идентичности титульной нации под влиянием отношения горожан к удмуртскому языку как компоненту административного управления и отношения к этнокультурным символам как компонентам товарного бренда и декорирования городского пространства.

Список использованных источников

1. Дробижеева Л. М. Исчезает ли этничность в городской среде? Некоторые ответы на загадки большого города // Изв. высш. учеб. заведений. Поволж. регион. Обществ. науки. – 2013. – № 3 (27). – С. 73–83.
2. Дробижеева Л. М. Актуальная идентичность и межэтнические отношения в Поволжском регионе / Л. М. Дробижеева, Г. Б. Кошарная // Изв. высш. учеб. заведений. Поволж. регион. Обществ. науки. – 2016. № 4 (40). С. 106–112.
3. Стась И. Н. Исследования городских идентичностей в исторической урбанистике Сибири // Quaestio Rossica. – 2020. – Т. 8, № 5. – С. 1807–1821.
4. Хаховская Л. Н. Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана // Сиб. ист. исслед. – 2014. – № 2. – С. 39–59.

СОЦИОЗАЩИТНАЯ ФУНКЦИЯ ВУЗА (К 90-летию МГУ им. Н. П. ОГАРЁВА)

УДК 364.023

КУРАТОР КАК СУБЪЕКТ СОЦИОЗАЩИТНОЙ ФУНКЦИИ ВУЗА

THE CURATOR AS A SUBJECT OF THE SOCIAL PROTECTION FUNCTION OF THE UNIVERSITY

*А. А. Антипова, доцент, канд. социол. наук
МГУ им. Н. П. Огарёва*

*Е. Н. Касаркина, доцент, канд. социол. наук
МГУ им. Н. П. Огарёва*

Аннотация. В статье анализируется значимость куратора как субъекта, способствующего социальной адаптации и подготовке студентов к овладению универсальными и профессиональными компетенциями, и важнейшего элемента института кураторства, интегрирующего учебную, внеучебную и воспитательную деятельность вуза в единую социальную систему, ориентированную на социальный заказ и потребности современного общества.

Abstract. The article analyzes the importance of the curator as a subject contributing to social adaptation and preparation of students for mastering universal and professional competencies, and the most important element of the institute of curatorship, integrating the educational, extracurricular and educational activities of the university into a single social system focused on the social order and the needs of modern society.

Ключевые слова: куратор, высшее учебное заведение, социальная помощь, защита, региональный социум.

Keywords: curator, higher education institution, social assistance, protection, regional society.

Кураторство – это востребованный на современном этапе элемент социального института высшего образования, обеспечивающий ему свойство эмерджентности. Традиции и современные реалии кураторства (лат. *curator* – «куратор» (лат.) – попечитель) свидетельствуют о его социальной значимости как основы адаптации студентов-первокурсников в учебной и внеучебной деятельности.

Кураторство выступает востребованным, ключевым звеном в системе высшего образования, интегрирующим различные виды образовательного

процесса. Особая роль институту кураторства отводится в решении задач посредничества, организации, контроля учебной, научной, воспитательной, образовательной, внеучебной деятельности высшего учебного заведения. В частности, М. В. Мисюрёв выражает мнение, что «еще до начала Первой мировой войны в отечественных вузах зарождается одна из значимых функций куратора, сохранившая свою актуальность и в настоящее время – способствование адаптации студента в учебном заведении, создавая всевозможные условия для его всестороннего развития, удовлетворения его потребностей. Студентам не приходится тратить свободное время, которое предназначалось для самостоятельной работы или для отдыха, на посторонние дела, и они могли бы полностью отдаться учебе» [3, с. 86].

Функциональные особенности куратора в условиях современного российского вуза также активно отражены в трудах многих авторов. При этом особенности, на которых акцентируют внимание авторы, связываются с различными аспектами условий, сложившихся в современном вузе. Например, Т. Т. Щелина раскрывает роль института кураторов в условиях изменившейся психологии студенчества и меняющейся ситуации в сфере развития высшего образования в России [5, с. 249]. Б. Р. Мандель анализирует цели и задачи кураторства в современном российском вузе, исследует функции и иные характеристики куратора, рассматривает принципы организации, проведения и оценки эффективности и результативности кураторской работы [2]. Автор акцентирует внимание на том, что кураторство в современной России развивается в очень сложных условиях, так как происходит либо полное уничтожение данной работы во многих вузах, либо сведение функций куратора исключительно к административной работе, роли «надзирателя» [2, с. 29].

В достаточно большом массиве работ, посвященных изучению кураторства в современном вузе, исследуется функционально-ролевая составляющая кураторской деятельности. В первую очередь авторы выделяют, конечно же, воспитательную функцию куратора. Как отмечают в своей работе Е. Е. Сатистова, Т. В. Калинина, Т. Т. Щелина, на сегодняшний день куратор выступает как организатор жизнедеятельности студенческой группы, что предполагает организацию, интеграцию и коррекцию влияния среды на студента, а также помощь в формировании взаимоотношений в студенческой среде и обеспечение индивидуальной поддержки в саморазвитии студента. Сформулированные таким образом роль и смысл деятельности современного куратора позволяют считать его одним из центральных звеньев в воспитательной системе вуза (факультета). На практике готовность куратора к воспитательной деятельности в высшем учебном заведении формируется под влиянием комплекса факторов. В первую очередь куратор должен обладать организаторскими способностями и умением сплачивать коллектив студентов. Не менее важны его умения по мобилизации обучающихся к выполнению учебно-воспитательных задач для освоения ими основной образовательной программы, а также умения выбора

методов и форм организации деятельности в сфере воспитания студентов [4, с. 20–23].

Другой не менее популярной функцией куратора является участие в адаптации студентов к новой студенческой жизни. В частности, С. Г. Екимова отмечает, что «главная задача куратора – помочь первокурсникам быстро и безболезненно адаптироваться к студенческой жизни, научить ориентироваться в правах и обязанностях студентов, познакомить с организацией учебного и внеучебного процессов, сплотить коллектив и создать благоприятный микроклимат в группе. Быстрая и успешная адаптация к жизни вуза студентов первого курса является залогом успешности овладения ими профессией, то, ради чего они пришли в вуз, то, ради чего работает система высшего образования» [1, с. 104].

Со второй половины марта 2020 г. российские вузы в связи с эпидемиологической ситуацией вынуждены были перейти на дистанционное обучение. Коронавирусная инфекция COVID-19 заставила существенно перестроить всю систему образования, а всем участникам образовательного процесса пришлось приспособиться к новым условиям взаимодействия на всех уровнях. Коснулось это и деятельности куратора. В качестве основных задач кураторской деятельности в условиях COVID-19 следует отметить: посредничество в организации учебы из дома (дистанционно); консультирование по работе с электронными образовательными платформами; организация воспитательной работы со студентами; формирование студенческого коллектива, способного работать в дальнейшем на принципах самоуправления.

Доказательством востребованности куратора в вузе в условиях пандемии может послужить опыт вузов России. Так, в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов 31 августа 2020 г. состоялись мероприятия для первокурсников в дистанционном формате. Ввиду сложной эпидемиологической обстановки первокурсники познакомились с сотрудниками деканатов, кафедр и кураторами учебных групп в онлайн-формате. Сотрудники университета провели консультации по вопросам организации учебного процесса. 2 сентября 2020 г. на своем официальном сайте вуз опубликовал список кураторов студенческих групп 1-го курса на 2020/21 учебный год. При этом университет напомнил родителям первокурсников о целесообразности поддержания контактов с кураторами, так как они являются консультантами и координаторами деятельности первокурсников в группе, помогают новичкам узнать о традициях университета, привыкнуть к нормам и правилам вузовской жизни. В течение учебного года они содействуют формированию молодежного коллектива, заботятся о дисциплине, вовлекают студентов в научную и общественную жизнь вуза, помогают развивать интерес к учебе, организовывать досуг.

В МГУ им. Н. П. Огарёва 1 сентября 2020 г. также отметили День знаний в основном в дистанционном формате, в котором прошла торжественная линейка «Здравствуй, первокурсник!». В онлайн-формате состоялось посвящение первокурсников в студенты Мордовского

университета, где они произнесли клятву огаревца. В рамках онлайн-торжества также прошли флешмоб и виртуальная экскурсия по топовым местам вуза. Особая роль в этих мероприятиях была отведена кураторам. Для первокурсников были организованы кураторские часы, где они могли лично познакомиться со своими наставниками, преподавателями, администрацией факультетов/институтов и представителями студенческих объединений. Мероприятия прошли в аудиториях с соблюдением всех необходимых профилактических норм. В рамках кураторского часа студентам также подробно рассказали о правилах поведения в вузе в связи с распространением COVID-19.

Таким образом, куратор выступает субъектом социозащитной функции вуза, и его деятельность затрагивает многие вопросы, возникающие не только в рамках учебного и внеучебного процессов, но и в связи с решением основных задач организации различных видов образовательного процесса в изменяющихся условиях, как это произошло в условиях пандемии. Куратор является субъектом, который помогает формированию студенческой социокультуры, мотивации к профессионально-личностному самосовершенствованию через развитие в социозащитном пространстве вуза.

Список использованных источников

1. Екимова С. Г. Кураторство как одна из форм учебно-воспитательной работы в вузе // Проблемы высш. образования. – 2017. – Т. 2. – С. 104–106.
2. Мандель Б. Р. Кураторство в современном вузе: поиски разрешения проблем // Педагогика. – 2014. – № 8. – С. 25–31.
3. Мисюрев М. В. История возникновения и развития системы кураторства в России // Проблемы социализации личности в контексте непрерывного профессионального образования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова. – СПб. : Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2014. С. 85–89.
4. Сатистова Е. Е. Куратор в воспитательной системе современного вуза / Е. Е. Сатистова, Т. В. Калинина, Т. Т. Щелина // Социальная педагогика в современных социальных практиках : сб. науч. ст. VI Междунар. симп. 2–5 июня 2016 г. / науч. ред. А. В. Мудрик, Т. Т. Щелина. – Арзамас : Арзамас. фил. ННГУ, 2016. – 557 с.
5. Щелина Т. Т. Академическое кураторство в инновационном вузе: психологическая обоснованность и педагогическая целесообразность // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Соц. науки. – 2014. – № 4 (36). – С. 248–255.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СОЦИОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА

ORGANIZATIONAL AND LEGAL SUPPORT OF SOCIAL PROTECTION ACTIVITIES OF THE UNIVERSITY

*Д. А. Бистяйкина, доцент, канд. социол. наук
МГУ им. Н. П. Огарёва*

Аннотация. В статье проанализирован комплекс нормативно-правовых документов, направленных на сопровождение социозащитной деятельности вуза федерального и локального уровней. Даны характеристики основных направлений социозащитной деятельности МГУ им. Н. П. Огарёва.

Abstract. The article analyzes a set of regulatory and legal documents aimed at supporting the social protection activities of the university, federal and local levels. The characteristics of the main directions of social protection activities of the Ogarev Moscow State.

Ключевые слова: вуз, социозащитная функция, нормативно-правовые документы, инклюзивное образование, охрана здоровья.

Keywords: university, social protection function, regulatory documents, inclusive education, health protection.

Высшее образование в современных социокультурных условиях – это не просто система мер и мероприятий, нацеленных на приобретение обучающимися знаний и навыков, необходимых для овладения профессией, но и важнейший институт научно-исследовательской деятельности, воспитания, социализации, социальной защиты как студентов, так и профессорско-преподавательского состава, а также других сотрудников вузов. В Федеральном законе от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закреплено, что цель высшего образования состоит в обеспечении подготовки «высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации» [1].

Данный закон, являясь ключевым нормативно-правовым документом, обеспечивающим сопровождение социозащитной деятельности российских вузов, устанавливает формы поддержки будущих студентов еще на начальном этапе поступления в вуз. Так, к примеру, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, дети-инвалиды и некоторые другие категории абитуриентов обладают правом льготного приема на направления подготовки

бакалавриата, а также на специалитет за счет средств федерального, региональных и местных бюджетов согласно размеру установленной квоты.

Кроме того, данный Федеральный закон ввел в практику образования и обучения понятий «обучающийся с ограниченными возможностями здоровья», «инклюзивное образование», что нацеливает высшую школу на более системный подход к образованию инвалидов. Как отмечают исследователи, сегодня социозащитная функция вуза, касающаяся студентов с ограниченными возможностями здоровья, состоит в том, чтобы в его образовательной, воспитательной, социальной деятельности разрабатывать и реализовывать специальные меры и мероприятия, нацеленные на профилактику, минимизацию или компенсацию социальных, социально-экономических, индивидуальных рисков, влияющих на их самочувствие [2].

Многие вузы России, в том числе и МГУ им. Н. П. Огарёва, приняли ряд локальных нормативных правовых документов, в соответствии с которыми был разработан комплекс мероприятий, способствующих развитию инклюзивного высшего образования студентов-инвалидов и лиц из числа имеющих ограниченные возможности здоровья. Так, в частности, одним из ключевых локальных документов, сопровождающих процесс инклюзивного образования в вузе, является Положение об организации образовательного процесса для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва». Положение определяет специфику организации образовательного процесса для студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья, содержит рекомендации к адаптации данных программ и учебно-методического обеспечения, регламентирует работу, предусматривающую содействие трудоустройству выпускников с инвалидностью и лиц с ОВЗ с их последующим закреплением на рабочих местах.

Кроме того, в качестве нормативно-правового сопровождения социозащитной деятельности вуза в отношении студентов-инвалидов и лиц с ОВЗ выделим следующие.

1) Программу профессионального ориентирования лиц с ОВЗ и инвалидностью в ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (приказ от 24.09.2020 г. № 542);

2) приказ от 06.04.2017 г. № 270 «Об обеспечении условий доступности для инвалидов объектов и предоставляемых на них услуг в ФГБОУ ВО „МГУ им. Н. П. Огарёва“»;

3) приказ от 20.04.2016 г. № 303 «О внедрении технологии тьютерского сопровождения обучающихся с ОВЗ и инвалидов в практику вуза» и пр.

Также в качестве важного направления социозащитной деятельности вуза в современных условиях выделяется охрана здоровья обучающихся и сотрудников. Такая работа, исходя из положений федерального законодательства, включает комплекс мер, ориентированных на:

– установление и учет на практике норм учебной и внеучебной нагрузки;

– определение оптимального режима учебных занятий, а также продолжительности каникул;

– организацию и создание условий для оздоровления обучающихся и сотрудников вуза, занятия ими физкультурой и спортом;

– проведение профилактических, санитарно-противоэпидемических и иных мероприятий, направленных на сохранение здоровья [1].

С учетом требований федерального законодательства в вузе выстроена система мер по созданию здоровьесберегающей образовательно-воспитательной среды, в которую включены все необходимые субъекты (администрации факультетов и институтов, органы студенческого самоуправления, отдел социального развития и инклюзивного сопровождения и др.). Ключевыми задачами функционирования данной системы являются:

– обеспечение рациональной организации образовательного процесса с учетом санитарных норм и гигиенических требований;

– контроль над состоянием здоровья студентов и сотрудников вуза, в том числе посредством проведения профилактических медицинских осмотров и оказания первичной медицинской помощи;

– вооружение преподавателей знаниями, связанными с оказанием первой медицинской помощи, а также необходимыми для этого практическими навыками;

– активное вовлечение сотрудников вуза в занятия физкультурой и спортом;

– обеспечение проведения предварительных медицинских осмотров поступающих на работу, проведение диспансеризации работников;

– организация санаторно-курортного лечения работников вуза из числа лиц предпенсионного возраста, которым осталось проработать до пенсии пять или менее лет;

– развитие семейного отдыха, в том числе семейного туризма, совместно с первичной профсоюзной общественной организацией работников и пр.

Новая коронавирусная инфекция COVID-19 вызвала необходимость в дополнительной разработке организационно-правовых мер, направленных на охрану здоровья обучающихся и сотрудников вуза. Так, в частности, в ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» в целях предупреждения распространения коронавирусной инфекции приказом ректора от 20.03.2020 г. № 215 был введен в действие План неотложных мероприятий по предупреждению распространения коронавирусной инфекции, который включал ряд организационных мероприятий; мероприятия, проводимые в помещениях университета; мероприятия по дополнительному упорядочиванию рабочего времени и мониторингу состояния здоровья обучающихся и сотрудников; мероприятия по взаимодействию с посетителями и пр. Согласно данному Плану обучение по образовательным

программам, которые реализует вуз, проходило в дистанционной форме. Для охраны здоровья обучающихся и сотрудников были:

- организована ежедневная обработка помещений дезинфицирующими средствами;
- обеспечено регулярное проветривание рабочих помещений и учебных аудиторий;
- оснащены специальным оборудованием для обеззараживания воздуха помещения, в которых может одновременно находиться большое число сотрудников и обучающихся;
- обеспечено измерение температуры тела сотрудников, обслуживающего персонала и посетителей при входе в служебные здания;
- обеспечено проведение ежедневного мониторинга здоровья сотрудников и обучающихся и пр.

Таким образом, в основу организация социозащитной деятельности вуза заложены положения ряда нормативно-правовых документов федерального, местного и локального уровней. Основным документом в данном случае является Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Именно он приоритетно регулирует решение вопросов социальной защиты обучающихся и сотрудников российских вузов.

Список использованных источников

1. Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ : (с изм. и доп.). – Консультант-Плюс : [справ.-правовая система]. – [М., 2017]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/8a2ef3d550b182b12707927d61572a4cb473aa03/ (дата обращения: 22.10.2021).

2. Трубникова О. В. Субъекты социальной работы со студентами-инвалидами в вузах / О. В. Трубникова, А. С. Палибина // Комплексное сопровождение образования и профессионального становления инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Череповец : ЧГУ, 2016. – С. 268–273.

**ВУЗ КАК СУБЪЕКТ, СПОСОБСТВУЮЩИЙ ИНТЕГРАЦИИ
СТУДЕНТОВ В ТРУДОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ПРОФИЛЮ
ОБРАЗОВАНИЯ И ЭФФЕКТИВНОЙ АДАПТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ
НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА»
НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ**

**THE UNIVERSITY AS AN ACTOR THAT PROMOTES
THE INTEGRATION OF STUDENTS INTO THE WORKFORCE
IN THEIR FIELD OF EDUCATION AND EFFECTIVE ADAPTATION
OF GRADUATES OF THE SOCIAL WORK
GRADUATES IN THE WORKPLACE**

*А. В. Ермилова, доцент, канд. социол. наук
ННГУ им. Н. И. Лобачевского*

Аннотация. В статье выявляются мероприятия, позволяющие студентам направления подготовки «Социальная работа» интегрироваться в рынок труда, эффективно адаптироваться к рабочему месту по профилю своего образования и не рекрутироваться в иные профессии.

Abstract. The article identifies activities that allow students of social work to integrate into the labor market, effectively adapt to the workplace in the profile of their education and not to be recruited into other professions.

Ключевые слова: трудовая деятельность, процесс адаптации, социальная работа.

Keywords: labor activity, adaptation process, social work.

Вопрос трудоустройства выпускников высших учебных заведений по специальности является наиболее актуальным на современном рынке труда. По данным Мониторинга экономики образования НИУ ВШЭ и доклада «Российская молодежь: образование и наука» следует, что около трети выпускников вузов работают не по специальности, причем каждый четвертый окончивший институт осуществляет трудовую деятельность, не требующую высшего образования. С одной стороны, выпускники сталкиваются с разнообразными трудностями при поиске работы, с другой – их навыками недовольны и сами работодатели (91 %) [3], которые не спешат их трудоустроить.

Особенно остро данная проблема касается специалистов по социальной работе, значительная часть которых после окончания вуза рекрутируется в иные профессии, что может быть связано с низким уровнем оплаты труда, с низким уровнем возможности карьерного роста, с высоким уровнем ответственности за судьбу клиента [2, с. 366]. Однако, по нашему мнению, немалую роль в процессе трудоустройства выпускников играет и высшее

учебное заведение, которое определенное количество времени должно тратить на подготовку будущего специалиста к процессу интеграции в рынок труда. В связи с этим актуализируется проблема наличия в вузах мероприятий, направленных на профессиональную адаптацию будущих специалистов по социальной работе.

Социологическое исследование, проведенное с помощью анкетирования представителей студенчества Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского ($n = 65$ чел.: 3-й и 4-й курсы бакалавриата очного отделения, 5-й курс бакалавриата заочного отделения, студенты-магистранты 1-го и 2-го курсов очного отделения направления подготовки «Социальная работа»), позволило определить, какие мероприятия помогли бы студентам адаптироваться к рабочему месту по профилю своего образования и не рекрутироваться в иные профессии.

Важной составляющей процесса трудовой адаптации является ее подготовительный этап, который начинается задолго до поиска работы и трудоустройства, а именно в стенах высшего учебного заведения, где будущий специалист получает профильное образование. По мнению участников опроса, наиболее актуальными являются мероприятия по адаптации к рынку труда и профессиональной деятельности в вузе, представленные на рисунке 1.

Рис. 1. Наиболее важные адаптационные мероприятия, проводимые в вузе, по мнению студентов, %

Наиболее значимым аспектом, положительно влияющим на процесс интеграции в трудовую сферу по профессии и непосредственно на сам процесс адаптации к рабочему месту, является производственная практика,

проводимая в сторонних учреждениях. По мнению студентов, особое внимание следует уделять специфике работы всех возможных учреждений государственного и негосударственного секторов, осуществляющих свою деятельность в сфере социальной защиты населения. Именно в ходе прохождения практики студенты должны самоопределиться относительно той группы клиентов, с которой они свяжут свою профессиональную деятельность, что в свою очередь позволит им определить свои карьерные планы.

В связи с высоким уровнем значимости именно учебно-производственных практик (88 %), на которую указывают респонденты в связи с возможностью приобретения умений и навыков работы в социальной сфере, исследовательский интерес был направлен на выявление возможных затруднений, которые могут испытывать будущие специалисты после окончания университета в процессе трудоустройства по специальности (рисунок 2).

Рис. 2. Затруднения, которые могут испытывать будущие специалисты по социальной работе в процессе трудоустройства, %

Особую тревогу у студентов вызывают следующие аспекты обучения в вузе, которые могут затруднить процесс входа в профессию: во-первых, отсутствие практических навыков в ходе осуществления трудовой деятельности в сфере социальной защиты населения (64 %); во-вторых, различие теоретических знаний, которые студенты получают при обучении в высшем учебном заведении, от трудовых функций и задач, которые они будут выполнять на рабочем месте (62 %); в-третьих, отсутствие умений применения технологии социальной работы (42 %), которые специфичны в зависимости от типа клиентов. Обширная нормативно-правовая база в сфере социальной защиты населения, знание которой необходимо для осуществления трудовых задач, также имеет особую значимость для выпускников (40 %). Нужно понимать, что окончательно трудовые навыки и

умения, такие как использование нормативно-правовой базы, формируются, как правило, в ходе практической работы с определенной категорией населения. Тем не менее нужно иметь в виду, что усиление именно практической направленности образовательного процесса в вузе является немаловажным аспектом. Следует сказать, что данная проблема касается практически всех представителей студенчества, а не только участников опроса. Так, заместитель руководителя Департамента инвестиционной и промышленной политики города Москвы А. Кузменко сообщила, что в настоящее время 91 % работодателей открыто заявляют о нехватке у выпускников вузов практических навыков [1].

Итак, высшие учебные заведения как субъекты, способствующие интеграции специалистов в сферу трудовых отношений, должны, по мнению студентов, в первую очередь реализовывать следующие мероприятия:

- способствовать развитию института наставничества как в стенах вуза, так и в сторонних организациях;

- привлекать специалистов из различных учреждений социальной сферы к практическим занятиям, проводимым в университете;

- проводить ознакомительные занятия, направленные на выявление специфики оказания помощи различным группам населения, например, на базе учреждений социальной защиты населения.

Список использованных источников

1. 91 % работодателей заявляют о нехватке у выпускников вузов практических навыков. – URL: https://echo.msk.ru/blog/business_today/2553861-echo/ (дата обращения: 20.10.2021).

2. Ермилова А. В. Особенности и проблемы трудовой интеграции будущих специалистов по социальной работе / А. В. Ермилова, Д. Д. Шамин // Актуальные проблемы социальной сферы и сферы сервиса: теория и практика : сб. работ по результатам Междунар. заоч. науч.-практ. конф. – Ульяновск : УлГУ, 2020. – С. 365–369.

3. Россия: почему миллионы выпускников работают не по специальности? – URL: <https://issek.hse.ru/press/217256382.html> (дата обращения: 20.10.2021).

**РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИОЗАЩИТНОЙ ФУНКЦИИ ВУЗОВ
В РАМКАХ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ
«ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

**IMPLEMENTATION OF THE SOCIAL PROTECTION FUNCTION
OF UNIVERSITIES IN THE FRAMEWORK OF THE TRAINING AREA
«PEDAGOGICAL EDUCATION»**

Т. Е. Житенев, доцент, канд. ист. наук
*Поволжский православный институт
им. Святителя Алексия, митрополита Московского*

Е. М. Лемешева, доцент, канд. социол. наук
*Поволжский православный институт
им. Святителя Алексия, митрополита Московского*

Аннотация. В статье раскрываются направления реализации социозащитной функции вузов при подготовке будущих учителей истории и обществознания. Характеризуются принципы ее организации, связанные с особенностями взаимодействия школы и института. Приводятся конкретные примеры из практики Поволжского православного института.

Abstract. The article reveals the directions of the implementation of the social protection function of universities in the preparation of future teachers of history and social studies. The principles of its organization related to the peculiarities of interaction between the school and the institute are characterized. Specific examples from the practice of the Volga Orthodox Institute are given.

Ключевые слова: социозащитная деятельность, самореализация, социальная адаптация, социальная защита, коммуникация, направления социозащитной деятельности.

Keywords: social protection activity, self-realization, social adaptation, social protection, communication, directions of social protection activity.

Профессиональная подготовка педагогических кадров – одна из самых актуальных задач современного отечественного высшего образования. Экономике необходимы работники, имеющие высокий уровень владения различными информационными технологиями, инновационным и творческим мышлением. Основы данных способностей закладываются на этапе общего образования, а следовательно, зависят от подготовленности учителей, их заинтересованности в образовательном процессе, отвечающем социальным интересам.

Сложность подготовки студентов педагогического профиля связана в первую очередь с трансформационными процессами, характерными для

современной школы. Происходит коренное изменение традиционных форм проведения уроков, начиная от введения ФГОС и до перехода к дистанционным технологиям. Высокая эмоциональная нагрузка на учителя, сопровождающаяся необходимостью развития навыков коммуникации с тремя взаимосвязанными субъектами – обучающимися, администрацией и коллегами, родительским сообществом является одним из ведущих факторов, определяющих нежелание выпускников трудоустроиваться в образовательные учреждения.

В 2019–2021 гг. на базе кафедры философии, теологии и истории Поволжского православного института им. Святителя Алексия, митрополита Московского, в г. Тольятти было проведено исследование самооценки студентами факторов, влияющих на уровень социальной защищенности педагогов общеобразовательных учреждений. В исследовании приняли участие студенты старших курсов, имеющие опыт педагогической деятельности (успешно прошедшие производственную (педагогическую) практику и трудоустроенные в образовательные учреждения на постоянную основу до окончания института). Выборка составила 21 человек. Исследование проводилось качественным методом. Студентам предлагалось оценить уровень социального одобрения их будущей профессии, трудности, с которыми они сталкивались в процессе выполнения профессиональных обязанностей.

Результаты можно объединить в следующие группы:

- отсутствие поддержки со стороны администрации и педагогического коллектива молодых специалистов (высокая нагрузка (от 1,5 до 2 ставок в сочетании с классным руководством) сокращает период адаптации выпускников вуза, негативно сказывается на оценке собственной деятельности и ее эффективности);

- давление со стороны сообщества родителей, сопровождающееся отсутствием поддержки со стороны администрации образовательного учреждения;

- необходимость получения большого количества практических навыков, не сформированных на этапе профессионального обучения.

Обозначенные факторы были выбраны студентами как определяющие в их отношении к педагогической деятельности. Следовательно, отсутствие внимания к ним со стороны педагогических вузов может привести к тому, что выпускники откажутся в дальнейшем от работы в школе.

Поволжский православный институт является ведущим учреждением высшего образования в городе Тольятти по подготовке работников образовательных учреждений. В его стенах проходят обучение будущие воспитатели детских садов, музыкальные руководители, учителя начальной школы, русского языка, иностранных языков, математики, истории и обществознания. Все это приводит к тому, что проблема социальной защиты выпускников, молодых специалистов является одним из приоритетных направлений. Это проявляется в нескольких направлениях деятельности Поволжского православного института.

1. Большое внимание к таким дисциплинам, как «Методика преподавания», которая выделяется не как дополнительная дисциплина, а как полноценный курс с обязательным выполнением курсовой работы и сдачей экзаменов.

2. Сотрудничество института с городскими методическими объединениями учителей-предметников, привлечение администрации образовательных учреждений к обсуждению современных процессов трансформации среднего образования, например, в формате круглого стола, один из которых был посвящен обсуждению содержания «Историко-культурного стандарта» и его применения в условиях реализации ФГОС.

3. Постоянное методическое сопровождение со стороны выпускающей кафедры.

4. Привлечение студентов к научному осмыслению методической работы, результаты которой находят отражение в их выступлениях на научно-практических конференциях «Педагогический форум» и публикациях в одноименном сборнике.

Подобные меры со стороны института позволяют адаптировать выпускников к постоянно изменяющимся социальным условиям осуществления педагогической деятельности, что является одним из важнейших факторов социальной защищенности молодого специалиста. Специфика подобной деятельности – трехсторонний характер коммуникации с привлечением в образовательный процесс педагогов-практиков, методистов и администрации образовательных учреждений. Будущий педагог уже на стадии подготовки активно включен в методическую и практическую работу образовательного учреждения. Это позволяет существенно сократить период адаптации в коллективе и образовательном учреждении в целом. Студенты не только получают теоретические знания, наблюдая процессы, происходящие в системе образования «со стороны», но и могут принимать активное участие в них, разрабатывая актуальные для школы программы, дополнительные материалы, курсы и инновационные проекты, получают грантовую поддержку со стороны Фонда президентских грантов.

Создание условий для развития инновационного мышления студентов через привлечение их к решению актуальных педагогических проблем способствуют также защите выпускников от негативного воздействия. Примерами могут быть разработанные студентами в рамках технологической (проектной) практики педагогические проекты – «Исторический детектив, или Что спрятано в историческом источнике» (для учащихся 5-х классов) создание базы наглядных материалов по трудным вопросам истории и многое другое.

Новаторским является и подход к выполнению выпускной квалификационной работы, включающей два обязательных для выполнения блока – теоретический (историческое исследование) и практический (разработка конкретного методического продукта и его внедрение в образовательный процесс конкретных образовательных учреждений).

Таким образом, реализация социозащитной функции вузов в рамках

подготовки педагогов должна основываться на организованном взаимодействии между школой и институтом. Необходимым условием является выявление конкретных «травмирующих» факторов будущей профессии на основе диалога между студентами, выпускающей кафедрой и профессиональным сообществом.

УДК 340.444

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВУЗА КАК СОЦИОЗАЩИТНОГО ИНСТИТУТА

SPECIFIC RESOURCE POTENTIAL OF THE UNIVERSITY AS A SOCIAL INSTITUTION

*З. П. Замираева, доцент, д-р социол. наук,
зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии
Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

Аннотация. В статье проводится анализ категории «ресурсный потенциал вуза как социозащитного института». Рассматривается сущность данного понятия в контексте определения потребности внешней среды, на которую вуз оказывает влияние, представлены характеристики ресурсного потенциала вуза, методика определения ресурсно-потенциального состояния.

Abstract. The article analyzes the category “resource potential of a university as a social protection institution”. The author examines the essence of this concept in the context of determining the needs of the external environment, which the university influences, presents the characteristics of the resource potential of the university, the methodology for determining the resource-potential state.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, вуз, социозащитный институт, уровни, методика, формула определения.

Keywords: resource potential, university, socio-protective institute, levels, methodology, definition formula.

Понятие «вуз как социозащитный институт» в научной литературе практически не представлено. На наш взгляд, с точки зрения социозащитной функции вуз можно рассматривать в широком и узком значении этого слова. Широкий контекст данной категории означает влияние вузовской системы на внешнюю среду, т. е. формирование рынка труда в конкретной территории, благодаря направлениям подготовки и переподготовки конкурентоспособных специалистов разного профиля. В то же время сама внешняя среда также оказывает влияние на развитие вузовской системы, формируя потребность в

получении качественных образовательных услуг, широко востребованных на рынке труда. В таком значении социозащитная функция вуза широко востребована профессиональным сообществом, реализует потребность в трудовой занятости, стабильном развитии социально-трудовой сферы, повышении уровня доходов работников, росте благосостояния, качества жизни и социальной защищенности населения.

С точки зрения узкого подхода, социозащитная функция осуществляется в рамках внутренней деятельности вузовской структуры, она определяет ее совокупный ресурсный потенциал, гибко реагирует на изменения внешней среды, формирует требования к качеству предоставления образовательных услуг, ее кадровому составу, уровню профессионализма, поощряя за добросовестный труд, в том числе мерами финансовой и социальной поддержки, например, через систему коллективных договоров или иных локальных вузовских актов.

Вуз как институциональное образование располагает ресурсным потенциалом. По мнению Е. А. Васильевой, ресурсный потенциал как категория может быть использована и при характеристике институтов [1].

Для определения сущности ресурсного потенциала вуза как социозащитного института уточним ряд положений.

Во-первых, представим ресурсный потенциал вуза через совокупность ресурсных потенциалов, которые являются характеристикой не только его самого, но и внешней (профессиональной) среды, где он распространяет свое влияние. Дополним данное заключение следующими характеристиками ресурсного потенциала.

Совокупный ресурсный потенциал вуза состоит из кадрового ресурсного потенциала, профессионального ресурсного потенциала, производственного ресурсного потенциала, ресурсного потенциала системы управления качеством, финансового ресурсного потенциала, конкурентного ресурсного потенциала, инновационного ресурсного потенциала, ресурсного потенциала социальной защищенности работников вуза и др. Данные ресурсные потенциалы вуза и их актуализация активно востребованы внешней (профессиональной) средой (например, рынком труда, консалтинговыми фирмами, информационной средой, учреждениями социальной сферы и др.).

Представленный нами далеко не полный перечень наименований ресурсных потенциалов вуза ориентирован на запрос и состояние внешней (профессиональной) среды. Ресурсный потенциал вуза социозащитного института особенно востребован в ситуации, когда состояние внешней (профессиональной) среды выходит из равновесия и нормы, составляющие институт, приходят в несоответствие с нормами других институтов, находящимися в том же поле, создавая конкурентную ситуацию.

Дополним данный вывод методикой оценки ресурсного потенциала.

Нам представляется, что в основе методики оценки следует применить формулу установления ресурсно-потенциального состояния вуза, которая может включать в себя учет разных ресурсных потенциалов: $Pr = 1/4 (Ph +$

$P_{eg} + P_m + P_{mtr}$), где P_r – совокупный ресурсный потенциал, P_h – кадровый ресурсный потенциал, P_{eg} – профессиональный ресурсный потенциал, P_m – ресурсный потенциал инноваций, P_{mtr} – производственный ресурсный потенциал и др. Характеристики потенциала, выраженные весовыми коэффициентами от 0 до 0,5, оценены как низкие. При коэффициенте выше 0,5 потенциал оценивается как высокий. Данный подход достаточно прост, поскольку дает возможность (хотя бы предварительно) оценить уровень состояния или сохранности того или иного вида ресурсного потенциала вуза. В то же время эти сведения позволяют получить представление о возможности реализации ресурсного потенциала вуза и его влиянии на условия внешней среды [2, с. 179].

Таким образом, на наш взгляд, научное представление ресурсного потенциала вуза как социозащитного института является перспективным направлением для проведения более глубокого научного исследования.

Список использованных источников

1. Васильева Е. А. Социальный потенциал государственной службы: дис. ... канд. социол. наук / Е. А. Васильева. – СПб., 2003. – 182 с.
2. Замараева З. П. Институционализация социальной защиты населения в условиях современной России: дис. ... д-ра социол. наук / З. П. Замараева. – М., 2007. – 305 с.

УДК 316.34

СТУДЕНТЫ КАК ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ОБЪЕКТ СОЦИОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА

STUDENTS AS A DIFFERENTIATED OBJECT OF SOCIAL PROTECTION ACTIVITY OF THE UNIVERSITY

Е. В. Камышова, *доцент, канд. социол. наук*
МГУ им. Н. П. Огарёва

В. Н. Булдыжова, *студентка*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. Представлен вариант типологии студентов как дифференцированного объекта социозащитной деятельности вуза. На примере МГУ им. Н. П. Огарёва охарактеризованы общие и особые формы их социальной поддержки с учетом принадлежности к конкретной категории.

Abstract. The authors present a variant of the typology of students as a differentiated object of social protection activity of the university. On the example of the Ogarev Moscow State University, general and special forms of their social support are characterized, taking into account their belonging to a specific category.

Ключевые слова: вуз, студенты, студенческие проблемы, социозащитная деятельность вуза, дифференцированный подход.

Keywords: university, students, student problems, social protection activities of the university, differentiated approach.

Ключевой фигурой в вузе являются студенты, которые традиционно находятся в центре ведущих видов его деятельности – образовательной и воспитательной. Наряду с этим, в сложных условиях удорожания обучения, нестабильности экономического развития, роста конфликтности и девиантного поведения, изменения ценностной системы, обострения традиционных и появления новых социальных рисков и проблем, влияющих на социальное самочувствие студентов, все более востребованной становится социозащитная деятельность высших учебных заведений. В связи с этим научный анализ современной практики социозащитной деятельности как в целом, так и в отношении разных категорий студентов представляется весьма актуальным.

Цель данной статьи – на примере МГУ им. Н. П. Огарёва раскрыть особенности социозащитной деятельности вуза в отношении студентов как ее дифференцированного объекта. На сегодняшний день данная проблематика является достаточно распространенным предметом научных исследований среди социальных работников, социологов, психологов, педагогов. Между тем по-прежнему остается востребованным постоянный мониторинг ее актуальности, а также анализ вариантов решения в изменяющихся условиях.

Данный вид деятельности нацелен на защиту студентов от социальных рисков, создание условий для реализации их прав и гарантий, обеспечение социальной мобильности и саморазвития, формирование безопасного социального пространства и т. д. И речь идет не только о защите прав обучающихся, находящихся в трудных жизненных ситуациях и ситуациях риска, но и (в широком смысле) о защите всех без исключения представителей студенчества на протяжении всего периода обучения от угроз и опасностей.

Между тем важно понимать, что *студенты вуза – далеко не однородная категория*. Так, на примере МГУ им. Н. П. Огарёва в зависимости от нуждаемости в социальной защите *их можно дифференцировать, как минимум, на следующие группы*: а) студенты из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; б) студенты из числа детей-инвалидов, инвалидов 1-й и 2-й групп или инвалидов с детства; в) инвалиды, получившие военную травму или заболевание вследствие прохождения военной службы; г) студенты, потерявшие в период обучения единственного или обоих родителей; д) студенты, проживающие на территории, зараженной вследствие аварии на ЧАЭС; е) студенты из малоимущих семей; ж) студенты, имеющие только одного родителя, в том числе родителя-инвалида 1-й группы; з) студенты-первокурсники, нуждающиеся в адаптации к студенческой жизни; и) иногородние студенты; к) студенческие семьи с ребенком / без детей и др.

Конечно, у *разных категорий студентов МГУ им. Н. П. Огарёва есть общие проблемы*, такие как, например:

– сложное материальное положение ввиду низкого размера стипендии при отсутствии других источников дохода, сложностей с получением финансовой помощи от родителей или, наоборот, зависимостью от них в финансовом отношении (это вынуждает многих студентов либо совмещать учебу с работой, что не всегда положительно сказывается на успеваемости, либо оставаться зависимыми от родителей в финансовом отношении);

– ухудшение физического и (или) психического здоровья (подобные проблемы вызваны как минимум волнениями и стрессовыми ситуациями, касающимися учебного процесса; приспособлением организма к новым социальным условиям; необходимостью долгой работы за компьютером; нарушениями питания (студенты мало готовят домашнюю еду, экономят на продуктах, употребляют вредные продукты); нарушениями сна (подготовка к зачетам и экзаменам и т. д.) и другими причинами и факторами);

– переживание по поводу дальнейшего трудоустройства (эта проблема затрагивает практически все категории студентов (исключение – студенты целевого направления) ввиду нехватки рабочих мест по специальности, невостребованности профессии, отсутствия опыта работы и т.д.).

Вузы активно включаются в решение этих и других проблем студентов. *Опыт такой работы накоплен и в МГУ им. Н. П. Огарёва*. Например, в нашем вузе для улучшения финансового положения студентов выплачиваются различные виды стипендий (академические, социальные, именные, стипендии Президента РФ и Правительства РФ и т. д.). В 2021 г. размер академической стипендии для обучающихся здесь с первого курса немного выше общероссийского показателя и составляет 2 300 руб. По окончании первого семестра при условии успешной сдачи сессии размер стипендии сохраняется или увеличивается до повышенного – 3 450 руб. Кроме того, вуз выплачивает государственную социальную стипендию льготным категориям студентов (от 1 260 до 12 895 руб.), а также поощряет талантливых и активных обучающихся за их достижения государственной повышенной академической стипендией в размере 13 500 руб. [1].

Для решения проблем с состоянием физического и (или) психологического здоровья студентов профсоюзная организация МГУ им. Н. П. Огарёва предлагает всем обучающимся – членам профсоюза ежегодное заселение в санаторий-профилакторий, где есть возможность пройти двухнедельный курс оздоровительных процедур, исключить неправильное питание и исправить нарушенный режим сна. Для поддержания физического состояния здоровья в вузе действует также спортивный клуб, на базе которого возможны бесплатные занятия баскетболом, футболом, плаванием и т. д. Психологическая служба университета занимается проведением индивидуальных и групповых консультаций, тренингов со студентами.

Проблема трудоустройства студентов МГУ им. Н. П. Огарёва также не остается без внимания. В вузе действует Центр развития карьеры, где создан

и регулярно обновляется банк вакансий для студентов и выпускников; проводится их консультирование по вопросам трудоустройства, карьерного старта и развития; организуются тематические встречи, круглые столы, экскурсии на предприятия и в организации. Для трудоустройства обучающиеся имеют возможность обучаться за рубежом в рамках программ по обмену студентами (в КНР, США, Финляндии, Франции и др.), а также проходить практику на базе ведущих учреждений в конкретной профессиональной области не только Республики Мордовия, но и России в целом.

Между тем приведенная выше типология студенчества указывает на необходимость всестороннего анализа социальной проблематики каждой из категорий и учета их особенностей в практике социозащитной деятельности вуза, ведь *это необходимое условие реализации дифференцированного подхода.*

Например, в МГУ им. Н. П. Огарёва с целью адаптации *студентов-первокурсников* к образовательной среде вуза, к новым социальным отношениям, ролям и коммуникациям с каждой студенческой группой работают кураторы – преподаватель и студент-старшекурсник. В работу вовлечены также органы студенческого самоуправления факультетов и институтов. Для *иногородних студентов* в МГУ им. Н. П. Огарёва предусмотрены места в общежитии, где с ними работает воспитатель, контролирующей дисциплину, режим сна и питания, соблюдение гигиенических условий и предотвращение аморального образа жизни. *Студенты-инвалиды* – объект пристального внимания специалистов отдела социального развития и инклюзивного сопровождения в МГУ им. Н. П. Огарёва. В вузе реализуется программа «Доступная среда» (в наличии: пандусы, лифты, специализированные аудитории, шрифт Брайля, обозначения для передвижения и т. д.). По желанию для студентов-инвалидов организуется обучение по индивидуальному плану. Также вуз предоставляет для данных студентов социальные стипендии в размере 12 320 руб. [1]. *Студентам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей,* предоставляются места в общежитии вуза с бесплатным проживанием (исключение – плата за услуги (642 руб. в год)), работает психологическая служба, выплачивается социальная стипендия в размере от 3 450 до 11 745 руб. [1]. Для *студенческих семей* на базе вуза функционирует семейное общежитие (№ 2), в котором созданы условия для совмещения учебы и семейно-воспитательных функций. Также для них предусмотрена возможность оформления индивидуального плана обучения и получение стипендии в размере от 7 000 до 10 000 руб. [1].

Таким образом, мы пришли к выводу, что организация и реализация социозащитной деятельности вуза в отношении студентов требует, наряду с предоставлением общих форм помощи, также всестороннего учета особенностей социальной проблематики, потребностей и интересов, проблем и ресурсов разных их категорий. Последнее является важнейшим условием оказания дифференцированной социальной помощи и защиты,

предполагающей использование таких форм, технологий и методов, которые являются адекватным ответом на проблемы конкретных групп студентов (сирот, инвалидов, малообеспеченных и т. д.).

Использованный источник

1. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет : официальный сайт. – Саранск. – URL: <https://mrsu.ru/ru/> (дата обращения : 19.10.2021).

УДК 316.34

СОЦИАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТУДЕНТОВ-СИРОТ КАК УСЛОВИЕ ИХ АДАПТАЦИИ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

SOCIAL SUPPORT OF ORPHAN STUDENTS AS A CONDITION FOR THEIR ADAPTATION TO THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITY

Е. В. Камышова, *доцент, канд. социол. наук*
МГУ им. Н. П. Огарёва

М. В. Голованова, *студентка*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. Раскрываются содержательная специфика, а также значение социального сопровождения для адаптации студентов-сирот к образовательной среде вуза. Выделены положительные и проблемные моменты в практике данной деятельности в современных российских условиях, а также предложены пути преодоления существующих в ней проблем.

Abstract. The authors reveal the content specifics, as well as the importance of social support for the adaptation of orphaned students to the educational environment of the university. The positive and problematic aspects in the practice of this activity in modern Russian conditions are highlighted, as well as ways to overcome the existing problems in it are proposed.

Ключевые слова: социальное сопровождение, вуз, студенты-сироты, образовательная среда вуза, социальная адаптация, технологии социального сопровождения

Keywords: social support, university, orphan students, educational environment of the university, social adaptation, social support technologies

Проблема организации и осуществления комплексного социального сопровождения студентов-сирот в вузе в современных российских условиях

чрезвычайно актуальна. Сироты – особая категория студентов. В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» они зачисляются в высшее учебное заведение на льготных основаниях (по особому праву) [4]. Но, войдя в контингент обучающихся и начиная взрослую самостоятельную жизнь в вузе, они, не имея поддержки родных, часто испытывают затруднения в адаптации к новым социальным условиям, отношениям, связям, ролям, требованиям. В отсутствие комплексной работы по социальному сопровождению подобная дезадаптация становится фактором, который осложняет их личностное развитие, мешает получению образования. При отсутствии помощи со стороны администрации и педагогического коллектива вуза ежегодно из числа студентов отчисляются до 30 % сирот-первокурсников [1, с. 32].

Цель данной статьи – раскрыть содержательную специфику и значение социального сопровождения студентов-сирот как условия их адаптации к образовательному пространству вуза.

В словаре В. Даля слово «*сопровождать*» трактуется как действие, суть которого в том, чтобы сопутствовать, идти вместе, быть рядом и помогать [2]. Исходя из этого, а также в контексте изучаемой нами проблемы *социальное сопровождение* – это прежде всего *разновидность социозащитной деятельности* в отношении студентов-сирот, которая предполагает социальную, педагогическую, юридическую, медицинскую и иную помощь для преодоления их трудной жизненной ситуации путем привлечения соответствующих специалистов и организаций на основе межорганизационного, межведомственного и межсекторного взаимодействия. Одновременно социальное сопровождение рассматривается и как *интегральная социозащитная технология*, включающая комплекс методов превентивного, просветительского, диагностического, коррекционного, посреднического, адаптационного, реабилитационного содержания, нацеленных на создание и поддержание условий, необходимых для успешной адаптации студентов-сирот в образовательной среде высшего учебного заведения.

Между тем перед российскими вузами сегодня стоят задачи, связанные не только с подготовкой профессионалов, но и с поддержкой развития личности студентов-сирот, созданием условий для их успешного обучения, воспитания и социализации посредством социального сопровождения на всех этапах адаптации к образовательному пространству. То есть социальное сопровождение – это еще и *важное условие адаптации студентов-сирот к образовательной среде вуза*. В ходе адаптации они усваивают новый социальный и профессиональный опыт, овладевают ценностями и культурой высшего учебного заведения, осваивают права и обязанности студента, а также выстраивают новую систему социальных связей и отношений. И значение *социального сопровождения* в том, что оно позволяет студентам из числа сирот пройти этот непростой этап личностной и профессиональной социализации с минимальными проблемами, рисками, потерями.

Мы согласны с точкой зрения Л. С. Лесохиной, которая считает, что сущностная специфика социального сопровождения раскрывается через такие важные характеристики, как недирективность, направленность на развитие и саморазвитие студентов-сирот, тесные субъект-объектные отношения всех участников взаимодействия и т. д. [3]. Именно эти особенности позволяют характеризовать социальное сопровождение не только как важную социозащитную технологию, применяемую в отношении студентов-сирот, но и рассматривать его в качестве технологии их личностно-ориентированного образования (которая в свою очередь включает проектирование индивидуального образовательного маршрута, методы интерактивного и рефлексивного обучения).

Сегодня во многих российских вузах на основе федерального образовательного законодательства приняты локальные нормативные правовые документы, обеспечивающие реализацию их социозащитной функции в отношении студентов-сирот, а также разработаны и реализуются программы их социального сопровождения. Студенты-сироты – объект внимания и помощи со стороны руководства и социально ориентированных подразделений вузов, администраций факультетов и институтов, органов студенческого самоуправления, кураторов, педагогов и однокурсников.

Работа по социальному сопровождению студентов-сирот в вузе включает ряд взаимосвязанных компонентов, в числе которых: а) структурно-организационный (включает деятельность специального социально-ориентированного подразделения, приоритетно занимающегося вопросами сопровождения студентов-сирот, организацию подобной работы на уровне вуза и его подразделений и т. д.); б) технологический (предусматривает разработку технологий, методов, форм, алгоритма сопровождения); в) программно-методический (предполагает разработку учебных, воспитательных и социальных программ и методических рекомендаций по организации сопровождения студентов-сирот в вузе) и др.

При этом мероприятия по социальному сопровождению данной категории студентов, реализуемые в современных российских вузах, можно подразделить, как минимум, на 3 группы: 1) социальные (создание условий для расширения позитивного жизненного опыта и повышения социального статуса студентов-сирот, включая содействие в решении жилищных вопросов, санаторно-курортном лечении, выплате стипендий и пособий); 2) психологические (проведение индивидуальных и групповых консультаций и тренингов по решению актуальных психологических проблем, профилактика девиантного поведения, пропаганда здорового образа жизни); 3) педагогические (помощь в самореализации студентов-сирот в вузе, наблюдение за их успеваемостью, вовлечение в различные виды социально-направленной деятельности в вузе в качестве активных субъектов).

Такого рода мероприятия помогают студентам-сиротам привыкнуть к новым условиям, сориентироваться в образовательной среде высшего учебного заведения, освоить основную образовательную программу по

выбранному направлению подготовки, сформировать необходимые для дальнейшей жизни в социуме личностные и профессиональные качества.

К сожалению, в практике социального сопровождения студентов-сирот в российских вузах есть и проблемные моменты. Во-первых, далеко не всегда подобная работа соответствует требованиям комплексности и системности (например, нередко акцент делается на одном виде сопровождения – социально-педагогическом, социально-психологическом и т. д., а другие его неотъемлемые элементы остаются без должного внимания). Во-вторых, нередко формальный характер и нерегулярность сопроводительных мероприятий. В-третьих, практика свидетельствует, что деятельность по социальному сопровождению ориентирована преимущественно на первокурсников-сирот, важна при снижении интенсивности и качества работы со студентами старших курсов и др. И это лишь малая часть проблем.

Таким образом, мы пришли к выводу, что социальное сопровождение в настоящее время зарекомендовало себя, с одной стороны, как актуальная разновидность социозащитной деятельности вуза, а с другой стороны, как востребованная технология социальной адаптации студентов-сирот к его образовательной среде. Требуется расширять тот опыт социального сопровождения, который уже положительно зарекомендовал себя в российских вузах. Что касается проблемных вопросов, то они, безусловно, требуют научного анализа и практических решений. В частности, необходимо развивать нормативное, методическое, технологическое, программное, кадровое, информационное обеспечение социального сопровождения студентов-сирот. Не менее важными являются организация курсов повышения квалификации для преподавателей и сотрудников вузов по актуальным вопросам их социального сопровождения, а также разработка системы критериев социальной адаптации студентов-сирот к образовательной среде вуза с учетом проводимой с ними работы по социальному сопровождению.

Список использованных источников

1. Агиевец С. В. Социально-педагогическое и психологическое сопровождение студентов-сирот в системе высшего образования (из опыта работы) // Соц. пед. работа. – 2013. – № 8. – С. 31–36.
2. Даль В. И. Толковый словарь русского языка / В. И. Даль. – М. : Эксмо, 2020. – 896 с.
3. Лесохина Л. Н. К обществу образованных людей // Теория и практика образования взрослых. – СПб. : ИОВ РАО : Тускарора, 1998. – 273 с.
4. Об образовании Российской Федерации : Федер. закон № 273-ФЗ [принят Гос. Думой 21 дек. 2012 г. : одобрен Советом Федерации 23 дек. 2012 г.]. // КонсультантПлюс : [справ.-правов. система]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7370/.

**ВУЗ КАК СУБЪЕКТ ПОМОЩИ МАЛОИМУЩИМ СТУДЕНТАМ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ**

**UNIVERSITY AS A SUBJECT OF ASSISTANCE TO POOR STUDENTS:
REGIONAL EXPERIENCE**

Е. Н. Касаркина, доцент, канд. социол. наук
МГУ им. Н. П. Огарёва

И. С. Ляуткина, студентка
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. В статье проанализирован опыт социальной помощи, оказываемой вузами малоимущим студентам в различных субъектах Российской Федерации. Приводятся конкретные примеры материальной помощи им в ведущих высших учебных заведениях страны.

Abstract. The article analyzes the experience of social assistance provided by universities to poor students in various subjects of the Russian Federation. Specific examples of financial assistance in the leading higher educational institutions of the country are given.

Ключевые слова: вуз, социозащитная функция, материальная помощь, государственная социальная стипендия.

Keywords: university, social protection function, financial assistance, state social scholarship.

Актуальность анализа регионального опыта реализации социозащитной функции вуза в отношении малоимущих студентов в современных условиях связана прежде всего с ростом числа таких обучающихся в вузах практически во всех субъектах РФ, а также с необходимостью решения их проблем.

Цель данной статьи – рассмотреть специфику вуза как субъекта социальной помощи малоимущим студентам на примере регионального опыта.

В этой связи отметим, что социальная помощь малоимущим студентам и их семьям предоставляется на территории всей России. Студент вправе получать денежные выплаты от образовательной организации высшего и среднего образования в виде социальной стипендии, повышенной социальной стипендии, разовой материальной помощи.

Основным видом денежных выплат студентам в вузе является стипендия. Она назначается обучающимся с целью стимулировать и (или)

поддержать освоение ими соответствующих образовательных программ. В этом состоит принципиальное отличие стипендии от других денежных выплат: она является не столько средством решения материальных проблем студентов, сколько «поощрением» за успехи в учебе, «стимулом» для дальнейшего роста.

Размер минимальной социальной стипендии, установленной Правительством РФ, составляет 2 227 руб. [4]. Однако к этой сумме вуз, региональные или местные власти, а также благотворительные фонды могут назначать надбавки. То есть размер материальной помощи малоимущим студентам зависит от причин их трудной жизненной ситуации, внутренних правил вуза и социально-экономических ресурсов субъекта РФ, в котором располагается образовательное учреждение. Государственную социальную стипендию выдают студентам, которые относятся к социально уязвимым категориям населения и/или имеют право на государственные льготы. К таким относятся: сироты и студенты, оставшиеся без попечения родителей (в том числе если родители умерли уже после начала учебы в вузе); инвалиды детства, инвалиды 1-й и 2-й групп (в том числе лица, получившие инвалидность во время военных действий); лица, пострадавшие от радиационных катастроф; военнослужащие, контрактники, отслужившие не менее 3 лет; студенты из малоимущих семей.

Студент вправе претендовать на социальную стипендию лишь при условии отсутствия академических задолженностей. Сами оценки на выплаты не влияют. Стипендию выплачивают на протяжении года, после чего ее нужно заново переоформлять. В зависимости от ситуации студенту придется предъявить документ, подтверждающий тяжелое положение. Например, студент из малообеспеченной семьи собирает справки, что среднедушевой доход на каждого члена семьи составляет меньше суммы прожиточного минимума. Для разных регионов РФ этот показатель разный.

Для примера нами проведен сравнительный анализ размера государственной социальной стипендии в пяти субъектах РФ. Были рассмотрены такие образовательные организации высшего образования как Казанский (Приволжский) федеральный университет (Республика Татарстан), Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Республика Мордовия), Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижегородская область), Российский государственный социальный университет (г. Москва), Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург).

Так, в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарёва государственная социальная стипендия назначается детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей; детям-инвалидам, инвалидам 1-й и 2-й групп, инвалидам с детства; студентам, проживающим на территориях, подвергшихся радиационному влиянию вследствие аварии на ЧАЭС; инвалидам и ветеранам боевых действий. Размер данной стипендии

составляет 3 450 руб. для студентов очной формы обучения, осваивающих программы высшего образования, и 1 260 руб. – для студентов, обучающихся по направлениям подготовки среднего профессионального образования [2].

В Казанском (Приволжском) федеральном университете государственная социальная стипендия выплачивается в размере 3 150 руб. Но обращает на себя внимание тот факт, что в Республике Татарстан на региональном уровне установлен большой перечень единовременных выплат малоимущим студентам, а также тем обучающимся, которые попали в особо тяжелые жизненные ситуации. Размер единовременных выплат здесь превышает показатели по стране на 5–10 % [1].

В Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского размер государственной социальной стипендии составляет 2 550 руб. для студентов, получающих высшее образование, и всего 975 руб. – для тех, кто осваивает программы среднего профессионального образования. Интересно при этом, что, несмотря на невысокий размер социальной стипендии в данном вузе, академические стипендии здесь на 15–20 % выше, чем в среднем по России [3].

В Российском государственном социальном университете государственная социальная стипендия выплачивается в размере 3 165 руб. [5].

Наконец, студенты Санкт-Петербургского государственного университета получают социальную стипендию в размере 3 000 руб. (для обучающихся очно по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры) и 1 050 руб. (для тех, кто получает среднее профессиональное образование) [6].

Значение материальной поддержки малоимущих студентов возросло со второй половины марта 2020 г., когда российские вузы в связи с эпидемиологической ситуацией вынуждены были перейти на дистанционное обучение. Коронавирусная инфекция (COVID-19) заставила существенно перестроиться всю систему образования – от детских дошкольных учреждений и общеобразовательных школ до высших учебных заведений. Всем участникам образовательного процесса приходится приспосабливаться к новым условиям взаимодействия на всех уровнях. Сегодня вряд ли найдется сфера жизнедеятельности, которую в той или иной степени не изменила пандемия. И сфера высшего образования не является в данном случае исключением. Влияние, которое пандемия оказала на вузы и их социозащитную деятельность, имеет свою специфику в разных субъектах РФ. И все же общий вектор этих изменений очевиден: пандемия поставила вузы в тяжелые условия, вынудив в сжатые сроки адаптироваться к происходящим событиям, в обязательном порядке изыскивать возможности и ресурсы для ускоренной цифровизации, принимать решения часто без детального прогноза возможных последствий. В этих условиях обнаружил

себя тот факт, что многие вузы страны усилили адресный подход в практике материальной помощи малоимущим студентам.

Таким образом, по итогам анализа мы пришли к выводу, что вуз является важным субъектом помощи для малоимущих студентов. Мы отметили, что размер государственной социальной стипендии в данных вузах различных субъектов РФ находится примерно на одном уровне, и не сильно отличается от минимальной государственной социальной стипендии, утвержденной Правительством РФ. Стоит отметить, что вузы, рассмотренные выше, относятся к одним из лучших и престижных образовательных организаций высшего образования в России. В заключение можно сказать, что, с одной стороны, государственная социальная стипендия может помочь малоимущим студентам в трудной жизненной ситуации, но, с другой стороны, кардинально повлиять на их материальное и социальное положение ей не под силу. К тому же по-прежнему являются проблематичными и требуют решения вопросы оказания помощи студентам, которые получают образование на платной основе, тем не менее находятся или могут оказаться в трудной жизненной ситуации, в том числе из-за малообеспеченности.

Список использованных источников

1. Казанский (Приволжский) федеральный университет : сайт. – [Казань, 2021]. – URL: <https://kpfu.ru/studentu/stipendialnoe-i-socialnoe-obespechenie> (дата обращения: 06.10.2021).
2. Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва : сайт. – [Саранск, 2021]. – URL: https://mrsu.ru/ru/university/depart/finansovo-ekonomicheskoe-upravlenie/docs/34747/sphrase_id=22879 (дата обращения: 02.10.2021).
3. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского : сайт. – [Н. Новгород, 2021]. – URL: <http://www.unn.ru/site/about/ofitsialnye-svedenidokumenty/sveden/grants> (дата обращения: 04.10.2021).
4. О государственной социальной стипендии : письмо Минобрнауки РФ от 19 дек. 2016 г. № ЛО-2003/05. – КонсультантПлюс [справ.-правовая система]. – [М., 2021]. – URL: http://www.consultant.ru/document/_doc_LAW_14016 (дата обращения: 01.10.2021).
5. Российский государственный социальный университет : сайт. – [Москва, 2021]. – URL: <https://mgsu.ru/sveden/grants/> (дата обращения: 01.10.2021).
6. Санкт-Петербургский государственный университет: сайт. – [Санкт-Петербург, 2021]. – URL: <https://students.spbu.ru/mmen-stipendii/stipendii/sotsialnaya-stipendiya.html> (дата обращения: 05.10.2021).

**СОЦИОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТДЕЛА СОЦИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ И ИНКЛЮЗИВНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ
МГУ им. Н. П. ОГАРЁВА**

**SOCIAL PROTECTION FUNCTION OF THE DEPARTMENT OF SOCIAL
DEVELOPMENT AND INCLUSIVE SUPPORT
OF THE OGAREV MOSCOW STATE UNIVERSITY**

Н. И. Левкина, *начальник отдела социального развития
и инклюзивного сопровождения
МГУ им. Н. П. Огарёва*

Аннотация. В статье дана характеристика целей, задач и основных направлений деятельности отдела социального развития и инклюзивного сопровождения МГУ им. Н. П. Огарёва. Сделан вывод, что работа подобных отделов, служб, центров – важная составляющая в практике реализации социозащитной функции современных высших учебных заведений.

Abstract. The article describes the goals, objectives and main activities of the Department of Social Development and Inclusive Support of the Ogarev Moscow State University. It is concluded that the work of such departments, services, centers is an important component in the practice of implementing the social protection function of modern higher educational institutions.

Ключевые слова: вуз, социозащитная функция вуза, социозащитная деятельность в вузе, отдел социального развития и инклюзивного сопровождения, студенты-сироты, студенты-инвалиды, социальная стипендия, материальная помощь.

Keywords: university, social protection function of the university, social protection activities at the university, department of social development and inclusive support, orphan students, disabled students, social scholarship, financial assistance.

Организация социальной защиты обучающихся и работников, обеспечение их своевременными и адекватными мерами поддержки в трудных жизненных ситуациях, помощь в адаптации к изменившимся условиям жизнедеятельности и образовательной среды, социальное сопровождение в случаях, когда без профессиональной помощи невозможно преодолеть социокультурные барьеры и трудности межличностного общения, помощь в преодолении социальной эксклюзии отдельных категорий студентов и сотрудников и т. д. – важные, актуальные и одновременно сложные задачи, которые стоят сегодня перед каждым российским вузом.

Необходимость решения данных задач, какими бы сложными они ни были, не вызывает сомнений. При этом соответствующие решения ни в коем

случае не должны быть формальными. Наоборот, в современных условиях коммерциализации образования, социального расслоения обучающихся и сотрудников, роста среди них лиц, нуждающихся в повышенной социальной защите, от вузов особенно требуются своевременные, четкие, последовательные, научно обоснованные и ресурсообеспеченные социозащитные действия. Это закономерно, поскольку, помимо реализации своих основных функций – образовательной, воспитательной, социализирующей, современный вуз – это еще один из важных субъектов социальной защиты.

В настоящее время на базе ведущих вузов страны созданы и активно развиваются специальные структурные подразделения (отделы, службы, центры), деятельность которых самым непосредственным образом связана с реализацией социозащитной функции.

В Национальном исследовательском Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарёва (далее – МГУ им. Н. П. Огарёва) таким подразделением является отдел социального развития и инклюзивного сопровождения. За два десятилетия своей истории (образован 11 января 2000 г. как отдел социального развития, переименован 31 августа 2017 г.), данное подразделение зарекомендовало себя как деятельный субъект социозащитной деятельности вуза.

Основными целями его деятельности являются организация и координация процесса социальной защиты и поддержки обучающихся и работников данного высшего учебного заведения. В соответствии с этим его специалистами накоплен богатый практический опыт в решении следующих задач:

- 1) обеспечение выполнения законодательных и иных нормативных правовых актов РФ и РМ, касающихся мер социальной защиты обучающихся и работников вуза;
- 2) создание системы реализации социальных гарантий в вузе и обеспечение ее развития;
- 3) создание условий, способствующих повышению уровня социальной адаптации обучающихся;
- 4) оказание социальной поддержки и предоставление социальных услуг на основе принципов адресного и дифференцированного подходов;
- 5) организация оздоровительных мероприятий для обучающихся и работников вуза;
- 6) координация работы пунктов охраны здоровья;
- 7) координация деятельности структурных подразделений вуза по комплексному сопровождению инклюзивного обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья;
- 8) содействие интеграции деятельности государственных и общественных организаций и учреждений по оказанию социально-экономической помощи работникам и обучающимся МГУ им. Н. П. Огарёва.

Соответственно социозащитная деятельность отдела социального развития и инклюзивного сопровождения развивается по следующим направлениям:

- разработка и реализация внутривузовских нормативных актов, касающихся оказания мер и мероприятий социальной поддержки работников и обучающихся в университете;

- координация процесса назначения материальных выплат обучающимся и работникам вуза, испытывающим потребность в помощи;

- организация аналитического учета и социальной поддержки обучающихся, относящихся к категориям нуждающихся в повышенной социальной защите (сироты, инвалиды, малоимущие и др.);

- разработка и реализация мер по сохранению здоровья работающих и обучающихся в университете (например, в целях снижения уровня заболеваемости и формирования здорового образа жизни у студентов осуществляется организация их отдыха, санаторно-курортного лечения в санаторно-курортных и оздоровительных учреждениях Казани, Кисловодска, Краснодарского края, Крыма, Ставропольского края и др., также ежегодно около 3 тыс. студентов очного отделения, обучающихся бесплатно, проходят курс оздоровления в санатории-профилактории на базе университета);

- консультирование обучающихся и работников по вопросам, связанным с предоставлением социальных льгот и мер социальной поддержки;

- организация и координация работы по социальной адаптации и реабилитации обучающихся из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; обучающихся, потерявших в период обучения единственного или обоих родителей; детей-инвалидов, инвалидов 1-й и 2-й групп, инвалидов с детства и других категорий (Например, в рамках данного направления работы детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также студентам, потерявшим в период обучения обоих или единственного родителя до достижения ими 23 лет, выплачивается государственная социальная стипендия. Они также зачисляются на полное государственное обеспечение до конца обучения на основании личного заявления и документов, подтверждающий вышеуказанный статус. Данные категории студентов в первоочередном порядке заселяются в общежития студенческого городка университета и освобождаются от платы за проживание. Они также имеют право на социальную стипендию, получение материальной помощи и бесплатный проезд в городском общественном транспорте в течение года и бесплатный проезд один раз в год до места жительства и обратно.);

- координация действий структурных подразделений вуза по выполнению мероприятий «Дорожной карты» по поэтапному повышению показателей условий доступности для инвалидов и лиц с ОВЗ объектов и предоставляемых услуг;

– ведение специализированного учета обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, а также организация их медико-оздоровительного и социального сопровождения;

– развитие сотрудничества и взаимодействия со структурными подразделениями университета и другими организациями с целью реализации инклюзивного обучения инвалидов и лиц с ОВЗ и др.

В рамках реализации своей социозащитной функции отдел социального развития и инклюзивного сопровождения осуществляет активное взаимодействие с другими субъектами, включенными в практику социальной поддержки внутри вуза. В частности, специалисты отдела работают со всеми институтами и факультетами, всеми должностными лицами, профсоюзной организацией, органами студенческого самоуправления, Центром развития карьеры, а также непосредственно с обучающимися и сотрудниками.

В рамках внешнего взаимодействия отделом заключены и активно реализуются договоры и соглашения о сотрудничестве с Министерством социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия, Главным бюро медико-социальной экспертизы по Республике Мордовия Министерства труда и социальной защиты РФ, Комплексным центром социального обслуживания по городскому округу Саранск, Республиканской клинической больницей им. С. В. Каткова, Мордовской республиканской специальной библиотекой для слепых, спортивным комплексом «Мордовия», а также с общественными организациями республики – мордовскими региональными отделениями общероссийских общественных организаций инвалидов «Всероссийское общество глухих» и «Всероссийское общество слепых». Важным является и сотрудничество с Нижегородским государственным педагогическим университетом им. К. Минина.

Таким образом, деятельность внутривузовских подразделений, подобных отделу социального развития и инклюзивного сопровождения МГУ им. Н. П. Огарёва, – важная составляющая в практике реализации социозащитной функции современных высших учебных заведений.

УДК 364.2

СИСТЕМА СОЦИОЗАЩИТНЫХ МЕР В СПОРТИВНОМ ВУЗЕ

THE SYSTEM OF SOCIAL PROTECTION MEASURES IN A SPORTS UNIVERSITY

Ю. С. Моздокова, проф., д-р пед. наук
РГУФКСМиТ

Аннотация. В содержании тезисов сделана попытка систематизировать социозащитные меры в отношении студентов, педагогического коллектива в образовательном процессе спортивного вуза с целью поддержания их

жизнедеятельности в период обучения, создания оптимальных условий для успешной социализации и профессионального становления. Анализируются социозащитные меры со стороны вуза и их результативность.

Abstract. In the content of the theses an attempt is made to systematize social protection measures against students, the teaching staff in the educational process of a sports university in order to maintain their vital activity during training, create optimal conditions for successful socialization and professional development. Social protection measures by the university and their effectiveness are analyzed.

Ключевые слова: социозащитные функции и меры, студенческий коллектив, социальные взаимодействия, система, образовательная организация, доступная среда, противодействие экстремизму, лица с ограниченными возможностями здоровья, молодежь.

Keywords: social protection functions and measures, student collective, social interactions, system, educational organization, accessible environment, countering extremism, persons with disabilities, youth.

Современный вуз представляет собой целую социальную систему, которая является сложной и динамичной, гибко реагирующей на меняющиеся тенденции жизнедеятельности общества и его субъектов.

Как считает исследователь С. А. Малютина, изучающая функции образовательных учреждений, ранее «чаще всего основными были только обучение и социализация обучающихся к внешнему миру. Современные же реалии приводят к существенному увеличению выполняемых функций, таких как экономическая, научно-интеллектуальные, инновационные и др. Особое место среди них отводится социозащитным функциям» [2, с. 173].

Основываясь на социальном, онтологическом, субъектно-субъектном подходах [1, с. 14], имеющих в теории социальной защиты, совокупность функций всесторонне охватывает систему образовательных организаций, не исключая и высшую степень профессиональной подготовки. Социозащитная деятельность в вузе направлена не только на студенческую среду, но и на профессорско-преподавательский состав, члены которого часто также нуждаются в оказании им необходимой помощи и поддержки. Поэтому необходимо расширять потенциал организационно-содержательных мер внутри вуза, разрабатывать индикаторы реализации социозащитной функции образовательного учреждения на основе проведения мониторинга социального самочувствия студентов и преподавательского состава с определением проблемных или недоработанных сторон в коллективе.

В целом же реализация социозащитной функции вуза включает комплекс мер: организационные, финансовые, информационно-просветительские, психолого-педагогические, кадровые, научно-исследовательские.

Основными направлениями в социозащитной деятельности Российского государственного университета физической культуры, спорта,

молодежи и туризма (далее – РГУФКСМиТ) являются следующие: а) контроль процесса адаптации и социализации студентов и преподавателей на разных этапах образовательного процесса; б) оказание социозащитных мер нуждающимся категориям студентов и преподавателей; в) профилактика девиантного поведения молодежи в вузе и обществе; г) повышение информационной и правовой грамотности обучающихся по реализации гражданских прав и обязанностей; д) совершенствование условий создания доступной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья из числа студентов и преподавателей; е) заключение соглашений, договоров по реализации мер социальной защиты в отношении членов коллектива с организациями и учреждениями-партнерами; ж) мотивирование молодежи и преподавательского состава к поиску путей оказания само- и взаимопомощи и др.

Механизмом реализации данных направлений является комплекс конкретных мероприятий с участием студенческой и профессорско-преподавательской аудитории. Так, в РГУФКСМиТ успешно развивается программа «Безбарьерная среда», направленная на обеспечение доступа в большинство зданий образовательной организации инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья с возможностью передвижения инвалидов-колясочников, среди которых есть и студенты и преподаватели: организованы парковочные места для инвалидов, размещены указатели и навигация для лиц с проблемами слуха и зрения. Необходимая информация об обеспечении и доступности к архитектурным и техническим объектам вуза размещена на сайте, в том числе с версией для слабовидящих. Представлена информация о специальных условиях для обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья (в библиотеке, легкоатлетическом манеже, залах по видам спорта, режиссуры, спортивных танцев, арене УСЗК, ледовом поле, открытых кортах, бассейне, медицинских пунктах, ресурсном учебно-методическом центре и др.), который осуществляет деятельность в отношении студентов-инвалидов и профессорско-преподавательского состава.

Для лиц с проблемами зрения и слуха создана информационная среда (таблички с надписями на азбуке Брайля; указатели и надписи во всех корпусах; информационные мониторы в холлах университета; радиооповещение для слепых).

Существенное значение для студентов имеют условия проживания. Обеспеченность местами в двух общежитиях студентов, аспирантов и преподавателей, прибывших из дальних регионов, достаточная. Количество мест в общежитиях, приспособленных для использования инвалидами, – 5.

Льготы или бесплатное проживание в общежитии предоставляется в первоочередном порядке лицам, имеющим такие привилегии согласно законодательству (детям-сиротам и детям, подвергшимся воздействию радиации, лицам, получившим государственную социальную помощь, студентам из числа граждан, проходивших в течение не менее трех лет военную службу по контракту в Вооруженных силах РФ и др.).

Современный образовательный процесс не может быть полноценным без наличия оборудованных учебных кабинетов и объектов для проведения практических занятий, в том числе приспособленных для использования инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья (посадочных мест, учебной доски, мультимедийного оборудования с аудиторного фонда, приспособленного к образовательным потребностям инвалидов и их доступности для получения образовательных услуг). Сведения о ресурсе представлены на сайте вуза.

Одной из форм социальной поддержки студенчества является стипендиальная система, которую образуют: государственная академическая стипендия студентам; государственная социальная стипендия студентам; государственные социальные стипендии в повышенном размере студентам первого и второго курсов; государственные стипендии аспирантам; повышенная государственная академическая стипендия студентам за особые достижения в учебе, научной, общественной, культурно-творческой и спортивной деятельности; стипендии Президента РФ и стипендии Правительства РФ; именные стипендии для иностранных студентов; именные стипендии Правительства Москвы студентам; стипендии Олимпийского комитета России студентам и аспирантам.

Вуз предпринимает ряд усилий для оказания помощи выпускникам в трудоустройстве по специальности, что отражено в общедоступных сведениях с указанием численности трудоустроенных выпускников от общей численности выпускников в прошедшем учебном году для каждой реализуемой образовательной программы, по которой состоялся выпуск.

Интересной и продуктивной формой социализации молодежи, способом продвижения ее социальной активности является Объединенный совет обучающихся РГУФКСМиТ – выборный орган студенческого самоуправления. Это команда студенческих лидеров, представляющая интересы всего студенческого движения вуза. Цель объединенного совета обучающихся – содействие в решении проблем студентов при поддержке администрации. Среди основных направлений его деятельности: координация функционирования студенческих организаций университета; обеспечение реализации прав на участие студентов в управлении университетом, разработке локальных нормативных актов, оценке качества образовательного процесса; формирование у студентов надпрофессиональных навыков через участие в общественной жизни.

В октябре 2021 г. в РГУФКСМиТ состоялось открытие студенческого научного общества. Его основной целью является создание условий для развития студенческого научного творчества, а также помощь в интеграции в научно-образовательное пространство, начиная уже с первого курса. Данная форма организации молодежи может стать эффективной для развития лидерства, научного мировоззрения, современного проектного мышления, даст возможность для апробации новых идей.

Наряду с большим количеством спортивных мероприятий, в вузе проводятся социальные акции – «День донора в РГУФК», участие в выставке

«Московский день профориентации и карьеры», акция «День борьбы с курением», участие в выставке «Образование и карьера» и др.

Особенностью студенческой среды РГУФКСМиТ является ее полиэтничный характер, обусловленный не только полиэтничностью региона (обучаются студенты из многих регионов России), но и существенным приростом в последние годы количества иностранных студентов. В университете поддержке данной категории студентов уделяется особое внимание с целью их адаптации и интеграции в социокультурную среду, а также мониторинга их настроений, направлений активности, социального самочувствия. Важным аспектом является адресная профилактическая работа. Например, профилактика экстремизма в студенческой среде РГУФКСМиТ основана на усилении роли традиционных институтов социализации. В основе данной концепции лежит идея рационального сокращения свободного, неконтролируемого пространства социализации молодого человека. В основе работы лежит средовой подход, создаются такие условия для студента, которые существенно снижают возможность проявления экстремистской активности.

Особое внимание уделено спортивно-массовой работе в связи со спецификой вуза – проведение интегрирующих мероприятий с участием студенческого контингента: День студента, кросс памяти Героя СССР Бориса Галушкина, Кубок мира по футболу «Cup of Peace». В эпоху глобальной информатизации невозможно представить эффективную работу по противодействию терроризму без реализации медиапроектов. В частности, в вузе реализуется проект «Russian edu-planet» о студентах-иностранцах.

Для решения поставленных задач вся деятельность распределяется по уровням: а) *внешний* – использование потенциала вуза для позитивного влияния на молодежную среду региона (осуществление масштабных проектов, культурных акций, социально значимых мероприятий и т. д.); б) *внутренний* – деятельность, направленная на студентов внутри вуза (использование научного потенциала для исследования данной проблематики; развитие университетской среды как пространства социализации и здоровьесбережения; выявление категорий, находящихся в зоне риска «попадания» в поле экстремистской деятельности; адресная работа с выходцами из социально дезориентированных семей, студентами с низким социально-экономическим статусом, имеющими склонность к девиациям, и др.; поиск новых форм и внедрение в информационную политику университета технологий, способствующих противодействию негативному влиянию интернет-ресурсов на студентов).

Для реализации данного стратегического направления деятельности разработан и реализуется план мероприятий.

Список использованных источников

1. Анненкова Н. В. Обеспечение качества социозащитной функции педагогов в условиях образовательного учреждения // Наука и школа. – 2010. – № 5. – С. 12–14.
2. Малютина С. А. Социозащитные функции вуза в современных условиях // Новые

тенденции в деятельности социозащитных институтов : материалы Всерос. конф., Иркутск, 12–13 сент. 2019 г. / под науч. ред. А. П. Суходолова, И. С. Карпиковой. – Иркутск : Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2019. – С. 173–176.

УДК 364.2

СПОРТИВНЫЙ ВУЗ КАК СУБЪЕКТ ЗАЩИТЫ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

SPORTS UNIVERSITY AS A SUBJECT OF PROTECTION IN A PANDEMIC

Ю. С. Моздокова, *проф., д-р пед. наук*
РГУФКСМиТ

Аннотация. В статье предпринята попытка осмыслить социозащитную функцию вуза в образовательном процессе в контексте ситуации переживания мировым сообществом пандемии коронавируса.

Abstract. The article attempts to comprehend the social protection function of the university in the educational process in the context of the situation of the coronavirus pandemic experienced by the world community.

Ключевые слова: пандемия, социозащитные функции и меры, формы образования, механизмы профилактики, психотравмирующая ситуация, система, образовательная организация, административный ресурс, электронная информационно-образовательная среда.

Keywords: pandemic, social protection functions and measures, forms of education, prevention mechanisms, traumatic situation. system, educational organization, administrative resource, electronic information and educational environment.

Пандемия как медико-биологический феномен приобретает все более широкий размах, негативно воздействуя на все сферы жизнедеятельности российского общества, в том числе на образовательную среду, что делает ее еще и социально-экономической проблемой. При этом сложившаяся устойчивая модель учебно-воспитательного процесса в вузах требует существенного пересмотра в сложившейся ситуации, но в то же время должна формироваться таким образом, чтобы нанести как можно меньший ущерб качеству обучения каждого студента и формированию у него комплекса требуемых компетенций. Это серьезная проблема для системы высшего образования в целом и каждой образовательной организации в частности.

С одной стороны, никакие барьеры не должны вызывать срыв выполнения учебных планов, с другой стороны, барьеры, связанные с

пандемией, становятся основным препятствием для их полноценной реализации. Дело в том, что в период «разгула» COVID-19, многие вузы вынуждены вводить режим удаленного обучения, что негативно отражается на психоэмоциональном самочувствии студентов, которые лишаются привычного личного общения в студенческом коллективе и с преподавателями. Отдельные категории студентов вообще попадают в ситуацию дистанцирования в связи с отдаленным местом проживания и отсутствием там полноценных интернет-ресурсов (гористые территории, тайга, тундра, отдаленные села, отсутствие или маломощность Интернета и так далее). Данные обстоятельства снижают возможности студента получать эффективные знания, что отражается на оценочной картине его успеваемости, влияющей в том числе на размер стипендии.

Оказавшись вне стен вуза, студент уже не может быть уверенным в получении необходимой социальной помощи, гарантированной ему образовательной организацией. Если в вузе студент может обратиться за первичной медицинской помощью, в профком, студенческий совет, к куратору с просьбой оказания ему помощи в решении возникающих учебных или жизненных проблем, то в условиях дистанционной формы обучения такая возможность снижается до минимума. Это затрудняет реализацию социозащитной функции со стороны вуза.

Одним из самых негативных фактов являются человеческие потери в виде тяжелых форм течения заболевания у студентов или преподавателей, а также фактов смертельного исхода, что наблюдалось в прошедшем учебном году в коллективе РГУФКСМиТ. Это тяжело переживаемая, стрессовая ситуация для всех участников образовательного процесса, которая требует отдельного внимания и поиска способов ее преодоления на личностном и коллективном уровнях. Не стоит игнорировать возможные ситуации психотравмирующего характера в коллективе, выраженные в повышенной психологической напряженности, страхе и неуверенности. Это относится не столько к самому заболеванию, сколько к тем последствиям, которые несет пандемия студенческим группам, вузу, каждому человеку. Не исключено проявление страха и по отношению к смерти, которая может произойти при внезапном заболевании. К сожалению, таких случаев немало констатирует и статистика.

Вместе с тем задача вуза – предвосхитить возможные тяжелые случаи средствами профилактических мероприятий, подключив административный ресурс и потенциал самого коллектива. Например, в РГУФКСМиТ проводится еженедельный мониторинг заболеваемости и контактов с заболевшими студентами и преподавателями. Такие студенты или сотрудники сразу отправляются на персональный карантин на срок до двух недель. В случае фиксации даже единичного заболевания группа переводится на удаленный режим обучения.

Роспотребнадзор усилил контроль за соблюдением мер по коронавирусу среди студентов вузов в Москве. В ответ на это в вузе применяется оперативный административно-распорядительный механизм.

Так, помимо ранее изданных администрацией приказов и распоряжений, срочно на основании получаемых сводок мониторинга принимаются и вступают в силу новые. В рамках выполнения «Реализации расписания в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации» организация занятий и контактной работы обучающихся и педагогических работников проводится исключительно в электронной информационно-образовательной среде РГУФКСМиТ. Сроки сдачи задолженностей по предыдущей сессии продлены.

Прошедший учебный год, проведенный в ситуации пандемии, с одной стороны, поставил вуз и его коллектив в экстремальные условия обучения и воспитания, с другой стороны, позволил разработать и внедрить новые технологии образования и социальной поддержки, адаптировать каждого к новым условиям обучения и профессиональной деятельности. Но особое внимание и помощь требуется первокурсникам, которые с трудом осваивают новые для них формы обучения, оказываясь в ситуации дезадаптации.

«Состояние здоровья студентов напрямую связано с имеющимися адаптационными резервами. Снижение защитных сил организма приводит к возникновению различных заболеваний» [1, с. 47]. Среди профилактических мер вуз прибегает к системе прививочных мероприятий, организуя на своей базе пункты вакцинации, в том числе от гриппа, используя партнерско-договорные отношения с медицинскими организациями. Учитывая специфику профессиональной подготовки обучающихся в сфере физкультуры и спорта, успешно реализуются программы оздоровительных мероприятий, начиная от включения в учебные планы дисциплин здоровьесберегающего характера до проведения большого количества соревновательных мероприятий с соблюдением санитарно-эпидемиологических мер, что не только позволяет поддерживать и укреплять физическое состояние организма, но и мотивирует к позитивному настрою к учебному процессу и в личной жизнедеятельности.

Значительная роль в профилактике заболеваемости в вузе принадлежит Отделу информации и связей с общественностью, который регулярно (через систему громкого оповещения) напоминает членам коллектива о необходимости соблюдения масочного режима, нормативов контактных дистанций. Выполнение данного требования инспектирует специально созданная приказом ректора комиссия по проверке исполнения профилактических мер студентами и преподавателями. Результаты проверок позволяют дополнять сведения мониторинговых процедур. Лица, не выполняющие требования по профилактике, вызываются на дисциплинарную комиссию с конкретными последствиями ее решения.

Активными помощниками во всех мероприятиях являются активисты студенческих организаций вуза и волонтерские отряды. Студенческие организации вуза, профессорско-преподавательский состав, администрация оптимизируют усилия по поддержанию психоэмоционального уровня студентов и их социального положения. Всеобщая мобилизация всех

структурных подразделений вуза может свидетельствовать о сплоченности коллектива, определенной степени понимания сложившейся ситуации, осознания того, что вуз является частью населения не только мегаполиса, но и всей страны и мирового сообщества, поскольку в вузе обучается большое количество иностранных студентов из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Таким образом, пандемию можно рассматривать мощным фактором серьезного изменения не только привычного образа жизни вуза, но и моделей обучения, что существенно влияет на содержательную его компоненту (появление массива новых учебно-методических и инструктивных материалов по проведению обучающих и зачетных форм в условиях удаленного обучения), освоение субъектами образования новых технологий в общении с компьютерными программами. Вместе с тем проводимые профилактические и купирующие меры в условиях пандемии способствуют развитию адаптационных свойств как самого вуза, так и каждого его представителя в непростых условиях выживания. При грамотной деятельности в ситуации высокого уровня распространения коронавирусной инфекции вуз имеет достаточный социозащитный потенциал, который реализуется ежедневно и целенаправленно. Осмысление современного этапа жизнедеятельности образовательных организаций в условиях распространения COVID-19, очевидно, может стать источником для анализа опыта их деятельности, построения моделей выживания, разработки технологий социальной защиты пострадавших и путей профилактики заболеваемости студентов и работников вуза. Нет сомнений, что опыт, полученный в реализации удаленных форм обучения, найдет свое применение и распространение в будущем.

Использованный источник

1. Артеменков А. А. Динамика заболеваемости студентов в процессе обучения // *Здравоохранение Рос. Федерации.* – 2012. – № 1. – С. 47–49.

УДК 364.446

СОЦИОЗАЩИТНЫЕ ФУНКЦИИ ВУЗА В ОТНОШЕНИИ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

SOCIOLOGICAL FUNCTIONS OF THE UNIVERSITY IN RELATION TO STUDENTS WITH DISABLED HEALTH OPPORTUNITIES

Е. Г. Панькова, канд. социол. наук
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. В статье рассматриваются социозащитные функции вуза в отношении студентов с ограниченными возможностями здоровья путем

создания условий инклюзивного образования. Рассматриваются проблемы профориентационной работы, обучения и трудоустройства студентов/выпускников вузов с инвалидностью.

Abstract. The article examines the social protective functions of the university in relation to students with disabilities by creating conditions for inclusive education. The problems of vocational guidance work, training and employment of students / graduates of universities with disabilities are considered.

Ключевые слова: студент, инвалид, обучающийся с ограниченными возможностями здоровья, профориентация, инклюзия.

Keywords: student, disabled person, student with disabilities, career guidance, inclusion.

На современном этапе развития общества особое внимание уделяется обеспечению интеграции и инклюзии лиц с особыми потребностями в связи с ограниченными возможностями здоровья. Это предполагает создание таких условий (правовых, экономических, образовательных и прочих) и такой среды, при которых инвалиды наиболее полно и беспрепятственно смогут быть активными участниками различного рода социальных взаимодействий и полноценно социально функционировать. Конституция РФ, Федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в РФ» предусматривают государственную гарантию прав на образование лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, в том числе на получение высшего профессионального образования.

Федеральное законодательство и документы профильного министерства конкретизируют специальные условия для получения инклюзивного образования обучающимися, которые должны быть созданы в вузе. Согласно ФЗ об образовании (ст. 79) специальные условия для получения образования включают: использование специальных образовательных программ и методов обучения и воспитания; использование специальных учебников, учебных пособий и дидактических материалов; использование специальных технических средств обучения коллективного и индивидуального пользования; предоставление услуг ассистента (помощника); обеспечение доступа в здания организаций [2]. Требования касаются льгот при поступлении, наличия адаптивных программ (адаптационных модулей в вариативной части образовательных программ, выбор методов обучения, обеспечение образовательными ресурсами адаптированных к ограничениям здоровья обучающихся, разработка индивидуальных графиков обучения, осуществление комплексного сопровождения образовательного процесса лиц с ОВЗ, установление толерантной социокультурной среды и проч.).

Особые подразделения вузов должны профилироваться и проводить работу с данной категорией обучающихся. В Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарёва данные функции возложены на отдел

социального развития и инклюзивного сопровождения, который организует процесс социальной защиты и поддержки обучающихся и работников вуза. В задачи отдела входит деятельность по созданию системы реализации социальных гарантий, повышению уровня социальной адаптации обучающихся, оказанию адресной социальной поддержки, координация деятельности структурных подразделений по комплексному сопровождению инклюзивного обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья и проч.

Безусловно, реальное воплощение права людей с ограничениями по здоровью и инвалидностью на образование может быть осуществлено при реализации полного комплекса специальных условий в создании инклюзивной среды. Так, например, в МГУ им. Н. П. Огарёва по состоянию на 2021 год обучение проходят 109 студентов с инвалидностью. Наибольшую возрастную группу составляют лица в возрасте от 18 до 22 лет, то есть подавляющее большинство студентов-инвалидов поступили в вуз после окончания школы. Почти 70,0 % студентов с ОВЗ имеют третью группу инвалидности [1, с. 284]. Распределение студентов по нозологии показало наибольшую распространенность болезней костно-мышечной системы, органов зрения и слуха, которые привели к инвалидности. Очевидно, несмотря на созданную безбарьерную среду в стенах вуза, можно констатировать факт, что студентов с тяжелой формой инвалидности среди обучаемых нет либо практически нет. Это показатель того, что для лиц с серьезными ограничениями жизнедеятельности обучение остается малодоступным или недостаточно популярным, даже на фоне интенсивного внедрения практики обучения с применением дистанционных технологий и возможности обучения по индивидуальному плану.

Вуз, создавая условия для инклюзивного образования, реализует свою социозащитную функцию, выступает субъектом социальной поддержки студентов с инвалидностью на всех этапах профессионального становления и подготовки. Первым этапом в системе профессиональной подготовки инвалидов и получения высшего образования должна стать профессиональная ориентация. Подготовка лиц с ограниченными возможностями здоровья к сознательному выбору профессии – важнейшее направление в работе по их социализации, предпосылка рационального трудоустройства и построения успешной карьеры. Для людей с инвалидностью специфика профориентационной работы в том, что приходится учитывать не только личностные навыки, интересы и предпочтения абитуриента, но и специфику имеющихся у него ограничений жизнедеятельности, возможные медицинские и технические противопоказания, трудовой прогноз, оптимальные формы организации труда и рекомендуемый трудовой режим, доступность труда по выбранной профессии.

В рамках проведения опроса студентов с инвалидностью МГУ им. Н. П. Огарёва был задан вопрос об участии их в профориентационных мероприятиях, на который 32,7 % респондентов ответили – «да,

профориентационная работа проводилась»; 35,6 % ответили – «частично»; 31,7 % дали ответ «нет» [1, с. 285]. Очевидно, что данная работа проводится недостаточно активно и не обеспечивает полный охват абитуриентов с инвалидностью. В свою очередь именно абитуриенты с инвалидностью нуждаются в особом внимании на этапе выбора профессии в связи с их особыми потребностями и возможностями, в грамотной консультации, позволяющей минимизировать риски выбора неподходящей работы по состоянию здоровья. Также опрос показал, что окончательный выбор относительно своей будущей профессии они сделали самостоятельно; либо им помогали родители, друзья, знакомые, учителя; либо они изучали информацию в СМИ или посредством сети Интернет.

Интересно, что, несмотря на создаваемые условия, большинство студентов с инвалидностью отмечают, что учеба дается нелегко. Основные сложности, с которыми они сталкиваются, это частые пропуски занятий по состоянию здоровья; нехватка индивидуального подхода со стороны преподавателей; неуспеваемость; трудности, возникающие в поездке до места учебы и обратно.

Вуз выступает субъектом, оказывающим помощь при трудоустройстве выпускников, проводит различного рода карьерные мероприятия. По результатам опроса более 90,0 % респондентов-инвалидов хотели бы работать по специальности. Что касается характера трудовой занятости, то подавляющее большинство готовы работать полный рабочий день. Треть опрошенных предпочла бы гибкий график работы, варианты работы из дома, частичный (неполный) рабочий день. Таким образом, можно отметить, что студенты с инвалидностью имеют активную жизненную и трудовую позицию, стремятся (планируют) трудоустроиться и отмечают, что готовы получить помощь в трудоустройстве. В рамках опроса было выявлено, что большинство студентов с инвалидностью не обладают высокой правовой грамотностью, плохо знают свои права и социальные гарантии, в том числе в области трудового законодательства. Восполнение данного пробела (в том числе в процессе обучения или читаемых адаптивных курсов) будет способствовать развитию уверенности на рынке труда, поможет предъявлять обоснованные требования к организации рабочего места, режима труда и занятости в дальнейшем.

Таким образом, проводимые реформы и нововведения обеспечили создание в России системы инклюзивного образования на всех уровнях. В профессиональной и общественной среде дискутируются вопросы образования и трудоустройства инвалидов, существующих социальных/образовательных барьеров, пересматривается и определяется роль образовательных организаций в формировании личности и жизненной траектории обучающихся с инвалидностью. Вуз выполняет определенную социокультурную функцию по отношению к студентам с ОВЗ на всех этапах профессиональной подготовки: на этапе профориентационной работы, поступления, обучения и содействия в трудоустройстве.

Список использованных источников

1. Панькова Е. Г. Профориентационная работа и трудоустройство студентов с инвалидностью : стратегии и проблемы (на примере Республики Мордовия) / Е. Г. Панькова, А. А. Доронина // Казан. пед. журн. – 2021. – № 2 (145). – С. 283–289.
2. Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон № 273-ФЗ : [принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года]. – Текст : электронный //Консультант Плюс : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/. – Режим доступа: сеть Интернет.

УДК 364.04

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СТУДЕНТОВ-ИНВАЛИДОВ В ВУЗЕ

SOCIAL WELL-BEING OF DISABLED STUDENTS AT THE UNIVERSITY

Е. Г. Панькова, канд. социол. наук
МГУ им. Н. П. Огарёва

Н. В. Захаркина, магистрант
МГУ им. Н. П. Огарёва

Л. С. Чучадеева, магистрант
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. В статье раскрывается характеристика самочувствия студентов-инвалидов в российских вузах. Анализируются факторы, гарантирующие благоприятную и успешную социальную адаптацию студентов-инвалидов. Рассмотрены основные проблемы, препятствующие социальной адаптации студентов с ОВЗ.

Abstract. The article reveals the characteristics of the well-being of disabled students in Russian universities. The factors guaranteeing favorable and successful social adaptation of students with disabilities are analyzed. The main problems hindering the social adaptation of students with disabilities are considered.

Ключевые слова: вуз, инвалидность, социальное самочувствие, социальная адаптация, инклюзивное обучение.

Keywords: university, disability, social well-being, social adaptation, inclusive education.

Вопрос об оптимизации условий жизнедеятельности людей, имеющих инвалидность, в настоящее время тщательно исследуется в социологической

науке и практике. Проблематика обучения студентов с инвалидностью занимает особое место в нише исследования инклюзивного обучения.

Законодательная федеральная база, гарантирующая инвалидам необходимые условия для получения образования и профессиональной подготовки, в последние годы существенно обновилась. Так, согласно Федеральному закону № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. обучающиеся с отклонениями в развитии обладают дополнительными образовательными правами. К данным правам относится и право на особые педагогические подходы, специальные образовательные условия [2].

Социальное самочувствие студентов инвалидов в вузе является одним из показателей их адаптации не только в образовательной сфере, но и в социальной.

В результате проведения различных исследований в области качества приспособленности инвалидов в высших учебных заведениях была выявлена весьма логичная закономерность: значительная часть студентов, имеющих инвалидность, в неспециализированных вузах обладает более низкими параметрами адаптированности, чем в специализированных. Соответственно социальное самочувствие тех, кто обучается в учреждениях последнего типа – намного лучше ввиду поддержки со стороны вуза, оснащения необходимым оборудованием, хорошей инфраструктурой, оказания помощи в социальном сопровождении.

В настоящее время возникает ряд проблем, связанных с оснащением специальными средствами и приборами в вузах. К таковым относится отсутствие дистанционного обучения для конкретных студентов с инвалидностью, которые в силу ограничения возможностей не могут присутствовать на занятиях очно. Однако все же некоторые средства, необходимые для очного формата обучения студентов-инвалидов в высших учебных заведениях, присутствуют. Например, МГУ им. Н. П. Огарёва в целях доступности получения среднего профессионального и высшего образования по образовательным программам предоставляет для незрячих:

- альтернативную версию официального сайта организации в сети Интернет для слабовидящих;
- специальные учебники, учебные пособия и дидактические материалы для слепых и слабовидящих для обеспечения образовательного процесса (крупный шрифт или аудиофайлы).

Стоит отметить, что в университете осуществляет деятельность отдел социального развития и инклюзивного образования, в перечень задач которого входит создание условий для повышения уровня социальной адаптации обучающихся [3].

Немалую лепту в организацию успешной социализации инвалида в стенах вуза вносит его инфраструктура. Но в этой сфере также существуют проблемы. Меры по развитию безбарьерной инфраструктуры ограничиваются узким кругом мероприятий. Чаще всего в создание безбарьерной среды входят лишь пандусы. В ряде вузов установлены

специальные лифты. Лишь в отдельных вузах развитие безбарьерной инфраструктуры включает более широкий спектр технических мероприятий. С большой долей вероятности можно предположить, что причинами неразвитости безбарьерной инфраструктуры являются трудности финансирования и сравнительно недавний срок широкой актуализации профессионального образования для инвалидов как социальной нормы.

Под социальным сопровождением студентов-инвалидов понимается комплекс мер, направленных на поддержание процессов активной жизнедеятельности и развития естественных способностей в учебно-профессиональной сфере.

Конкретный пример – система социального сопровождения в Амурском государственном университете. Сопровождение инвалидов в этом образовательном учреждении начинается с момента запуска приемной кампании. Кураторы групп, в которые входят студенты-инвалиды, работают с ними, применяя индивидуальный подход. В приоритете такие технологии, как консультирование и диагностика первичных проблем, возникающих внутри коллектива. Существует взаимодействие со специалистами студенческого центра развития инклюзивного образования «Вуз без границ» и Социально-психологического центра. По данным исследования Е. В. Рюминой и Л. З. Гостевой, проведенного в 2018 г., «Вуз без границ» играет большую роль в развитии инклюзивного образования в АмГУ. Там ведется специализированный учет студентов-инвалидов. Запускается процесс мониторинга этапов их поступления, обучения и трудоустройства. Данный центр оказывает студентам организационно-педагогическую поддержку. Сопровождение длится весь период обучения [4, с. 70].

Также в высших учебных заведениях уделяется внимание психологическому здоровью студентов-инвалидов, развивая систему мер по их адаптации к коллективу учащихся и требованиям учебного процесса. В ряде вузов работают центры психологической поддержки учащихся-инвалидов, практикуется их индивидуальное сопровождение педагогами-воспитателями.

Стоит отметить, что, несмотря на ряд трудностей в обеспечении инклюзивного образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья, которые нередко имеют финансовый аспект, некоторым вузам нашей страны удалось успешно интегрировать студентов с особенностями развития в обучающий процесс.

Так, например, в Челябинском государственном университете были организованы строительные работы, в ходе которых вся территория учебного заведения обеспечена пандусами в переходах и корпусах, подъемниками и лифтами, созданы подходящие условия в местах общего пользования, оборудованы аудитории, где первые ряды приспособлены для инвалидов-колясочников, а также созданы лекционные помещения для слабослышащих и слабовидящих студентов.

Основным достижением ННГУ им. Н. И. Лобачевского в сфере инклюзивного образования является Тифлоинформационный центр,

созданный двадцать лет назад, получивший должное развитие, который теперь не только функционирует в пределах вуза, но и оказывает помощь всем незрячим студентам и аспирантам, обучающимся в нижегородских вузах и средних профессиональных учебных заведениях [1]. Кроме того, университет совместно с МГТУ им. Н. Э. Баумана работает над созданием сурдоцентра, который обеспечит качественные условия обучения для студентов с нарушениями слуха. Разрабатываются проекты по улучшению старых корпусов, т. е. созданию в них доступной среды. Помимо этого, университет располагает специальным автомобилем, который специализирован для перевозки маломобильных студентов от дома до места учебы и обратно.

Большое развитие для создания подходящих условий обучения инвалидов в нашей стране обеспечивает заинтересованность в постоянном совершенствовании системы общественных организаций и учебных заведений Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Резюмируя, стоит сказать, что реализация всевозможных мероприятий, организация конференций, а также участие экспертов и иностранных консультантов в разработке и внедрении инклюзивного образования, говорит о возрастающих перспективах в развитии образования инвалидов в Российской Федерации.

Список использованных источников

1. ННГУ им. Н. И. Лобачевского // www.unn.ru : сайт ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 2021. – URL : <http://www.unn.ru/> (дата обращения: 18.10.2021).
2. Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон № 273-ФЗ : [принят Гос. Думой 21 дек. 2012 г. : одобрен Советом Федерации 26 дек. 2012 г.]. – КонсультантПлюс : [справ.-правов. система]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
3. Отдел социального развития и инклюзивного сопровождения // mrsu.ru : сайт МГУ им. Н. П. Огарёва. 2021. – URL: <https://mrsu.ru/ru/university/depart/otdel-socialnogo-razvitiya-i-inklyuzivnogo/> (дата обращения: 18.10.2021).
4. Рюмина Е. В. Социальное сопровождение студентов-инвалидов в условиях вуза (на примере Амурского государственного университета) / Е. В. Рюмина, Л. З. Гостева // Вестн. АмГУ. – 2018. – № 82. – С. 69–73. – URL: <https://vestnik.amursu.ru/wp-content/uploads/2019/01/15-1.pdf>.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЦИОЗАЩИТНОЙ ФУНКЦИИ ВУЗА

LEGAL FOUNDATIONS OF THE SOCIAL PROTECTION FUNCTION OF THE UNIVERSITY

Е. Н. Рябова, *доцент, канд. социол. наук,
ведущий научный сотрудник
Федеральный центр образовательного законодательства*

Аннотация. В статье рассмотрены нормативно-правовые основы реализации образовательными организациями высшего образования социозащитной функции в отношении студентов. Представлены основные виды социальной помощи и поддержки студентов, которые реализуются в рамках деятельности вуза по защите их прав и интересов.

Abstract. The article examines the regulatory framework for the implementation of the social protection function in relation to students by educational institutions of higher education. The main types of social assistance and support for students are presented, which are implemented within the framework of the university's activities to protect their rights and interests.

Ключевые слова: образовательные организации, студенты, социозащитная функция, НПА.

Keywords: educational organizations, students, socio-protective function, normative legal acts.

В условиях глобальной информатизации и интернационализации образования трансформируются роль и функции образовательных организаций высшего образования. Формирование единого образовательного пространства накладывает все больше обязательств на вузы: студенты не только должны получать знания, они должны осваивать различные компетенции и быть инициативными, мобильными, творческими, гибкими, предприимчивыми, обладать критическим мышлением – отвечать потребностям современного общества. Все эти процессы увеличивают нагрузку на студенчество, которое сегодня и так подвержено всевозможным рискам. В связи с этим повышается значимость социозащитной функции вуза в отношении студентов. Данная функция не сводится только к оказанию социальной (материальной или натуральной) помощи студенту в трудной жизненной ситуации. Социозащитная функция образовательных организаций высшего образования включает социальную поддержку всех субъектов образовательного процесса, защиту прав и интересов студентов, социальную помощь студенческим семьям, социальную адаптацию первокурсников, студентов-инвалидов, иностранных студентов, поощрения и стимулирования студенческой научной, исследовательской и предпринимательской

деятельности, развитие социальной инфраструктуры вуза и др. Правовой основой реализации социозащитной функции образовательными организациями высшего образования выступает ряд нормативных правовых актов. В качестве основополагающего документа необходимо рассмотреть Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», в статье 34 которого представлены основные права обучающихся, а также перечислены меры их социальной поддержки и стимулирования [2]. В отношении них предусмотрено не только оказание материальной и натуральной помощи, обеспечение жильем и транспортом, но и активизация собственных ресурсов, стимулирование к активной учебной, научно-исследовательской деятельности и достижению высоких результатов.

Сегодня студенты очной формы обучения относятся к группе риска, так как не имеют постоянной работы и стабильного заработка. Многие из них вынуждены соглашаться на временную работу для поддержания необходимого уровня жизни в ущерб освоению образовательных программ.

В целях стимулирования и поддержки освоения студентами соответствующих образовательных программ назначается денежная выплата – стипендия. Виды стипендий, закрепленных в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (ч. 2, ст. 36): государственная академическая стипендия студентам; государственная социальная стипендия студентам; государственные стипендии аспирантам, ординаторам, ассистентам-стажерам; стипендии Президента РФ; стипендии Правительства РФ; именные стипендии; стипендии обучающимся, назначаемые юридическими или физическими лицами, в том числе направившими их на обучение; стипендии слушателям подготовительных отделений в случаях, предусмотренных Федеральным законом [2].

Согласно приказу Министерства образования и науки РФ от 27 декабря 2016 г. № 1663 повышенная академическая стипендия назначается за достижения студентам, соответствующим одному или нескольким критериям, в следующих видах деятельности: учебная, научно-исследовательская, общественная, культурно-творческая, спортивная. В этом же приказе отмечено, что «студентам первого и второго курсов, обучающимся в федеральных государственных образовательных организациях высшего образования по образовательным программам высшего образования (программам бакалавриата, программам специалитета), имеющим оценки успеваемости „отлично“ или „хорошо“ или „отлично“ и „хорошо“ и относящимся к категориям лиц, имеющих право на получение государственной социальной стипендии ... или являющимся студентами в возрасте до 20 лет, имеющими только одного родителя – инвалида I группы, назначается государственная академическая и (или) государственная социальная стипендия в повышенном размере» [3].

Обозначенные в отечественных нормативных правовых документах меры, нацеленные на социальную поддержку обучающихся, важны для получателей, так как представляют им место жительства, оборудованное

жилое помещение, обеспечивают одеждой и обувью, питанием, пользование транспортом, а самое главное – материальные средства для проживания [5].

В условиях пандемии коронавирусной инфекции увеличилась нагрузка на вузы как на субъекты социозащитной деятельности в отношении студентов. Сохранение их здоровья и обеспечение реализации ими права на качественное высшее образование стали главными задачами высших учебных заведений. Перевод студентов на дистанционное обучение вызвал поток негативных откликов со стороны общественности и участников образовательного процесса. Между тем вузы согласно ст. 16 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» имеют законное право осуществлять реализацию образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Организации вправе осуществлять реализацию образовательных программ или их частей с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, организуя учебные занятия в виде онлайн-курсов, обеспечивающих для обучающихся независимо от места их нахождения и организации, в которой они осваивают образовательную программу, достижение и оценку результатов обучения путем организации образовательной деятельности в электронной информационно-образовательной среде (ЭИОС), к которой предоставляется открытый доступ через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет [4]. Необходимо учитывать и тот факт, что «цифровые» возможности вузов регламентированы образовательными стандартами последнего поколения. В числе общесистемных требований к реализации программ магистратуры особое место занимает обязанность по обеспечению каждого обучающегося индивидуальным неограниченным доступом к ЭИОС образовательной организации из любой точки, в которой имеется доступ к сети Интернет. При этом ЭИОС должна обеспечивать: доступ к учебным планам, рабочим программам дисциплин и практик, электронным учебным изданиям и электронным образовательным ресурсам, а также формирование портфолио обучающегося в электронном формате.

Вынужденный переход на дистанционную форму обучения позволил сохранить здоровье участникам образовательных отношений и продолжить обучение студентов.

Социозащитная функция вуза регламентирована не только федеральным законодательством, но и нормативными правовыми актами субъектов РФ, органов местного самоуправления, локальными нормативными актами. Сегодня вузы должны выстраивать социозащитную деятельность в направлении формирования у студентов «адаптивных качеств, умений и навыков, необходимых не только для обучения, но и успешного продвижения на рынке труда, оптимальной организации сферы досуга и свободного времени, научно-исследовательской деятельности, достаточного культурного просвещения, достижения семейного благополучия и социального успеха в жизни» [1]. Социозащитная функция вуза становится метафункцией, охватывающей все больше видов социальной помощи и

поддержки, направленной на становление личности студента, его самостоятельности в принятии жизненно важных решений и требующей нормативного закрепления.

Список использованных источников

1. Касаркина Е. Н. Анализ опыта деятельности советов обучающихся по реализации организационно-правовых моделей социальной адаптации учащейся молодежи : монография / Е. Н. Касаркина, Е. Н. Рябова. – М. : РУДН, 2013. – 134 с.

2. Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. – 2012. – № 35. – Ст. 4135.

3. Об утверждении Порядка назначения государственной академической стипендии и (или) государственной социальной стипендии студентам, обучающимся по очной форме обучения за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, государственной стипендии аспирантам, ординаторам, ассистентам-стажерам, обучающимся по очной форме обучения за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, выплаты стипендий слушателям подготовительных отделений федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, обучающимся за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета» : приказ М-ва образования и науки РФ от 27 дек. 2016 г. № 1663 // Рос. газ. – 2017. – 8 февр., № 27.

4. Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ : приказ М-ва образования и науки РФ от 23 авг. 2017 г. № 816. – URL: <https://base.garant.ru/71770012/#ixzz7ADlmy7aT> (дата обращения: 24.10.2021).

5. Рябова Е. Н. Нормативно-правовые основы социальной поддержки обучающихся в Российской Федерации // Ежегодник российского образовательного законодательства. – 2017. – Т. 12. – С. 200–220.

УДК 364.044.68

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ КАРЬЕРЫ МГУ им. Н. П. ОГАРЁВА КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СТУДЕНТОВ

CAREER DEVELOPMENT CENTER MSU them. N. P. OGAREVA AS A SUBJECT OF SOCIAL PROTECTION OF STUDENTS

О. В. Сергушина, *доцент, канд. пед. наук,
директор Центра развития карьеры
МГУ им. Н. П. Огарёва*

Д. А. Родионова, *магистрант,
профконсультант Центра развития карьеры
МГУ им. Н. П. Огарёва*

Аннотация. В статье раскрывается сущность социозащитной функции Центра развития карьеры Мордовского университета. Приводятся меры, принимаемые в рамках содействия трудоустройству и развитию профессиональных компетенций студентов.

Abstract. The article reveals the essence of the social protection function of the University Career Development Center. The measures taken in the framework of promoting employment and the development of professional competencies of students are given.

Ключевые слова: студенчество, Центр развития карьеры, социальная защита.

Keywords: students, career development center, social protection.

Студенчество высших учебных заведений является резервом интеллигенции как социального слоя людей, профессионально занятых трудом высокой квалификации, требующим, как правило, среднего профессионального или высшего образования [2, с. 193]. Студенчество представляет собой специфическую группу, которая характеризуется особым социальным поведением, условиями жизни и труда, а также своей системой ценностей и потенциально более высокой конкурентоспособностью (по сравнению с другими группами молодежи) на рынке труда [1].

Нередко эта социальная группа является наиболее уязвимой. Часть студентов приезжает обучаться в университет из других регионов или из соседних населенных пунктов. В связи с этим возникает множество проблем: трудности в социальной адаптации, поиск жилья, информационная дезориентация, нехватка денежных средств. Проблемы материального характера нередки в студенческой среде. В процессе прохождения обучения это бремя ложится на плечи родителей (оплата жилья, расходы на транспорт, питание, одежду). Усиленная материальная нагрузка возникает, если обучение проходит на платной основе. А учитывая, что контингент студентов разный (дети из полных и неполных, многодетных, малообеспеченных семей, дети-инвалиды, дети-сироты и др.), становится очевидно, что именно группа студенчества нуждается в социальной защите.

Одним из субъектов социальной защиты в МГУ им. Н. П. Огарёва является Центр развития карьеры. Основная его цель – организация и сопровождение процессов, направленных на оказание помощи обучающимся и выпускникам университета в вопросах карьерного становления, развития личностных компетенций для успешного трудоустройства. Именно путем трудоустройства студент пытается помочь ослабить материальную нагрузку родительской семьи при возникновении денежных проблем.

Карьерное сопровождение студента проводится в различных направлениях, начиная с первого курса. Информационное сопровождение происходит постоянно. Центр обеспечивает студентов и выпускников полной и оперативной информацией о возможности трудоустройства путем рассылки вакансий, ежедневного размещения запросов работодателей и карьерных советов на сайте университета и в социальных сетях, ежемесячно формируется и актуализируется банк вакансий. С конца 2020 г. центр использует в своей работе цифровую карьерную среду «Факультетус», которая является перспективным инструментом содействия трудоустройству

обучающихся и выпускников, создающим дополнительные условия для повышения эффективности практико-ориентированных образовательных процессов. Стоит отметить, что работа направлена не только на информирование, но также на формирование поисковой активности студентов.

Помимо информационного сопровождения, оказывается консультативная помощь по вопросам составления резюме и написания сопроводительных писем. Центр организует и проводит круглые столы, бизнес-игры, ярмарки вакансий и дни карьеры с привлечением работодателей, с которыми студенты могут пообщаться лично. В целях поддержки и оптимизации карьерных намерений проводится подбор производственных практик и оплачиваемых стажировок для студентов. Такая практика позволяет обучающимся ориентироваться на свою специальность и получать ценный практический опыт. Содействие занятости включает использование так называемых гибких форм, таких как временный характер работы, неполная частичная занятость, удаленная работа и др.

Для выпускников последних курсов центр совместно с факультетом дополнительного образования, сотрудниками Центра занятости и Пенсионного фонда, специалистами юридического факультета и членами штаба студенческих отрядов реализует программу повышения квалификации «Agile-технологии в профессиональной деятельности». Данная программа предполагает развитие компетенций и ознакомление выпускников с основами трудового законодательства, спецификой поиска работы, с особенностями пенсионной системы и т. д.

В целях реализации потенциала обучающихся проводятся грантовые конкурсы от работодателей, а также участие в карьерных мастер-классах, программах и проектах. С 2020 г. Центр развития карьеры принимает участие в программе по трудоустройству выпускников на научно-исследовательские позиции. Всего в 2020 г. было трудоустроено 17 выпускников в качестве младших научных сотрудников, инженеров-исследователей и др.

Трудоустройство проводится и в рамках реализации программы занятости студентов в качестве наставников для обучающихся по образовательным программам основного общего образования, программам среднего общего образования (совместно с Образовательным фондом «Талант и успех») «Сириус.Лето».

В рамках реализации программы по содействию занятости студентов и выпускников на летний период 2021 г. совместно с молодежной общероссийской образовательной организацией «Российские студенческие отряды» в МГУ им. Н. П. Огарёва действует штаб студенческих отрядов, который объединяет 54 отряда по направлениям деятельности: педагогические, научно-производственные, медицинские, строительные, сельскохозяйственные, механизированные, сервис и гостеприимство. Общая численность бойцов студенческих отрядов составляет 566 человек. За летний период 2021 г. были трудоустроены 546 студентов, которые осуществляли свою деятельность не только в Республике Мордовия, но и за ее пределами.

Центр развития карьеры также проводит работу с выпускниками университета. После выпуска в течение года происходит мониторинг трудоустройства студентов, а также активная работа с теми ребятами, кто по какой-либо причине не смог трудоустроиться.

Несмотря на проводимую работу, существует ряд сложностей, которые напрямую влияют на эффективность предоставляемой поддержки. К таким проблемам можно отнести: пассивную позицию студентов в отношении будущего трудоустройства; большую загруженность обучающихся; ухудшение эпидемиологической ситуации, которая затрудняет проведение массовых карьерных мероприятий; незнание о деятельности центра. В связи с этим нужно улучшать информированность студентов о данном подразделении и принимать меры по активизации профессиональной позиции.

Таким образом, можно сделать вывод, что студенчество является особой социальной группой, которая испытывает массу трудностей и нуждается в социальной помощи. Центр развития карьеры МГУ им. Н. П. Огарёва оказывает содействие в трудоустройстве и развитии профессиональных компетенций путем проведения карьерных мероприятий, информирования о существующих вакансиях, а также в оптимизации карьерных намерений.

Список использованных источников

1. Маркина Е. Г. Социальная защита студентов как фактор повышения качества образования: один из аспектов // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-zaschita-studentov-kak-faktor-povysheniya-kachestva-obrazovaniya-odin-iz-aspektov> (дата обращения: 14.10.2021).
2. Павлова В. Е. Студенчество как социальная группа и социально-ценностные ориентации / В. Е. Павлова, Е. И. Шевалдина // Инновац. наука. – 2017. – № 4. – С. 193–195. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/studenchestvo-kak-sotsialnaya-gruppa-i-sotsialno-tsennostnye-orientatsii/viewer> (дата обращения: 15.10.2021).

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ВУЗАХ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ
КАК ФАКТОРА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

**THE MAIN DIRECTIONS OF SOCIAL AND RECREATIONAL
ACTIVITIES IN UNIVERSITIES OF THE REPUBLIC
OF MORDOVIA AS A FACTOR
IN IMPROVING THE LIVES OF STUDENTS**

Т. В. Соловьева, *доцент, канд. социал. наук*
МГУ им. Н. П. Огарёва

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления реализации социально-оздоровительной деятельности в вузах Республики Мордовия (на примере МГУ им. Н. П. Огарёва) как одного из факторов повышения качества жизни студенческой молодежи в регионе.

Abstract. The article discusses the main directions of the implementation of social and recreational activities in the universities of the Republic of Mordovia (using the example of the Ogarev Mordovian State University) as one of the factors of improving the quality of life of students in the region.

Ключевые слова: социально-оздоровительная деятельность, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, студенчество, вуз, Республика Мордовия.

Keywords: social and recreational activities, N. P. Ogarev Mordovian State University, students, university, Republic of Mordovia.

Социально-оздоровительная деятельность в вузах Республики Мордовия со студенческой молодежью осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации (Конституция РФ, федеральные законы «Об образовании в Российской Федерации» [2] и «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [3] и др.).

Так, в МГУ им. Н. П. Огарёва занятия физической культурой проводятся на первых трех курсах по утвержденной государственной программе. Образовательный процесс направлен на развитие мотивации личности каждого студента к систематическим занятиям и удовлетворению потребностей в физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой деятельности; реализацию программ по физической культуре в учебной и внеурочной деятельности; участие в соревнованиях различного масштаба.

Центральным учреждением в охране здоровья студенческой молодежи является многопрофильная межвузовская студенческая поликлиника.

Студенты всех высших учебных заведений могут воспользоваться услугами ГБУЗ «Поликлиника № 8», либо поликлиниками по месту их регистрации.

В целях реализации лечебно-оздоровительного, оздоровительно-профилактического и других направлений социально-оздоровительной деятельности со студенческой молодежью в МГУ им. Н. П. Огарёва деятельность *отдела социального развития и инклюзивного сопровождения* (образован 11 января 2000 г. как отдел социального развития, переименован 31 августа 2017 г.) направлена на решение следующих задач:

- обеспечение выполнения законодательных и иных нормативных актов РФ и РМ в области социальной защиты обучающихся и работников университета;

- создание системы реализации социальных гарантий в университете, обеспечение ее развития;

- оказание адресной социальной поддержки, которая базируется на реализации следующих принципов: точное определение адресата – получателя помощи; оказание дифференцированной помощи как по объему, так и по видам предоставляемых услуг;

- организация оздоровительных мероприятий для обучающихся и работников университета;

- координация пунктов охраны здоровья;

- координация деятельности структурных подразделений по комплексному сопровождению инклюзивного обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья;

- содействие интеграции деятельности различных государственных и общественных организаций и учреждений по оказанию необходимой социально-экономической помощи обучающимся и работникам университета [1].

Основными задачами пунктов охраны здоровья в МГУ им. Н. П. Огарёва являются: оказание первичной доврачебной медико-санитарной помощи; пропаганда здорового образа жизни; санитарно-гигиеническое просвещение; проведение мероприятий по профилактике и обучению приемам оказания первой медицинской помощи; медицинское сопровождение культурно-массовых и иных мероприятий.

В настоящее время ежегодно в Мордовском университете с поддержкой отдела социального развития и инклюзивного сопровождения около 3 тысяч студентов оздоравливаются в университетском *санатории-профилактории*, где студенты очной бюджетной формы обучения могут поправить свое здоровье. За год студент имеет право один раз воспользоваться данной услугой.

Спортивный клуб является структурным подразделением университета и создает условия для организации и проведения физкультурно-массовых, оздоровительных и спортивных мероприятий для студентов и сотрудников университета, пропагандирует ценности физической культуры и здорового образа жизни, организывает и проводит мероприятия спортивно-

оздоровительного характера, осуществляет поддержку общественных инициатив, направленных на развитие физкультурно-оздоровительного движения в университете. Ежегодно в МГУ им. Н. П. Огарёва стартуют традиционные *спартакиада «Здоровье»* и *универсиада* по 13 видам спорта. Студенты успешно выступают и занимают призовые места на всероссийских и международных соревнованиях. Сборная университета по волейболу дважды выигрывала чемпионат Европы среди вузов. В 2010–2014 гг. МГУ им. Н. П. Огарёва ежегодно становился *победителем Всероссийского конкурса «Вуз здорового образа жизни»*.

На организацию социально-оздоровительной деятельности студенческой молодежи в МГУ им. Н. П. Огарёва направлена деятельность *профкома студентов* и *студенческого совета* – органа самоуправления студентов, координирующего работу по различным видам деятельности руководителей студенческих групп и курсов, предоставляет студентам возможность самим выступать в роли непосредственных организаторов своей деятельности [4, с. 75]. Совместно со спортивным клубом университета профком студентов создает условия для выявления и реализации спортивно одаренных студентов, пропагандирует ценности физической культуры и здорового образа жизни, организует и проводит мероприятия спортивно-оздоровительного характера: универсиада, профсоюзный день здоровья, зимние и летние олимпийские игры, межвузовские соревнования по различным видам спорта.

У Мордовского университета имеется свой *сайт*, где содержится информация о студенческой жизни, имеется специальный раздел, касающийся вопросов формирования и пропаганды здорового образа жизни, борьбы с вредными привычками, популяризации физической культуры и спорта.

В целом в соответствии с Положением об охране здоровья обучающихся в ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» в задачи здоровьесберегающей деятельности входят:

- сохранение и поддержание здоровья участников образовательного процесса;
- формирование у студентов потребности в здоровом образе жизни и обучение основам здорового образа жизни;
- формирование у молодежи устойчивого интереса к регулярным занятиям массовой физической культурой и спортом;
- внедрение современных образовательных технологий, форм и методов работы по вопросам профилактики употребления психоактивных веществ;
- соблюдение требований охраны труда;
- соблюдение норм рационального питания;
- подготовка к предстоящей профессиональной деятельности и военной службе;

– гармоничное физическое, трудовое, нравственное, эстетическо-интеллектуальное воспитание студентов [1].

Таким образом, социально-оздоровительная деятельность является важнейшим компонентом образовательной деятельности вузов со студенческой молодежью в Республике Мордовия, осуществляется структурными подразделениями вузов во взаимодействии с другими субъектами и основывается на имеющейся социально-оздоровительной базе вузов.

Список использованных источников

1. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева: офиц. сайт. – URL : <http://www.mrsu.ru/>.
2. Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ. КонсультантПлюс : [справ.-правовая система]. – [М., 2021]. – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.
3. О физической культуре и спорте в Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации от 04.12.2007 г. № 329-ФЗ : (с изм. и доп.). – Гарант : [сайт информ.-правовой компании]. – [М., 2021]. – URL: <http://base.garant.ru/12157560/#ixzz43hnVu2Ym>.
4. Помелова Н. А. Студенческое самоуправление как социальный институт : дис. ... канд. социол. наук / Н. А. Помелова. – Саранск, 2006. 171 с.

УДК 364.04

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИОЗАЩИТНОЙ ФУНКЦИИ ВУЗА НА ПРИМЕРЕ БАЛАШОВСКОГО ИНСТИТУТА (ФИЛИАЛА) ФГБОУ ВО «САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

IMPLEMENTATION OF THE SOCIAL PROTECTION FUNCTION OF THE UNIVERSITY ON THE EXAMPLE OF THE BALASHOV INSTITUTE (BRANCH) OF THE SARATOV NATIONAL RESEARCH STATE UNIVERSITY named after N. G. CHERNYSHEVSKY

П. А. Шацков, *доцент, канд. пед. наук*
Балашовский институт (филиал)
СГУ им. Н. Г. Чернышевского

Аннотация. В статье рассматривается реализация социозащитной функции на примере конкретного вуза. Приводятся примеры деятельности по отдельным направлениям работы.

Abstract. The article discusses the implementation of the social protection function on the example of a specific university. Examples of activities in certain areas of work are given.

Ключевые слова: вуз, студент, социозащитная функция, лица с ограниченными возможностями здоровья, трудоустройство.

Keywords: university, student, social protection function, persons with disabilities, employment.

В настоящее время все больше возрастает роль отдельных организаций в осуществлении социальной защиты различных категорий населения. Одной из таких категорий, безусловно, является студенческая молодежь, являющаяся достаточно многочисленной социально значимой группой населения. Данные факты определяют возрастающую роль социальной функции вузов, особенно в небольших городах, направленную на успешную адаптацию студенческой молодежи в обществе.

В рамках социозащитной деятельности Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского», помимо выполнения установок внешних субъектов социальной поддержки (органы власти различного уровня: федеральные, региональные, местные, общественные некоммерческие организации и т. д.), реализует целый комплекс мер в отношении студентов. Для этого в институте был создан и на сегодняшний день успешно функционирует отдел по воспитательной и социальной работе.

Основными целями и задачами отдела являются:

- совершенствование деятельности в области воспитательной и социальной работы;
- обеспечение организации и качества учебно-воспитательного процесса и внеучебной деятельности студентов института;
- решение социальных вопросов, возникающих в студенческой среде;
- организация воспитательной работы со студентами в учебное и внеучебное время;
- организация и проведение мероприятий социального характера;
- создание в институте культурной среды, направленной на развитие нравственных и духовных ценностей в условиях современной жизни;
- обеспечение успешной адаптации студентов-первокурсников к условиям обучения в вузе;
- организация и контроль за проживанием студентов в общежитии;
- укрепление интернациональных связей студенческой молодежи.

Среди основных направлений деятельности можно выделить:

- поддержка молодежных инициатив, развитие творчества и организация досуга молодежи;
- профилактика правонарушений в студенческой среде, пропаганда здорового образа жизни, организация и проведение мероприятий, направленных на профилактику наркомании, алкоголизма и табакокурения;
- организация вселения студентов в общежитие и постановка их на регистрационный учет;

- анализ эффективности проводимой в структурных подразделениях института воспитательной работы со студентами.
- укрепление интернациональных связей студенческой молодежи;
- работа со студентами из числа сирот, студентами-инвалидами;
- работа со студенческими семьями;
- работа со студентами в общежитии.

По этим направлениям традиционно проводятся научно-практические конференции, круглые столы, семинары, игры, кинолектории, конкурсы творческих проектов студентов, акции совместно с активистами студенческого совета и волонтерами института.

Особо необходимо отметить работу с лицами с ограниченными возможностями здоровья. Институт обеспечивает доступность получения образования для данных лиц через оснащение учебных корпусов информационными стендами навигации, нанесение и обновление тактильной визуальной разметки путей передвижения, изготовления и размещения информации, выполненной рельефно-точечным шрифтом, дополнительное оснащение пиктограммами и информационными табличками кабинетов и аудиторий.

В период приемной компании создаются необходимые условия для проведения вступительных испытаний и обеспечиваются индивидуальные потребности абитуриентов с ограниченными возможностями здоровья, оказывается необходимое консультативное и психологическое сопровождение.

Нужно отметить, что большинство профессорско-преподавательского состава прошли повышение квалификации по инклюзивной деятельности. Происходит постоянная адаптация образовательных программ, учебных планов и индивидуальных календарных графиков в соответствии с образовательными потребностями, постоянно обновляется информация на сайте института о предоставляемых услугах и их доступности.

Также в Балашовском институте особое внимание уделяется трудоустройству студентов.

В соответствии с поправками, внесенными в «Закон об образовании в РФ» в 2020 г., студенты старших курсов, обучающиеся по педагогическим направлениям подготовки, получили право преподавать в школах. Эта возможность открывает дорогу студентам к практическим занятиям, помогает им войти в профессию в наиболее комфортном режиме и, в конечном счёте, позволит привлекать всё больше и больше талантливой молодёжи в педагогическую среду.

Подобная практика является одним из решений проблемы нехватки учителей в школах именно Саратовской области и участием в реализации «Стратегии развития отдаленных территорий Саратовской области», инициированной Председателем Государственной Думы РФ В. В. Володиным.

В институте всячески поддерживают студентов, совмещающих учебу с

работой в школах. Студенты очной формы обучения получают уникальную возможность перехода на индивидуальный график обучения в связи с трудоустройством по специальности в образовательные организации, преподаватели института оказывают разнообразную методическую помощь студентам, делающим первые шаги в профессии. Это дает огромные преимущества и позволяет будущим специалистам получить существенный практический опыт, лучше адаптироваться к школьной образовательной системе, одновременно приобретая не только высшее образование, но и профессиональный опыт.

Таким образом, можно констатировать, что Балашовский институт достаточно успешно реализует социозащитную функцию в отношении студентов по целому ряду направлений.